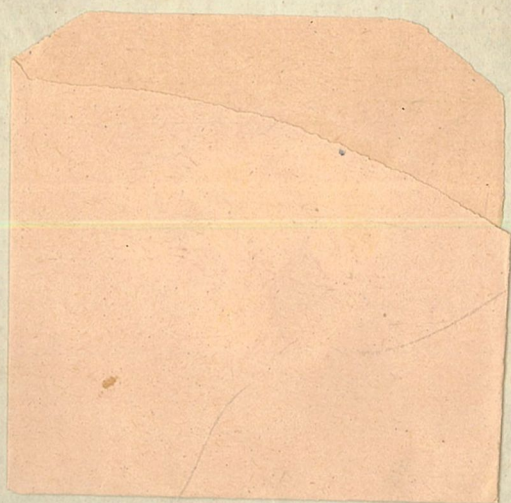

Исторический
вестник

1884 №2

XI
+ 100 II

~~13158.~~

17
10861

10801

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ВЪ РОСІИ
БИБЛИОТЕКА

IV
10861
ГОДЪ ПЯТЫЙ

ФЕВРАЛЬ, 1884.

204964

СОДЕРЖАНІЕ.

ФЕВРАЛЬ, 1884 г.

	Стр.
I. Сторонники воцаренія Екатерины II. Д. А. Борсакова	231
Иллюстраціи: Императрица Екатерина II (на отдѣльномъ листѣ).—Графъ Г. Г. Орловъ.— Графъ Н. И. Панинъ.— Княгиня Е. Р. Дашкова.— Медаль, выбитая въ честь канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина.	
II. Соціалистъ прошлаго вѣка. Историческая повѣсть. Гл. VI—XI (Окончаніе). Д. Л. Мордовцева	261
III. Въ немногой странѣ. Изъ воспоминаній. Гл. I—III. С. В. Максимова	300
Иллюстраціи: Слѣпой остякъ.— Видъ Амура по выходѣ изъ Хинганскаго хребта.	
IV. Семейство Тургеневыхъ. Изъ воспоминаній О. В. Аргамаковой .	324
V. Пушкинская гречанка. Сообщ. Х. С. Кирова	337
VI. Памяти архіепископа Димитрія Одесскаго. К. Б.	341
Иллюстрація: Портретъ архіепископа Димитрія.	
VII. Учено-литературная дѣятельность П. И. Мельникова (По поводу годовщины со дня его смерти). Д. Д. Языкова	346
VIII. Испорченная жизнь. Е. М. Гаршина	351
IX. Воспоминанія о Р. А. Фадѣевѣ. П. С. Усова	371
X. Понятія о власти и о народѣ въ наказахъ 1789 года. В. И. Герье .	380
XI. Отецъ современной биологіи. Н. Н.	392
Иллюстраціи: Портретъ Дарвина (на отдѣльномъ листѣ).—Рабочій кабинетъ Дарвина.— Домъ Дарвина (видъ изъ сада).— Видъ того же дома съ прилежащей дороги.— Оранжерея, въ которой Дарвинъ производилъ свои опыты и наблюденія.— Мѣсто обычной прогулки Дарвина.	
XII. Французское общество во время Крымской войны. В. Р. Зотова .	403
XIII. Критика и библіографія: Духовное образованіе и духовная литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Изслѣдованіе А. Архангельскаго. Казань, 1883. К. Н. В. — Живописная Россія. Томъ одиннадцатый. Западная Сибирь. Изданіе товарищества М. О. Вольфъ. Спб. 1884. С. Ш. — Сочиненія П. И. Якушкина. Изданіе В. Михневича. Спб. 1884. В. З. — Архивъ князя Воронцова. Книга 29-я. М. 1883. П. У. — Возраженіе на рѣчь Эрнеста Ренана «Исламъ и наука» петербургскаго магометанскаго ахуна Атаула Баязитова. Спб. 1884. Джн. — Петербургскій некрополь. Составилъ В. Сантовъ. М. 1883. Е. Н. — Умныя рѣчи, красныя слова великихъ и невеликихъ людей. Изъ записной книжки П. Мартынова. Спб. 1884. З. Т. В. — Преображенское или Преображенскъ. Ивана Забѣлина. М. 1883. Мих. Н-евича. — Литературная дѣятельность Тургенева; критическій этюдъ. В. Вуренина. Спб. 1884. В. З. — Указатель къ изданіямъ Общества исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ за 68 лѣтъ, съ 1815 по 1883 г. М. 1883. К. Н. В. — Воспоминанія крестьянина А. Артынова. М. 1883. П. У. — Путеводитель по Вильнѣ и ея окрестностямъ. Вильна. 1883. Н. П. — Путеводитель по городу Ростову. А. А. Титова. М. 1883. П. У. — Литовскіе евреи. С. Верцакаго. Спб. 1884. В. З. — Греко-болгарскій вопросъ. В. Теплова. Спб. 1884. Н. Н. — Очеркъ исторіи Почаевской лавры. А. Хайнакаго. Спб. 1883. П. С. — П. И. Мельниковъ (Андрей Печерскій), его жизнь и литературное значеніе. Н. Невзорова. Казань. 1883. Б. Р.	419
XIV. Заграничныя историческія новости.	438
XV. Изъ прошлаго: Къ біографіи князя П. И. Багратіона. Сообщ. Н. А. Добро-творскимъ. — Русская фехтовальная пѣснь. Сообщ. П. Я. Дашковымъ	447
XVI. Смѣсь	450
XVII. Замѣтки и поправки: 1) Для памяти редакціи „Русскаго Архива“. П. П. Каратыгина. — 2) Къ некрологу В. В. Маркова.	459
ПРИЛОЖЕНІЕ. Саванарола. Культурно-историческій очеркъ изъ времени возрожденія во Флоренціи и Римѣ. Адольфа Глазера. Гл. III и IV.	
Иллюстраціи: Дворецъ Медичи во Флоренціи. — Свадебный поѣздъ Катарини Корнарь. — Лоренцо Медичи. — Видъ города Фамагосты на Кипрѣ. — Венеціанская галера. — Панская крыша (склепъ) въ катакомбахъ Калиста.	
При этой книжкѣ разсылается для гг. подписчиковъ объявленіе отъ «Книжной торговли для иногородныхъ Н. П. Карбасникова».	

О ПОДПИСКѢ ВЪ 1884 ГОДУ

НА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(ПЯТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ издается въ 1884 году по той же программѣ и на тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ предшествовавшіе четыре года (1880—1883).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ, со всеміи приложеніями, десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Редакція, вполне обеспеченная разнообразнымъ литературнымъ матеріаломъ, обратитъ особенное вниманіе на рисунки и обязательно будетъ давать въ каждой книжкѣ журнала нѣсколько иллюстрацій (въ 1883 году въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ помѣщено болѣе 130 гравюръ).

Въ приложеніи къ „Историческому Вѣстнику“ въ 1884 году печатается иллюстрированный (40-ка гравюрами на деревѣ) культурно-историческій очеркъ Адольфа Глазера „Саванарола“.

Въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1884 года будутъ помѣщены, уже находящіеся въ распоряженіи редакціи, статьи слѣдующихъ писателей:

Д. В. Аверкіева, А. В. Арсеньева, Н. В. Верга, Ѳ. И. Булгакова, В. П. Буренина, А. Я. Бутковской, И. Д. Вѣлова, Н. А. Вѣлозерской, Е. М. Гаршина, В. И. Герье, Н. А. Добротворскаго, И. И. Дубасова, Г. В. Есипова, И. Н. Захарьина, В. Р. Зотова, П. П. Каратыгина, Е. П. Карновича, А. И. Кирпичникова, Н. М. Коншина, М. С. Корелина, Н. И. Костомарова, Д. А. Корсакова, А. Н. Корсакова,

В. Д. Кренке, Н. С. Кутейникова, Д. П. Лебедева, Н. С. Лѣскова, В. Н. Майнова, С. В. Максимова, П. К. Мартянова, А. Н. Маслова, Л. С. Мацѣвича, А. П. Милюкова, В. О. Михневича, Д. Л. Мордовцева, А. И. Незеленова, В. И. Немировича-Данченко, Н. И. Петрова, А. С. Пругавина, Д. Н. Садовникова, графа Е. А. Сальяса, И. Н. Смирнова, А. И. Соболевскаго В. Я. Стоюнина, М. И. Сухомлинова, С. Н. Терпигорева, П. С. Усова, Ѳ. Н. Устрялова, М. К. Цебриковой и др.

Гравюры для иллюстраціи статей заказаны преимущественно граверамъ: Паннемакеру въ Парижѣ и Зубчанинову въ Петербургѣ.

Подписка принимается въ главной конторѣ „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, д. № 38, и въ Москвѣ, въ отдѣленіи конторы, при московскомъ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Кузнецкій мостъ, д. Третьякова.

Примѣчаніе. Всѣ экземпляры „Историческаго Вѣстника“ 1883 года разошлись по подпискѣ и дальнѣйшія требованія о высылкѣ журнала за означенный годъ не могутъ быть удовлетворены. Что касается 1880, 1881 и 1882 годовъ, то въ конторѣ еще имѣется небольшое количество экземпляровъ журнала за это время.

gravé par Schickelhoff.

Gravé pour M. Walther graveur de Sa Maj. Imp. et pour de L'Acad. des Sciences.

Reconnoît vers le Nord l'aimant qui nous attire

Cet heureux conquérant profond législateur.

Femme aimable, grand homme et que l'onvire admire

Qui parcourt ses Etats, y verse le bonheur.

L'original se trouve dans la collection de Monsieur le General Mamonoff, à qui cette planche est dédiée avec le plus profond respect.

Mus. N. 179 gravé par J. H. Walther à Parisbourg et J. G. de la Cour à Berlin.

Maître en l'art de regner, savante en l'art d'écrire,

Repandant la lumière, éclairant les ténèbres,

Si le sort n'avoit pu lui donner un Empire

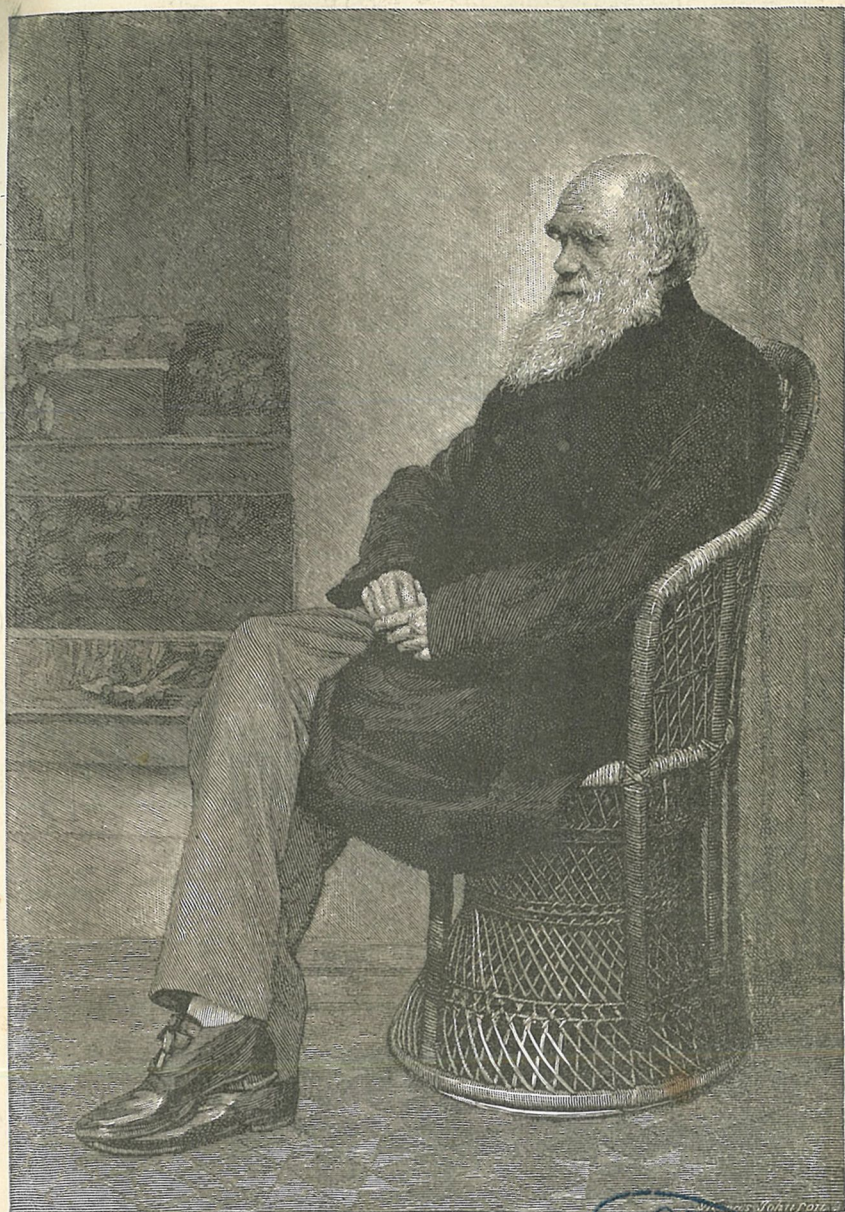
Elle auroit eu toujours un Trône dans nos cœurs.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II.

Съ гравированнаго портрета Вальера.

ТИПОГРАФИЯ А. С. СУВОРИНА. ВЪ ТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11-2.

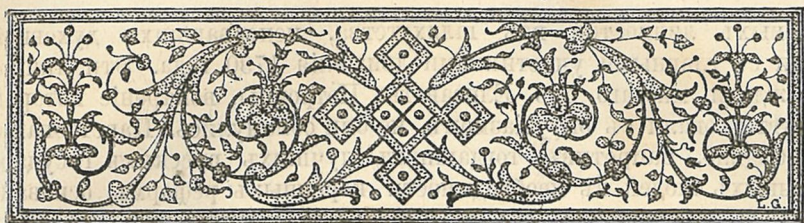

ЧАРЛЬЗЪ ДАРВИНЪ.

ДОВЗ. ЦЕНЗ. СЫВ., 24 ЯНВАРЯ 1884 Г.

ТИПОГРАФИЯ А. С. СУВОРИНА. БУЛЬВАРЪ НЕВС., К. А. № 2.

СТОРОННИКИ ВОЦАРЕНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II.

(1757—1762 гг.)

БЛИЖАЙШІЕ поводы къ воцаренію императрицы Екатерины II и внѣшняя фактическая сторона этого воцаренія въ настоящее время достаточно разработаны, и мы можемъ воспроизвести почти вполнѣ всѣ происшествія, бывшія въ Петергофѣ, Ораніенбаумѣ и Петербургѣ, въ концѣ іюня и въ началѣ іюля 1762 года. Далеко не столь ясно представляется намъ внутренній процессъ зарожденія и развитія самой мысли о воцареніи Екатерины II. Мы знакомы съ эпилогомъ драмы, съ ея *mise en scène*, но недостаточно еще изучили весь ходъ драмы, всѣхъ дѣйствующихъ въ ней лицъ, всѣ обстоятельства, обусловливающія ея возникновеніе; мы не знаемъ еще хорошенько того механизма, при помощи котораго произошли всѣ сценическія превращенія «Петербургскихъ дѣйствъ» 1762 года и который скрывается подъ сценой и за кулисами. Политическое броженіе среди русскаго шляхетства, сильно возбужденное при воцареніи Анны Іоанновны, не замерло окончательно ни въ тяжелыя времена Бироновщины, ни въ правленіе «случайныхъ» русскіхъ людей въ царствованіе Елизаветы Петровны. Масса средняго и низшаго шляхетства, получивъ имущественныя и служебныя льготы, которыхъ добивалась въ 1730 году, все болѣе и болѣе проникалась инстинктами крѣпостничества и мелкаго карьеризма; но стремленіе къ участію въ «вышнемъ правительствѣ», заявленное при воцареніи императрицы Анны Іоанновны въ цѣломъ рядѣ шляхетскихъ проектовъ, — продолжало одушевлять немногихъ от-

дѣльныхъ личностей изъ шляхетства, непорвавшихъ духовной связи съ главными участниками движенія 1730 года. Эти личности ждали многого отъ Елизаветы Петровны, воцареніе которой привѣтствовали съ энтузіазмомъ, но они обманулись. Царствованіе ея убѣдило, напротивъ, тогдашнихъ лучшихъ русскихъ государственныхъ людей въ необходимости коренныхъ реформъ, основанныхъ не на произвольныхъ воззрѣніяхъ временщиковъ, а на прочныхъ измѣненіяхъ государственныхъ учреждений. Мысль о томъ, что будетъ съ Россіей, когда воцарится племянникъ императрицы, добрый, но ограниченный, чуждый всему русскому, великій князь Петръ Θεодоровичъ,—давно смущала русскихъ людей, стоявшихъ у кормила правленія. Желаніе видѣть во главѣ государства не его, а его супругу, было впервые заявлено еще въ концѣ пятидесятихъ годовъ, года за четыре до кончины императрицы Елизаветы. Это желаніе нашло сочувствіе въ разнообразныхъ слояхъ общества, въ людяхъ самыхъ противоположныхъ воззрѣній. Когда Гр. Гр. Орловъ «кликнулъ кличъ», на него откликнулись и гетманъ Разумовскій, и Тепловъ, и Никита Ив. Панинъ, и старикъ фельдмаршалъ князь Н. Ю. Трубецкой, и молодые гвардейскіе офицеры. Но всѣ эти лица далеко не одинаково поняли главенство Екатерины въ русскомъ государствѣ. Не всѣ они стремились видѣть въ ней самодержавную императрицу, и каждый изъ нихъ имѣлъ свои побужденія принять участіе въ переворотѣ. А много ли мы знаемъ объ обстоятельствахъ, жизни и о характерѣ всѣхъ этихъ главныхъ и второстепенныхъ «пособниковъ» Екатерины? До тѣхъ поръ, пока не выяснятся подробности ихъ жизни, особенности ихъ характеровъ, фактъ воцаренія Екатерины II будетъ лишенъ полного историческаго освѣщенія. М. Н. Лонгиновъ, представившій любопытныя замѣтки о пособникахъ воцаренія Екатерины II, едва затрогиваетъ этотъ вопросъ; С. М. Соловьевъ въ XXV т. своей «Исторіи Россіи» дѣлаетъ первую попытку объяснить степень участія въ происшествіяхъ 28-го іюня 1762 года важнѣйшихъ дѣятелей этого дня, указывая вскользь на частныя ихъ побужденія. Болѣе подробной разработки такого спеціальнаго вопроса нельзя впрочемъ и требовать отъ изслѣдователя общаго историческаго развитія русской государственной жизни.

Не касаясь фактической стороны воцаренія Екатерины II, я позволяю себѣ представить нѣсколько замѣтокъ о «людяхъ 28-го іюня 1762 года». Замѣтки мои не претендуютъ на полноту и законченность. Въ нихъ я касаюсь далеко не всѣхъ людей этого дня и не вполне, а лишь тѣхъ изъ нихъ, побужденія которыхъ къ участію въ происшествіяхъ 28-го іюня 1762 года недостаточно, на мой взглядъ, выяснены, и лишь на столько, на сколько это служить къ уясненію ихъ участія въ переворотѣ. Предлагаемыя замѣтки составились изъ набросковъ при чтеніи XXV т. «Исторіи Россіи»

С. М. Соловьева и послѣдняго изданія «Записокъ» княгини Дашковой («Архивъ князя Воронцова», кн. XXI, М. 1881 г.). Само собою разумѣется, что многія изъ собранныхъ мною данныхъ не могутъ служить основаніемъ для непреложныхъ заключеній и выводовъ, а пригодны для соображеній и предположеній; но иной разъ, когда нѣтъ прямыхъ указаній, и домыслы не бесполезны.

I.

28-го іюня 1744 года, 15-ти-лѣтняя принцесса Ангальтъ-Цербстская Софія Августа Фридерика принимаетъ въ Москвѣ православіе съ именемъ Екатерины Алексѣевны, а черезъ годъ съ небольшимъ, 25-го августа 1745 года, становится супругой наслѣдника русскаго престола Петра Оеодоровича. Различіе между ею и ея мужемъ бросалось въ глаза каждому, и весьма естественно, что симпатіи какъ государственныхъ людей, такъ и карьеристовъ придворныхъ—были на сторонѣ молодой и даровитой супруги наслѣдника престола. Скоро эти симпатіи изъ высшихъ правительственныхъ и придворныхъ сферъ перешли въ кружки гвардейскихъ офицеровъ, а затѣмъ и въ средніе и низшіе слои петербургскаго населенія; великая княгиня Екатерина Алексѣевна становилась все болѣе и болѣе популярна ¹⁾.

Она жила уединенно, вдали отъ суетливаго и вмѣстѣ съ тѣмъ богомольнаго двора императрицы Елизаветы Петровны и казарменнаго препровожденія времени наслѣдника престола. Въ своемъ уединеніи Екатерина изучала творенія великихъ мыслителей эпохи и окружающую ее среду и поучалась разсказами о недавно-прошлыхъ событіяхъ при петербургскомъ дворѣ. Ничто не пропадало для нея даромъ. Она воспитывала себя не только Белемъ, Монтескьё, Вольтеромъ и энциклопедіей, но и разсказами ходячихъ придворныхъ хроникъ въ родѣ статсъ-дамы графини Румянцевой и камеръ-

¹⁾ Главнѣйшія данныя изъ жизни Екатерины II до ея воцаренія находятся: а) въ ея «Запискахъ» (*Memoires de Catherine II*, Londres. 1859); б) въ «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева, т. XXII—XXIV; в) въ статьѣ «Новыя свѣдѣнія, письма и бумаги, касающіяся родителей Екатерины II и ея пріѣзда въ Россію», XVIII вѣкъ, сборникъ изд. П. И. Бартевельмъ, кн. I, стр. 1—44; г) собственноручныя бумаги Екатерины II въ VII т. «Русскаго Историческаго Сборника»; е) Я. К. Грота «Воспитаніе Екатерины II», «Др. и Нов. Россія» 1875 года, т. I, стр. 110—125; ф) въ статьяхъ профессора дерптскаго университета А. Г. Брикнера о Петрѣ III до его восшествія на престолъ: «Русск. Вѣстн.» 1882 г., кн. 11-я и 1883 г., кн. 1-я и 2-я (еще не оконч.). Какъ все, что выходитъ изъ-подъ пера этого ученаго изслѣдователя русскаго XVIII вѣка, статьи эти отличаются полнотою матеріала и его строго-научной обработкой.

фрау Прасковьи Никитишны Владиславовой. Императрица Елизавета Петровна, весьма благоволившая къ Екатеринѣ въ началѣ ея пребыванія въ Россіи, могла сообщить ей много интереснаго о своемъ бездольномъ житьѣ-бытьѣ во времена Анны Иоанновны и о своемъ воцареніи. Многіе изъ игравшихъ дѣятельную роль въ избраніи Анны Иоанновны, многіе изъ потерявшихъ свободу при Биронѣ—были налицо и могли лично передавать великой княгинѣ о происшествіяхъ, въ которыхъ принимали непосредственное участіе, о томъ, что видѣли, что слышали. Роль царевны Софьи и воцареніе Петра среди стрѣльцкихъ мятежей, характеръ и реформы «перваго императора», его отношенія къ первой его женѣ Евдокіи Лопухиной и къ царевичу Алексѣю, воцареніе второй жены Петра Великаго, «Маріенбургской плѣнницы Марты», преждевременная кончина Петра II и «кондиціи», предложенныя Аннѣ Иоанновнѣ; «Бироновщина» съ ея жестокостями и возведеніе на престолъ преобразенцами «дщери Петровой» Елизаветы; быстрое возвышеніе и столь же быстрое паденіе временщиковъ и фаворитовъ; замыслы родовитыхъ русскихъ людей и ихъ «искорененіе»—вотъ тотъ пестрый калейдоскопъ «петербургскихъ дѣйствъ», въ который съ напряженнымъ вниманіемъ всматривалась юная нѣмецкая принцесса. Калейдоскопъ не могъ не поразить ее. Разказы о недавнемъ прошломъ такъ мало походили на дѣйствительность, такъ прихотливо уносили ее въ какой-то сказочный, фантастическій міръ. Впослѣдствіи, уже ставши императрицею, Екатерина припоминала многіе изъ этихъ разказовъ. Нѣкоторые изъ нихъ она занесла въ свой «Антидотъ», сборникъ опроверженій на книгу о Россіи француза, аббата Шаппа д'Отерошъ, о другихъ остались отъ нея отдѣльные замѣчанія (напримѣръ о замыслѣ верховниковъ ограничить самодержавіе Анны Иоанновны въ 1730 году, о дѣлѣ Волынскаго). Тогда же она прочла всѣ мнѣнія и проекты верховниковъ и шляхетства 1730 года и, запечатавъ ихъ въ особый конвертъ, написала на немъ собственноручно: «безъ особаго указа никому не выдавать» ¹⁾.

Не трудно отгадать что останавливало на себѣ преимущественное вниманіе Екатерины въ этихъ разказахъ. Она невольно поражалась случайностью престолонаслѣдія въ Россіи въ то время, и судьбою женщинъ изъ царской семьи. Екатерина была отъ природы честолюбива и слаболюбива. Весьма естественно, что она за-

¹⁾ «Антидотъ» напечатанъ въ русскомъ переводѣ въ «XVIII вѣкѣ», кн. IV.—Собственноручная замѣтка Екатерины II о попыткѣ князей Долгорукихъ въ 1730 году ограничить власть самодержавія, въ «Русск. Стар.» 1875 года, т. XII, стр. 388.—Завѣщаніе Екатерины II по дѣлу Волынскаго (1765 г.), въ «Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. Рос.» 1858 года, кн. IV, стр. 143—144.—О разсмотрѣніи Екатериною II политическихъ документовъ времени воцаренія императрицы Анны Иоанновны см. въ моей монографіи объ этомъ воцареніи (отд. изд., Казань, 1880 г.).

думывалась надъ той ролью, которая ей самой можетъ предстоять въ будущемъ, и, разумѣется, она желала видѣть себя не въ монашеской рясѣ съ четками въ рукахъ, а въ коронѣ и порфирѣ, со скипетромъ и державой. Ожиданіе чего-то необычайнаго въ своей судьбѣ явилось у Екатерины весьма рано. Еще когда она была ребенкомъ, какой-то астрологъ въ Германіи предсказалъ ей что три короны украсятъ ея голову. «Въ ожиданіи брака сердце не общало мнѣ много счастья»—говорила она въ то время шведскому государственному человѣку, графу Гюлленборгу—«одно честолюбіе меня поддерживало. У меня въ глубинѣ сердца было что-то такое, что никогда не давало мнѣ ни на минуту сомнѣваться, что рано или поздно я сдѣлаюсь самодержавной повелительницей Россіи»¹⁾.

Къ 1757—1758 годамъ относится первое проявленіе мысли о предоставленіи великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ главенства въ російскомъ государствѣ. Въ 1757 году, императрица Елизавета приняла участіе въ такъ называемой семилѣтней войнѣ Фридриха II съ Маріею Терезіею, а въ слѣдующемъ году возникли въ Петербургѣ связанные съ этою войною два политическихъ процесса, въ которыхъ было замѣшано имя великой княгини Екатерины: перваго побѣдителя пруссаковъ, фельдмаршала Апраксина, и главы тогдашняго русскаго министерства, графа А. П. Бестужева-Рюмина. Великая княгиня находилась въ перепискѣ съ фельдмаршаломъ, а Бестужевъ-Рюминъ имѣлъ съ ней какіе-то таинственные переговоры. Апраксинъ послѣ блестящей побѣды надъ войсками Фридриха II при Гроссъ-Эгерсдорфѣ совершенно неожиданно отступилъ къ предѣламъ Россіи. Отступление Апраксина совпало также съ неожиданной и угрожающей болѣзнію императрицы Елизаветы. Явились серьезныя опасенія за ея жизнь. Въ это время отношенія императрицы къ наслѣднику престола были очень натянуты. И вотъ придворная молва связываетъ отступление Апраксина съ болѣзнію Елизаветы Петровны и впутываетъ въ это дѣло канцлера Бестужева и великую княгиню Екатерину. Всѣ компетентные люди были тогда увѣрены, что Бестужевъ, полагая, что Елизавета проживетъ недолго, придумалъ «конъюнктуру» относительно престолонаслѣдія. Ему приписывали слѣдующій планъ: объявить императоромъ Павла Петровича—трех-лѣтняго сына Екатерины и Петра Ѳеодоровича—подъ регентствомъ матери, а самого Петра Ѳеодоровича удалить въ Голштинію. Апраксина отозвалъ Бестужевъ будто бы для того, чтобы имѣть на случай подъ рукой болѣе количество войскъ и чтобы расположить въ свою пользу Фридриха II. Бестужеву удалось передъ своимъ арестомъ сжечь самыя важныя бумаги: дѣло его дошло до насъ не вполнѣ; Апрак-

¹⁾ «Др. и Нов. Россія» 1875 г., т. I, стр. 118.

синь умерь скоропостижно во время слѣдствія надъ нимъ; великая княгиня Екатерина просила императрицу отпустить ее къ матери въ Германію—это все такіе факты, которые заставляютъ предполагать, что тогдашняя молва была справедлива. О замыслахъ Бестужева прямо говоритъ Екатерина II въ своихъ «Запискахъ». Возможность этихъ замысловъ доказывается еще и тѣмъ, что опальный канцлеръ не былъ возвращенъ ко двору Петромъ III по восшествіи его на престолъ: этотъ государь, успѣвшій въ свое шестимѣсячное царствованіе помиловать всѣхъ важнѣйшихъ политическихъ преступниковъ прошлыхъ царствованій, обошелъ Бестужева.

Съ самаго начала семилѣтней войны, императрица Елизавета Петровна имѣла все основаніе быть недовольной наслѣдникомъ престола, не скрывавшимъ своихъ симпатій къ Фридриху II; она видимо охлаждалась къ нему и не прочь была лишить его престолонаслѣдія въ пользу его сына Павла Петровича, хотя и не высказывала еще никакихъ опредѣленныхъ плановъ на этотъ счетъ.

«Бестужевская исторія» тѣмъ не менѣе ее очень взволновала. Она стала враждебно относиться къ великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, видя въ ней свою преемницу, назначенную не по ея желанію. Положеніе великой княгини при дворѣ дѣлается съ каждымъ днемъ все хуже и хуже, а съ 1760 года, когда умираетъ ея мать, она чувствуетъ себя совершенно одинокой. Полная жизни и силы даровитая натура великой княгини ищетъ выхода. И вотъ она невольно начинаетъ сближаться съ нѣкоторыми личностями, имѣвшими черезъ два года столь важное, рѣшающее вліяніе на ея судьбу. Изъ нихъ мы отмѣтимъ: Гр. Гр. Орлова, Ник. Ив. Панина и княгиню Дашкову. Умственное развитіе, воззрѣнія на вещи, наклонности и характеры этихъ лицъ, были весьма различны. Великая княгиня вполне симпатизировала воззрѣніямъ Орлова, но, какъ женщина съ большимъ умомъ и тактомъ, показывала видъ, что совершенно согласна и съ Панинымъ, и съ Дашковой, которую видѣла насквозь, она давала чувствовать, что не можетъ сдѣлать безъ нея шагу. Втайнѣ отъ Панина и отъ Дашковой, въ интимныхъ бесѣдахъ съ Гр. Гр. Орловымъ, Екатерина развивала ему свою политическую программу, а эта программа всегда сводилась къ самодержавному режиму. Такія воззрѣнія она выразила въ своемъ знаменитомъ «Наказѣ», составленіемъ котораго занималась именно въ 1760—1762 годахъ. Необходимость для русскаго государства самодержавной власти Екатерина обуславливаетъ большимъ объемомъ русскаго государственной территоріи «Всякое другое правленіе не только было бы Россіи вредно, но и въ конецъ разорительно»—говоритъ Екатерина; «другая причина (необходимости самодержавія) та, что лучше повиноваться законамъ подъ однимъ господиномъ, нежели угождать многимъ»¹⁾.

¹⁾ «Наказъ» императрицы Екатерины II, изд. 1770 года, гл. II, стр. 8—10.

Григорій Григорьевич Орловъ (р. 1734 † 1783 г.) до сихъ поръ представляется большинству пустымъ гвардейскимъ офицеромъ, бретёромъ и счастливымъ баловнемъ случая. Въ дѣйствительности онъ является человѣкомъ съ гораздо болѣе симпатичными чертами. Гр. Гр. Орловъ не принадлежитъ къ выдающимся политическимъ дѣятелямъ второй половины XVIII вѣка, но онъ не можетъ быть поставленъ и въ ряды тщеславныхъ случайныхъ людей и бездушныхъ временщиковъ, которыми такъ богатъ этотъ вѣкъ. Гр. Гр. Орловъ обладалъ умомъ, если не самостоятельнымъ и глубокимъ, то чуткимъ къ вопросамъ дня. Онъ способенъ былъ воспринять идею и развить и разработать ее. Сердце Орлова было отзывчиво на все хорошее и онъ инстинктивно склонялся на сторону униженного и оскорбленного. Безстрашный и рѣшительный, скромный и обходительный, весельчакъ и кутила, — Гр. Гр. Орловъ былъ любимъ всѣми, съ кѣмъ сводила его судьба. Какъ среди товарищей, будучи простымъ незнатнымъ офицеромъ, такъ и впоследствии, на вершинѣ почестей и славы, онъ не любилъ выставляться впередъ и рисоваться своими поступками. Онъ все дѣлалъ просто, и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣлъ стать во главѣ любой затѣи, любого предпріятія. Имя Гр. Гр. Орлова тѣсно связано съ лучшими начинаніями Екатерины II въ первый періодъ ея царствованія, когда она открыто заявляла сочувствіе либеральнымъ идеямъ. Едва заговорили при дворѣ объ улучшеніи быта крестьянъ, Орловъ является во главѣ движенія и въ числѣ первыхъ членовъ основателей Вольнаго Экономическаго Общества. Его избираютъ президентомъ этого общества, но онъ отказывается, и только впоследствии принимаетъ это званіе. По его инициативѣ Вольное Экономическое Общество предлагаетъ задачу на премію: «полезно-ли даровать собственность крестьянамъ». Въ знаменитой комиссіи 1767 года для сочиненія проекта новаго уложенія, Гр. Гр. Орловъ является заступникомъ крѣпостныхъ крестьянъ и держитъ себя также скромно: онъ отказывается отъ званія маршала комиссіи, будучи выбранъ значительнымъ большинствомъ. Гр. Гр. Орловъ кажется впервые высказываетъ мысль объ освобожденіи грековъ отъ турецкаго владычества; эта мысль воспринимается Екатериной II и впоследствии разрабатывается Потемкинымъ ¹⁾.

Императрица Екатерина преувеличивала достоинства Гр. Гр. Орлова. Даже въ концѣ 80-хъ годовъ, когда его уже не было на свѣтѣ и умомъ ея всецѣло владѣлъ могучій умъ Потемкина, когда она отрелася отъ либеральной программы первыхъ годовъ своего царствованія, она такъ характеризовала Орлова. «Григорій Орловъ —

¹⁾ Сводъ всѣхъ важнѣйшихъ фактовъ изъ жизни Гр. Гр. Орлова находится въ обстоятельной его біографіи, написанной А. П. Барсуковымъ. См. «Русскій Архивъ» 1873 годъ, т. I, стр. 1—146.

говорила Екатерина Храповицкому—былъ *genie*, силенъ, храбръ, рѣшителенъ, *mais doux comme un mouton, il avait le coeur d'une poule*» ¹⁾. Для насъ гораздо важнѣе отзывъ объ Орловѣ другаго современника, рѣзкаго порицателя «поврежденія нравовъ» эпохи, князя М. М. Щербатова. Вичуя «распутіе» Орлова, онъ отдастъ должное добротѣ его сердца и души. «Сей, вышедши на вышнюю степень, до какой подданный можетъ достигнуть—говорить князь Щербатовъ—среди кулашныхъ боевъ, борьбы, игры въ карты и другихъ шумныхъ забавъ, почерпнулъ и утвердилъ въ сердцѣ своемъ нѣкоторые полезныя для государства правила; оныя состояли: никому не мстить, отгонять льстецовъ, оставить каждому мѣсту и человѣку непрерывное исполненіе ихъ должностей, не льстить государю, выискивать людей достойныхъ и не производить, какъ токмо по заслугамъ, и наконецъ отбѣгать отъ роскоши, которыя правила сей Григорій Григорьевичъ (Орловъ) до смерти своей сохранилъ. Находя, что карточная азартная игра можетъ привести другихъ въ раззореніе, играть въ нее пересталъ; хотя его явные были непріатели графы Никита и Петръ Ивановичи Панины, никогда ни малѣйшаго имъ зла не сдѣлалъ, а на противъ того во многихъ случаяхъ имъ дѣлалъ благодѣянія и защищалъ ихъ отъ гнѣву государыни» ²⁾.

Григорій Григорьевичъ Орловъ прибылъ въ Петербургъ изъ заграничной арміи, сражавшейся съ Фридрихомъ II, въ 1759 году. Въ то время ему было 25 лѣтъ. Около года спустя начинается его знакомство съ великой княгиней Екатериной Алексѣевной. Увлекающагося молодого человѣка не могли не поразить умъ и таланты тридцатилѣтней принцессы и ея изолированное положеніе. Орловъ былъ очарованъ ею какъ мужчина, онъ полюбилъ ее страстно, и мысль о томъ, что престолъ Россіи должна занять Екатерина, а не Петръ Теодоровичъ, дѣлается его господствующею мыслию. Задачей жизни Орлова съ этихъ поръ является—переворотъ въ пользу Екатерины. Онъ одушевляется этой задачей со всѣмъ пыломъ молодости и стремится къ ея осуществленію съ энергіей страстно влюбленнаго человѣка. Ему не нужно никакихъ политическихъ реформъ и гарантій—не о нихъ онъ заботится; ему нужно, чтобы Екатерина заняла должное ей положеніе русской императрицы, и тогда, по его мнѣнію, Россія будетъ счастливѣйшей въ мірѣ стра-

¹⁾ «Дневникъ А. В. Храповицкаго» изд. Н. П. Барсукова, Спб. 1874 года стр. 82.

²⁾ «О поврежд. нравовъ въ Россіи», мемуаръ кн. М. М. Щербатова, «Русск. Стар.» 1871 годъ, т. III; 1-е изд., стр. 676—677.—Слич. отзывы о Гр. Гр. Орловѣ его сослуживца по семилѣтней войнѣ А. Т. Болотова, въ «Запискахъ» послѣдняго, изд. «Русск. Стар.», т. I, стр. 840—846, 873, 879—881; т. II, стр. 214—224, 275, 282.

ПРИНЦЪ ГРИГОРІЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ОЛЕНКОУ

Не ты одна, ода, подвинулась съя онъ,
Слѣдуй ей, Истину, еяже Россіи тѣло.
Измѣнилась, и зорь, и вѣдь, и вѣдѣтель,
Императоръ, Императрица, и вѣдѣтель.

X.A.R. Cremer

(Съ гравированнаго портрета Чемесова).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ной. Гр. Гр. Орловъ не имѣлъ традиціонныхъ политическихъ воззрѣній, унаслѣдованныхъ отъ предковъ, и если сохранилъ въ памяти что-нибудь изъ семейныхъ преданій, то это было воспоминаіе о буйной силѣ стрѣлцкой. Дѣдъ Григорія Григорьевича, Иванъ Никитичъ Орловъ, былъ однимъ изъ стрѣлцкихъ головъ, помилованныхъ Петромъ Великимъ.

Первыми и ближайшими сотрудниками Гр. Гр. Орлова по приведенію въ исполненіе его завѣтной мечты были его братья. Отецъ Орловыхъ, Григорій Ивановичъ, занимавшій мѣсто губернатора въ Новгородѣ, имѣлъ девять сыновей, изъ которыхъ зрѣлаго возраста достигли пятеро: Иванъ, Григорій, Алексѣй, Ѳеодоръ и Владиміръ. Въ воцареніи Екатерины, кромѣ Григорія, игралъ выдающуюся роль третій братъ, Алексѣй, которому принадлежитъ исключительно быстрота исполненія предпріятія. Человѣкъ безправственный и грубый, онъ былъ лишень тѣхъ симпатичныхъ свойствъ, которыми отличался Григорій, а впоследствии онъ запятналъ себя гнусными преступленіями, которыхъ не могла смыть случайно приобрѣтенная имъ слава Чесменскаго героя. Старшій изъ братьевъ, Иванъ, жилъ въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка въ Москвѣ, въ отставкѣ, и никакого участія въ возведеніи на престолъ Екатерины II не принималъ; Ѳеодоръ Орловъ былъ исполнителемъ велѣній Григорія и Алексѣя, а меньшому, Владиміру, въ 1762 году было всего 19 лѣтъ отъ роду ¹⁾.

Совершенно инымъ человѣкомъ представляется Никита Ивановичъ Панинъ (р. 1718 † 1783 г.), впоследствии извѣстный екатерининскій канцлеръ. Въ 1760 году, пріѣхавъ онъ въ Петербургъ изъ Стокгольма, гдѣ пробылъ посланникомъ двѣнадцать лѣтъ. Панинъ, осторожный и уклончивый отъ природы, вернулся въ Россію изъ серьезной политической школы и уже въ зрѣломъ возрастѣ, когда убѣжденія человѣка складываются совершенно опредѣленно и устойчиво: ему въ то время шель 43-й годъ. Швеція была страной наиболѣе вліявшей на русскихъ государственныхъ людей XVIII вѣка своею политическою жизнію. Это вліяніе испытали на себѣ дѣятели начала XVIII вѣка — князь Я. Ѳ. Долгорукой и князь Д. М. Голицынъ; находился подъ вліяніемъ шведскихъ политическихъ порядковъ и Ник. Ив. Панинъ, но нѣсколько иначе и при иныхъ условіяхъ, чѣмъ названные выше лица. Долгорукие и Голицыны были люди «родословные»: ихъ привлекала политическая роль шведской аристократіи, и въ этой роли желали они видѣть осуществленіе собственныхъ своихъ политическихъ мечтаній, унаслѣдованныхъ ими отъ ихъ отцевъ и дѣдовъ XVII и XVI вѣка. Панинъ не принадлежалъ къ старинной московской знати и не могъ имѣть традиціонныхъ аристократиче-

¹⁾ Родосл. книга кн. Долгорукаго, IV, стр. 437—438.

скихъ воззрѣній. Панины не играли политической роли при царяхъ московскихъ и вышли изъ среды шляхетства, выдвинутого реформой Петра Великаго. Отецъ Панина служилъ при Петрѣ генераль-майоромъ, а при Аннѣ Иоанновнѣ достигъ сенаторства. Никита Ив. Панинъ первоначальной своей карьерой обязанъ князю Куракинымъ, съ которыми находился въ родствѣ. Первымъ руководителемъ Панина въ политической наукѣ былъ канцлеръ императрицы Елизаветы, графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ, хорошо знавшій Швецію, но также человѣкъ не родословный. Панинъ основательно изучилъ государственный строй Швеціи, и увлеченіе его шведской конституціей явилось результатомъ этого изученія, а не традиціоннымъ преклоненіемъ передъ ней родословныхъ людей. Едва онъ прибылъ въ Петербургъ, какъ былъ назначенъ воспитателемъ шестилѣтняго сына наслѣдника престола — Павла Петровича. Панинъ увлекся мечтой воспитать великаго князя въ духѣ конституціонализма. Отношенія Панина къ великой княгинѣ Екатеринѣ были совершенно иныя, чѣмъ Орлова. Орловъ былъ прежде всего человѣкъ сердца, Панинъ былъ человѣкомъ ума. Екатерина оцѣнила въ Орловѣ то качество, котораго лишена была ея нравственная природа — чувство; къ Панину ее привязывалъ умъ, которымъ она сама обладала въ столь значительной степени. Орловъ былъ симпатичный товарищъ и ученикъ; Панинъ былъ серьезный и требовательный учитель и суровый менторъ. Орловъ сразу подчинился Екатеринѣ, Панина съумѣла подчинить себѣ Екатерина. Въ этихъ противоположностяхъ характеровъ Орлова и Панина лежитъ основная причина ихъ послѣдующей «нелюбки»: такія двѣ различныя натуры не могли сойтись ¹⁾.

¹⁾ О жизни и дѣятельности Н. И. Панина въ настоящее время издано очень много матеріала, который до сихъ поръ далеко не вполне изученъ и выясненъ. Первая по времени біографія Н. И. Панина, написанная вскорѣ по его смерти Д. И. Фонъ-Визинымъ (см. сочиненія его, изд. Ефремова, стр. 216—226), кратка и слишкомъ хвалебна. Бантышъ-Каменскій («Словарь достопамятныхъ людей», 1836 г., т. IV, стр. 96—108) и Терещенко («Опытъ обзор. жизни сановниковъ, управлявш. иностр. дѣлами», СПб. 1837 г., ч. II, стр. 110—142) — представили подробный сводъ внѣшнихъ событій изъ жизни Панина, но также впали въ официально-панегирический тонъ. П. С. Лебедевъ въ монографіи «Графы Никита и Петръ Панины» («Отеч. Зап.» 1862 г., кн. 2 и 7, и отд. изд. СПб. 1863 г.) является, наоборотъ, безусловнымъ порицателемъ Панина, что можетъ быть объяснено временемъ, когда написана эта монографія. Въ 60-хъ годахъ текущаго столѣтія была мода на отрицательный взглядъ на современное и прошлое Россіи, что было совершенно естественнымъ противодѣйствіемъ панегирическому тону столь долго и упорно державшемуся въ русской исторической и публицистической литературѣ. Д. Θ. Кобеко въ своей весьма интересной монографіи о цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ (СПб. 1882 г.; 2-е изд. 1883 г.) даетъ хотя самую общую, но безпристрастную характеристику Н. И. Панина. — Много важныхъ замѣчаній находится въ XXIV—XXVII тт. «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева.

Никита Ивановичъ Панинъ, никогда не высказывавшійся прямо относительно своихъ политическихъ плановъ, указывалъ великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ на необходимость важныхъ измѣненій въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Начавъ съ образованія Императорскаго Совѣта по образцу Государственного Совѣта Швеціи, онъ намѣренъ былъ постепенно преобразовать рускія высшія правительственныя учрежденія въ представительныя государственныя учрежденія по шведскому образцу и этимъ путемъ надѣялся достигъ наилучшаго «упорядоченія внутреннихъ государственныхъ дѣлъ», какъ выражались у насъ въ XVIII вѣкѣ. Реформаторскія идеи Панина видны изъ поданнаго имъ Екатериной II въ сентябрѣ 1762 года «проекта объ учрежденіи Императорскаго Совѣта».

Желая прежде всего оградить правленіе отъ вліянія фаворитовъ, Панинъ рѣзко нападаетъ во введеніи къ своему проекту на бюрократическій и придворно-временщичій характеръ правленія при Елизаветѣ Петровнѣ. Остановимся на самыхъ характеристическихъ мѣстахъ этого введенія.

«Ея величество (Елизавета Петровна) вспамятовала,—говоритъ Панинъ,—что у ея отца, государя Петра Великаго, былъ домовый кабинетъ, изъ котораго, кромѣ партикулярныхъ приказаній, ордеровъ и писемъ, ничего не выходило, приказала и у себя такой же учредить. Тогдашніе случайные и припадочные люди воспользовались симъ домашнимъ мѣстомъ для своихъ прихотей и собственныхъ видовъ и поставили средствомъ онаго всегда злоключительный общему благу интервалъ между Государя и Правительства. Они, временщики и куртизаны, сдѣлали въ немъ, яко въ безгласномъ и никакого образа государственнаго не имѣющемъ мѣстѣ, гнѣздо всѣмъ своимъ прихотямъ, чѣмъ оно претворилось въ самый вредный источникъ не токмо государству, но и самому государю... ..Государь былъ отдаленъ отъ государства». Панинъ требуетъ, чтобы самодержавный государь дѣйствовалъ черезъ органы подверженные суду и отвѣту передъ публикою, и замѣчаетъ иронически: «Нашъ сапожный мастеръ не мѣшаетъ подмастерью съ работникомъ и занимается каждаго къ своему званію; а мнѣ, напротивъ того, случилось слышать у престола государства, отъ людей его окружающихъ, пословицу льстивую за штатское (государственное) правило: была бы милость, всякаго на все станеть». Далѣе Панинъ высказываетъ убѣжденіе, что императрица Екатерина II «Богомъ и народомъ врученное ей право самодержавства употребить съ полною властію къ основанію и утвержденію формы и порядка въ правительствѣ». Выраженіемъ такой формы и порядка является постоянный Императорскій Совѣтъ, который однако не можетъ «взять тотчасъ свою форму и приведенъ быть въ теченіе, ибо

почти невозможно сомнѣваться,—говорить Панинъ,—чтобы при самомъ началѣ тѣ особы (т. е. фавориты) не старались изыскивать трудностей къ остановкѣ всего, или по послѣдней мѣрѣ къ обращенію въ ту форму, какову они могутъ желать».

Затѣмъ Панинъ говоритъ отъ имени Екатерины II, объ учрежденіи Императорскаго Совѣта въ слѣдующихъ словахъ: «За долго до нашего принятія Россійской державы, мы, познавая существо правленія сей великой и сильной имперіи, познали и причины, которыя такъ часто при всякихъ обстоятельствахъ и перемѣнахъ, подвергали оное пренебреженію государственныхъ дѣлъ, т. е. слабости народнаго правосудія, упущенію его благосостоянія и наконецъ всѣмъ тѣмъ порокамъ, которые по временамъ вибдривались во все теченіе правленія, какъ особливо при возведеніи на престолъ покойной императрицы Анны Іоанновны и самая самодержавная власть уже потрясена была. Таковыя государству вредныя приключенія происходили несумнѣнно частію отъ того, что въ производствѣ дѣлъ дѣйствовала болѣе сила персонъ, нежели власть мѣстъ государственныхъ, частію же и отъ недостатка такихъ начальныхъ основаній правительства, которыя бы его форму твердую сохранять могли... Отъ начала недостаточныя установленія чрезъ долгое время, частію и въ томъ еще злоупотребленія, наконецъ привели въ такое положеніе правленіе дѣлъ въ нашемъ любезномъ отечествѣ, что при наиважнѣйшемъ происшествіи на монаршемъ престолѣ почиталось излишнимъ и венадобнымъ собраніе верховнаго правительства. Кто вѣрный и разумный сынъ отечества безъ чувствительности можетъ себѣ привести на память въ какомъ порядкѣ восходилъ на престолъ бывшій императоръ Петръ III, и не можетъ ли сіе заключительное положеніе быть уподоблено тѣмъ варварскимъ временамъ, въ которыя не токмо установленнаго правительства, ниже письменныхъ законовъ еще не бывало».

Императорскій Совѣтъ, по проекту, долженъ былъ состоять изъ шести членовъ, которые называются императорскими совѣтниками; кромѣ того при немъ полагалось четыре статсъ-секретаря или министра, для наблюденія надъ четырьмя важнѣйшими департаментами (иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ дѣлъ, военнымъ и морскимъ). Въ проектѣ такъ опредѣляется назначеніе Совѣта: «Всѣ дѣла, принадлежація по уставамъ государственнымъ и по существу монаршей самодержавной власти нашему собственному попеченію и рѣшенію, яко то вносимыя къ намъ не въ присутствіи въ Сенатѣ доклады, мнѣнія, проекты, всякія къ намъ принадлежація просьбы, точное свѣдѣніе всѣхъ разныхъ частей, составляющихъ государство и его пользу, словомъ все то, что служить можетъ къ собственному самодержавнаго государя попеченію о при-

ращеніи и исправленіи государственномъ, имѣть быть въ нашемъ Императорскомъ Совѣтѣ, яко у насъ собственно» ¹⁾).

Весьма интересны замѣчанія нѣкоторыхъ государственныхъ людей на проектъ Панина, написанныя по вызову императрицы Екатерины. Для одного (имя его, къ сожалѣнію, до сихъ поръ неизвѣстно) совершенно ясно представлялась генетическая связь проектируемаго Императорскаго Совѣта съ бывшимъ уже въ Россіи Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, хотя во введеніи къ проекту онъ и порицается за потрясеніе самодержавной власти при воцареніи Анны Иоанновны, а потому этотъ неизвѣстный сановникъ и предлагаетъ назвать новый совѣтъ прежнимъ именемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Генераль-фельдцейхмейстеръ Вильбуа выразился откровеннѣе и гораздо точнѣе: «Я не знаю, кто составитель проекта, — писалъ онъ, — но мнѣ кажется, какъ будто онъ, подъ видомъ защиты монархіи, тонкимъ образомъ склоняется болѣе къ аристократическому правленію. Обязательный и государственнымъ закономъ установленный Императорскій Совѣтъ и вліятельные его члены могутъ съ теченіемъ времени подняться до значенія соправителей. Императрица, по своей мудрости, отстранить все то, изъ чего впоследствии могутъ произойти вредныя слѣдствія. Ея разумъ и духъ не нуждаются ни въ какомъ особенномъ Совѣтѣ... Императорскій Совѣтъ слишкомъ приблизить подданнаго къ государю и у подданнаго можетъ явиться желаніе подѣлить власть съ государемъ!» ²⁾).

Проектъ Н. Ив. Панина не былъ утвержденъ Екатериной II и возникшій въ 1768 году Государственный Совѣтъ не имѣлъ ничего общаго съ панинскимъ Императорскимъ Совѣтомъ.

Молоденькая, 17-тилѣтняя, только что вышедшая замужъ, княгиня Екатерина Романовна Дашкова (р. 1743 г.), занимала въ обществѣ великой княгини далеко не столь первенствующее мѣсто, какое она отводитъ себѣ въ своихъ извѣстныхъ мемуарахъ. Живость ея ума и характера дѣлали ее несомнѣнно пріятной собесѣдницей Екатерины, а ея близкое родство съ Воронцовыми, сильными людьми при дворѣ Елизаветы Петровны, и родственныя отношенія съ Ник. Ив. Панинымъ — заставляли Екатерину особенно дорожить ея расположеніемъ и прикидываться ея искреннимъ другомъ. Княгиня Дашкова, сама того не замѣчая, была лишь орудіемъ въ ловкихъ рукахъ Екатерины и Панина; ей поручалась извѣстная исполнительная роль; ее одинаково эксплуатировали и

¹⁾ Проектъ Н. И. Панина объ Импер. Совѣтѣ напечат. по документамъ Государственнаго Архива и Главн. Моск. Архива Мин. Ин. Дѣлъ С. М. Соловьевымъ въ «Исторіи Россіи», т. XXV, стр. 173—181. То же самое короче въ его же статвѣ «Императорскіе Совѣты въ Россіи въ XVIII вѣкѣ», «Русск. Стар.» 1870 г., т. II, 1-е изд., стр. 463—468.

²⁾ «Исторія Россіи» С. М. Соловьева, т. XXV, стр. 182.

Екатерина съ Орловымъ, и Панинъ, намѣренно преувеличивая ея значеніе—а она простодушно вѣрила имъ на слово, билась изо всѣхъ силъ, испытывая на себѣ извѣстную басню о каштанахъ. Фридрихъ II очень остроумно сравнилъ ее съ мухой, сидящей на головѣ у вола, напряженного въ плугъ, и наивно воображающей, что она пахнетъ. Впослѣдствіи, когда планъ воцаренія Екатерины II совсѣмъ созрѣлъ, княгиня Дашкова оказала дѣйствительно большую услугу въ исполненіи этого плана, но нити, главныя пружины «предпріятія» никогда не были въ ея рукахъ. Черезъ свою родную сестру, Елизавету Романовну Воронцову, официальную фаворитку императора Петра III, женщину весьма ограниченную, Екатерина Романовна могла очень хорошо узнавать все, что дѣлается въ Ораніенбаумѣ; еще болѣе интересныя свѣдѣнія могъ ей сообщать ея дядя и воспитатель, канцлеръ графъ Михаилъ Ларіоновичъ Воронцовъ. Мужъ ея, князь Дашковъ, былъ гвардейскимъ офицеромъ, въ домѣ у него сходилось много товарищей—и черезъ этихъ-то гвардейцевъ молодая княгиня пропагандировала мысль о воцареніи Екатерины II.

«Ник. Ив. Панинъ и княгиня Дашкова, говоритъ Рюльеръ, редактировали условія (кондиціи), по которымъ русскіе вельможи, отстраняя Петра III, могли бы передать престолъ его супругѣ посредствомъ формальнаго избранія съ ограниченіемъ ея власти. Эта надежда вовлекла въ заговоръ большую часть дворянства, и возможность исполненія предположенія объ ограниченіи власти Екатерины пріобрѣтала съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе вѣроятія» ¹⁾).

Въ то время, какъ великая княгиня Екатерина Алексѣевна въ интимномъ кружкѣ Орлова, Панина и Дашковой обдумывала разные способы обезпеченія за собою верховной власти въ Россійской имперіи по смерти императрицы Елизаветы Петровны, тѣ самыя «фавориты», противъ которыхъ такъ рѣзко высказывался Панинъ, замыслили также устраненіе отъ «наслѣдія» Петра Ѳеодоровича. Объ этихъ замыслахъ сохранилась собственноручная записка императрицы Екатерины II, по словамъ которой, дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: Извѣстный «фаворитъ» императрицы Елизаветы Петровны и меценатъ эпохи, Ив. Ив. Шуваловъ, въ исходѣ 1760 года и въ началѣ 1761 года сталъ во главѣ «великаго числа» молодыхъ людей, недовольныхъ наклонностями и характеромъ наслѣдника престола и мечтавшихъ послѣ Елизаветы Петровны возвести на престолъ великаго князя Павла Петровича. Среди этихъ недовольныхъ было два вѣзрѣнія, двѣ партіи: одни хотѣли удалить изъ Россіи наслѣдника вмѣстѣ съ его супругой, другіе желали выпроводить въ Голштинію только Петра Ѳеодоровича, а Ека-

¹⁾ De-Rulhière, Histoire sur la revolution de Russie en 1762, p. 68; ed. 1797.

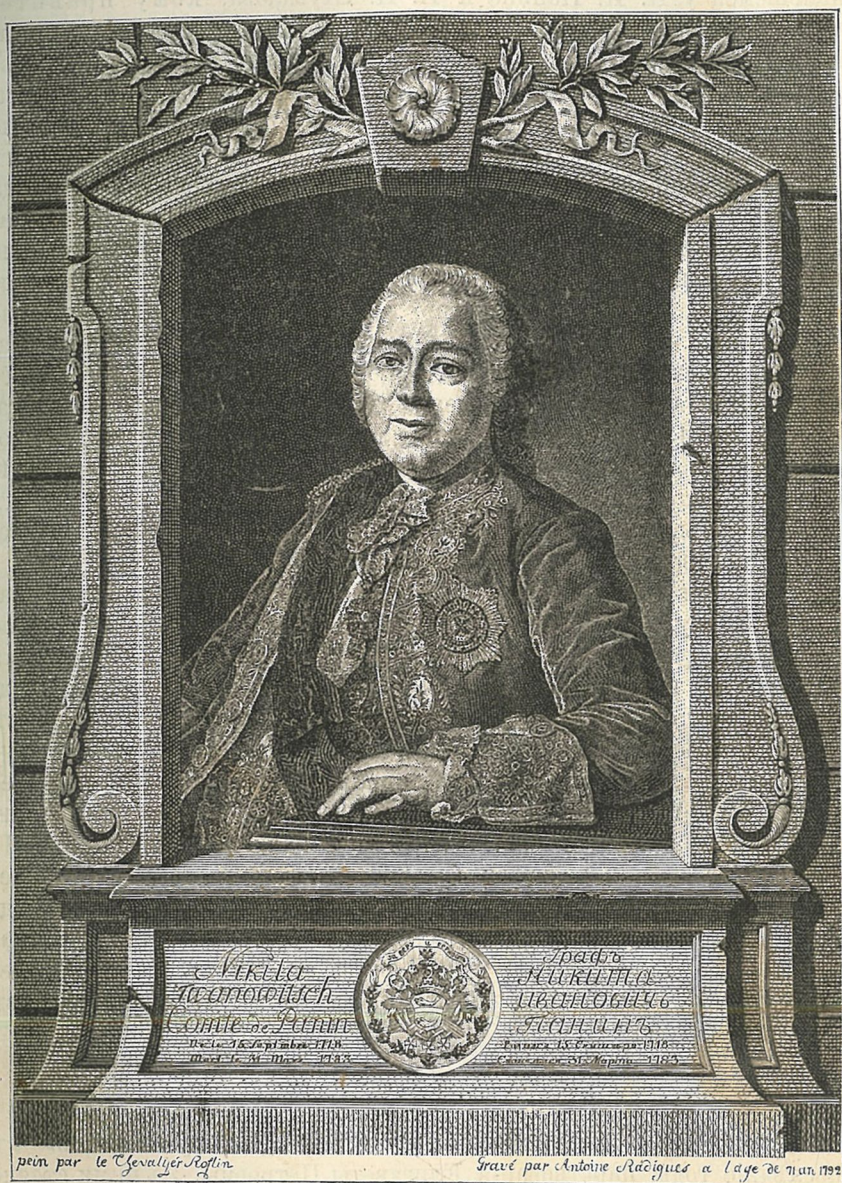
«ИСТОР. ВѢСТН.», ФЕВРАЛЬ, 1884 г., т. XV.

терину Алексѣевну провозгласить регентомъ государства до совершеннолѣтія Павла Петровича. Ив. Ив. Шуваловъ сообщилъ обо всѣхъ этихъ предположеніяхъ Никитѣ Ив. Панину, который отнесся къ нимъ несочувственно. Панинъ, по своимъ прежнимъ отношеніямъ, не любилъ Шувалова и былъ слишкомъ остороженъ для того, чтобы приобѣгать къ крутымъ мѣрамъ. Кромѣ того, онъ, какъ мы видѣли, надѣялся достичь лучшаго, по его мнѣнію, будущаго въ государственномъ бытѣ Россіи не посредствомъ крутаго переворота, а посредствомъ постепеннаго измѣненія государственныхъ учреждений. Панинъ склонилъ и тѣ и другія предположенія Ив. Ив. Шувалова, считая ихъ «способами къ междоусобной гибели». Тѣмъ не менѣе, онъ тотчасъ сообщилъ о нихъ великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, присовокупивъ при этомъ слѣдующее: «еслибы больной императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ представить о высылкѣ Петра Ѳеодоровича въ Голштинію и о передачѣ «наслѣдія» Павлу Петровичу подъ регентствомъ великой княгини, то есть большая вѣроятность предполагать, что императрица согласилась бы на это». «Но къ сему, благодаря Богу, заключаетъ Екатерина свою записку, «фавориты» не приступили, но оборотя всѣ мысли свои къ собственной ихъ безопасности, стали дворовыми вымыслами и происками стараться входить въ милости Петра III, въ коемъ отчасти и преуспѣли» ¹⁾.

Такимъ образомъ, изъ словъ самой императрицы Екатерины видно, что Ник. Ив. Панинъ предлагалъ ей, еще въ 1761 году, регентство надъ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Впослѣдствіи, уже по воцареніи Екатерины II, ходили слухи, что она дала Панину удостовѣреніе, за своею подписью, въ томъ, что она принимаетъ правленіе государствомъ въ качествѣ правительницы до совершеннолѣтія великаго князя Павла Петровича. Эти слухи занесены въ реляцію иностранныхъ дипломатовъ, какъ современныхъ перевороту 28-го іюня 1762 года, такъ и позднѣйшихъ, повели къ двумъ политическимъ процессамъ, имѣвшимъ мѣсто въ сентябрѣ 1762 года и въ маѣ 1763 года, и сохранились въ семейныхъ преданіяхъ потомковъ нѣкоторыхъ «пособниковъ» Екатерины II. Объ этихъ слухахъ упоминаютъ: Рюльеръ (1762 г.), Ширлей (1768 г.) и Дюранъ (1773 г.) ²⁾. Первый политическій процессъ извѣстенъ подъ именемъ «дѣла Гурьева и Хрущовыхъ», второй—подъ именемъ «дѣла Хитрово». Изъ дѣла Гурьева и Хрущовыхъ обнаружались разговоры между гвардейскими офицерами объ отношеніяхъ Н. И. Панина и И. И. Шувалова къ воцаренію Екатерины II. Разговоры эти, бывшіе во время коронаціи импе-

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1863 г., стр. 567—568.

²⁾ De-Rulhière, Histoire sur la revolution de Russie en 1762, p. 35, 69.—La Cour de Russie, p. 197.

Графъ Никита Ивановичъ Панинъ.
(Съ гравированнаго портрета Радига.)

ратрицы, вращались около слѣдующихъ вопросовъ: о сомнѣніи, явившемся у Н. И. Панина и И. И. Шувалова, кому правителемъ быть? и во-вторыхъ, почему не коронованъ цесаревичъ Павелъ Петровичъ? ¹⁾. Дѣло Хитрово выставяло гораздо рельефнѣе вопросъ о регентствѣ Екатерины. Хитрово, одинъ изъ пособниковъ Екатерины при ея воцареніи, рассказывалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Панинъ сдѣлалъ было подписку съ тѣмъ, чтобъ быть государынѣ правительницею и она на то согласилась, а когда пришли въ Измайловскій полкъ и объявили про ту подписку капитанамъ Рославлеву и Ласунскому, то они ей объявили, что на то не согласны, а поздравляютъ ее самодержавною императрицею и велѣли солдатамъ кричать ура» ²⁾. Семейныя преданія Хитрово, Ласунскихъ и Рославлевыхъ передаютъ, что Екатерина дала Панину подписку царствовать только до совершеннолѣтія великаго князя Павла Петровича, именно до его 20-тилѣтняго возраста, т. е. до 1774 года, что эта подписка хранилась въ сенатѣ, но впоследствии, послѣ коронаціи, взята оттуда и передана императрицѣ. О лицахъ, при помощи которыхъ подписка очутилась въ рукахъ императрицы, въ семейныхъ преданіяхъ существуетъ два варіанта: одинъ называетъ Орловыхъ, другой самого Н. И. Панина.

Изъ приведенной выше записки Екатерины II не видно, какого изъ двухъ воззрѣній о передачѣ «наслѣдія» великому князю Павлу Петровичу держался И. И. Шуваловъ, но послѣдующая роль его въ царствованіе Екатерины II можетъ навести на предположеніе, что первоначально Шуваловъ склонялся къ удаленію изъ Россіи наслѣдника престола Петра Ѳеодоровича вмѣстѣ съ его супругою. И. И. Шуваловъ, приставшій къ сторонникамъ Екатерины II, 28-го іюня 1762 года, является вскорѣ послѣ того не у дѣлъ и вдали отъ двора. Вслѣдъ за воцареніемъ Екатерины II онъ заболѣлъ, или казался больнымъ, а затѣмъ, менѣе чѣмъ черезъ годъ, уѣхалъ за-границу, гдѣ прожилъ слишкомъ четырнадцать лѣтъ. Говорятъ, что Шуваловъ позволялъ себѣ что-то рассказывать про Екатерину II и про ея воцареніе въ высшихъ сферахъ Вѣны и Парижа, и что эти рассказы возстановили противъ него императрицу ³⁾.

II.

Таковы были главнѣйшіе представители «недовольныхъ» въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы Петровны. За ними стояло

¹⁾ Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XXV, стр. 163—164 (изъ дѣлъ Государственнаго Архива).

²⁾ Ibid., по тѣмъ же источникамъ, стр. 248.

³⁾ См. біографію И. И. Шувалова, П. И. Бартенева, въ «Русск. Бесѣдѣ», 1857 г., кн. I; отд. отт., стр. 52, 58—59 и 67.

очень много лицъ, готовыхъ на «перемѣну наслѣдія». Всѣ они группировались частію около великой княгини Екатерины Алексѣевны, частію замыслили «перемѣну» самостоятельно, независимо отъ нея. Соединить всѣхъ ихъ въ одно сообщество, дать этому сообществу должную организацію было чрезвычайно трудно—такъ противоположны другъ другу были эти люди, такъ различны были ихъ замыслы. Эту трудную задачу взяла на себя сама Екатерина, а Гр. Гр. Орлову предоставила пропагандировать мысль о ея воцареніи среди гвардейскихъ офицеровъ.

Главнымъ совѣтникомъ великой княгини по части организаціи «предпріятія» былъ человекъ, пострадавшій за нее и жившій въ отдаленіи отъ двора. Знаменитый ех-канцлеръ императрицы Елизаветы, графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, которому въ рассматриваемое время было подъ 70 лѣтъ (онъ родился въ 1693 году), жилъ въ ссылкѣ въ своей подмосковной—Горетовѣ. Опытный въ придворныхъ и дипломатическихъ интригахъ онъ, несмотря на свое удаленіе, какъ кажется, держалъ въ рукахъ всѣ главныя нити предпріятія. Недаромъ императрица Екатерина, едва воцарилась, возвратила его ко двору и называла «батюшкой».

Гр. Гр. Орловъ бросилъ сѣмя на подготовленную почву: гвардейскіе полки были крайне недовольны нѣмецкими «новшествами» въ войскахъ Петра III и предпочтенію, которое оказывалъ императоръ голштинцамъ передъ русскими. Къ концу іюня 1762 года, по словамъ Екатерины II, между соумышленниками въ гвардіи считалось до 40 офицеровъ и около 10,000 рядовыхъ. Соумышленники раздѣлялись на четыре группы и вожди групп собирались на совѣщанія ¹⁾.

Далеко не всѣ гвардейскіе офицеры шли за Орловымъ только потому, что были недовольны порядками, введенными въ гвардіи Петромъ III, и потому, что любили Григорія Орлова, какъ добраго товарища: этихъ мотивовъ для иныхъ изъ нихъ было слишкомъ недостаточно. Многие гвардейскіе офицеры имѣли другія, гораздо болѣе серьезныя побужденія, которыя проходили въ сознаніе ихъ глубже, чѣмъ огорченіе отъ нелѣпыхъ воинскихъ артикуловъ и отъ слѣпаго подражанія прусскимъ порядкамъ въ арміи. Я указывалъ выше на побужденія Орлова и Панина. Первый изъ нихъ увлекся личностью великой княгини, второй—государственнымъ строемъ Швеціи. Второстепенные сторонники воцаренія Екатерины II не имѣли возможности знать интимную жизнь великой княгини и не были посвящены въ подробности политической жизни западно-европейскихъ государствъ. Поэтому побужденія, руководившія многими изъ нихъ, были инаго рода.

¹⁾ Письмо Екатерины II къ Станиславу Понятовскому по цитатѣ Соловьева, «Исторія Россіи», т. XXV, стр. 108—109.

Изучая мелкія біографическія данныя «пособниковъ» Екатерины II, нельзя не остановиться на ихъ родственныхъ отношеніяхъ, какъ между собою, такъ и къ цѣлому ряду лицъ, игравшихъ политическую роль въ первой половинѣ XVIII вѣка и оставившихъ по себѣ память въ исторіи если не политическими дѣяніями, то политическими замыслами и проектами. Эти родственныя отношенія имѣютъ въ данномъ случаѣ гораздо болѣе значенія, чѣмъ можно предполагать съ перваго раза. Родственные связи были еще очень живучи и крѣпки на Руси въ XVIII вѣкѣ и, при недостаточномъ развитіи общественныхъ воззрѣній, служили связующимъ звеномъ между отдѣльными лицами. Въ то время считались не только самымъ дальнимъ родствомъ, но и свойствомъ. За старшими братьями шли младшіе, за дядями слѣдовали племянники; младшіе родственники слушались безпрекословно старшихъ. Въ семьяхъ хранились преданія о судьбѣ родственниковъ прежнихъ поколѣній, и весьма нерѣдко эти преданія западали въ душу болѣе впечатлительныхъ и болѣе даровитыхъ младшихъ членовъ семьи и служили имъ примѣромъ для подражанія. Разказы о петровскихъ войнахъ генераловъ и офицеровъ этихъ войнъ вселяли духъ воинской доблести въ ихъ сыновьяхъ и внукахъ, которые впослѣдствіи проявляли храбрость подъ знаменами Миниха и подъ предводительствомъ Фермора и Петра Ивановича Панина. Точно также дѣйствовали на молодыхъ людей 50-хъ годовъ XVIII вѣка разказы о политическихъ замыслахъ старшихъ родственниковъ двадцатыхъ, тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Разказы объ этихъ замыслахъ, какъ мы видѣли выше, заставляли задумываться славолубивую Екатерину Алексѣевну; они же останавливали на себѣ мысль многихъ родственниковъ составителей разныхъ политическихъ проектовъ 1730 года и лицъ погибшихъ изъ-за своихъ замысловъ въ лихолѣтѣ Бироновщины. Воззрѣнія верховниковъ и челобитчиковъ 1730 года являлись въ этихъ семейныхъ преданіяхъ идеализированными; Долгорукіе, Голицыны и Волынскій съ «конфидентами» озарялись въ нихъ ореоломъ мученичества. Слушая съ дѣтскихъ лѣтъ разказы о ихъ дѣятельности и трагическомъ концѣ, многіе изъ ихъ сородичей проникались ненавистью къ нѣмцамъ-правителямъ, и ихъ напуганному воображенію невольно мерещилась возможность новой Бироновщины при Петрѣ III. Въ страхѣ за будущее Россіи они или мечтали о тѣхъ же «кондиціяхъ» и внутреннихъ реформахъ, о которыхъ слышали семейныя преданія, или были увѣрены въ лучшемъ будущемъ лишь бы не царствовалъ Петръ Θεодоровичъ.

Съ точки зрѣнія этихъ родственныхъ отношеній многіе изъ дѣятелей 28-го іюня 1762 года могутъ быть распредѣлены по слѣдующимъ 4-мъ рубрикамъ: 1) родственники графа А. П. Бестужева-Рюмина, 2) родственники князей Долгорукихъ и Голицыныхъ,

3) родственники «конфидентовъ» Волынскаго, 4) родственники участниковъ разныхъ шляхетскихъ проектовъ 1730 года. Само собою, распредѣленіе это не можетъ быть безусловно точно, такъ какъ нѣкоторые изъ пособниковъ Екатерины II подходятъ подъ нѣсколько группъ, находясь въ родствѣ съ многими изъ указанныхъ дѣятелей первой половины XVIII вѣка.

Во главѣ родственниковъ графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина стоялъ явный сторонникъ Екатерины II, родной племянникъ ех-канцлера, князь М. Н. Волконской.

Князь Михаилъ Никитичъ Волконской—(р. 1713†1789 г.) сынъ любимой фрейлины императрицы Анны Іоанновны, Аграфены Петровны, рожденной Бестужевой и придворнаго шута той же императрицы, князя Никиты Ѳеодоровича Волконскаго,—не отличался ни умомъ, ни талантами; его достоинствами были: необыкновенная аккуратность по службѣ и точность въ исполненіи возлагаемыхъ на него порученій. Воспитанный Алексѣемъ Петровичемъ Бестужевымъ-Рюминымъ, князь М. Н. Волконской обязанъ ему своимъ значеніемъ и своей карьерой. Благодаря высокому политическому положенію дяди при Елизаветѣ Петровнѣ, князь Волконской возвышался въ чинахъ и получалъ серьезные назначенія: съ 1756 по 1758 годъ онъ состоялъ полномочнымъ министромъ въ Польшѣ. Ему удалось избѣгнуть опалы при паденіи его дяди: вызванный въ 1758 году изъ Польши въ Петербургъ онъ былъ прикомандированъ къ австрійской арміи, дѣйствовавшей въ союзѣ съ русскими противъ Фридриха II, и произведенъ скоро въ генералъ-поручики. Петръ III назначилъ Волконскаго членомъ особаго совѣта, учрежденнаго при дворѣ. Въ царствованіе Екатерины II князь Волконской явился орудіемъ избранія Станислава Понятовскаго и перваго раздѣла Польши, будучи сначала главнокомандующимъ русскихъ войскъ въ Польшѣ, а затѣмъ посланникомъ Екатерины II при Понятовскомъ. Съ 1771 года по 1780 годъ, князь Волконской былъ главнокомандующимъ въ Москвѣ.

Сторонниками тайными, выступающими на сцену уже по окончаніи переворота, являются двоюродный братъ Бестужева, адмиралъ Иванъ Лукьяновичъ Талызинъ и двоюродный его племянникъ, преображенскій офицеръ Александръ Ѳеодоровичъ Талызинъ. Оба они пользуются большимъ довѣріемъ Екатерины, что видно изъ ихъ участія въ событіяхъ, послѣдовавшихъ за провозглашеніемъ ея самодержавной императрицей. Иванъ Лукьяновичъ Талызинъ, завладѣвъ, по повелѣнію Екатерины, Кронштадтомъ, оказалъ ей существенную услугу. Не явись онъ такимъ энергическимъ сторонникомъ новаго царствованія, быть можетъ, дальнѣйшій ходъ событій принялъ бы иное направленіе. Какъ извѣстно, только благодаря распорядительности И. Л. Талызина, гарнизонъ Кронштадта присягнулъ Екатеринѣ II и не допустилъ Петра III

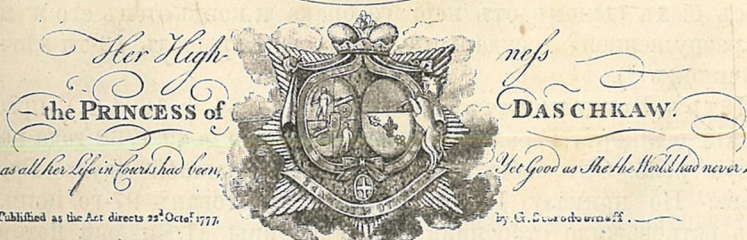
завладѣть этой важной крѣпостью. Въ преображенскомъ мундирѣ Александра Ѳеодоровича Талызина была Екатерина II во время своего «похода» во главѣ гвардейскихъ полковъ подъ Ораніенбаумъ ¹⁾).

Къ лицамъ, стоявшимъ въ родственныхъ отношеніяхъ къ Долгорукимъ и Голицынымъ, принадлежатъ: С. А. Бредихинъ, графъ Я. А. Брюсъ и П. Б. Пассекъ.

Сергій Александровичъ Бредихинъ, капитанъ-поручикъ преображенскаго полка, былъ сынъ Александра Ѳеодоровича Бредихина, участвовавшаго въ 1730 году въ самомъ многочисленномъ по количеству лицъ шляхетскомъ проектѣ Секіотова ²⁾. Не столько это обстоятельство, сколько послѣдующая служба его отца, могли развить въ немъ политическія мечтанія объ ограниченіи самодержавной власти, которыя онъ надѣялся видѣть исполненными при воцареніи Екатерины II. Съ 1732 по 1742 годъ, Александръ Ѳеодоровичъ Бредихинъ находился вице-губернаторомъ въ Новгородѣ и управлялъ этою губерніей. Во время вице-губернаторства А. Ѳ. Бредихина, въ Новгородѣ, 8-го ноября 1739 года, произошла казнь князей Долгорукихъ: князь Василій Лукичъ, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ составителей «кондицій», предложенныхъ Аннѣ Іоанновнѣ верховниками и его двоюродные братья—Сергій и Иванъ Григорьевичи были обезглавлены, а его племянникъ, нѣкогда все-сильный фаворитъ Петра II, князь Иванъ Алексѣевичъ — колесо-

¹⁾ Рос. Род. книга кн. П. В. Долгорукаго, ч. I, стр. 255, 260; ч. IV, стр. 287—288.—Переписка императрицы Анны Іоанновны съ С. А. Салтыковымъ, Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. Рос. 1878 года, кн. I.—Мать А. П. Бестужева-Рюмина была рожденная Талызина.—Бантышъ-Каменскій, Словарь, изд. 1836 года, I, 327—329.

²⁾ Шляхетскій проектъ государственныхъ преобразованій, поданный въ числѣ другихъ проектовъ Верховному Тайному Совѣту въ 1730 году, при воцареніи Анны Іоанновны, называется мною проектомъ Секіотова потому, что имя Сергѣя Вас. Секіотова стоитъ первымъ въ числѣ подписавшихъ его. Всего подъ проектомъ 321 подпись, вслѣдствіе чего онъ является выраженіемъ мнѣній большинства шляхетства въ 1730 году. Во главѣ постояннаго высшаго центрального государственнаго управленія, по этому проекту, стоятъ 2 учрежденія: высшее правительство и сенатъ, члены которыхъ выбираются генералитетомъ и шляхетствомъ, образующими изъ себя особую избирательную коллегію. Для обсужденія важныхъ государственныхъ дѣлъ и для дальнѣйшаго развитія плана государственнаго устройства созывается общее собраніе изъ вышняго правительства, сената, генералитета и шляхетства. Президенты коллегій и губернаторы также опредѣляются по выбору генералитета и шляхетства. Далѣе проектъ набрасываетъ цѣлый рядъ льготъ шляхетству и указываетъ на необходимость улучшенія быта духовенства, купечества, крестьянства и солдатъ. Съ проектомъ Секіотова совершенно тождественны еще 2 шляхетскихъ проекта. Подробности см. въ книгѣ «Воцареніе императрицы Анны Іоанновны», стр. 162—164; прилож., стр. 22—49.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова.

(Съ гравированнаго портрета Скородумова.)

ванъ. При этой казни, которой распоряжался по своему служебному положенію вицегубернаторъ Бредихинъ, присутствовала тайкомъ шестилѣтняя его дочь Анюта. Какое страшное, потрясающее впечатлѣніе должно было произвести это зрѣлище на ребенка! Въ семействѣ Бредихиныхъ жила память о Долгорукихъ, какъ о невинныхъ страдальцахъ: Анюта и ея братъ Сергѣй росли и воспитались подъ вліяніемъ разсказовъ о нихъ. Впослѣдствіи Бредихины даже породнились съ Долгорукими: на Анютѣ (Аннѣ Александровнѣ) Бредихиной (род. 1733 † 1808 г.) женился въ 1756 году братъ казненнаго князя Ивана, князь Николай Алексѣевичъ Долгорукой (род. 1713 † 1790 г.) ¹⁾, на судьбѣ котораго жестоко отразилась казнь его брата. Ни въ чемъ неповинный, онъ въ 1740 году былъ битъ кнутомъ «съ урѣзаніемъ языка» и сосланъ въ Охотскъ. Елизавета Петровна помиловала его, произвела въ бригадиры и позволила выдти въ отставку. Князь Николай уѣхалъ въ одну изъ своихъ деревень, въ которой и поселился навсегда ²⁾.

Еще въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ князьямъ Долгорукимъ находился одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ пособниковъ воцаренія Екатерины II, секундъ-майоръ семеновскаго полка, графъ Яковъ Александровичъ Брюсъ (р. 1732 † 1791 г.), впослѣдствіи генералъ-губернаторъ двухъ столицъ—сначала Москвы (съ 1771 по 1786 г.), а потомъ Петербурга (съ 1786 по 1791 г.). Его отецъ, племянникъ извѣстнаго ученаго и инженера эпохи Петра Великаго, графа Якова Вилимовича Брюса, графъ Александръ Романовичъ Брюсъ, былъ женатъ три раза: въ первый разъ (1729 г.) на княжнѣ Анастасіи Михайловнѣ Долгорукой, дочери одного изъ верховниковъ, князя Михаила Владиміровича Долгорукаго; во второй разъ (1745 г.) на «разрушенной» государынѣ—невѣстѣ Петра II, княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Долгорукой († 1745 г.); третьей женой А. Р. Брюса была Н. Θ. Колычева. Графъ Яковъ Александровичъ Брюсъ былъ сыномъ отъ перваго брака и когда отецъ его женился на «разрушенной» государынѣ—невѣстѣ, онъ былъ 13-ти-лѣтнимъ мальчикомъ ³⁾.

Петръ Богдановичъ Пассекъ (р. 1736 † 1804 г.), преображенскій офицеръ, игралъ въ событіяхъ 28-го іюня 1762 года весьма важную роль. Онъ былъ сослуживецъ и большой другъ Гр. Гр. Орлова. По приказу Петра III, онъ арестованъ 27-го іюня, что очень встревожило сторонниковъ Екатерины II, и они поторопились привести въ исполненіе задуманный переворотъ. Въ то время

¹⁾ Онъ былъ въ то время вдовецъ. Первой его женой была княжна Наталья Сергѣевна Голицына († 1755 г.).

²⁾ См. Баранова, Опис. Сен. Арх., т. III, № 8,761. — Кн. Долгорукой, Род. Кн., I, стр. 91; его же Memoires, t. I, p. 371.

³⁾ Родословн., изд. «Русск. Стар.», кн. I, стр. 57—58.

26-ти-лѣтній П. Б. Пассекъ былъ женатъ уже болѣе двухъ лѣтъ на баронессѣ Натальѣ Исаевнѣ Шафировой, родной внукѣ известнаго дѣльца временъ Петра Великаго, Петра Павловича Шафирова. По женѣ онъ находился въ близкомъ родствѣ съ семействомъ князя Сергѣя Григорьевича Долгорукаго, дяди «разрушенной» государыни—невѣсты Петра II; князь Сергій Григорьевичъ былъ женатъ на дочери Петра Павловича Шафирова, Марѣ Петровнѣ, приходившейся женѣ Пассека теткой. Князь Сергій Григорьевичъ Долгорукой, по воцареніи Анны Іоанновны, въ 1730 году былъ сосланъ сначала въ Рененбургъ, затѣмъ въ свою рязанскую деревню, а 8-го ноября 1739 года, какъ мы видѣли выше, былъ казненъ въ Новгородѣ вмѣстѣ съ другими князьями Долгорукими ¹⁾.

Изъ потомковъ участниковъ «дѣла Волынскаго» мы встрѣчаемся съ двумя: А. М. Еропкинымъ и графомъ В. П. Мусинымъ-Пушкинымъ.

Алексѣй Михайловичъ Еропкинъ († 1764 г.), родной братъ гофъ-интенданта Петра Михайловича Еропкина, одного изъ самыхъ ревностныхъ «конфидентовъ» Волынскаго, казненнаго вмѣстѣ съ нимъ въ 1740 году. Елизавета Петровна пожаловала Алексѣю Михайловичу Еропкину все недвижимое имѣніе, конфискованное у его брата послѣ казни. Въ концѣ царствованія Елизаветы, А. М. Еропкинъ занималъ должность совѣтника вотчинной коллегіи, а въ апрѣлѣ 1762 года былъ назначенъ управляющимъ «собственными экономическими дѣлами императрицы Екатерины Алексѣевны» ²⁾.

Графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ (р. 1735 † 1804 г.), поручикъ коннаго полка, былъ сынъ сосланнаго по дѣлу Волынскаго съ «урѣзаніемъ языка» графа Платона Ивановича Мусина-Пушкина. Мать Валентина Платоновича, Марѣя Петровна, была рожденная княжна Черкасская, племянница князя Алексѣя Михайловича Черкаскаго, виднаго, хотя и неустойчиваго въ воззрѣніяхъ, участника въ событіяхъ воцаренія Анны Іоанновны. Когда Платонъ Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ былъ сосланъ по дѣлу Волынскаго въ Соловецкій монастырь, Валентину

¹⁾ Родословн., стр. 114, 271.—«Русск. Стар.», 1876 г., т. XVI, стр. 344 и монографія о князѣ С. Г. Долгорукомъ, «Истор. Вѣстн.» 1880 г., т. I, стр. 472. Изъ князей Голицыныхъ въ числѣ участниковъ возведенія на престолъ Екатерины II встрѣчается князь Петръ Алексѣевичъ (р. 1731 † 1810 г.), капитанъ измайловскаго полка, дальній родственникъ князя Дмитрія Михайловича Голицына, главы верховниковъ 1730 года.—Кн. Долгорукой, Род. Кн., I, стр. 286—292.

²⁾ Кн. Долгорукой, Род. Кн., IV, стр. 8—10.—Барановъ, Опис. Сен. Арх., т. III, № 12,143.—Многіе изъ Еропкиныхъ принимали дѣятельное участіе въ шляхетскихъ совѣщаніяхъ при воцареніи Анны Іоанновны. Петръ Михайловичъ Еропкинъ былъ сторонникомъ ея самодержавія, а три его двоюродныхъ брата подписались подъ разными шляхетскими проектами.

Платоновичу было всего 5 лѣтъ отъ роду. Родственники графа Вал. Пл. Мусина-Пушкина принимали дѣятельное участіе въ январскихъ и февральскихъ событіяхъ въ Москвѣ, въ 1730 году. Его дѣдъ, въ то время уже дряхлый старикъ, подалъ отдѣльное мнѣніе о государственномъ устройствѣ, накануне своей смерти (онъ умеръ въ февралѣ 1730 г.), а отецъ и дядя подписались подъ проектами князя Черкаскаго, Алабердеева и Грекова и затѣмъ оба высказались за самодержавіе Анны Іоанновны. Дѣдъ Валентина Платоновича, графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ, былъ бояриномъ еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и пользовался большимъ уваженіемъ Петра Великаго: онъ былъ назначенъ въ числѣ немногихъ сенаторомъ при учрежденіи сената въ 1711 году. Графъ Валентинъ Платоновичъ отличался необыкновенною честностью, прямою и твердостью характера и большой добротой. Екатерина II его не любила, выражаясь о немъ весьма не лестно въ интимныхъ разговорахъ съ своимъ статсъ-секретаремъ Храповицкимъ, но официально должна была его награждать: къ концу ея царствованія Мусинъ-Пушкинъ былъ вице-президентомъ военной коллегіи и кавалеромъ всѣхъ русскихъ орденовъ ¹⁾.

Группу лицъ, находящихся въ родствѣ съ участниками разныхъ шляхетскихъ проектовъ 1730 года составляютъ: 1) М. Е. Баскаковъ, 2) В. И. Бибиновъ, 3) князь Ѳ. С. Борятинскій, 4) князь И. В. Несвицкой, 5) Гр. Ал. Потемкинъ (впослѣдствіи знаменитый князь Таврическій), 6) А. И. Ржевскій, 7) Н. И. Рославлевъ, 8) А. И. Рославлевъ, 9) Ѳ. А. Хитрово ²⁾.

Михаилъ Егоровичъ Баскаковъ, капитанъ-поручикъ Преображенскаго полка, былъ человѣкъ жестокой и рѣшительный. Въ

¹⁾ Кн. Долгорукій. Род. кн., I, стр. 95—97; II, стр. 197—198.—Родосл., изд. «Рус. Стар.», I, стр. 57—58.—«Записки Храповицкаго», изд. Н. П. Барсукова, стр. 306 и слѣд. — О служебной его карьерѣ см. Словарь Бантыша-Каменскаго, изд. 1836 г., III, стр. 383—386.—О его характерѣ въ разсказахъ Карабанова, «Рус. Стар.» 1872 г., т. V, стр. 143.

²⁾ О родственныхъ отношеніяхъ всѣхъ этихъ лицъ къ участникамъ разныхъ шляхетскихъ проектовъ 1730 года см. Кн. Долгорукаго, Род. кн., I, стр. 75—77; IV, стр. 29 и слѣд., 290—292.—Родосл., изд. «Рус. Стар.», I, стр. 86 и слѣд., 314 и слѣд., 331 и слѣд. — VII-ю главу «Водаренія Анны Іоанновны» и приложенія, № 2. Къ родственникамъ участниковъ тѣхъ же шляхетскихъ проектовъ принадлежатъ Е. А. Чертковъ и Г. Г. Протасовъ: первый—троюродный братъ, а второй троюродный племянникъ Черткова и Протасова, подписавшихъ проектъ Секиотова. Но я не внесъ ихъ въ текстъ на томъ основаніи, что они играли, какъ въ дѣлѣ водаренія Екатерины II, такъ и впослѣдствіи, очень пассивную роль. Чертковъ является одной изъ многочисленныхъ планетъ князя Г. А. Потемкина-Таврическаго, а Протасовъ былъ втянутъ въ происшествія 28-го іюня 1762 г. Орловыми, съ которыми онъ состоялъ въ родствѣ, и впослѣдствіи ничѣмъ себя не проявилъ, будучи зауряднымъ придворнымъ.

время смерти низложенного императора онъ находился въ Ропшѣ, а послѣ 1763 года о Баскаковѣ не упоминается: что стало съ нимъ—неизвѣстно. Баскаковъ приходился родственникомъ оберъ-прокурору Синода Алексѣю Петровичу Баскакову, участнику нѣсколькихъ шляхетскихъ проектовъ 1730 года и впоследствии, въ 1737 году, замѣшанному въ процессъ князя Д. М. Голицына.

Василій Ильичъ Бибииковъ, капитанъ-поручикъ Семеновскаго полка; братъ извѣстнаго дѣятеля Екатерининскаго царствованія Александра Ильича Бибиикова, состоялъ въ родствѣ съ шестью Бибииковыми, подписавшими разные шляхетскіе проекты въ 1730 году. Въ комисіи для составленія проекта новаго уложенія 1767 года В. И. Бибииковъ былъ депутатомъ отъ дворянства Шацкаго уѣзда.

Князь Ѳеодоръ Сергѣевичъ Борятинскій (р. 1742 † 1814 г.) поручикъ Преображенскаго полка, былъ внукомъ князя Ивана Ѳеодоровича Борятинскаго, участника многихъ шляхетскихъ проектовъ 1730 года.—Онъ находился въ Ропшѣ во время смерти Петра III. Въ 1780-хъ годахъ князь Ѳ. С. Борятинскій былъ тайный совѣтникъ, камергеръ и оберъ-гофмаршалъ, а императоръ Павелъ, въ самый день вступленія на престолъ, отставилъ его отъ службы.

Всѣ остальные поименованныя нами лица, гвардейскіе офицеры разныхъ полковъ, находятся въ близкомъ родствѣ съ участниками проекта Секіотова 1730 года. Князь Несвицкой, Гр. Ал. Потемкинъ, братья Рославлевы и Хитрово—сыновья участниковъ этого проекта; Ржевскій—племянникъ участника. Всѣмъ извѣстна блестящая карьера князя Потемкина-Таврическаго, но далеко не столь знакомо большинству такъ называемое дѣло Хитрово, въ которомъ играли роль почти всѣ названныя лица, за исключеніемъ Черткова и Протасова.

Лѣтомъ 1763 года, были арестованы Хитрово, князь Несвицкой, двое Рославлевыхъ и Ласунскій (также одинъ изъ видныхъ участниковъ возведенія на престолъ Екатерины II). Всѣ они занимали въ то время придворныя должности: Хитрово и князь Несвицкой были камеръ-юнкеры, остальные—камергеры. Арестъ произошелъ по милости Ржевскаго,—двоюроднаго брата Хитрово,—сдѣлавшаго доносъ Алексѣю Орлову. Возникло дѣло, весьма встревожившее Екатерину. Было привлечено къ допросамъ очень много гвардейскихъ офицеровъ и придворныхъ, большею частью изъ оказавшихъ Екатеринѣ важныя услуги при ея воцареніи. Изъ этихъ допросовъ, кромѣ уже извѣстныхъ намъ толковъ о «подпискѣ», данной Екатериною при воцареніи Никитѣ Ивановичу Панину, выяснилось еще слѣдующее обстоятельство.

Въ 1763 году, А. П. Вестужевъ-Рюминъ хлопоталъ о томъ, чтобъ императрица избрала себѣ достойнаго супруга изъ своихъ

подданныхъ, потому что государь цесаревичъ (Павель Петровичъ) слабъ и въ оспѣ еще не лежалъ. Бестужевъ составилъ въ этомъ смыслѣ прошеніе Екатеринѣ отъ лица всѣхъ ея вѣрноподданныхъ. Подъ прошеніемъ подписалось знатное духовенство и нѣсколько сенаторовъ. Воспротивились прошенію Н. И. Панинъ, Кир. Гр. Разумовскій и Захаръ Гр. Чернышевъ. Многие, знавшіе дѣло близко, были убѣждены, что Бестужевъ-Рюминъ прямо намекаетъ на Григорія Григорьевича Орлова и что прошеніе составлено по инициативѣ самой императрицы. Никита Ивановичъ Панинъ спросилъ императрицу: «съ ея ли позволенія представилъ прошеніе Бестужевъ?» Екатерина отвѣчала отрицательно. Тогда Панинъ замѣтилъ, что въ такомъ случаѣ Бестужева надо предать суду. На это императрица промолчала. Затѣмъ Бестужева произвела сильное волненіе въ кружкахъ гвардейскихъ офицеровъ; стали собираться сходки. На этихъ сходкахъ горячился болѣе всѣхъ Хитрово.

«Если государыня намѣрена идти замужъ, говорилъ онъ,—то у Иванушки есть два брата». Подъ Иванушкой онъ разумѣлъ несчастнаго шлюссельбургскаго узника, императора Іоанна Антоновича, у котораго было два меньшихъ брата. Петру Антоновичу въ то время было 18 лѣтъ, а Алексѣю Антоновичу—17.

«Если Императрица не согласится на это, продолжалъ шумѣть Хитрово,—то схватить Орловыхъ и всѣхъ отлучить, а если можно, то и скорѣе Орловыхъ при первомъ удобномъ случаѣ погубить».

«Григорій Орловъ глупъ, рассуждалъ Хитрово,—но больше всего дѣлаетъ братъ его Алексѣй: онъ великій плутъ и всему дѣлу причиною».

По Петербургу стали ходить слухи о томъ, что императрица намѣрена выдти замужъ за Григорія Орлова, вслѣдствіе чего Орловыхъ хотятъ убить, а Екатерину лишить престола.

Хитрово былъ удаленъ отъ службы и сосланъ на житѣе въ его Орловское имѣніе. Къ концу царствованія Екатерины Хитрово уже не было въ живыхъ. Въ 1794 году, императрица обвиняла дѣтей Хитрово—Николая, Екатерину и Наталью въ варварскомъ обращеніи съ крестьянами въ пожалованномъ ихъ, отцу въ 1762 году имѣніи въ Калязинскомъ уѣздѣ Тверской губерніи. Было ли это обвиненіе вполне справедливымъ? Легко можетъ статься, что оно являлось выраженіемъ неудовольствія на Хитрово со стороны императрицы.

Вслѣдъ за Хитрово удалены отъ двора и другіе главнѣйшіе участники его дѣла ¹⁾.

¹⁾ Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XXV, стр. 257—261. «Сборн. Рус. Ист. Общ.», т. VII, стр. 109—115, 289—294.

Весьма многіе изъ русскихъ людей, желавшихъ низложенія Петра III, скоро разочаровались. День 28-го іюня 1762 года выдвинулъ на первый планъ Гр. Гр. Орлова и разрушилъ иллюзіи Панина, Шувалова и нѣкоторыхъ офицеровъ, ревностно содѣйствовавшихъ воцаренію Екатерины II. Хитроумный дѣлецъ прежняго времени А. П. Бестужевъ-Рюминъ, умѣвшій угождать и Бирону и Елизаветѣ Петровнѣ, хлопотавшій о регентствѣ Екатерины въ 1757 году, въ 1762 году—послѣ провозглашенія ея самодержавной государыней, желаетъ уже устроить бракъ ея съ героемъ событія Гр. Гр. Орловымъ. Великій князь Павелъ Петровичъ забыть; онъ въ сторонѣ. Только Ник. Ив. Панинъ сохранилъ теплую привязан-

Медаль, выбитая въ честь канцлера графа
А. П. Бестужева-Рюмина.

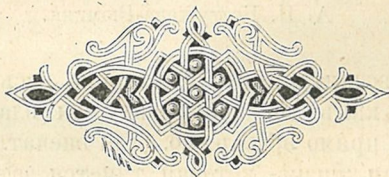
ность къ своему воспитаннику. Екатерина весьма естественно относится къ нему, какъ къ конкуренту ея власти, сначала недобѣрчиво, а затѣмъ прямо враждебно. Для впечатлительнаго ребенка начинается горькая жизнь, которая тянется затѣмъ уныло черезъ все долгое, блестящее царствованіе Екатерины II.

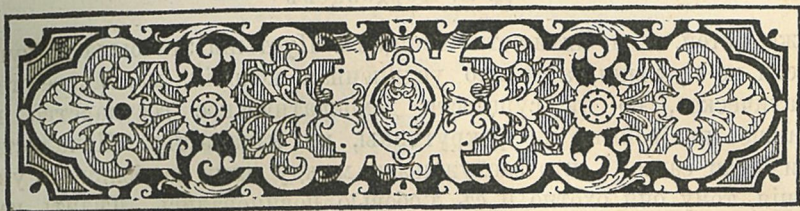
Но не одинъ Павелъ Петровичъ заставляетъ императрицу недобѣрчиво смотрѣть на окружающее ее. Хитрово указывалъ на злосчастнаго сына Анны Леопольдовны—Іоанна Антоновича, какъ на возможнаго соперника Екатеринѣ II. Симпатіи къ тому же шлюссельбургскому узнику высказывались еще за годъ до ареста Хитрово «съ товарищи» въ другихъ офицерскихъ кружкахъ Гурьева и Хрущовыхъ, а годомъ позже, въ 1764 году, явилась сумасбродная попытка со стороны также офицера, Мировича, освободить изъ заточенія Іоанна Антоновича и возвести его на престолъ. Недовольство новымъ правительствомъ переходить въ низшіе классы. Государственные и помѣщичьи крестьяне, ободренные указомъ

Петра III объ отобраніи крестьянъ у монастырей и архіереевъ, ждали и себѣ «воли», и вотъ вслѣдъ за воцареніемъ Екатерины II среди крестьянства начинаютъ бродить разные слухи о томъ, что императоръ Петръ III живъ; крестьяне волнуются и, наконецъ, изъ народныхъ массъ выдѣляются самозванцы, принимающіе имя умершаго императора и сулящіе свободу и льготы простому народу. Цѣлый рядъ лже-Петровъ III тянется съ 1765 года въ теченіи десятилѣтія, начинаясь Кремневымъ и заканчиваясь Пугачевымъ.

Но Екатерина II вышла побѣдоносно изъ всѣхъ этихъ важныхъ затрудненій. Внѣшній блескъ ея двора, успѣхи русскаго оружія и русской дипломатіи въ ея царствованіе—прославили вѣкъ Екатерины и въ Западной Европѣ и въ Россіи, а реформы Екатерины II по внутреннему государственному управленію поставили ея имя на ряду съ именемъ Петра Великаго. Императоръ Павелъ закономъ о престолонаслѣдіи 5-го апрѣля 1797 года навсегда пресѣкъ возможность въ этомъ важнѣйшемъ государственномъ вопросѣ тѣхъ «конъюнктуръ», которыя волновали весь русскій XVIII вѣкъ, и замыслы «пособниковъ» воцаренія Екатерины II стали лишь достояніемъ исторіи. Въ ней должны они сохраниться какъ факты бывшаго.

Д. Корсаковъ.

СОЦІАЛИСТЪ ПРОШЛАГО ВѢКА ¹⁾.

VI.

Передъ исправникомъ.

РАВКОВЪ окончательно поселился въ скитахъ. Жизнь его такъ уходила, что онъ искалъ покоя, забвенья. Скитская же жизнь вполне отвѣчала идеалу человѣка, утомленнаго жизнью, съ разбитымъ прошлымъ и съ будущимъ, въ которомъ не свѣтилось ни одного луча надежды. Еслибъ онъ былъ другимъ человѣкомъ, онъ бы примирился и съ тою жизнью, какъ мирятся миллионы. Но въ душѣ его теплилось что-то такое, что освѣщало передъ нимъ возмутительныя стороны той жизни, которую онъ бросилъ, и онъ не искалъ возврата къ ней... У него въ душѣ было много поэзіи, теплоты. Еще еслибъ у него осталось море да молодая вѣрованія; такъ нѣтъ:—голубое море съ его безконечною далью у него отнято, и молодая вѣрованія его разбиты. Такъ лучше ужъ тутъ, въ этой пустынѣ, среди природы похоронить себя.

А въ этой пустынѣ была своя жизнь и много поэзіи. Скиты представляли значительное поселеніе людей, совершенно свободныхъ, ни отъ кого не зависѣвшихъ—не знавшихъ ни что такое исправникъ, ни что такое подати и паспорта. Въ скитахъ въ это время находилось болѣе ста мужчинъ — и старыхъ, и молодыхъ, и

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ» т. XV, стр. 24.

«ИСТОР. ВѢСТН.», ФЕВРАЛЬ, 1884 г., т. XV.

даже дѣтей, и до пяти-сотъ женщинъ. Пустыня эта была въ сущности не пустыня, а только уединенная колонія, маленькое теократическое, но въ сущности демократическое государство, не знавшее ни войнъ, ни рекрутчины, ни начальства. Начальство они были сами. А кто заслуживалъ между ними наибольшаго уваженія, тому они охотно и съ любовью повиновались. Дѣлать имъ было нечего:—у нихъ все было общее. Да и дѣлать было не изъ чего: ихъ уединенная, дѣйствительно прекрасная «мати пустыня» была, маленькая земляца, буквально «текущая медомъ и млекоомъ». У нихъ было обширное хозяйство. Обширныя дѣвственные степи, которыхъ отъ сотворенія міра не касалась ни соха, ни плугъ и по которымъ только разгуливали стада робкихъ сайгаковъ, — степи эти, прародительницы нынѣшней «самарской житницы», родили имъ золотую пшеницу самъ-сто. Озера и рѣки Иргиза давали имъ въ изобиліи рыбу. По землямъ ихъ паслись цѣлыя стада крупнаго и мелкаго скота. Это былъ дѣйствительно рай.

Всѣ скитники работали на общину. Но это была такая легкая, такая благодарная работа.

Были въ скитахъ и такія радости жизни, которыя возможны только тамъ, «въ мірѣ»... Гдѣ молодость, здоровье — тамъ и любовь,—иначе жизнь была бы не полная.

Три года прожилъ Кравковъ въ скитахъ и чувствовалъ, что въ душу его сошелъ миръ: — тѣ глубокія раны, которыя онъ носилъ въ сердцѣ—зажили. Отъ всего прежняго остались только тихія, дорогія воспоминанія, а все острое, жгучее — точно подернулось дымкою дали, смягчилось въ своей рѣзкости и жгучести...

«Ученый морякъ, капитанъ-лейтенантъ, поклонникъ Руссо, съ тихою улыбкою думалъ онъ иногда:—а теперь раскольникъ скитникъ... А побылъ бы Руссо въ моей шкурѣ — въ шкурѣ бѣднаго російскаго дворянина, тогда бы онъ понялъ, что такое скитъ для русскаго, что такое «пустыня» для затравленнаго звѣря»...

И сидя на берегу Калача—такъ называлось озеро, надъ которымъ расселились скиты—онъ закидывалъ въ воду удочку и тихо подтягивалъ молодымъ инокамъ, Герасиму и Савватию Персидскимъ, которые пѣли одинъ изъ любимыхъ скитниками «противоцерковныхъ стиховъ»:

Кто Бога боится, тотъ въ церковь не ходитъ,

Съ попами-дьяками хлѣбъ-соли не водитъ,

Къ Богу съ покаяньемъ часто прибѣгаетъ

И властей-начальства знать совсѣмъ не знаетъ.

Озеро раздѣляло мужской скитъ отъ женскаго, который былъ красиво расположенъ по ту сторону. Скитницы въ это время мочили у берега ленъ и, слушая, какъ поютъ «братья», съ своей стороны голосисто запѣвали:

По грѣхомъ нашимъ, на нашу страну
 Попусти Богъ бѣду такую:
 Облакъ темный всюду осѣни,
 Небо и воздухъ мракомъ потемни;
 Солнце въ небеси скры своя лучи
 И луна въ ночи свѣтлостъ помрачи,
 А и звѣзды вся потемниша зракъ,
 А и свѣтъ дневной предложися въ мракъ...

Тихо—дѣйствительно пустыня, дѣйствительно рай. Ни прилива, ни отлива въ этомъ морѣ тиши и упокоенія.

Но когда въ душѣ улеглись жгучія боли, когда прошлое—и то далекое, счастливое, свѣтлое, и это недавнее горькое — когда это прошлое отошло уже въ область воспоминаній, а настоящее какъ-бы застыло въ той формѣ жизни, о которой можно было бы сказать—«идѣ же нѣсть ни болѣзни, ни печаль, ни воздыханіе»,—Кравковъ почувствовалъ, что ему чего-то недостаетъ... Не достаетъ прилива и отлива въ этомъ тихомъ пристанищѣ, недостаетъ бурь, въ этомъ безпечальномъ морѣ тишины... Да, недоставало чего-то.

Будь онъ такой же, какъ Герасимушка Персидскій, который ничего кромѣ Волги и Дубовки не видалъ, для котораго весь міръ — въ этой опрокинутой надъ пустынею скорлупѣ голубого неба, ограничиваемаго вонъ этимъ горизонтомъ,—онъ удовольствовался бы пѣніемъ «Стиха преболѣзненнаго воспоминанія о озлобленіи каеоликовъ» или обь «Аллилуевой женѣ милосердной», собираніемъ грибовъ и ежевики, уженіемъ рыбы въ Калачѣ и Ирғизѣ, дѣленіемъ дня и всей жизни между заутренями и обѣдами, вечерними и всенощными; но, на несчастье или счастье, онъ видѣлъ когда-то такое, чего Герасимушкѣ и во снѣ не грезилось, читаль то, чего Герасимушкѣ не понять, передумаль столько, сколько всѣ головы обоихъ скитовъ, вмѣстѣ взятыя, не передумали во всю свою жизнь. Часто, сидя на берегу Калача и закинувъ удочку въ воду, онъ совсѣмъ забываль гдѣ онъ, а вмѣсто скита на томъ берегу озера передъ его глазами разстилался троянскій берегъ, въ виду котораго стояль когда-то ихъ корабль, а въ душѣ безконечною лентою развертывались картины, одна другой ярче, одна другой заманчивѣе... «Что-то дѣлается тамъ, внѣ этой мертвой пустыни? Все такъ же ли бьетъ ключомъ жизнь, какъ тогда, давно когда-то?». — Ему страстно захотѣлось хотъ еще разъ взглянуть на эту жизнь, хотъ издали прислушаться къ ея чарующему шуму... Вѣдь это все равно что заживо погребенному выйти изъ темной могилы и посмотрѣть вновь на голубое небо, на жаркое солнце, увидѣть тѣ мѣста, по которымъ онъ когда-то, до погребенія своего, ходилъ, не думая, что все это у него разомъ отыметъ, что все это станетъ для него недоступнымъ, недостижимымъ.

Хотъ бы разъ еще увидѣть родную Оку, тотъ берегъ съ бере-

зою, съ которыми связано было столько сладкихъ и горестныхъ воспоминаній. Тамъ же и родная усадьба, и родная деревенька, которую онъ такъ безсовѣстно продалъ. Тамъ же и дорогія могилы... И все это брошено, забыто!

Въ душѣ его заговорило горькое, мучительное сознаніе того, какъ безчеловѣчно поступилъ онъ съ людьми, которые безконечно были ему преданы, которые, кажется, вымолили его у смерти, когда онъ, послѣ страшнаго нравственнаго потрясенія, безпомощно метался въ своей одинокой горенкѣ... Нѣтъ, не безпомощно:—надъ нимъ плакали и страдали. Два любящія существа не покидали его ни на минуту, забывая и сонъ и покой—и онъ ихъ безчеловѣчно продалъ какъ гончихъ собакъ, продалъ — одну уже на закатѣ ея жизни, когда ей самой былъ нуженъ и уходъ и покой, другую—на самомъ разсвѣтѣ ея молодой жизни... Между тѣмъ она его любила: онъ не могъ этого не видѣть при всемъ безумномъ эгоизмѣ, на который только способно личное, острое страданіе, забывающее все, кромѣ своихъ личныхъ болей...

Нѣтъ, онъ долженъ поправить эту безчеловѣчную ошибку, если только уже не поздно. Онъ долженъ ихъ выкупить, дать имъ волю вновь жить своею жизнью хотя бы вотъ въ этихъ скитахъ. У него еще сбережено нѣсколько сотъ рублей, и онъ выкупить изъ кабалы бѣдную старушку и столько же, если не болѣе несчастную дѣвушку.

Въ одно утро, когда всѣ скитники собрались за трапезу, Кравкова не оказалось межъ ними. Прошелъ день, другой, третій, прошла недѣля—нѣтъ Кравкова. «Добрый баринъ», какъ всѣ привыкли его звать въ скитахъ, исчезъ—словно въ воду канулъ. Всѣ пожалѣли объ немъ, потому что всѣ любили его за скромность, хотя не могли не видѣть, что у него есть за душою что-то свое, чѣмъ онъ ни съ кѣмъ не дѣлился; но какъ всѣ догадывались, что это было горе, которое таилось въ его душѣ, то его жалѣли и любили еще болѣе.

«Не перекипѣлъ еще», бормоталъ про себя, качая сѣдою головою, Никита Петровичъ:—«не убродилось душевное пиво—нѣтъ, не убродилось... Понесъ свою душу супротивъ всѣхъ четырехъ вѣтровъ житейскихъ—размечуть ее буйные вѣтры... не скитская душа—воинствующая»...

Прошло недѣли три. Въ Макарьевской слободѣ, что подъ Нижнимъ, проходилъ какой-то мужикъ съ котомкой за плечами, опираясь на длинную палку. Онъ шелъ черезъ базаръ, не обращая вниманія на обычную базарную суетню и на то, что базарные люди передъ кѣмъ-то снимали шапки. Этотъ кто-то былъ исправ-

никъ, какъ можно было судить по его полицейской формѣ, а еще болѣе по начальническому виду.

— Эй! ты кто? слышался вдругъ окрикъ.

Всѣ воззрились на того, на кого кричалъ исправникъ. А тотъ, къ кому относился окрикъ, продолжалъ идти далѣе, ни на что не обращая вниманія.

— Эй ты, бродяга!—тебѣ говорятъ! повторился окрикъ.

Опять нѣтъ отвѣта. Пухлыя щеки исправника побагровѣли отъ гнѣва.

— Задержать его! крикнулъ онъ десятскимъ.

Нѣсколько человѣкъ перегородили дорогу прохожему. Тотъ остановился, удивленно поглядывая на нихъ. Подошелъ исправникъ.

— Ты кто такой? съ прежнимъ гнѣвомъ спросилъ онъ.

Прохожій спокойно поглядѣлъ ему въ лицо, смѣрилъ съ головы до ногъ и что-то въ родѣ усмѣшки блеснуло въ его черныхъ задумчивыхъ глазахъ. Это окончательно взорвало полицейскаго претора.

— Какъ ты, мерзавецъ, смѣешь не отвѣчать мнѣ! окончательно накинулся онъ на страннаго человѣка.—Да я тебя, мерзавца.

— Ты? меня? спокойно спросилъ прохожій съ тою же усмѣшкою.

Исправникъ даже отшатнулся.

— И ты еще смѣешь тыкать меня!—ты!—ты!

— Я слѣдую твоему примѣру, былъ тотъ же спокойный отвѣтъ.

— Ды ты знаешь ли—кто я!

— Знаю... Человѣкъ, роняющій власть.

— Какъ! я!.. Исправникъ не нашелся даже что сказать.

— Да, ты... Ты роняешь власть...

— Я исправникъ!

— Вижу... Тѣмъ хуже для тебя—ты не на мѣстѣ...

— Да какъ ты смѣешь со мной такъ говорить!

— Потому что ты такъ говоришь...

— А! такъ я тебѣ покажу!—Говори: кто ты такой?

— На это отвѣчу, ибо ты, яко исправникъ, имѣешь право на такой вопросъ: я—капитанъ-лейтенантъ.

Исправника видимо озадачилъ такой отвѣтъ. Онъ сразу какъ бы смутился. Но увидѣвъ, что окружившая ихъ базарная толпа какъ будто бы насмѣшливо улыбается, снова покраснѣлъ отъ досады.

— Какой ты капитанъ-лейтенантъ!—ты бродяга.

— Нѣтъ, я не бродяга... Со мной указъ объ отставкѣ.

— Такъ ты самозванецъ!

— Такой же какъ и ты.

Въ толпѣ послышался сдержанный смѣхъ. Исправникъ злобно оглянулъ народъ, но ничего не сказалъ.

Между тѣмъ прохожій снялъ съ себя котомку, неторопливо вынулъ изъ нея книгу, изъ книги—вчетверо сложенный листъ и подалъ его исправнику.

— Вотъ мой указъ.

Исправникъ торопливо развернулъ бумагу. Руки его дрожали. Быстро пробѣжалъ онъ написанное, бормоча: «капитану-лейтенанту Евдокиму Михайлову сыну Кравкову... изъ адмиралтействъ-коллегіи... подписалъ вице-адмиралъ Чичаговъ... печать... скрѣпа»...

— Такъ вы Кравковъ?

— Да, я Кравковъ.

— А если видъ подложный?

— Можете справиться по принадлежности.

— Но и настоящій указъ можно добыть какимъ ни-на-есть способомъ отъ другого лица.

— Я не добывалъ.

— Зачѣмъ же вы такъ ходите?

— Такъ хочу.

— Для чего вы носите бороду?

— Бородъ нынѣ носить не воспрещается.

— Но вы дворянинъ.

— Чѣмъ же борода безчеститъ дворянина?—Бороду и Спаситель носилъ.

— Такъ то Спаситель... А вы російскій дворянинъ.

— И русскіе цари носили бороды.

Исправникъ не зналъ что дальше говорить.

— А зачѣмъ вы крестьянское платье носите?

— Такъ хочу... Не хочу имѣть никакой отлички отъ крестьянина:—онъ такой-же человѣкъ, какъ я.

Въ толпѣ послышался ропотъ удивленія и одобренія. Исправникъ чувствовалъ неловкость своего положенія; но старался выдержать роль претора до конца.

— Дворянину въ неподобной одеждѣ ходить нельзя.

— Почему же?

— Соблазнъ... неподобно... въ законѣ не указано...

— На это нѣтъ закона, какъ равно закономъ не воспрещено дворянину ѣсть черный хлѣбъ вмѣсто блага...

— Вотъ такъ отрѣзалъ, братцы, послышалось замѣчаніе въ толпѣ.

— Нну!—язычекъ же!— бритва...

— Ай да баринъ!—умѣетъ отвѣтъ держать...

— Комаръ носу не подточить... Вотъ тѣ и тихоня!.. И насчетъ одежи—нну!

Исправникъ грозно оглянулъ толпу. Все шарахнулось назадъ.

— Все же я долженъ васъ арестовать, рѣшилъ наконецъ исправникъ.

— За что?—какъ!

— За ношеніе неподобной одежды.

— Но мой указъ, мое званіе!

— Ваше поведеніе недостойно вашего званія... Я васъ арестую.

— Вотъ тѣ и клюква! не выдержалъ кто-то въ толпѣ.

Исправникъ нетерпѣливо обратился къ десятскимъ.

— Разогнать эту сволочь!—Прочь отсюда!—въ шею ихъ!

Десятскіе бросились на народъ. Передніе осадили заднихъ, — тѣ бросились бѣжать. Десятскіе пустили въ ходъ палки.

— Идите за мной, продолжалъ исправникъ, пряча бумагу Кравкова за борть кафтана.

— Но зачѣмъ?—Я иду къ себѣ на родину.

— Куда это?

— Во Владиміръ—въ Пороховецъ.

— А откуда?

— Я иду изъ-за Волги, изъ Иргизскихъ скитовъ.

— А зачѣмъ вы тамъ были?

— Я просто жилъ тамъ... Я могу жить гдѣ хочу.

— Но я все-таки обязанъ представить васъ высшему начальству—препроводить въ намѣстническое правленіе... Какъ рѣшить начальство...

Кравковъ долженъ былъ покориться необходимости.

Его какъ арестанта отправили въ Нижній при бумагѣ и велѣли сдать въ намѣстническомъ правленіи «подъ росписку», словно пакетъ какой-нибудь.

«Пилатово это дѣло — темное, нечистое, вспоминались ему дорогой слова Никиты Петровича: — вотъ и узналъ, что дѣлается на божьемъ свѣтѣ, вдали отъ пустыни... Опять бы туда? — а то хоть на край свѣта, только бы подальше отсюда»!..

VII.

Передъ генераль-губернаторомъ и архіереемъ.

2-го октября 1784 года, Кравковъ предсталъ предъ лицо исправлявшаго должность нижегородскаго и пензенскаго генераль-губернатора, генераль-поручика Ребиндера, одного изъ тѣхъ Ребиндеровъ, объ одномъ изъ коихъ мы читаемъ очень характерное замѣчаніе въ «Дневникѣ Храповицкаго» подъ 4-мъ марта 1787 года, гдѣ говорится: «Услыша, что Ребиндеръ съ графомъ Стакельбер-

гомъ поѣхали верхами, сказано (т. е. Екатерина II сказала Храповицкому), что когда лифляндцы вмѣстѣ сойдутся, всегда говорятъ по-чухонски. Послѣ того вошелъ Ребиндеръ, и въ томъ признался».

Эта мѣткая характеристика въ устахъ замѣчательной женщины и императрицы могла быть примѣнена въ то время и ко всѣмъ Ребиндерамъ, въ томъ числѣ и къ нашему — къ нижегородскому. Эти люди, охотнѣе говорившіе по-чухонски чѣмъ по-русски, не знали и не хотѣли знать страны и ея народа, которыми однако управляли въ качествѣ правителей и намѣстниковъ, и не могли любить ни первой, ни послѣдняго.

Тщательно выбритый, завитой и напудренный, Ребиндеръ съ удивленіемъ и какою-то нескрываемою гадливостью смотрѣлъ на стоявшаго передъ нимъ мужика съ умными задумчивыми глазами.

— И вы—капитанъ-лейтенантъ подлинно? спрашивалъ онъ съ ядовитою вѣжливостью.

— Подлинно капитанъ-лейтенантъ, быть отвѣтъ.

— И вы проходили морское ученіе?

— Проходилъ.

— Въ какомъ заведеніи?

— Въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ.

— И экспедиціи дѣлали?

— Да—болѣе десяти.

— Что же заставило васъ бросить службу?

— Нежеланіе продолжать ее.

— Странно... Можетъ быть, неудовольствія по службѣ?

— Нѣтъ—меня отличало начальство.

— Какъ же вы могли промѣнять лейтенантскій униформъ на это... на эту сермягу?

— Промѣнялъ...

— Не понимаю!

— Много пришлось бы рассказывать... не стоитъ...

— Но что жъ вы дѣлали?—гдѣ жили?—что намѣрены дѣлать?

— Я воротился домой... Меня обобрали и обманули... Я поступилъ на службу—меня опять безбожно обманули... Я бросилъ службу... сбросилъ съ себя оболочку даже, подъ которою прячется одна ложь—и ушелъ туда, гдѣ нѣтъ лжи...

— Куда же? съ едва скрываемою ироніею спросилъ Ребиндеръ:—гдѣ это вы нашли такую Аркадію?

— За Волгой.

— За Волгой?—вотъ тутъ?

— Нѣтъ, на Иргизѣ.

— На Иргизѣ?—гдѣ же это?

— За Малыковкой

— Я этой мѣстности не знаю.

— Ниже Симбирска и выше Саратова... Въ Иргизскихъ скитахъ.

— А! въ скитахъ!—Такъ вы раскольникъ?—Вотъ что!—дворянинъ—и раскольникъ! Ребиндеръ пожалъ плечами.

— Нѣтъ... я не раскольникъ... Я только нахожу сомнѣнія въ разсужденіи церковныхъ—не почитаю не только духовенство, но и церковь...

— О! Ребиндеръ всталъ.—Даже церковь?

— Да... И то, что попы называютъ таинствами — я не признаю...

— Что же вы признаете?

— Евангеліе и правду...

— О! улыбнулся вельможа: — я не православный — въ вашей религіи я не силенъ... Я лучше попрошу его преосвященство переговорить съ вами о семъ предметѣ... Прощайте!

— Можете увести его, обратился онъ къ стоявшимъ у порога съ ружьями солдатамъ.

Кравковъ, горько улыбнувшись, вышелъ.

«Прежде къ Пилату, шепталъ онъ: — а теперь, видно, къ Аннѣ и Каіафѣ поведутъ... Ходи, Кравковъ, ходи... Вотъ тебѣ и свѣтъ широкій, вотъ тебѣ и фіолетовыя моря!..»

На другой день Кравкова вели по улицамъ Нижняго какъ простого арестанта. И передъ нимъ и за нимъ шли два солдата съ ружьями. Передъ его глазами открывалась красивая панорама Волги и далекаго Заволжья. Онъ вспомнилъ, какъ давно когда-то, еще мальчикомъ, онъ былъ въ Нижнемъ съ отцомъ, и эта далекая панорама поразила его юное воображеніе. Неужели же можно добраться туда, въ эту недосыгаемую даль? думалось ему тогда. А въ такія ли дали, послѣ, забрасывала его судьба!—Такія ли панорамы развертывались передъ его изумленными очами, когда корабль его носило по океанамъ!.. А теперь... вонъ куда занесло его утлую ладу...

Кравкова ввели къ архіерею. Горькое чувство шевелилось въ душѣ арестанта.

— Приблизися, сынъ мой, тихо сказалъ архіерей, опершись тучнымъ тѣломъ на аналой, на которомъ лежали крестъ и раскрытое евангеліе, и заплывшими жиромъ глазками осматривая съ ногъ до головы интереснаго арестанта.

Кравковъ не двигался. Губы его судорожно передергивались.

— Подойди, сынъ мой, повторилъ епископъ, возвышая голосъ.

— Зачѣмъ?—Что мнѣ тутъ дѣлать? произнесъ арестантъ.

— Сотвори крестное знаменіе и поцѣлуй крестъ и слово Спасителя твоего.

— Для чего!.. Я не хочу этимъ играть... Я много цѣловалъ его, я его слезами обливалъ...

— Паки поцѣлуй, настаивалъ епископъ.

— Да зачѣмъ вамъ это!—зачѣмъ вамъ этотъ крестъ! — какое вамъ дѣло до Спасителя! съ страстною горечью произнесъ арестантъ.

— Какъ какое дѣло! изумился епископъ.

— Не Его ли именемъ вы мучите народъ, глубоко вѣрующій, глубоко любящій, народъ, у котораго вѣра чище вашей и искреннѣе!.. Не Его ли именемъ вы загоняете его въ пустыни и дебри!.. Не Его ли именемъ возжигаютъ костры и сжигаютъ на нихъ тысячи невинныхъ! Не Его ли именемъ пролиты рѣки крови, когда онъ Самъ пролилъ свою божественную кровь за насъ, чтобы только мы не были звѣрьми, не ѣли бы другъ друга!.. Не Его ли священнымъ именемъ сильные угнетаютъ слабыхъ, богатые обираютъ нищихъ!.. Не Его ли именемъ прикрываютъ все глубоко неправое и глубоко безнравственное!.. Вы, вонъ, въ шелковой рясѣ, въ богатыхъ палатахъ, тотъ весь въ золотѣ, у тѣхъ власть и богатства,— и вы ли смѣете безтрепетно богохульствовать, произнося чистое имя Того, Который но имѣлъ гдѣ главу преклонить! — Вы ли Его служители?—Нѣтъ, вы служители Ирода!.. Это Онъ, божественный страдалецъ, къ вамъ обращался, говоря: «о, порожденія ехиднова! како можете добро глаголати, зли суще?»

— Что ты! что ты!—ты богохульствуешь, еретикъ! могъ только произнести архіерей, все далѣе и далѣе отступая въ глубь обширнаго кабинета, съ испугомъ оглядываясь по-сторонамъ.

— Нѣтъ, вы богохульствуете каждымъ вашимъ словомъ, каждымъ поступкомъ! продолжалъ арестантъ:—вы отъ Его божественнаго ученія, отъ всѣхъ правилъ и заповѣдей Его не оставили не искаженнымъ и не оскверненнымъ ни одного слова, ни одной іоты, какъ слѣпые и злые люди не оставили камня на камнѣ отъ того храма, гдѣ Онъ, божественный страдалецъ, училъ любить ближняго какъ самого себя... А гдѣ вашъ ближній?—Вы загнали его въ лѣса, въ пустыни, въ норы и язвины, вы отдали его кровное достояніе богачу, а его хижину оставили безъ крыши, вы одѣли сильнаго пурпуромъ, а его тѣло отдали на жертву холода и дождей, вы обули богача въ сафьянъ и замшу, а ближняго го-ните босымъ и голоднымъ на барщину... О, порожденія ехиднова!..

Кравковъ вдругъ остановился, какъ бы сразу проснувшись или опаматовавшись отъ бреда. Онъ протянулъ впередъ руки...

— Простите меня, ваше преосвященство! со слезами въ голосѣ заговорилъ онъ:—я не хотѣлъ оскорбить васъ... Я не къ вамъ относилъ мои слова... Я небу жаловался, я вѣтру кричалъ!.. Ваше преосвященство! я такъ много думалъ, такъ много страдалъ...

— Успокойся, сынъ мой... Богъ тебя проститъ... Въ тебѣ горитъ заблужденіе, духъ гордыни, началъ было архіерей.

— Гордыня!—въ армякѣ-то этомъ!—И арестантъ съ горечью показалъ на свой жалкій костюмъ.

— Гордыня и въ рубищѣ ходитъ... А ты, сынъ мой, смирись...

— Что вы мнѣ говорите! — опять страстно воскликнулъ арестантъ:—меня прислали къ вамъ, чтобъ вы меня увѣщевали, какъ раскольника, какъ какого-нибудь начетчика... Да, я Вольтера всего прочелъ, Руссо наизусть знаю, Дидерота, Даламберта, Гельвеція! Надъ святыми словами евангелія я до сихъ поръ плачу какъ ребенокъ... Я правды ищу, правды, слышите ли! А гдѣ она?—У васъ въ консисторіи что ли?—въ синодѣ?—у исправниковъ?—у губернаторовъ?—Я Христовой правды ищу, а вы увѣщевать меня хотите!.. Раскольникъ я!.. Да не вы ли Христа раскольниковъ сдѣлали!... Увѣщевать!—въ чемъ же?—что я сдѣлалъ?—кому зло учинилъ?—какое преступленіе совершилъ? — Развѣ то, что эту подлую, по-вашему, одежду на себя надѣлъ? — За это и исправникъ меня арестовалъ... А вы-то что тутъ, слуга Христовъ?—Вы тоже развѣ исправникъ?.. Развѣ Никодима приводили ко Христу съ солдатами?

Онъ снова остановился, точно его покинули силы. Архіерей въ смущеніи перебиралъ чотки.

— Чего же тебѣ надобно? спросилъ онъ въ нерѣшительности.

— Мнѣ ничего не надо, отвѣчалъ Кравковъ упавшимъ голосомъ:—но вамъ-то что отъ меня нужно?—что нужно имъ?—за что они меня взяли, за что арестовали какъ убійцу?... Я одного только прошу—отпустите меня, не мучьте.

— Но ты покоришься властямъ.

— Какимъ?

— Препеждающимъ властямъ... Ему же убо урокъ урокъ, а ему же дань дань...

— Знаю, знаю... Дань-то особенно... Да я-то не податной — я дворянинъ... говорю это съ сожалѣніемъ...

— Все равно... власть... А ему же убо страхъ страхъ...

— Знаю, давно знаю!—Это Его-то святые слова исказили—изъ евангелія сдѣлали уложеніе о наказаніяхъ... О, порожденія ехиднова!

Архіерей позвонилъ. Кравковъ вздрогнулъ и снова какъ бы опомнился.

— Отпустите меня, ваше преосвященство.

Въ кабинетъ съ низкимъ поклономъ вошелъ сѣдой монахъ.

— Отецъ эконоомъ, обратился къ нему архіерей:—проведи господина капитанъ-лейтенанта въ слѣдственную—впредь до особаго распоряженія.

— О, порожденія ехиднова! тихо бормоталъ Кравковъ, слѣдуя за отцомъ эконоомомъ.

VIII.

Передъ Шешковскимъ.

Раннимъ утромъ, 13-го ноября 1784 года, въ Петербургъ, черезъ московскую заставу, въѣзжали сани-пошевни. По взмыленной и заиндевѣвшей тройкѣ, отъ которой паръ шелъ клубами, видно было, что ѣздоки торопили ямскихъ лошадей, и только, когда у шлахбаума подвязывали къ дугѣ колокольчикъ, усталымъ конямъ дали нѣсколько секундъ на передышку. Дѣло ѣздовыхъ было, повидимому, спѣшное.

Кто же были эти путники?—Тайной экспедиціи канцелярскій чиновникъ Григорьевъ съ «будущимъ», какъ значилось въ дорожной, на которой сверхъ того чернѣли три крупно написанныя магическія слова: «по высочайшему повелѣнію». Вотъ почему такъ взмылены ямскія лошади и почему часовой такъ торопливо подвязилъ шлахбаумъ.

А кто были этотъ «будущій» безъ имени! — Конечно Кравковъ. Это онъ сидитъ закутанный въ нагольный арестантскій тулупъ и задумчиво глядитъ на выступающій изъ тумана Петербургъ.

«Вотъ и онъ опять — Вавилонъ новый. Захотѣлось Кравкову выглянуть изъ «прекрасной пустыни» на свѣтъ божій — ну вотъ и гляди, разглядывай, пока тебя изъ тюрьмы въ тюрьму будутъ перевозить».

Замелькали знакомыя петербургскія улицы, мосты, будки, часовые.

«Все-то прячутся, все-то стерегутъ кого-то, точно дикими звѣрями населенъ городъ. Нѣтъ—хуже чѣмъ звѣрями—благородными Чернышевыми, добрыми Шешковскими, Вяземскими».

Подъ визгъ полозьевъ, захватывавшихъ камни мостовой и рѣзавшихъ душу, Кравковъ, казалось, слышалъ, какъ Герасимушка Персидскій тянулъ свою тоскливую мелодію:

Оле бѣдствія на святой Руси,
Оле лютости по всей земли:
По глухимъ дебрямъ всѣ скитаемся,
Отъ звѣрей лютыхъ уязвляемся,
Всюду бѣдніи утѣсняемся,
Изъ отечества изгоняемся.

«Ахъ, если бы можно было вонъ бѣжать изъ этого отечества, туда, къ фіолетовымъ волнамъ, подъ яркое солнце».

Сани остановились у крыльца большого съ колоннами дома.— Приѣхали!—Какъ-то холодно стало на сердцѣ у приѣхавшаго.

«Въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка—говоритъ В. И. Ламанскій въ своемъ изслѣдованіи о Кравковѣ ¹⁾—русское образованное общество,

¹⁾ Памятники новой русской исторіи; томъ I.

къ лучшимъ представителямъ котораго, за исключеніемъ, быть можетъ, балахнинскаго исправника, принадлежали всѣ лица, такъ вдругъ единодушно заинтересовавшіеся личностью Кравкова, — это общество, по крайней мѣрѣ большинство образованнаго дворянства, не отличалось особенной преданностью церкви и православію, считало сотнями въ своихъ рядахъ ревностныхъ масоновъ, иллюминатовъ или усердныхъ поклонниковъ Вольтера, Дидро, д'Аламбера, Гельвеція. Ни въ Нижнемъ, ни въ Петербургѣ особенно, никого тогда не могло удивить, что какой-то русскій дворянинъ, отставной капитанъ-лейтенантъ, съ неуваженіемъ отзывается о русской церкви, не почитаетъ ни таинствъ ея, ни обрядовъ. Кошунство надъ вѣрою, насмѣшки надъ христіанствомъ были въ то время у насъ до такой степени въ модѣ, что имъ предавались часто даже люди вѣрующіе, изъ боязни прослыть отсталыми. Въ рѣчахъ Кравкова, такъ вдругъ поразившихъ высокопоставленныхъ лицъ и въ Нижнемъ, и въ Петербургѣ, были высказаны тѣ вольныя мысли о церкви, которыхъ держались и они сами, и огромное множество ихъ друзей и знакомыхъ, и, наконецъ, нѣсколько сотъ тысячъ русскихъ крестьянъ и кушцовъ - раскольниковъ, которыхъ въ то время запрещено было преслѣдовать. Въ простыхъ словахъ Кравкова: «гдѣ хочетъ, тамъ и живетъ, и что хочетъ, то и думаетъ», выразились самыя невинныя и естественныя требованія каждаго свободнаго человѣка, самое первое правило начала свободы совѣсти, начала, торжественно провозглашенныя законодательствомъ того времени! Тѣмъ не менѣе, и Ребиндеру въ Нижнемъ, и высшимъ лицамъ въ Петербургѣ мысли Кравкова представляются «зловредными». Подобно балахнинскому исправнику (арестовавшему Кравкова), всѣ они одинаково были поражены не мыслями Кравкова, а тѣмъ обстоятельствомъ, что ихъ возвѣщалъ отставной капитанъ-лейтенантъ съ бородой, въ неподобной одеждѣ; что онъ, осуждая греко-россійскую церковь, ея таинства и обряды, въ то же время называлъ себя христіаниномъ, почиталъ Николая Чудотворца. Раскольника-крестьянина не арестовалъ бы и балахнинскій исправникъ; дворянина масона, деиста или атеиста, преспокойно оставили бы въ покоѣ, но дворянинъ-раскольникъ былъ явленіемъ до такой степени страннымъ, что не могъ не возбудить къ себѣ сильнаго подозрѣнія и въ балахнинскомъ исправникѣ, и въ исправляющемъ должность генераль-губернатора, и въ князѣ Вяземскомъ, и въ самой императрицѣ Екатеринѣ II. Всѣ они были изумлены этимъ случаемъ не только какъ лица правительственныя, представители государства, но и просто какъ люди образованные, представители русскаго общества второй половины XVIII вѣка».

Какъ бы то ни было, Кравкова въ тотъ же день представили предъ ясныя очи Степана Ивановича Шешковского.

Шешковскій — это была замѣчательная личность въ исторіи второй половины прошлаго вѣка. На памятникъ его, который доселѣ можно видѣть на кладбищѣ Александро-Невской лавры, въ сосѣдствѣ съ памятникомъ фонъ-Визина, сохранилась лаконическая эпитафія: «Служилъ отечеству 56 лѣтъ». Но какъ служилъ! — Должность его была скромная, онъ титуловался только оберъ-секретаремъ тайной экспедиціи. Но Степана Ивановича боялись не только простые смертные, но даже первые чины имперіи... Попасть въ руки Степана Ивановича — это все равно, что попасть въ волчій капканъ. Подъ рукой, вельможи рассказывали, что Степанъ Ивановичъ такъ привыкъ дѣлать «обыски» и «допросы», что когда ему некого было обыскивать и допрашивать, то онъ обыскивалъ самого себя. Самъ онъ о себѣ говорилъ, что у него «восковое сердце», что злыми языками толковалось такъ, что онъ изъ своего сердца что хотѣлъ, то и дѣлалъ, но оно такъ же не чувствительно было къ чужому горю и къ чужимъ слезамъ, какъ простой кусокъ воску.

Шешковскій встрѣтилъ Кравкова извиненіемъ, что его, можетъ быть напрасно, побеспокоили; но что, по долгу службы, онъ проситъ господина капитана рассказать ему о себѣ все, «какъ отцу родному». Кравкову человѣкъ этотъ съ «восковымъ сердцемъ» показался добрякомъ, и, перемученный дорогою, разбитый нравственно, съ чувствомъ усталости въ душѣ, онъ дѣйствительно началъ говорить ему «какъ отцу родному». Упавшимъ голосомъ, часто останавливаясь, какъ бы переживая все то, что онъ говорилъ, Кравковъ дѣйствительно рассказалъ ему все, что намъ уже извѣстно — что довело его до рѣшимости порвать связи съ міромъ, глубоко опустыившимъ ему. Рассказалъ и о своей неудачной женитьбѣ, о женѣ, которая надбавила горечи въ тотъ ковшъ горя, который ему пришлось испытать.

— Впрочемъ — прибавилъ онъ съ горечью — напрасно я вамъ объ этомъ и сказываю: она, я думаю, уже давно замужемъ. Сказалъ я о ней для того только, что я твердо рѣшился удалиться отъ свѣта и отъ масоновъ, ибо и въ Пензѣ и во Владимірѣ — все масоны, да и графъ Воронцовъ самъ сказывалъ, что онъ масонъ: я де и Чернышова вашего поставилъ масономъ. Я рѣшился искать прямо христіанской жизни, и ушелъ изъ Пензы, продалъ свое платье, одѣлся въ это, и пошелъ въ раскольничьи скиты. Тамъ я и нашелъ людей, прямо живущихъ по закону божію.

Глаза Шешковского, ясные и прозрачные, какъ глаза невиннаго младенца, казалось, выражали сочувствіе къ арестанту, которому видимо надоѣло все то, что онъ долженъ былъ повторять въ десятый разъ, вовсе того не желая.

— Раскольничьи скиты, повторилъ Степанъ Ивановичъ мягко: — но вѣдь тамъ живутъ люди, не имѣющіе никакого просвѣщенія,

наполненные суевѣрствомъ и невѣжествомъ, и самые простые мужики. Кажется бы, по состоянію вашему, отнюдь не прилично по здравому разуму прилѣпляться къ такимъ простякамъ, забывъ свою честь, что вы почтены въ государствѣ.

Кравковъ слабо махнулъ рукой.

— Мнѣ ни честь, ни достоинства не нужны, и пріятна ихъ жизнь и обряды въ богопочтеніи. Я почитаю—они основаны на истинѣ священнаго писанія, а посему я ихъ и считаю настоящими христіанами.

Глаза Степана Ивановича встрѣтились съ глазами, сидѣвшаго въ сторонѣ, у окна, какого-то старичка и что-то строчившаго. Старичекъ понялъ этотъ взглядъ и сталъ строчить еще усерднѣе.

— Но вѣдь эти люди, продолжалъ онъ еще болѣе мягко, наполнены суевѣрствомъ и невѣжествомъ, то кажется ни какъ не совмѣстно и не прилично вамъ быть въ ихъ сообществѣ, а надлежитъ, оставя такое заблужденіе, искать, по состоянію вашему, лучшей участи и уклониться отъ ихъ прелестнаго ученія.

Кравковъ сдѣлалъ нетерпѣливый знакъ. Все это такъ ему надоѣло!—а этотъ еще повторяетъ одно и тоже—«не совмѣстно, не прилично!»

— Я ничего не хочу! рванулъ онъ было съ мѣста, но остановился.—Одинъ рабъ двумъ господамъ служить не можетъ... Бороды брить, другого платья носить и лучшей участи имѣть я не желаю, а только прошу отпустить меня за границу.

— За границу? Степанъ Ивановичъ насторожилъ уши.

— Да, за границу.

— Что же вы тамъ будете дѣлать?

— Тамъ дѣла больше чѣмъ здѣсь.

Степанъ Ивановичъ опять глянулъ на строчащаго старичка, какъ бы говоря глазами: «строчи, строчи—ничего не моги пропустить».

— Гмъ—дѣла больше чѣмъ у насъ... А въ какомъ мѣстѣ?

— Ужъ я тамъ изберу себѣ мѣсто, какое Богъ назначить.

— Такъ-съ, отлично... А дѣлать-то что будете?

— Работать, читать...

— И читать?

— Да, и читать.

— А что бы такое, позвольте спросить?

— Философовъ, Руссо—да мало ли кого!

— Такъ, такъ, отлично—и философовъ, и Руссо... Раскольники и Руссо—это что-то не вяжется, господинъ капитанъ-лейтенантъ... Суевѣрство..!

Кравковъ нетерпѣливо пожалъ плечами.

— Что вамъ дались раскольники! замѣтилъ онъ. — Эти люди, живущіе въ лѣсахъ, какъ затравленные звѣри, упражняются въ богомоліи и въ трудахъ, да они-жъ бѣдные, и подати платятъ.

— А много ихъ тамъ? любопытствовалъ Степанъ Ивановичъ.

— Въ томъ скиту, отвѣчалъ Кравковъ,—гдѣ я былъ, живеть челоѡкъ сто-другое муштинъ, да сотъ до пяти женщинъ, и старухи—всѣ трудятся въ работахъ, и подати платять.

— Да они и должны платить, возразилъ Шешковскій,—ибо они имѣють земли и промыслы.

— Да земля-то вѣдь божья, съ своей стороны возразилъ русскій социалистъ прошлаго вѣка:—а Богъ не велѣлъ никому никакого насилья дѣлать, ибо Онъ сотворилъ всѣхъ равными.

«Ого-го!» казалось, говорили глаза Степана Ивановича, обращенные къ пишущему старичку:—«слышите? Смекаете?—Это пугачовщиной пахнетъ»...

Но онъ этого не высказалъ, а сдѣлался еще любезнѣе.

— Ахъ, государь мой, началъ онъ снова:—какъ вамъ не стыдно, имѣвши чинъ, и притомъ штабъ-офицерской, быть такъ упряму противъ установленнаго въ государствѣ порядка и защищать такихъ людей, которые, живучи въ праздности, подъ видомъ ложной святости, стараются своими хитростями вовлекать людей въ свои пагубныя сѣти, что самое случилось и съ вами.

Терпѣніе Кравкова, наконецъ, лопнуло... «Чего имъ отъ меня нужно? Что я имъ сдѣлалъ!» Онъ уже начиналъ чувствовать, что пропала его свобода, что паутина, въ которой онъ очутился, запутывала его все больше и больше... «Прощай свобода! прощайте, голубыя моря!»

— Такъ какъ же-съ, государь мой? стоялъ надъ душой страшный паукъ, въ образѣ «добраго друга».

— Какъ!—Да ежели я сдѣлалъ какое зло, съ отчаяньемъ заговорилъ арестантъ,—то въ вашей волѣ—можете меня мучить, бить, или живота лишить. Я на все готовъ. Только души у меня отнять никто не можетъ. Буде же хотите—судите меня воинскимъ судомъ. Хоть съечь велите—только я отъ своего намѣренія не отступлю!

Степанъ Ивановичъ пожалъ плечами, какъ бы сожалѣя «оподливагося» дворянина.

— Никто васъ мучить не будетъ, снисходительно замѣтилъ онъ,—да и нѣтъ нужды.

— Такъ что же вамъ отъ меня нужно?

Степанъ Ивановичъ какъ-то странно улыбнулся.

— Можно думать, сказали онъ, продолжая улыбаться,—что вы столь упорствуете для того, что васъ старички послали посланникомъ за нихъ пострадать и для того вамъ въ напутствіе дали образъ святителя Николая...

— Это благословеніе матери, нетерпѣливо перебилъ его Кравковъ.

— Положимъ... Но старички весьма ошиблись, продолжалъ болѣе серьезно Шешковскій:—нынѣ, по власти божіей и по милости всемилостивѣйшей государыни, наша вѣра христіанская соблюдается

отъ всѣхъ по самому евангелію и преданіямъ святыхъ отецъ. А люди эти, держащіеся стараго обряда, достойны сожалѣнія, ибо отчуждаются церкви Христовой по однимъ только обрядамъ. Впрочемъ, они также христіане, почему и васъ, кажется, мучить нужды настоять не будетъ, а только требуется отъ васъ, по общимъ государственнымъ законамъ, повиновеніе, какъ отъ свѣдущаго по службѣ человѣка и заслужившаго штабъ-офицерскій чинъ.

На всю эту рѣчь Кравковъ ничего не отвѣчалъ. Такъ опротивѣли ему эти казенныя, лицемерныя рѣчи людей, которые сами ни во что не вѣрили, даже въ человѣческую честность.

— Какъ же, государь мой?

Кравковъ все молчитъ. Только губы его нервно вздрагиваютъ.

— А?—согласны, мой добрый другъ?

Опять молчаніе. Слышится только тяжелый сдержанный вздохъ.

— А?—скажите же, государь мой.

— Я уже болѣе говорить не буду, отвѣчалъ Кравковъ не поднимая головы.—Я все сказалъ... Отпустите меня за границу—вѣдь другихъ отпускаютъ.

— Конечно... только...

— Ну, а если нельзя—пошлите на каторгу, тамъ я буду работать, или отошлите въ острогъ—я и тамъ трудиться буду. А здѣсь я запертъ и живу въ праздности.

Шешковскій сталъ ходить по комнатѣ и что-то соображать.

— Хорошо, сказалъ онъ, а потомъ, обращаясь къ строчившему старичку, спросилъ:—готово?

— Готово-съ, ваше превосходительство.

— Литерально?

— Литерально-съ, ваше превосходительство.

Затѣмъ Шешковскій обратился опять къ Кравкову.

— Теперь неудобно ли вамъ, государь мой, руку приложить, указалъ онъ на бумагу, поданную ему старичкомъ.

— Къ чему! нетерпѣливо отвѣчалъ арестантъ.

— А къ вашимъ показаніямъ.

— Зачѣмъ это?

— Такъ заведено-съ—порядокъ, государь мой.

— Не стану я руку прикладывать!—Дѣлайте что хотите!—Я вѣдь ужъ забылъ и писать...

Кравковъ задыхался. Онъ видѣлъ, что его уже сдѣлали государственнымъ преступникомъ.

— Я не хочу писать!—не хочу самъ затягивать свою петлю! повторялъ онъ, пятакъ къ порогу:—я разучился писать!

— Полноте-съ... А Руссо, а философы?

— Пустите меня!—у васъ и говорить разучишься... Я совсѣмъ перестану говорить... Для васъ слово божье, рѣчь—и то уже преступленіе... Дѣлайте со мной что хотите!

— Такъ не подпишете?

— Нѣтъ!

— Напрасно-съ—только время сами затягиваете... А впрочемъ— все равно... На этотъ разъ можете идти...

Онъ хлопнулъ въ ладоши. Въ дверяхъ показались солдаты съ ружьями.

— Проводите господина капитанъ-лейтенанта... До свиданья, государь мой... Подумайте на свободѣ.

Кравковъ вышелъ, не произнеся болѣе ни одного слова.

Онъ сдержалъ слово, данное Шешковскому: до 11-го генваря 1785 года онъ не произнесъ ни одного слова. Онъ не говорилъ даже съ караульными солдатами. Онъ сдѣлался молчалиникомъ. «Слово, рѣчь—уже и это преступленіе»...

11 генваря, Кравковъ заговорилъ вотъ по какому случаю. Въ этотъ день у князя Вяземскаго былъ парадный обѣдъ по поводу одной радости, выпавшей на долю князя наканунѣ. 10-го генваря, Вяземскій, по должности генераль-прокурора, докладывалъ императрицѣ вѣдомость о политическихъ преступникахъ, содержащихся въ крѣпостяхъ.

— А что дворянинъ-старовѣръ Кравковъ? спросила Екатерина.

— Продолжаетъ упорствовать, ваше величество.

— Какъ упорствовать?

— Все молчить, государыня.

— То-есть—какъ же молчить?

— Не произносить ни единого слова вотъ уже который мѣсяцъ: ни на допросы не отвѣчаетъ, ни даже съ караульными не говорить.

— Какъ же?—съ чего же это?

— Да послѣ перваго допроса, ваше величество: — велѣли ему руку приложить къ его показаніямъ, такъ не захотѣлъ—уперся—говорить: «совсѣмъ перестану говорить, ибо-де у насъ, въ Россіи, простое слово божіе, рѣчь—и то уже преступленіе».

— Такъ и сказалъ?

— Такъ и сказалъ, государыня.

Краска не то негодованія, не то стыда, такъ и залила все лицо Екатерины.

— Каково!.. это все вы своимъ неумѣньемъ обращаться съ преступниками, своею жестокостью доводите ихъ до того, что они говорятъ—и въ правѣ говорить, что въ Россіи—простое слово божіе, рѣчь—и то уже преступленіе!... А!—что скажутъ обо мнѣ въ Европѣ!—что я людоедка?—что мнѣ мои подданные боятся говорить правду?.. Какая-де въ Россіи свобода!—только на словахъ...

Князь Вяземскій стоялъ блѣдный, потерянный. Храповицкій, присутствовавшій тутъ же, весь красный, утиралъ фуляромъ потъ, каплями выступавшій на лбу, на щекахъ и даже подъ косою.

— Что-жъ вы ихъ—пытаете что-ли! продолжала императрица:— морите голодомъ?— И это въ мое-то царствованіе, когда я торжественно, передъ всею Европой, провозгласила уничтоженіе пытокъ, всякихъ насилій надъ подданными, даже преступными! когда я хочу только милости и милости!— когда я хочу быть только ихъ матерью!.. А!—слово въ Россіи—преступленіе! И это говорить не мужикъ, а просвѣщенный человѣкъ, выдавшій Европу!— Вотъ до чего вы довели моихъ подданныхъ вашею жестокостію...

Совсѣмъ уничтоженный, князь Вяземскій умолялъ объ отставкѣ... Храповицкій, нагнувшись надъ какою-то бумагою, которую онъ переписывалъ, весь смущенный, прикладывалъ къ этой бумагѣ фуляръ, силясь что-то вытереть.

При видѣ его смѣшной фигуры, императрица вдругъ улыбнулась.

— Что закапалъ потомъ «Обманщика»?

— Ненарокомъ, ваше величество,—простите, бормоталъ онъ:— вспотѣлъ нечаянно.

— Самъ же перепишешь...

— Перепишу, государыня,—вспотѣлъ...

— Вспотѣлъ въ чужой банѣ.

Гнѣвъ императрицы окончательно прошелъ. Она взглянула на Вяземскаго.

— Ты просишь отставки?

— Не гожусь я, ваше императорское величество,—увольте—негожусь.

Екатерина милостиво положила ему на плечо руку.

— Только ты одинъ и годишься, ласково пояснила она:— ни изъ князей Голицыныхъ, ни изъ Долгоруковыхъ нельзя сдѣлать генераль-прокурора. А ты—мой ученикъ, я тебя сама формировала, и сколько я за тебя выдержала:— всѣ называли тебя дуракомъ ¹⁾.

Вяземскій, упавъ на колѣни, цѣловалъ край платья императрицы и плакалъ.

— Матушка!.. великая, великая! бормоталъ онъ безсвязно.

Эта-то неожиданная нахлбучка, а потомъ милостивое признаніе, что онъ не дуракъ, дало Вяземскому поводъ устроить званый обѣдъ для друзей. А такъ-какъ причиною нахлбучки былъ Кравковъ, то генераль-прокуроръ въ тотъ же день рѣшился быть какъ можно мягче и снисходительнѣе къ своимъ арестантамъ, а въ особенности къ Кравкову. 11-го же генваря онъ велѣлъ отнести своему арестанту обѣдъ со своего стола. Этотъ-то обѣдъ и заставилъ Кравкова говорить. Узнавъ, что это обѣдъ отъ Вяземскаго и вспомнивъ, сколько времени они его мучатъ напрасно, Кравковъ не могъ

¹⁾ «Дневн. Храповицк.» изд. Барсукова, стр. 4, 279, 323.

подавить припадка вспышки и сказалъ караульнымъ принесшимъ обѣдъ: «отдайте его собакамъ».

Вечеромъ, когда ему принесли и ужинъ съ княжескаго стола, послѣдовала та же исторія. Этотъ княжескій ужинъ Кравковъ выбросилъ въ тотъ сосудъ, который арестанты называютъ «чига-нашкой».

— Скажите Шешковскому, обратится онъ при этомъ къ караульнымъ:—если со мною ничего не сдѣлаютъ и станутъ меня еще здѣсь держать, то вѣдь руки у меня не скованы,—я самъ что нибудь надъ собою сдѣлаю.

Это такъ напугало Вяземскаго, что онъ тотчасъ же поскакалъ къ митрополиту Гавріилу.

— Ваше высокопреосвященство! помогите, молилъ онъ митрополита.

— Въ чемъ дѣло, сіятельнѣйшій князь?

— Государыня думаетъ, что я жестоко обращаюсь съ моими арестантами и не умѣю ихъ направить на путь истины. А мнѣ вотъ на шею посадили раскольника дворянина, такого, что Вольтера да Руссо читаетъ и въ скитахъ жилъ. Какъ мнѣ съ нимъ сладить насчетъ вѣры!—Позвольте мнѣ его къ вамъ прислать, ваше высокопреосвященство.

— Хорошо, пришлите.

IX.

Передъ княземъ Вяземскимъ.

Въ чемъ состояло объясненіе митрополита съ Кравковымъ, какъ они поняли другъ друга—изъ дѣла неизвѣстно. Но несомнѣнно, что митрополитъ не возбудилъ въ странномъ раскольникѣ того глубокаго презрѣнія, какое возбудили въ немъ и архіерей нижегородскій, и Ребиндеръ, и Шешковскій, и Вяземскій. Оно и не удивительно: митрополитъ Гавріилъ былъ умнѣе всѣхъ ихъ и болѣе всѣхъ понималъ душу человѣческую. Не даромъ Екатерина особенно уважала этого іерарха, посвятила ему даже своего «Велисарія» и всегда называла его «мужемъ острымъ и резонабельнымъ». Этотъ же митрополитъ, глубоко возмущаясь стариннымъ обычаемъ, въ силу котораго провинившихся священниковъ сѣкли какъ Сидорову козу, исходатайствовалъ у правительства указъ объ уничтоженіи этого гнуснаго обычая-закона.

Какъ отнесся митрополитъ къ воззрѣніямъ Кравкова, можно отчасти судить по письму его къ князю Вяземскому, по поводу того же Кравкова.

«Сіятельныйшій князь Александръ Алексѣевичъ, милостивый государь!—писалъ онъ.—Присланный отъ вашего сіятельства ко мнѣ флота капитанъ 2-го ранга Евдокимъ Кравковъ многократно былъ увѣщаваемъ, но остался въ прежнихъ мысляхъ. Онъ приверженъ къ толку старообрядцевъ, называемому поповщиною, но при всей той приверженности имѣетъ мнѣнія и раскольниками нетерпимыя. Его отзывы и разсужденія показываютъ человѣка разстроенныхъ мыслей. А какъ въ такое состояніе приведенъ онъ печальными обстоятельствами и причиною того почитаетъ другихъ, то произшедшее отъ сего въ немъ негодованіе производитъ недовѣрчивость, отвращеніе и упорство. Исправить его, кромѣ снисхожденія, не можно. Онъ чрезъ время, увидѣвши не то, что нынѣ заключаетъ, можетъ смягчиться въ своемъ упорствѣ. Я его съ симъ къ вашему сіятельству препровождаю».

«Снисхожденіе», только «снисхожденіе». Но этого государственные умники никакъ не могли понять. Имъ хотѣлось непременно переубѣдить человѣка, который былъ умнѣе ихъ и притомъ же доведенъ до крайняго нервнаго возбужденія, благодаря все тѣмъ же умникамъ.

— Что дворянинъ-старовѣръ? снова спросила императрица Вяземскаго черезъ нѣсколько дней.

— Послѣ увѣщанія митрополита, ваше величество, спокойнѣе сталъ.

— А касательно мыслей?

— Упорствуетъ, государыня.

— А что митрополитъ сказалъ?

— Митрополитъ, государыня, пишетъ, что исправить его, кромѣ снисхожденія, ничѣмъ не можно.

— Снисхожденіе! живо заговорила императрица:—слышите что говорить умный человѣкъ?—а? слышите?

И Вяземскій, и Храповицкій, тутъ же занимавшійся «перлюстраціей», вытянулись.

— Точно, государыня, процѣдилъ первый.

— Снисхожденіе... милость, поддакивалъ второй.

— Да—милость—только милость, а не строгость править міромъ, горячо сказала императрица:—вспомните—неразумный сынъ премудраго и милостиваго Соломона чрезъ свою строгость царства лишился... Это зато, что онъ наказывалъ подданныхъ скорпіями...

— А князь кормитъ Кравкова устрицами, матушка.

Екатерина невольно улыбнулась. Это говорилъ Нарышкинъ Левъ, показавшійся на порогѣ внутреннихъ покоевъ. На плечѣ у него было полотенце.

— Устрицами?

— Точно, матушка.

— Не устрицами, государыня, а точно отъ своего стола посы-
лалъ, оправдывался Вяземскій.

Императрица замѣтила полотенце на плечѣ у своего друга
«Левушки».

— Это что у тебя за полотенце? улыбнулась она.

— Да вотъ покои твои убиралъ, матушка, невозмутимо отвѣ-
чалъ Нарышкинъ.

— А Захаръ что же?

— Не хочетъ.

— Какъ не хочетъ!

— Такъ и не хочетъ—сердится на тебя, матушка.

— За что еще?

— Да говорить—государыня всю прислугу избаловала:—сама
изволить печи топить, а прислуга дрыхнетъ... Такъ, говорить,
житья не будетъ во дворцѣ.

Екатерина засмѣялась.

— Это правда—я немножко виновата передъ Захаромъ:—сего-
дня утромъ я проснулась раньше обыкновеннаго—дѣла было много
и показалось мнѣ холодно... Я пожалѣла прислугу—и не разбу-
дила, да сама и растопила дрова... Нечего дѣлать—надо просить
прощенія у Захара Константиновича.

Императрица видимо была довольна этой невинной, но ловкой
шуткой своего «Левушки». Этотъ «Левушка» при помощи своихъ
дурачествъ умѣлъ необыкновенно искусно льстить. Хитрый царед-
ворецъ, прикидывавшійся повѣсой, больше всѣхъ зналъ слабость
императрицы къ популярности—и всегда умѣлъ ловко угодить
этой слабости. Онъ такъ поступилъ и въ данномъ случаѣ: рѣшъ
шла о снисхожденіи, о милости, объ умѣ и добротѣ Соломона; «Лё-
вушка» все это слышалъ изъ сосѣдней комнаты—и явился съ по-
лотенцемъ на плечѣ, чтобъ «насмѣшить свою матушку»...

— Такъ устрицами, князь, кормишь Кравкова, а не скорпіями?
продолжала шутить матушка.

— Стараюсь, государыня.

И онъ дѣйствительно постарался.

Въ тотъ же день онъ велѣлъ привести Кравкова въ присут-
ствіе тайной экспедиціи, гдѣ, конечно, былъ и неизбѣжный Шеш-
ковскій. Послѣдній былъ не въ духѣ, узнавъ, что императрица не
одобряетъ ихъ жестокаго обращенія съ арестантами.

«Сама печи топить, прислугу жалѣючи, а мы вонъ якобы му-
чимъ нашихъ молодцовъ, бормоталъ онъ, расхаживая маленькими
шажками по присутствію:—что жъ намъ ручки что-ли у нихъ цѣ-
ловать, когда они упорствуютъ?.. Устрицами Кравкова кормимъ,
скорпіями... Да онъ, подлецъ, и стоитъ скорпіевъ—эдакій кремень...
Устрицами... А все этотъ Лёвка наушникъ—все онъ переносить,
шпынь проклятый... Совсѣмъ избаловали арестантовъ:—пытать,

слышь, не могли... Да чѣмъ его, подлеца, кромѣ дыбы проймешь?— Эхъ то-то времячко было, то-то лафа была Андрею Ивановичу Ушакову, когда у него подъ руками и застѣнокъ, и дыбушка-матушка, и эдакія разныя плеточки—сразу все вышитають... А мы вотъ въ сухомятку допрашивай—не смѣй и посѣчь»...

Вошелъ Кравковъ. Онъ много измѣнился за послѣднее время, постарѣлъ, посѣдѣлъ, хотъ ему едва только минуло сорокъ лѣтъ.

— А! Господинъ капитанъ-лейтенантъ: сколько лѣтъ, сколько зимъ! дружески подошелъ къ нему Степанъ Ивановичъ.

— Какъ ваше здоровье, господинъ капитанъ? спросилъ Вяземскій, кивая головой:—сама всемилостивѣйшая государыня интересуется вашимъ дѣломъ.

— Благодарю—я здоровъ, былъ короткій отвѣтъ.

— Очень радъ... Ну, а какъ на счетъ вашего рѣшенія?

— Какого рѣшенія?

— На счетъ то-есть мыслей въ разсужденіи религіи?

— Мои мысли на этотъ счетъ извѣстны его высокопреосвященству.

— Все это такъ-съ... Его высокопреосвященство, конечно, смотреть со стороны догматики, а мы—согласитесь—должны относиться къ дѣлу съ государственной точки зрѣнія.

— Со стороны такъ сказать цивильной, пояснилъ Шешковский.

— И шляхетской, добавилъ князь Вяземскій.

— Въ разсужденіи бороды и платья, еще яснѣе опредѣлитъ Шешковский.

— А также и въ разсужденіи раскола.

Кравковъ молчалъ.

— Какъ же, капитанъ? — не бросили вы вашихъ бредней? не вытерпѣлъ Шешковский.

— Какихъ бредней? спросилъ Кравковъ.

— Ахъ, капитанъ! да неужели вы сами не понимаете, сколь для васъ постыдно, заслуживши чинъ штабъ-офицерской, войти въ такое заблужденіе, которому слѣдуютъ люди, не имѣвшіе никогда никакого просвѣщенія, удалиться отъ общества и тѣмъ паче оставить святую церковь, всѣ ея преданія, и вѣрить такимъ людямъ, которые не только никакого понятія, въ чемъ они сомнѣваются, не имѣютъ, но что и сами, по глупости своей, истинно полагаютъ, то и тому правдоподобнаго доказательства дать не могутъ.

— Но вѣдь я же это слышалъ!—Что вамъ до меня!

— Намъ васъ жаль.

— Такъ отпустите меня.

— Куда?—въ скиты?

— Да хотъ гдѣ-нибудь дайте спокойно умереть.

— Зачѣмъ умирать?

— Ну, уйти отъ всѣхъ, отъ этой горькой жизни — забыться...

— Чтожъ! если вы хотите посвятить себя на службу Богу и удалиться отъ суеты...

Кравковъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе, но смолчалъ.

— Что жъ!—вы можете избрать мѣсто, по желанію вашему, въ монастырѣ, гдѣ быть вамъ не только не постыдно, но и полезно бы было для васъ, и притомъ, надѣюсь, на сіе бы и всемилостивѣйшая государыня изъявить изволила свое благоволеніе.

Говоря это, князь Вяземскій невольно вспомнилъ: «а всѣ тебя считали дуракомъ.. кто же это всѣ? а?—ужъ не Левка ли Нарышкинъ наушникъ, шпынь и льстецъ»...

— Ну такъ какъ же? снова обратился онъ къ арестанту.

— Устрицы... все только устрицы... скорпіи бы, пробормоталъ про себя Пешковский:—ахъ Андрей Ивановичъ!..

Вяземскій старался не слышать его словъ; онъ рѣшился до конца быть мягкимъ.

— А?—что же вы на это скажете, мой другъ?—въ разсужденіи монастыря...

— Помилуйте! не выдержалъ арестантъ:—что вамъ до меня за нужда!—Богъ насильно никого къ спасенію призывать не велѣлъ, а открылъ путь всякому, кто какъ желаетъ спастись... Что вамъ до меня?—Какъ я о величій божій мыслю и ищущу спасенія—знать никто не можетъ.

«Ахъ! — думалъ онъ при этомъ:—какъ умнѣе всѣхъ ихъ Никита Петровичъ — простой мужикъ... А вѣдь эти государствомъ правятъ».

— Зачѣмъ вы хотите меня непременно въ монастырь засадить?

— Не мы—продолжалъ пилить Вяземскій, стараясь оправдать довѣріе государыни, что онъ не дуракъ: — не мы, но самъ Богъ, чрезъ посредство постановленныхъ пастырей церкви Христовой, которымъ Онъ ввѣрилъ самъ, по словеси своему, пасти стадо, призываетъ васъ къ истинному богопознанію. Положимъ, что вы конечно вѣруете въ Бога, чаете себѣ спасенія, но равнымъ образомъ и всякій христіанинъ того же желаетъ и ищетъ того по своему состоянію. Всякій исполняетъ всѣ обязанности, налагаемыя закономъ и вѣрою, и церковь святую почитаетъ матерью своею, всѣ ея преданія, установленныя отъ Христа, и преданія святыхъ отецъ по возможности исполняетъ; а вы совсѣмъ отчуждились отъ церкви и ее оставили. Повѣрьте, если бы сіе не было прискорбно и вы не были бы достойны сожалѣнія въ разсужденіи такихъ странныхъ кроющихся въ васъ воображеній, то конечно бы по напрасну не стали бы принуждать васъ къ присоединенію къ церкви Христовой, страшась, дабы не отдать отвѣта Богу, что объ васъ не старались или мало о обращеніи вашемъ попеченія имѣли, тѣмъ болѣе что и всемилостивѣйшей государынѣ весьма сіе угодно, ибо она, аки мать, о чадахъ своихъ печется, но видитъ своего подданного,

падшаго въ такое заблужденіе. И для того мы (онъ взглянулъ на Шешковскаго, который нетерпѣливо шуршалъ бумагой) — мы, будучи обязаны вѣрностію къ самодержицѣ своей, должны о вастъ имѣть сожалѣніе и, сколь возможно, привести къ познанію истины.

Вся эта проповѣдь, дышущая грубѣйшимъ матеріализмомъ, — полная кощунства надъ вѣрою и ученіемъ евангельскимъ, терзала и мучила Кравкова, стоила ему всякой пытки.

Онъ глубоко поникъ головою. Упавшія на колѣни руки сжались съ такою силою, что кости хрустнули.

— Такъ какъ же? — ясны для вастъ мои доводы? продолжалъ пилить Вяземскій.

Кравковъ всталъ, но голова его оставалась опущенною на грудь.

— Я родился во тьмѣ — тихо сказалъ онъ — хочу такъ же и умереть... Я не знаю, что кому нужды имѣть обо мнѣ попеченіе... Я ни отъ кого ничего не требую и не желаю, ни о чемъ никого не просилъ и не прошу... Если же я сдѣлалъ что противное закону, то вы вольны меня разжаловать, наказать по законамъ и хотя лишить жизни.

— Зачѣмъ же! помилуйте!

Кравковъ махнулъ рукой и быстро вышелъ изъ присутствія.

«Трудно иногда представить себѣ — говорить по этому случаю г. Ламанскій — до какого уродства и безобразія способны доходить люди въ своемъ безвѣріи и индеферентизмѣ, когда по какимъ нибудь виѣшнимъ расчетамъ и соображеніямъ считаютъ себя призванными являться защитниками вѣры, христіанства, ученія любви и свободы, не только не нуждающагося въ ихъ покровительствѣ, но еще оскверняемаго ими въ своей святынѣ! Кто хлопочетъ объ обрашеніи Кравкова? Князь Вяземскій, низкой души человѣкъ, нечестный гражданинъ, грязный въ своей семейной жизни! О нравственности и крѣпости христіанскихъ убѣжденій Шешковскаго и другихъ нечего и упоминать».

Х.

«Матерняя резолюція».

Послѣ этихъ неудачныхъ увѣщаній, Кравкова оставили на время въ покоѣ. Дни проходили за днями, а ни къ нему никто изъ властей не заглядывалъ, ни къ себѣ его не призывали. Казалось, что объ немъ всѣ забыли. Но тѣмъ сильнѣе въ немъ заговорила память прошлаго.

О томъ, далекомъ, свѣтломъ прошломъ, когда передъ нимъ заманчивой панорамой разстилалось таинственное, но полное иллю-

зій будущее, когда во власти его, казалось, находились цѣлыя моря и океаны съ невѣдомыми странами и народами, когда онъ самъ бороздилъ эти моря и рвался въ новыя, невиданныя страны и когда впереди, среди этихъ грезъ и дѣйствительности, вставалъ свѣтлый образъ навѣки погибшаго друга, — объ этомъ далекомъ прошломъ онъ даже и не вспоминалъ, потому что не могъ реально представить его себѣ. Ему теперь казалось, что этой полосы въ его жизни совсѣмъ даже не было, что все это пронеслось въ волшебномъ снѣ, въ молодыхъ грезахъ. Онъ даже не могъ теперь представить себя тѣмъ Кравковымъ, какимъ онъ былъ когда-то въ этихъ разлетѣвшихся грезахъ, въ этихъ «соніяхъ», пробужденіе отъ которыхъ было такое страшное. Развѣ это онъ, воть этотъ одинокій Кравковъ, плылъ тогда на фрегатѣ отъ кавказскаго берега къ Крыму, къ Кафѣ, и рассказывалъ молодымъ офицерамъ Павлюку и Шастову о своихъ далекихъ плаваніяхъ? Да развѣ это онъ плавалъ? — Развѣ онъ восторженно молился сѣдому океану и плакалъ отъ умиленія?.. Нѣтъ, это былъ кто-то другой, а не онъ... Да, этого прошлаго не было — оно было только во снѣ... И та, когда-то свѣжая, а теперь уже почти забытая могила на берегу Оки, и та, которая лежала въ этой могилѣ, и ея соломенная шляпка на столѣ, и одна перчатка, и то послѣднее письмо — «отдай мнѣ его, сине море»,—все это было во снѣ...

Но у него осталось еще и другое прошлое, близкое—и воть объ немъ онъ теперь вспоминалъ какъ о чемъ-то недостижимомъ.

Обширная луговая поляна залита лучами утренняго солнца. Съ одной стороны ее окаймляетъ зеленый лѣсъ, звенящій голосами птицъ, съ другой—ровные, плоскіе берега Иргиза, а дальше—безконечная степь, что раскинулась вширь отъ Волги вплоть до Яика-Урала. Изъ-за лѣсу блеститъ на солнцѣ золоченный крестъ скитской церкви. Въ прозрачной синевѣ кружатся голуби. А здѣсь, на полянѣ, кипитъ работа. Отъ самаго лѣсу вытянулся строй косарей, человѣкъ до ста, и, широко размахивая косами, эта длинная лава косцовъ медленно двигается впередъ, шаркая острыми косами по зеленой травѣ, убранной всевозможными цвѣтами. Высокая, сочная трава такъ и разстилается, такъ и падаетъ ницъ передъ этими витязями. А витязи эти—скитскіе «старцы»—косари, большею частью народъ молодой, здоровый. А противъ этой длинной лавы «старцевъ» идетъ другая, еще болѣе длинная лава «старицъ»—все это бабы молодыя, сильныя. «Старицы» идутъ лавою косцовъ въ двѣсти. Косы сверкаютъ на солнцѣ какъ алмазныя полосы.

— Вонъ какъ старица Платонида забираетъ впереди всѣхъ, словно лебедь плыветъ.

— Ужъ и мастерица же косить! двухъ мужиковъ за поясъ заткнетъ.

— Вонъ какую широкую полосу гонить—богатырь старица!

— Одно слово, по писанію—«широковидная».

— Да и сестра Виринея шибко рѣжетъ.

— А нашъ-отъ старецъ Вавила, гляньте, какимъ козыремъ идетъ.

— Словно Самсонъ на филистимлянъ.

Обѣ лавы косарей все ближе и ближе сдвигаются. Уже небольшая полоса нескошенной травы раздѣляетъ мужскую лаву отъ женской. Сестра Платонида и старецъ Вавила первые прорѣзали свои полосы до конца, и остановились, красные, разгорѣвшіеся.

— Богъ въ помощь, матушка Платонидушка.

— Спасибо на божьемъ словѣ, Вавилушка братецъ.

Косцы вынимаютъ изъ-за голенищъ деревянные лопатки и шаркаютъ ими о притупившіяся косы. Наближаются и другіе косцы—лава къ лавѣ.

А Кравковъ вмѣстѣ съ Герасимушкой и Саватѣюшкою Персидскими идутъ за лавами косцовъ и собираютъ въ плетешки перепелиныя яйца: послѣ скошенной травы перепелиныя гнѣзда открываются то тамъ, то здѣсь, и Кравковъ съ своими молодыми друзьями собираетъ сѣренькія, пятнистыя яички, потому что все равно ихъ сороки повышываютъ. Вонъ они, долгохвостыя, такъ и выются надъ скошенными полосами, ища легкой добычи. А изъ этихъ перепелиныхъ яичекъ какія вкусныя яичницы готовятъ въ скитахъ!

Первая полоса скошена. Косы притупились. Косцы собираются у «стана» и, усѣвшись кругами на землѣ, начинаютъ «отбивать» небольшими молотками на такихъ же небольшихъ наковальняхъ притупившіяся лезвья косъ. Звонъ раздается по всей полянѣ, и эхо его повторяется въ лѣсу по ту сторону Иргиза.

Передохнувъ, идутъ косить вторую полосу. А тамъ, вскорѣ и копны готовы—вся поляна такъ и усѣяна копнами. Тутъ ужъ «копнить» сѣбно—это бабѣ дѣло: на такое дѣло сестры большія мастерицы.

А тамъ, глядишь, и ржи и пшеницы стали созрѣвать. Новая работа всему скитскому населенію, и такъ почти круглый годъ: уборка, молотба, помолы на скитской мельницѣ. А тутъ же и возка арбузовъ и дынь съ бахчей, соленье и квашенье тѣхъ и другихъ на зиму... Горы огурцовъ, капуста...

Проходить лѣто. Наступаютъ осенніе заморозки — «звонкая осень», когда шибко укутанная и промерзшая дорога звенить на зарѣ подъ кованными колесами. Но снѣгу еще нѣтъ, ибо заволжская осень суха и ясна. Озеро уже подернуто тонкимъ, прозрачнымъ какъ стекло льдомъ. Ледъ дѣлается все толще и толще. Раннимъ утромъ Кравковъ отправляется съ юными Персидскими «глушить» рыбу по замерзшимъ берегамъ Калача, особенно по ту сторону озера, въ приглубыхъ заливахъ и въ длинныхъ «куткахъ»,

по берегамъ поросшихъ рѣзучею осокою. Въ рукахъ у нихъ «чекмари»—длинные палки съ круглыми въ кулакъ наконечниками изъ корня того же дерева, изъ котораго сдѣланъ «чекмарь». Ледъ такъ еще тонокъ, что Кравковъ и его юные друзья ложатся на животы и ползкомъ перебираются на ту сторону Калача. Сквозь прозрачный ледъ видно далеко въ глубину—вода какъ хрусталь чиста: въ глубинѣ видны плавающія рыбы. По мѣрѣ движенія охотниковъ по льду, онъ гнется, трещитъ—вотъ-вотъ проломится; но они ползутъ осторожно. Вотъ они и переползли—идутъ вдоль берега. Здѣсь вода еще прозрачнѣе. Видно дно озера какъ на ладони—и приютившаяся подъ водою травка, и, заснувшая на зиму, зеленая лягушка, уткнувшаяся носомъ въ какую-нибудь ямочку. Они идутъ тихо, чуть скользятъ по зеркальной поверхности. Вонъ подбилась къ подводной травкѣ щука и стоитъ неподвижно, только гибкій хвостъ ея немного шевелится. Кравковъ поднимаетъ высоко надъ головою «чекмарь» и со всего размаху бьетъ имъ по льду какъ разъ противъ головы щуки. Ударъ оглушаетъ ее—она вертится на мѣстѣ. Еще ударъ, и еще—и хищная рыба опрокидывается пластомъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ ударили «чекмаремъ», во льду образовалась чудная, всѣхъ радужныхъ цвѣтовъ звѣзда. Кравковъ еще сильнѣе бьетъ по льду «чекмаремъ»—и ледъ пробитъ. Въ отверстіе засовывается рука—и щука вытаскивается на поверхность. А тамъ Герасимушка «глушитъ» огромнаго карася, Саватѣюшка никакъ не можетъ заглушить жирнаго линя.

Слышно, какъ на токѣ молотить братія—и старцы и здоровыя старицы: далеко разносятся въ утреннемъ воздухѣ звонкіе удары цѣповъ объ промерзшую, гладкую какъ ровная доска токовину. Въ лѣсу звучатъ топоры объ замерзшія деревья—это братія готовятъ дрова на обитель. Все работаетъ—и работаетъ не по принужденію, а изъ любви, по охотѣ, и потому во всемъ довольство, обиліе.

Гулко въ морозномъ воздухѣ раздаются удары въ скитское било—это святой отецъ, Никита Петровичъ, созываетъ въ обитель свою братію, старцевъ и старицъ, труждающихся и обремененныхъ:—это значитъ, что настала часъ общественной трапезы. Всѣ сходятся въ просторную избу и садятся за огромные столы, а служки, молодые послушники, разносятъ по столамъ яства, а во время трапезы кто-либо изъ братіи, которые грамотные, читаютъ по очереди то евангеліе, то дѣянія апостольскія, то житіе святыхъ, либо другое что божественное.

Такъ вспоминалъ Кравковъ скитскую жизнь, сидя въ своемъ одиночествѣ и не зная, что въ эти самые часы рѣшается навсегда его участь.

Въ кабинетѣ императрицы идетъ докладъ. Екатерина, нѣсколько откинувшись на спинку кресла и поглаживая рукой перламутровый разрѣзной ножъ, слушаетъ докладъ Вяземскаго и поглядываетъ

васть иногда на Храповицкаго, который за отдѣльнымъ столомъ углубился въ какіе-то корректурные листы. У окна Левъ Александровичъ Нарышкинъ тихонько дразнить попугая, просовывая къ нему въ клѣтку кончикъ носового платка.

«Онъ, Кравковъ (читаетъ Вяземскій), какъ человѣкъ противъ званія своего дѣлаетъ поведеніемъ и жизнію своею нетерпимый въ обществѣ не только соблазнъ, но самымъ своимъ ложнымъ мнѣніемъ развращаетъ и другихъ, отторгнувшись отъ святой церкви и наставленіемъ неправомыслящихъ невѣждъ, избралъ лучшее сожитіе съ тѣми невѣждами, нежели въ обществѣ людей, законами и вѣрою охраняемыхъ, такъ что никакія увѣщанія духовной и мірской власти о повиновеніи церкви и установленнымъ государственнымъ законамъ воздѣйствовать въ немъ не могли, за что, по силѣ законовъ, и достоинъ онъ, Кравковъ, жестокому наказанію»...

Замѣтивъ, что при послѣднихъ словахъ императрица какъ-будто поморщилась, докладчикъ въ нерѣшительности остановился.

— Наказанію, да еще жестокому, сказала она, глядя на Вяземскаго:—не люблю я этихъ словъ.

— Эти слова изъ закона, ваше величество, оправдывался докладчикъ.

— И въ законѣ такихъ словъ не должно быть:—жестокость, наказаніе...

— И скорпіи, матушка, вкинулъ свое слово «Левушка», ударивъ попугая по носу.

— Именно скорпіи... Я не хочу быть похожею на Ровоама.

— А Соломона, матушка, ты превзошла, продолжалъ хитрый «Левушка».

— Ну, Левъ Александровичъ, — ужъ ты не въ мѣру льстишь мнѣ, замѣтила императрица.

— Нѣтъ, государыня, — никогда я вамъ не льстилъ, а всегда говорилъ сущую правду... Будь на вашемъ мѣстѣ Соломонъ и приди къ нему княгиня Дашкова съ моимъ братцемъ, какъ тѣ двѣ матери съ ребенкомъ...

Екатерина разсмѣялась.

— А вѣдь ты правъ:—она бы Соломона въ гробъ вогнала.

Въ это время къ столу въ нерѣшительности приблизился Храповицкій.

— Ты что, Александръ Васильевичъ? спросили его.

— Вотъ тутъ, ваше величество, княгиня...

— Опять княгиня!—Дашкова?

— Такъ точно, государыня.

— Что же она?

— Вотъ тутъ, въ корректурѣ «Обманщика»,—княгиня сдѣлала маленькую поправочку въ словѣ.

— Какую же?

— Слово это замѣнила словомъ сіе.

— Оставь это... На правда ли, Левъ Александровичъ, это болѣе порусски чѣмъ сіе.

— Правда, матушка, развѣ не смѣшно было бы сказать: сей попугай большой разбойникъ?

— Вѣрно, вѣрно...

— А сія княгиня—сіе какъ-то возвышеннѣе...

— Ахъ ты, шпынь... Ну, продолжай, обратилась она къ Вяземскому.

— Слушаю-сь.

— И я слушаю.

— «За что, по силѣ законовъ, и достоинъ онъ Кравковъ»...

Вяземскій остановился.

— Только не жестокому наказанію, повторила Екатерина: — напиши тяжкому осужденію.

— Слушаю-сь... «тяжкому осужденію: но поелику довольно изъ собственныхъ его изрѣченій да и по существу самыхъ его дѣяній видно, что въ сіе заблужденіе впалъ и столь упорно настоять по всѣенному въ него отъ выписанныхъ невѣждъ суевѣрію, которое онъ, по слабости разсудка своего, мнитъ быть истиннымъ, а сіе самое и ввергло его въ совершенную фанатизму»...

— Да, да, соглашалась императрица: — фанатизма — это дѣло серьезное и фанатики—люди опасные... Ну, продолжай.

... «ввергло его въ совершенную фанатизму—съ удовольствіемъ на лицѣ повторилъ генераль-прокуроръ эту фразу — или лучше сказать, что лишенъ онъ конечно здраваго разсудка. Почему, а болѣе подражая матернему ея величества человеколюбію и милосердію...

При этихъ словахъ что-то неуловимое мелькнуло по лицу Екатерины, отразилось въ ея глазахъ и тотчасъ же стасло точно искра. Нарышкинъ еще усерднѣе занялся попугаемъ.

... «отъ положеннаго законами жестокаго наказанія», продолжалъ Вяземскій.

— Осужденіе, поправила императрица.

... «отъ того осужденія его избавить; но дабы онъ не могъ, по такому своему упорству и пренебрегаючи не только общее, но и собственное благосостояніе, между обществомъ по разнымъ мѣстамъ шататься, а тѣмъ самымъ не подавалъ бы другимъ слабого разсудка людямъ соблазна, а не меньше по объятому имъ суевѣрству чрезъ странныя разглашенія о святой церкви, то послать его за надежнымъ присмотромъ въ шлиссельбургскую крѣпость»...

— Нѣтъ, остановила докладчика императрица: — не въ шлиссельбургскую.

— Въ петропавловскую?

— Нѣтъ,—въ ревельскую.

— Слушаю-сь... «въ ревельскую крѣпость, гдѣ велѣтъ тамошнему коменданту содержать его подѣ такою стражею, чтобъ онъ никакъ оттуда уйти не могъ, и для того отвѣсть ему особый покой; однакожъ будущимъ при той стражѣ подтвердить, дабы съ нимъ поступано было съ сохраненіемъ человѣческаго состоянія, не дѣлая никакихъ оскорбленій».

— Это хорошо, одобрила императрица.

— Э, ваше сіятельство, — да вы не однимъ языкомъ извите, пробормоталъ Нарышкинъ, отдергивая руку отъ клѣтки съ попугаемъ.

Екатерина глянула въ его сторону: — «Что—укусил?»

— Типнулъ, матушка... Настоящая княгиня — и язычокъ такой же.

— Ахъ ты повѣса.

— Я серьезно, матушка, говорю: вѣдь у попугаевъ и пераклитовъ языкъ подобнаго сложенія человѣческому — это вѣрно.

— Какъ?

— А вы развѣ не изволили этого доселѣ замѣтить?

— Не замѣчала.

— Извольте посмотрѣть.

И Нарышкинъ, съ трудомъ поднявъ массивную клѣтку, поднесъ ее къ императрицѣ.

— Купать попку, купать! — Онъ этого не любитъ.

— Дуггакъ! дуггакъ! дуггакъ! закричалъ попугай и заметался въ клѣткѣ.

— Извольте видѣть его языкъ?

— Вижу... точно сложеніе подобное... je ne savais pas cela... je donnerois à la perruche la survivance de votre charge... ¹⁾ Удивительно...

Клѣтку опять поставили на мѣсто.

— Мѣшай дѣло съ бездѣльемъ, улыбнулась императрица. — Я слушаю докладъ.

«А какъ онъ, Кравковъ—продолжалъ докладчикъ—человѣкъ лишившійся здраваго разума, то иногда что-либо станетъ дѣлать или говорить непристойное, въ такомъ случаѣ коменданту его отъ того удерживать по данной ему, по высочайшему учрежденію, власти. Буде же, паче чаянія, оный Кравковъ станетъ что врать важное, то въ такомъ случаѣ писать о томъ къ генераль-прокурору, а стражѣ, находящейся при немъ, наиприлежнѣйше истолковать, чтобы отъ него, яко отъ безумнаго человѣка, ничего не слушать и никому-бъ, кромѣ его, коменданта, о томъ враньѣ никакъ не разглашали подѣ опасеніемъ военнаго суда. Писемъ писать ему не велѣтъ и ни отъ кого къ нему не брать, чего ради бумаги,

¹⁾ «Дневн. Храповицк.», изд. Барсукова, 5.

пера, чернилъ и всего къ письму способнаго ему ни для чего не давать, также строго смотрѣть, чтобы онъ чего надъ собою или надъ стражею сдѣлать вреднаго не могъ и для того ножа и никакого орудія, чѣмъ человекъ себя и другаго повредить можетъ, не давать»...

— Вотъ какъ попекъ, пробормоталъ «Лёвуншка».

... «да и караульнымъ въ томъ покоѣ, гдѣ онъ содержанъ будетъ, никакого орудія не имѣть. На пропитаніе-жъ и одежду давать ему на каждый день по семи копѣекъ»...

— По десяти, поправила Екатерина:—онъ штабъ-офицеръ.

... «по десяти копѣекъ. Въ какомъ же онъ состояніи находится будетъ, и придетъ ли онъ въ познаніе истины, генераль-прокурору чрезъ каждые четыре мѣсяца, при требованіи на него кормовыхъ денегъ, репортовать. Если же, паче чаянія, оный Кравковъ пожелаетъ позвать къ себѣ попа для исповѣди или святаго причастія, то онаго къ нему, хотя бы онъ былъ и здоровъ, допустить; буде-жъ будетъ въ болѣзни, то потому-жъ преподасть ему о семъ спасительномъ для него способѣ совѣтъ, сказавъ однакожъ священнику, что буде онъ Кравковъ откроетъ ему свое заблужденіе и станетъ просить его о присоединеніи къ церкви, то чтобы онъ въ то же время далъ знать коменданту, а оный имѣетъ донести о томъ генераль-прокурору. Если же онъ умретъ, то похоронить его, Кравкова, по церковному чиноположенію и объ томъ коменданту той крѣпости отписать».

Докладчикъ кончилъ и поклонился.

— Быть по сему, послѣдовала высочайшая резолюція.—А что «лексиконъ рѣмъ»?—обратилась Екатерина къ Храповицкому.

— Первые тетради готовы, государыня.

— А «Февей» переписывается?

— Почти готовъ, государыня.

— Спасибо за проворство.

— Еггмолвъ дуггакъ!—дуггакъ Еггмолвъ! вдругъ закричалъ попка.

— Молчи, попочка,—услышитъ—побьетъ.

Екатерина улыбнулась:—«это ты его научилъ, повѣса?»

— Нѣтъ, матушка, онъ своимъ умомъ дошелъ.

Екатерина погрозила «Лёвуншкѣ» пальцемъ, а къ Вяземскому наклонила голову:—тотъ понялъ, что его отпускаютъ—поклонился и вышелъ.—«Матерняя, истинно матерняя резолюція», шепталъ онъ съ умиленіемъ.

«Лица, осудившія Кравкова за его неправославіе (такъ характеризуетъ г. Ламанскій «златый на сѣверѣ вѣкъ»), сами нисколько не сочувствовали и не вѣрили православію: иначе они не поступили бы такимъ образомъ съ Кравковымъ. Если бы, напримѣръ, Кравковъ былъ деистъ или атеистъ, то никто не тронулъ бы его,

очевидно,—не изъ признанія свободы совѣсти, а потому, что всѣ тогдашнія правительственныя лица въ Россіи, вѣстѣ съ большинствомъ образованнаго общества, сами глубоко сочувствовали Вольтеру и энциклопедистамъ. Никому изъ правительственныхъ лицъ не могла тогда придти въ голову дикая мысль о томъ, чтобы хватать въ тайную экспедицію людей за деизмъ, атеизмъ или масонство (которое впослѣдствіи Екатерина стала преслѣдовать только за сочувствіе масоновъ къ великому князю Павлу Петровичу),—словомъ, всѣхъ образованныхъ русскихъ неправославныхъ, и тамъ насильственно обращать ихъ въ православіе! Извѣстны сношенія Екатерины II съ Вольтеромъ и энциклопедистами; Дидро она даже приглашала въ воспитатели къ своему сыну; а тогдашній оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода, П. П. Чебышевъ, громко хвалился своимъ атеизмомъ... Но отчего же тайная экспедиція, встрѣтятся съ Кравковымъ, вдругъ такъ воспламеняется жаромъ учителя и непремѣнно отъ него требуетъ, чтобы онъ обратился къ церкви?—Мы видѣли, что Кравкова пытаются (хотя не въ застѣнкѣ, а мягко, любезно) и осуждаютъ не за то собственно, что онъ мыслить и вѣровалъ неправославно, не согласно съ церковью, а за то, что онъ, природный російскій дворянинъ и отставной штабъ-офицеръ, носилъ бороду и не подобную одежду, мыслить и вѣровалъ, какъ не просвѣщенный невѣжда. Тайная полиція російской имперіи въ 1784—1785 годахъ ловить дворянина Кравкова и сажаетъ его въ казематъ ревельской крѣпости, слишкомъ на 11 лѣтъ (вѣчно, до смерти), за то единственно, что онъ вѣровалъ и мыслить по-мужицки, не прилично своему званію, не согласно съ тогдашними исправниками, губернаторами, и С. И. Пешковскимъ, княземъ А. А. Вяземскимъ и императрицей Екатериною. По существу не напоминаетъ ли это дѣло священной тайной инквизиціи, о которой если не самъ Пешковский, то князь Вяземскій и императрица отзывались, безъ сомнѣнія, не иначе, какъ съ благороднымъ негодованіемъ? И не есть ли случай съ Кравковымъ одна изъ самыхъ обыкновенныхъ исторій въ лѣтописяхъ всѣхъ прежнихъ и нынѣшнихъ полицейско-военныхъ государствъ, въ которыхъ тайная полиція не только разыскиваетъ и предупреждаетъ преступленія, но сама судить и наказываетъ людей, по ея мнѣнію, виновныхъ, обладаетъ безконтрольною властью, распоряжается огромными тайными суммами и заправляетъ внѣшнею и внутреннею политикою страны? Съ этой высшей точки зрѣнія, я боюсь, исторія бѣднаго Кравкова покажется рускому читателю самымъ незначашимъ анекдотомъ... ¹⁾.

Замѣчанія—глубоко вѣрныя.

¹⁾ «Памятн. новой руск. исторіи», I, 47—48.

«Истор. вѣстн.», февраль, 1884 г., т. XV.

Такъ кончилась первая попытка «хожденія въ народъ чело-
вѣка легальнаго». Но съ самымъ этимъ чело-вѣкомъ еще не все
было покончено.

XI.

Послѣдняя встрѣча.

Въ маѣ 1785 года, изъ кронштадтской гавани собирался выхо-
дить въ море фрегатъ «Витязь», тотъ самый, который, въ 1777
году, мы видѣли крейсирующимъ въ Черномъ морѣ между Кафою
и Суджукъ-Кале. Но якорь почему-то не подымали. Матросики,
наладивъ все къ отходу, стояли и бродили межъ снястями въ ожи-
даніи приказа капитана. Одинъ изъ нихъ стоялъ въ сторонѣ и,
поглядывая за бортъ, на воду, тихонько про себя мурлыкалъ:

Течетъ рѣчка лозоньками,
Плачетъ дѣвка слезоньками.

— Да зачѣмъ, братцы, дѣло стало? интересуется одинъ мат-
росикъ.

— А нечистый ево знаетъ:—должно, господа офицера съ кумуш-
ками прощаются.

— Эй, Маруська! слышишь, хохле!

А тотъ, къ кому относились: продолжалъ жалобно мурлыкать:

Не плачь, дѣвка, не журися,
Ще жъ я молодъ не женился.

— Эй, чортъ, Маруська! тебѣ говорить!

— А что?

— Чево мы стоимъ—не сываемся?

— Охвицеръ говѣрить—рестантовъ ждутъ.

— Куда жъ ихъ?—али въ море топить?

— Нѣтъ, въ Ревель, Богу работать.

Дѣйствительно, на пристани показалась партія арестантовъ, кон-
воируемая солдатами. Тутъ были и старые и молодые, бритые и
съ бородами; у иныхъ были урѣзаны либо правое, либо лѣвое ухо;
видѣлись и такіе, у которыхъ были вырваны ноздри—это больше
старика.

Скоро арестанты были доставлены на бортъ фрегата, и корабль,
пользуясь попутнымъ вѣтеркомъ, вышелъ въ море.

Одинъ изъ арестантовъ, котораго сопровождали особо два сол-
датика, обратилъ на себя вниманіе матросовъ. Въ лицѣ его, не-
обыкновенно грустномъ и въ то же время чѣмъ-то оживленномъ, въ
какой-то горькой улыбкѣ и въ выраженіи черныхъ, ясныхъ и за-
думчивыхъ глазъ было что-то особенное, чего не замѣчалось ни у

одного изъ прочихъ арестантовъ. Матросы замѣтили, что онъ глядѣлъ куда-то далеко, туда дальше, гдѣ море сливается съ небомъ, а по впалымъ щекамъ его медленно катились слезы.

— Глянько-ко, Маруська, на тово вонъ съ бородой — видишь?

— Вижу... что плачетъ?

— Да, онъ самый.

— Что жъ?—на кого не доведись:—невольникъ.

— Да тебѣ развѣ повывазило!

— А что?

— Али не видишь кто это!

— А Богъ ево знаетъ.

— Да это Евдокимъ Михайлычъ.

— Что ты! Кравковъ?

— Онъ и есть—что капитаномъ у насъ былъ.

— Ай-ай!—съ нами святъ!—и точно онъ.

— Господи!—вотъ диво-то!—за что ево?

— А Богъ ево знаетъ... А какой добрый былъ человѣкъ.

Матросы нарочно подошли ближе къ таинственному арестанту, показывая видъ, что идутъ по дѣлу. Арестантъ взглянулъ на нихъ, и въ глазахъ его, сквозь застилавшія ихъ слезы, какъ бы что то затеплилось, точно радость.

— Здравствуй, Маруська! — здорово, Гавриловъ! произнесъ съ улыбкою арестантъ.

Матросы точно остолебенѣли. Кравковъ продолжалъ глядѣть на нихъ.

— Развѣ не узнаете Кравкова—капитана?

— Какъ не узнать, ваше выскородіе!—Да какъ же это, Господи!

— Эй, проходи, служба! загораживалъ собою Кравкова одинъ изъ конвойныхъ:—проходите, господа служба! — разговаривать не приказано.

— Да мы Богъ знаетъ какъ!—мы и не знай что!

— Мы всей душой, вашескородіе!

— Бога за васъ молимъ денно-нощно!

— Сказано проходи! капитану пожалуюсь! горячился конвойный.

— Отойдите лучше, братцы, тихо сказалъ Кравковъ:—онъ человѣкъ не вольный—подъ присягой... Спасибо за то, что не забыли.

— Ахъ, вашескородіе! Евдокимъ Михайлычъ! — да мы Богъ знаетъ какъ!

— Проходи! проходи!

Въ это время изъ офицерской каютъ-кампаніи вышли два офицера съ какою-то бумагою въ рукахъ. Это были списки арестантовъ, препровождавшихся на «Витязѣ», который долженъ былъ сдать ихъ въ Ревелѣ коменданту крѣпости.

— Да неужели-жъ это онъ? говорилъ, видимо волнуясь, бѣлокурый, лѣтъ подъ тридцать офицеръ съ голубыми глазами.

— Конечно онъ, отвѣчалъ другой, темнолицый, смуглый, съ сѣрыми глазами.

— Удивительно!—и за чтò это!

— Надо полагать, за масонство.

— Но вѣдь онъ не любилъ масоновъ.

Они подошли къ конвойнымъ.

— Гдѣ тутъ капитанъ-лейтенантъ Кравковъ? спросилъ смуглый.

— Да здѣсь они, ваше благородіе, весело отозвался тотъ матросикъ, котораго дразнили Маруськой.

— Вотъ они, вотъ Евдокимъ Михайлычъ! подтверждалъ другой матросъ.

— Я здѣсь, господа! съ дрожью въ голосѣ проговорилъ Кравковъ.

Они остановились въ изумленіи, пораженные... Его голосъ, его глаза, и лицо его, но не то, какимъ они его знавали прежде—живымъ, цвѣтущимъ, полнымъ энергіи... Да, это онъ—только въ какомъ видѣ, въ какой одеждѣ!..

— Здравствуйте, господинъ Павлюкъ! — здравствуйте, Шастовъ!

Да, это Кравковъ говорить. Это самъ онъ—не тѣнь его.

— Евдокимъ Михайловичъ!—голубчикъ!

— Что съ вами, дорогой другъ!

— Какъ видите—я арестантъ, отвѣчалъ Кравковъ, указывая на конвойныхъ.

— Но какъ! за чтò?

— За неподобную одежду.

— Ваше благородіе! извольте проходить, опять заговорилъ конвойный.

— Что! крикнулъ на него бѣлокурый Шастовъ.

— Разговаривать, ваше благородіе, не приказано.

— Молчать!—вотъ ты такъ не смѣй разговаривать!

— Я что, ваше высородіе—мнѣ приказано—присяга...

— Молчать! я лучше тебя знаю службу.

И онъ бросился обнимать Кравкова: «голубчикъ! да какъ же это!—гдѣ вы пропадали?—какъ попали сюда, опять на «Витязя»—и въ такомъ... ахъ, Боже мой!..»

— Вотъ что лучше, господа, взволнованнымъ голосомъ сказалъ другой офицеръ, Павлюкъ:—проведи ты, Саша, Евдокима Михайловича къ намъ въ каюту, а то здѣсь неловко... видишь? — А я ужъ самъ провѣрю арестантовъ—(онъ поправился)—я самъ провѣрю людей по спискамъ и тотчасъ же приду къ вамъ, сказалъ онъ, протягивая Кравкову обѣ руки.

Шастовъ и Кравковъ вошли въ офицерскую каюту. Все напоминало послѣднему его службу на этомъ фрегатѣ—каждая мачта,

каждая снасть, паруса, и знакомыя, хотя постарѣвшія, лица матросовъ, и эта каюта, на оконномъ стеклѣ которой все еще видны были нацарапанныя алмазомъ изъ перстня слова: «прощай, товарищъ». Это когда-то нацарапалъ Кравковъ, въ день своего прощанья съ фрегатомъ и съ добрыми друзьями.

— Цѣла, грустно улынулся онъ, показывая на надпись.

— Да, голубчикъ... А вы-то!

— А меня ужъ нѣтъ—стерся...

— Богъ съ вами!

— Да—стерся совсѣмъ, и окно мое разбито—разбита жизнь и душа...

— Ахъ, голубчикъ! да что же это! какъ?

И Шастовъ снова обнималъ своего старого друга, бывшего начальника и товарища.

— Да скажите же—за какое это преступленіе?

— Говорю вамъ:—за ношеніе неподобающаго платья.

— Какого же, голубчикъ?

— Мужичкаго—мужицкой рубахи и бороды.

— Неужто за это?

— Главнымъ образомъ за это.

— Да какъ же все случилось?—Разскажите все, что было съ вами съ того дня, какъ мы съ вами простились въ Херсонѣ.

— Слишкомъ много рассказывать, да и тяжело, признаться.

— Нѣтъ, это облегчитъ вамъ душу—наше къ вамъ участіе—мы какъ родные...

— Да какъ вамъ сказать!—все это такъ просто, а между тѣмъ такъ ужасно... Въ Петербургѣ, воротясь изъ Херсона, я ничего не нашелъ кромѣ оскорбленія.

— Какъ!—отъ кого?

— Отъ Чернышова... Меня выбросили какъ выѣденное яйцо... Но я спѣшилъ домой—меня тамъ ждала невѣста... Да только вмѣсто невѣсты я нашелъ—ея могилу, да забытыя ею у меня на столѣ шляпу и перчатку...

— Ахъ, голубчикъ!—вотъ горе-то!

— Да что объ этомъ!—Если-бъ умерла она — это бы еще ничего:—Богъ далъ — Богъ и взялъ... А то ее заставили утопиться изъ-за меня.

— Господи! да кто же это!

— Отецъ... Что потомъ было—ну, да объ этомъ я могилѣ разскажу... А тамъ меня разорили—и меня и душу мою ограбили.

— Кто же, голубчикъ?

— Да все люди, которымъ я вѣрилъ... Потомъ меня же осквернили:—душу мою, что ограбили у меня, бросили подъ ноги животному... И все это властители и судіи надѣлали... Вмѣсто лю-

дей я нашель звѣрей, вышедшихъ изъ лѣсу и облекшихся въ шитые кафтаны.

— Понимаю... Видываль и я такихъ.

— Я бѣжалъ отъ нихъ, какъ Іоаннъ, въ пустыню — и только тамъ нашель людей.

— Гдѣ же это, голубчикъ?

— Тамъ, куда звѣри въ шитыхъ кафтанахъ не заходятъ:—я ушелъ къ гонимымъ, къ отверженнымъ—и тамъ нашель людей... Это простые люди, мужики—да душу-то свою они не промѣняли на шитые кафтаны... И я сбросилъ съ себя кафтанъ, надѣлъ ихъ рубаху, дѣлалъ ихъ дѣло, думалъ поихнему, и нашель, что Руссо былъ правъ, совѣтуя человѣку одичать... Только я не успѣлъ одичать:—я вышелъ изъ пустыни посмотрѣть, что дѣлають звѣри въ кафтанахъ — и вотъ они меня загрызли... Удивительно только!—звѣрьё всякое повышло изъ лѣсу, надѣло на себя шитые кафтаны да рясy, а людей позагнали въ лѣса...

Шастовъ повидимому многого не понималъ изъ того, что говорилъ Кравковъ, но онъ помнилъ, что у него и прежде была эта манера—говорить какъ-то иносказательно, полузагадками и сравненіями.

— И долго вы тамъ пробывли? старался онъ выпытать у собесѣдника болѣе ясныя свѣдѣнія о его прошломъ.

— Въ скитахъ-то?

— Да... А вы развѣ въ скитахъ жили?

— Въ скитахъ—въ иргизскомъ кадетскомъ корпусѣ, улыбнулся онъ: — только не въ шляхетскомъ, а въ мужичьемъ, въ сиволапомъ.

— Да за что же васъ собственно осудили?

— Ей-Богу не знаю: — читали мнѣ длиннѣйшую резолюцію, изъ коей я ничего не понималъ: — ни то я раскольникъ, ни то я сумасшедшій, ни то одержимый фанатизмомъ.

— Такъ за это только?

— За это—за фанатизму: а фанатизма моя вся въ томъ и состоитъ, что я не похожъ на нихъ—не кусаюсь и не мучу никого именемъ Христовымъ, какъ они.

— И къ чему же васъ присудили?

— Къ заточенію до смерти.

— Господи! на вѣчное заточеніе.

— На вѣчное и одиночное... Позволили только похоронить меня, когда умру, по церковному чиноположенію, да дозволили еще, съ разрѣшенія коменданта, сдѣлаться подобнымъ имъ звѣремъ, когда того пожелаю.

— Какъ это?

— Да когда я открою попу свое заблужденіе, а какое—я и самъ не знаю, и когда пожелаю присоединиться къ церкви.

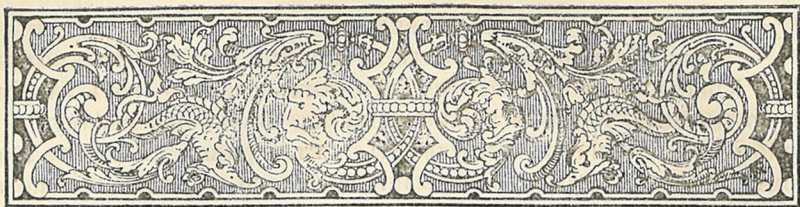
— А развѣ вы отъ нее отrekliсь?

— Меня обвиняють въ этомъ за то, что я вѣрю только словамъ Христа, а не ихъ искаженіямъ этихъ словъ: — вотъ за Христа-то на меня и взѣлся Шешковскій... Вѣрь Вяземскому, а не Христу—это значитъ присоединиться къ церкви... Э! да что я объ этомъ говорю! — Развѣ я первый? — Обидно то, что я и не послѣдній.

Дѣйствительно, онъ не былъ послѣднимъ. Ровно сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Екатерина II сказала великую истину, поставленную въ эпиграфъ этой повѣсти, что «въ шестьдесятъ лѣтъ исчезнуть всѣ расколы, если только заведутся и утвердятся народныя школы и если по отношенію къ раскольникамъ не будутъ употреблять насилія»; но расколы до сихъ поръ не исчезли. А почему?—На это я отвѣчать не рѣшаюсь, тѣмъ болѣе, что отвѣтъ тутъ ясенъ для всякаго, даже не учившагося въ семинаріи.

Д. Мордовцевъ.

ВЪ НЕМШОНОЙ СТРАНѢ

(Изъ воспоминаній).

I.

Кто такіе и что такое?

Е СЪ ЦѢЛЬЮ увеличить число недовольныхъ неудавшимся трехсотлѣтнимъ юбилеемъ Сибири, но подъ неизчезнувшими еще впечатлѣніями самого событія и его громаднаго значенія пишу эти строки.

Нельзя не сознаться, что сибирскій юбилей захватилъ насъ въ располхъ, не приготовленными. Мы, отнесясь недовѣрчиво къ лѣтописнымъ указаніямъ года, числа и мѣсяца, для дня празднества не успѣли еще опредѣлить самого вѣрнаго и безспорнаго срока. Въ то же время готовые праздничать и чествовать страну за ея прошлое, когда угодно, мы не успѣли выяснитъ себѣ, съ кѣмъ имѣемъ дѣло и, положившись на вѣру и на чужое слово, отнеслись къ событію съ изумительнымъ равнодушіемъ и досадною холодною.

Конечно, если вдаваться все глубже въ кабинетныя и книжныя соображенія, окажется, пожалуй, что трехсотлѣтнимъ празднествомъ даже и очень опоздали. Еще отцу Ивана Грознаго въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, за вечерней въ крещенскій сочельникъ, кликали въ титулѣ слова «югорскаго, обдорскаго и кондійскаго». Да и кто можетъ поручиться за то, что не мужичьи лапти, не тѣ вольные пахенные люди, которые въ московскихъ грама-

тахъ обзывались именемъ «гулящихъ», проложили дорогу въ Сибирь еще до выѣзда Строгоновыхъ на Чусовую и вызова ими съ Волги Ермака? Давно ли мы, впрочемъ, чуть не съ колѣнопреклоненіями воздавали честь и благодарность Норденшѣльду за указаніе пути отъ печорскихъ устьевъ до устьевъ великихъ сибирскихъ рѣкъ, глубоко и твердо убѣжденные въ томъ, что этотъ путь зачурованъ отъ сотворенія міра и что тѣ воды совершенно непроходимы и непобѣдимы.

«А поспѣтъ отъ Архангельскаго города въ Мангазею недѣли въ полпята мочно», — простодушно сознавались на вопросахъ еще въ 1610 году промышленные люди съ Двины, и толковали: «А Енисей глубока, кораблями ходить по ней мочно, и рѣка угодна, и рыба всякая такова же, что въ Волгѣ».

На это имъ отвѣчали изъ Москвы вскорѣ:

«А будетъ кто учнетъ съ нѣмецкими людьми торговати или торговые люди учнутъ впередъ ходити изъ Мангазеи къ Архангельскому городу, — и тѣмъ людямъ бити отъ насъ въ великой опалѣ и въ казни. А Еремку Савина бити батогами нещадно, чтобы, на то смотря, инымъ было неповадно воровствомъ смуту затѣвать».

Впрочемъ, среди всей этой массы неразобранныхъ и невыясненныхъ дѣлъ, въ настоящемъ случаѣ у меня не та цѣль, чтобы объяснять, какъ велика энергія торговыхъ людей и какъ далеко заводитъ удалъ промышленниковъ, прежде чѣмъ узнаютъ о томъ могучіе и сильные, и спохватятся пособить имъ, или помѣшать. Тогда-то только, съ достаточною точностію, опредѣляется и время цифровыми датами. Занимателенъ и любопытенъ, между прочимъ, другой вопросъ: что такое Сибирь и сибиряки?

«Безъ имени и овца — баранъ», говоритъ народная поговорка, а съ другой стороны — «подъ чужой потолокъ подведутъ, такъ и другое имя дадутъ». Если у сибиряковъ для чиновниковъ и заѣзжихъ купцовъ существуетъ названіе «россійскихъ», а новыхъ поселенцовъ зовутъ они «русскими», то значить, находя въ другихъ отличія, они сами признаютъ за собою такія особенности, которыя складываются въ самостоятельный типъ. Но не успокоиваться же намъ на томъ дешевомъ, азбучномъ опредѣленіи, которое совѣтуетъ называть сибиряками «старожиловъ» со всѣми правами и преимуществами кореннаго жителя страны, либо по праву рожденія въ ней отцовъ и дѣдовъ, весьма давно перешедшихъ, либо по праву личному, когда выходецъ освоился съ мѣстными правами и видоизмѣнился, или, что называется, «осибирячился». Не желая успокоиваться, мы въ то же время не имѣемъ права и удивляться, когда положительно не знаемъ, гдѣ лежатъ ясно намѣченными границы обширной страны, называемой Сибирью. Само Географическое Общество, вѣдающее антропологическія и этногра-

фическія задачи, еще не занималось рѣшеніемъ вопроса о томъ, гдѣ начинается западная граница Сибири. А гдѣ кончится восточная или южная граница, на это не сдумѣть дать отвѣта даже и специальный азіатскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Впрочемъ, во всемъ этомъ нѣтъ ничего мудренаго, если и въ Россіи мы еще не успѣли толково разобраться и, успокоившись на трехъ коренныхъ племенахъ восточной расы славянъ, сознательно и отчетливо не выделяемъ изъ нихъ рѣзкихъ отличій, извѣстныхъ помѣсей, ни въ тѣхъ—ни въ сѣхъ, въ родѣ казаковъ, чухарей, палѣховъ, полѣшуконъ и т. д. А тѣмъ временемъ и сама Сибирь успѣла уже заручиться племенными помѣсями, въ видѣ каменниковъ, чоло-казаковъ, ясачныхъ, карымовъ, креоловъ и т. п.

Между тѣмъ, слово «сибирякъ» и эпитетъ «сибирскій» такое опредѣленное понятіе и такія распространенныя въ народѣ прозванія! Въ Сибири выдуманно то верхнее платье, которое пришлось по вкусу всѣмъ городскимъ жителямъ въ Россіи, и быстро усвоилось, и всюду распространилось въ формѣ коротенькаго кафтана съ сборками назади и по бокамъ, но безъ задняго разрѣза полъ, съ невысокимъ стоячимъ воротникомъ и косымъ накладнымъ бортомъ, который напередѣ надо застегивать пуговками. Это—классическая сибирка. Въ Сибири же, говорятъ, изобрѣтена и та карточная игра вистъ, которая также распространилась по всему лицу земли русской, подъ названіемъ «винта», съ огромнымъ сибирскимъ счетомъ за взятки. «Сибирскимъ» называется самое лучшее сортовое желѣзо съ Урала, который и тамъ, въ свою очередь, слыветъ въ народѣ подъ именемъ «сибирскаго камня». И «сибирки» же барки, поднимающія до 10 тысячъ пудовъ, тѣ, которыя приходятъ на Волгу въ Нижній къ Сибирской пристани съ этимъ же самымъ желѣзомъ изъ Камы. На той же Нижегородской ярмаркѣ, развернувшейся на полномъ ходу и загулѣ, на пути моемъ въ Сибирь, совѣтовали принимать за «сибиряковъ» всѣхъ тѣхъ безобразниковъ, которые по ярмарочнымъ трактирамъ, прямо съ утра брались за шампанское, въ разгулѣ мыли имъ руки и лили прямо изъ бутылки съ головы на волосы и бѣлую рубаху вертляваго и угодливаго половаго. Но въ этомъ случаѣ за сибиряка (да еще съ наддачею званія золотопромышленника) свободно сходилъ въ то время любой Митрофанъ Мазуринъ и засчитывался въ виноватыхъ очумѣлый сынокъ богатаго «городоваго» купца, вырвавшійся на волю и прожигавшій наслѣдство. Точная повѣрка ярмарочныхъ сплетенъ указала совсѣмъ противоположное явленіе: «на волка только помолвка, а шалать пастухи». Настоящіе сибиряки скромно поселились въ верхнихъ палаткахъ китайскаго ряда и терпѣливо ожидали начала дѣла. И, что замѣчательно (въ то время до уничтоженія кяхтинской монополіи), въ рукахъ сибиряковъ находился

одинъ изъ главныхъ ключей всей ярмарки. Она не начинается, мается, какъ передъ родами, ходитъ только чай пить и жаловаться на заминку, и удивляться застою. Въ самомъ дѣлѣ, точно на большой рѣкѣ, гдѣ-то затерло ледъ и не прорываетъ. Правда, что въ иныхъ мѣстахъ и полыньи показались, и на заторы начали поплескивать волны, а большому льду все нѣтъ ходу.

— Отчего тиха ярмарка и всѣ недовольны?

— На чай и желѣзо цѣны нѣтъ. Съ чаями крѣпятся; съ желѣзомъ не могутъ развязаться.

— Товару навезено столько, что хоть Оку пруди: всѣ вотъ и глядятъ на сибирскую пристань и прислушиваются къ китайскимъ рядамъ.

Давно отошло въ прошлое это доброе сибирское время, а бывало такъ, что когда на чай и желѣзо устанавливались цѣны, — ярмарочную плотину прорывало. У сибиряковъ появлялись въ рукахъ деньги; и они начинали шевелить мануфактурные товары. Перебирались деньги въ карманы московскихъ и шуйскихъ фабрикантовъ, и это колесо тотчасъ же захватывало своими крѣпкими зубцами сосѣднія—москательный товаръ. За нимъ начинали вертѣться всѣ прочія до самыхъ маленькихъ, на которыхъ треплется разная ярмарочная мелочь въ родѣ умственного товара: духовныхъ и гражданскихъ книгъ, народныхъ картинокъ и т. д. Самая ярмарка заиграла вся вдругъ, и разомъ развеселилась: торбанистамъ, арфисткамъ и цыганамъ велятъ растопить сердце, а трактирной прислугѣ «подкинуть еще одно полѣшко». Тогда уже всѣ волки съры, и нѣтъ того людскаго образа, въ которомъ можно было бы различить не только племенной обликъ, но и человѣческій ликъ. Ярмарка тогда совершенно утрачиваетъ серьезное свое значеніе, какъ несомнѣнно богатаго собранія этнографическаго матеріала: надо отправляться дальше. Она, впрочемъ, слову «Сибирь» придаетъ близкое къ правдѣ значеніе и держитъ это имя честно по старинѣ, согласно съ исторіей и представленіями народа, у котораго, какъ извѣстно, своя, такъ называемая, политическая географія, стоящая въ прямомъ противорѣчьи съ той, которая навязывается въ школахъ учебниками.

Какойнибудь швецъ изъ Пошехонья—обширной мѣстности по старинной рѣкѣ Шехони, по нынѣшней Шекснѣ (границы котораго совершенно не согласны съ административными границами уѣзда), возвратившись домой, незадолго до начала весеннихъ работъ, къ родной землѣ изъ отхожаго промысла на чужбинѣ, глубоко убѣжденъ, что онъ былъ въ Сибири, хотя и обшивалъ народъ не дальше Пермской губерніи. Точно также коноваль изъ «Бѣжицы»—обширной мѣстности древней новгородской пятины, увѣренно называетъ «Сибирью» какойнибудь Зюздинскій край, или Тамышевскій край (первый въ Глазовскомъ, второй въ Слободскомъ уѣздѣ).

Вятской губерніи), куда онъ сходилъ полѣтить лошадей, чистилъ имъ горло, а кстати и мимоходомъ ворожилъ на водѣ и поколдовалъ. Изъ этой же Сибири идутъ въ «Трѣичину» (Кадниковскаго уѣзда, Вологодской Губерніи) скотскія кожи на выдѣлку, и изъ «Горящины» съ трехъ волостей (той же Вятской губерніи и уѣзда) везутъ дешовую мебель на купеческій и чиновничій вкусъ и обиходъ, въ какую нибудь несчастную Осу, или въ богатый и богомольный Кунгуръ. Считаая за Сибирь всѣ тѣ мѣстности, гдѣ приходится кормиться зимнимъ временемъ отъ своего мастерства и досужества, эти промышленные люди показываютъ, что и въ самомъ дѣлѣ тамъ много отличій и въ людяхъ, и въ жизни. Всѣ рассказы сводятся на то, что тамошній народъ живетъ не въ примѣръ сытнѣе и богаче; денегъ у нихъ довольно, потому что все покупаютъ готовымъ, и на мѣну идутъ неохотно. А вотъ и поличное: розсыпчатый зернистый липовый медъ, крупная тяжелая щетина, пушистый лѣсной звѣрокъ и мерлушка, и жирная вкусная рыба: все это хорошо потому, что также вырастаетъ и живетъ на волѣ и сытно питается. Во всякомъ случаѣ несомнѣнень тотъ фактъ, что въ сѣверной, лѣсной Россіи, до Нижегородской ярмарки и московскаго гостиннаго двора включительно, Сибирь принимается въ старинномъ, истинномъ смыслѣ и признается за Сибирь весь востокъ Россіи по ту сторону рѣки Камы, а еще вѣрнѣе—всѣ мѣстности отъ лѣваго берега Вятки съ неизбѣжнымъ подозрѣніемъ и на ближайшія къ нимъ,—по сосѣдству.

Подъ впечатлѣніемъ такихъ спутанныхъ данныхъ, съ открытымъ вопросомъ, привелось мнѣ переѣхать Уралъ — несомнѣнную границу Европы и Азіи (о чемъ въ наученіе всѣмъ ясно написано даже на спопутномъ пограничномъ столбѣ).

Вотъ несомнѣнное начало азіатскаго материка и вѣроятное начало Сибири. Можно бы, кажется, и успокоиться, начиная свои наблюденія въ этомъ прямомъ направленіи. Но продолжаютъ еще путаться заводы, съ тѣми характерными обстоятельствами, которыя исключили въ нихъ все національное, и представляютъ какъ бы отдѣльную страну и особое государство; — и очень не кстати лѣзетъ въ глаза и особенно мѣшаетъ Екатеринбургъ. Онъ, получивши прозваніе по имени жены Преобразователя, намѣренно и энергически силится походить на тотъ городъ, который получилъ имя самого Преобразователя. Болѣе, чѣмъ полуторавѣковыя стремленія его все въ одномъ и томъ же направленіи, дѣйствительно, обставили его такимъ множествомъ особенностей, что представленія о какой-то новой странѣ и иномъ народѣ уже окончательно спутываются и затемняются. Этотъ искусственно созданный городъ успѣлъ, однако, хорошо приспособиться къ мѣстнымъ условіямъ и казаться въ то же время особеннымъ, но все-таки еще здѣсь не Сибирь, хотя и торгуетъ сибирскими самоцвѣтными камнями, са-

ломъ и шерстью прямо изъ киргизскихъ степей, даже сибирскимъ мясомъ и медомъ. И все-таки всѣ говорятъ здѣсь, что Сибирь дальше, что до нея еще надо потрудиться добхать.

Впрочемъ, захотѣлось еще разъ попытаться узнать объ этомъ, такъ-сказать, въ самомъ источникѣ, не дальше трехъ почтовыхъ станцій за Екатеринбургъ.

Слѣпой остякъ.

(Съ рисунка сдѣланнаго съ натуры и сообщеннаго С. В. Максимовымъ).

Пробоваль я прибѣгать къ испытанному и весьма надежному способу: наостривъ ухо, прислушивался къ говору.

Говоръ оказался тотъ самый, который слышится по всей сѣверной лѣсной Руси и который, будучи занесенъ сюда первыми вольными выходцами изъ вологодскаго и архангельскаго края, остался совершенно въ нетронутомъ видѣ. Напр. вѣтры, дующіе на Бай-

калѣ съ различныхъ сторонѣ, неизмѣнно носятъ тѣ же самыя названія, что на Ильменѣ озерѣ и на Бѣломѣ морѣ. Злоупотребляютъ оканьемъ, бережно сохраняютъ множество заветныхъ старинныхъ словъ, на Руси теперь затерявшихся; не брезгаютъ принимать слова инородческія и охотно руководствуются ими; не затруднились, когда пришла нужда, выдумать и пустить въ обиходъ слова новыя, въ большинствѣ случаевъ очень выразительныя и красивыя. Какъ сѣверный поморъ не уставалъ гоняться за всѣми прихотливыми излучинами и изгибами моря и на всякую рѣзкую особенность поспѣлъ съ новымъ словомъ, такъ и сибирякъ, которому послѣ гладкой равнины довелось влѣзть на горы «тянигу-сомъ» и лазать по горнымъ «подушкамъ», обогатилъ свой языкъ въ этомъ направленіи. Здѣсь въ сущности все то же, по общему обычаю, но говоръ все-таки не представлялъ собою того ключа, которымъ можно было бы отперѣть замкнутое и неизвѣстное.

Точно также не выручаютъ наблюденія и надъ другими этнографическими признаками, въ числѣ которыхъ самыми благонадежными почитаются наряды. Придумавъ сибирку и приспособясь къ дахѣ, сибирякъ очевидно стремится къ тому, чтобы уравниваться однообразіемъ покроя и не допускать, сверхъ положеннаго и усвоеннаго, никакой пестроты и отмѣнъ по роду занятій и по сословіямъ. Разрѣшается пощеголять въ лаптяхъ только новоселамъ на первыя недѣли прибытія изъ Россіи: Сибирь велитъ обуваться въ сапоги (чарки, бродни и т. под.) и скоро и умѣло въ томъ помогаетъ. Также скоро исчезаютъ на головахъ поярковыя шляпы, по фасонамъ которыхъ можно распознавать пришельцевъ лишь на первое время: по копкаку-маргелкѣ—бѣлорусса, по брилю—малоросса, по шпильку—подмосковныхъ, по шляпѣ «съ переломомъ»—рязанцевъ; можно среди новоселовъ натолкнуться и на шляпу «кашникъ» и «гречневикъ», но все это мимолетныя исключенія. Сибирякъ все смѣнилъ новомоднымъ городскимъ щеголемъ—картузомъ при глянцовитомъ ремешкѣ и свѣтящемся козыркѣ. Въ своихъ явныхъ стремленіяхъ къ городскому мѣщанскому наряду (въ чемъ помогаетъ особенно развившаяся въ послѣднее время торговля готовымъ платьемъ), сибирскіе жители послѣдовательны до того, что и у женщинъ отняли кички, сороки и разнообразныя кокошники, смѣнивъ ихъ на простую головную повязку платкомъ, а всего охотнѣе на французскую шляпку. Въ зимнемъ нарядѣ, въ якутской—кохлянкѣ и подъ киргизскимъ малахаемъ, его можно только по славянскому типу лица и по густой бородѣ отличать отъ инородцевъ.

Пробовалъ я тутъ же, въ селеніи, задаваться прямыми разспросами, откровенно и простоудушно:

— За кого вы себя признаете,—спрашивалъ я первыхъ попавшихся: за сибиряковъ или за російскихъ?

— Да какъ сказать?!—вопросительно отвѣчали мнѣ съ явнымъ выраженіемъ сомнѣнія. По твоему толкованью, да и по всему, надо бы намъ сказываться сибиряками, да чего доспѣшь? Однако, нѣтъ: мы сибиряками не зовемся. Мы еще пермскіе, такъ надо полагать. Вотъ мало-мало выйдетъ тебѣ на дорогу Иртышъ-рѣка: за ней ужъ каленая Сибирь пошла, одно слово—Сибирь настоящая, немшоная.

Я помню этотъ внушительный разговоръ твердо и ясно. Я записалъ его, какъ фактъ, свидѣтельствующій о томъ, до какой степени успѣли впутаться не въ свое дѣло и затемнить основную суть эти топографическія чертежныя дѣленія Руси; этотъ 1797 годъ, когда притянули къ новой Пермской губерніи все это Зауралье. Иной разъ просто хлопотали о томъ, чтобъ въ губерніи было, по числу ли апостоловъ, или по числу мѣсяцевъ, двѣнадцать уѣздовъ. Вотъ за то теперь и коренныя сибирскія мѣстности засчитали себя въ межеумкахъ, получивъ на то право съ утратою кое-какихъ привилегій сибирскихъ мѣстностей, и зная, что для нихъ ближайшее начальство—губернія Пермь. Значить, и имъ все равно: такъ тому, видно, и быть и слыть.

Намъ, однако, этимъ ограничиваться не слѣдуетъ. Надо попытаться дальше завѣтнымъ сибирскимъ допросомъ: чѣхъ вы?

За Иртышемъ, въ самомъ дѣлѣ, въ крупныхъ чертахъ стало все казаться по другому, начиная съ бѣшеной ѣзды на крѣпкихъ и здоровыхъ лошадяхъ, до жарко натопленныхъ избъ, гдѣ гостепріимно подчуютъ вкусными пельменями и пирогами съ макуномъ и съ загнутыми во всѣхъ четырехъ углахъ кусками льду. Вотъ и сама строганина—исключительное сибирское кушанье изъ сырой и мороженой рыбы, которую скоблятъ ножомъ въ рѣшительное подобіе древесныхъ стружекъ и приправляютъ перцемъ и укусомъ непременно пивнымъ и китайскимъ. Появилась и наливка изъ облѣпихи кустарниковой, оранжеваго цвѣта ягоды, и кисели изъ облѣпихи съ ананаснымъ, ароматнымъ вкусомъ, и варенье изъ облѣпихи же—коренной сибирской ягоды. Черезъ какую деревню не проѣзжаешь, всѣ онѣ людныя и длинныя, верстъ по 5 и 8; въ какую ни попадешь избу, всѣ онѣ полны народомъ, всѣ хозяева многосемьисты, всѣ налицо и дома, и всегда пьютъ кирпичный чай, заправленный солью, саломъ и мучной заболткой (затураномъ). Это питье чаю и щелканье женщинами съ искусствомъ бѣлокъ кедровыхъ орѣховъ кажется постояннымъ и безконечнымъ. Въ дорогѣ, при встрѣчахъ, опять все тотъ же сибирскій ѣздокъ, который памятенъ съ дѣтства по азбукамъ московскаго издѣлія, поставленнымъ при буквѣ Ъ, но на этотъ разъ въ широкихъ, какъ просторная горница, и открытыхъ кошевахъ, и всѣ въ дахахъ съ распашными полами, и столь же широкихъ, просторныхъ и очень теплыхъ. Эти мохнатые дахи просто рябятъ въ глазахъ всякими

цвѣтами и всякаго сорта, неизмѣнно мѣхомъ наружу, снятымъ съ оленей, съ молодыхъ жеребятъ, съ козулъ и съ собакъ. Вотъ и жгучій морозъ палитъ лицо и ищетъ мѣста въ дахѣ, чтобы пробраться струей по всему обогрѣтому тѣлу и мимоходомъ щиплетъ за носъ и захватываетъ дыханіе такъ, что опрокидываешься лицомъ и прячешь его въ подушку. И мчится тройка удалая, потому что ямщикъ не хотѣлъ ѣхать, по указанію подорожной, на парѣ, а отъ себя, безъ прогонной приплаты, припрегъ третью лошадь. Цѣлымъ роємъ выются передъ глазами новые виды и бытовые особенности, безконечно тянутся неслыханные и интересные рассказы. Подавляютъ они воображеніе и утомляютъ память. Надо отдохнуть, удалиться; въ тиши уединенія и сидя на мѣстѣ, разобрать ихъ по сортамъ и уяснить себѣ однородное. Надо дать время,—и выжидать желаемый случай, когда все схваченное по дорогѣ, на лету и второпяхъ, и все, набравшееся съ пылью и мутою, уляжется и осядетъ.

II.

Заурядъ-городъ.

Городъ Благовѣщенскъ на плоской, какъ доска, травянистой степи, оступившейся въ рѣку Амуръ невысокимъ крутояромъ, могъ расположиться совершенно такими же правильными квадратами, какіе заказаны нормальными чертежами свода законовъ и вычерчены въ петербургскихъ штабахъ на ватманской бумагѣ циркулемъ и тушью. Это, конечно, лишило его ландшафтнаго разнообразія, на которомъ привычно отдыхаетъ глазъ, и наложило ту печать холоднаго однообразія, отъ котораго не отдѣлаешься въ воспоминаніяхъ вотъ въ теченіи цѣлыхъ двадцати лѣтъ. За то этотъ городъ воспользовался рѣдкимъ преимуществомъ: будучи еще, такъ сказать, въ младенческомъ возрастѣ, онъ прямо произведенъ былъ въ генеральскій рангъ, въ званіе областного города Амурской области. Не проходилъ онъ такимъ образомъ низшихъ степеней и инстанцій, обязательныхъ для всѣхъ сибирскихъ настоящихъ и народныхъ городовъ. Тѣ изъ одинокой заимки, въ видѣ землянки, съ мало надежной глинобитной печкой и кривымъ окномъ, затянутымъ рыбьимъ пузыремъ, дослуживались сначала до званія «зимовья», когда этихъ звѣриныхъ логовищъ торчала уже цѣлая кучка изъ 4—5 штукъ; потомъ до ранга «острога», когда эти избенки окружались тыномъ изъ стойкомъ поставленныхъ и заостренныхъ наверху бревенъ, и наконецъ уже до высшей степени и значенія—до «города», къ которому приселялась подлѣ слобода.

Тогда новыя жилья замкнуты были со всѣхъ четырехъ сторонъ въ бревенчатые заборы, рубленые въ стѣну съ башнями, бойницами, воротами и надолбами. Производились же они въ почетное и наивысшее званіе «города» уже въ то время, когда эти деревянные стѣны чернѣли въ уголь, гнивали и рассыпались, когда слѣдовало предоставлять подобныя развалины въ гнилушкахъ своей судьбѣ или складывать новыя стѣны, опять изъ сосновыхъ и дубовыхъ бревень, или уже изъ кирпича на известковомъ растворѣ и на скрѣпяхъ желѣзными связями.

Освобожденный отъ всѣхъ этихъ производствъ и повышеній за выслугу лѣтъ и служебныя отличія, выскочка - Благовѣщенскъ, какъ бы столица амурскаго казачьяго войска, получилъ высшій рангъ лишь заурядъ, говоря сибирскимъ казачьимъ выраженіемъ. Тогда, за недостаткомъ офицеровъ, простыхъ казаковъ изъ урядниковъ производили въ чины, надѣвали на нихъ офицерскую форму съ эполетами и прочими украшеніями этого званія и лишь называли заурядъ - хорунжими, заурядъ - эсаулами и заурядъ - сотниками. Они немножко подбодрялись, старались ходить и глядѣть козыремъ, смотрѣть на другихъ свысока, зазнаваться, почаще другихъ пить кирпичный чай, черной работой «бѣлкованья» въ лѣсахъ не заниматься, а по начальственнымъ привилегіямъ стараться притѣснить кого-нибудь, и что-нибудь стянуть въ свою пользу, и черную работу казачью и деревенскую смѣнить на чистую и городскую, т. е., заняться какой-нибудь подручной торговлишкой. Собственно говоря, могли тотчасъ же обращать ихъ въ простыхъ казаковъ и, въ видѣ дисциплинарныхъ взысканій, наказывать даже тѣлесно, по зубамъ и спинамъ. Въ силу такого обычая и Благовѣщенскъ казался заурядъ - областнымъ городомъ: единственная деревянная маленькая церковь называлась кафедральнымъ соборомъ, а для мѣстнаго епархіальнаго начальства (покойнаго московскаго митрополита Иннокентія) строили нескладный и неудобный, но большой домъ, для подворья съ крестовою церковью. Длинные деревянные срубы, плохо прикрытые кровлями и наскоро законопаченные мхомъ, носили почтенное названіе казармъ. Собственно одни они и представляли собою весь городъ или, по крайней мѣрѣ, существенную, главную и видную его часть, не считая двухъ-трехъ десятковъ частныхъ домовъ. Но за то въ крутоярѣ рѣки Амура еще цѣлы были образцы первобытныхъ человѣческихъ жилищъ въ видѣ стрижовыхъ норъ, вырытыхъ прямо въ берегу. Въ этихъ землянкахъ жили приговоренные въ Россіи на поселеніе и даже отбывавшія срокъ каторжныхъ работъ женщины.

Все было тогда (въ 1860 году) новое (чтобы не сказать съ иголочки), все какъ бы увѣренно и настойчиво говорило: «вотъ теперь и посмотри, какъ мы умѣемъ дѣлать города по-новомодному и очень скоро, если выйдетъ на то приказаніе начальства». И хотя,

по правдѣ сказать, въ торопяхъ сдѣланное вышло вкривь и накось, но за то все было по новому. Въ видахъ уступки старинѣ, верстахъ въ двухъ отъ города дозволили себѣ разбить казачью деревушку, носившую названіе слободы, хотя жители ея не были прежними охочими вольными людьми и не освобождались ни отъ тѣлеснаго наказанія, ни отъ подневольныхъ разсылокъ и командировокъ. Жили тутъ въ избахъ, по сибирскому обыкновенію всегда дурно срубленныхъ и потому холодныхъ, на битыхъ глиняныхъ полахъ и въ тѣхъ же полуземлянкахъ, натапливаемыхъ до угара и духоты, тѣ же самые казаки, которые первыми заняли Амуръ. Жили они—и горевали, мурлыкая себѣ подъ носъ вновь составленную пѣсню, которую въ то время не рѣшалась пропустить въ печать цензура,—ту пѣсню, гдѣ сибирскіе казаки изливали и тоску по родинѣ—Забайкальѣ, и вспоминали недавно пережитыя невзгоды торопливаго и неумѣлаго принудительнаго переселенія, съ Аргуни и Шилки въ Амуръ.

Какъ отъ Шилки по Амуру великія версты,
Ужь и были эти версты:—стерли у рукъ персты.

До Кизева доплывали—къ бережку приставали,
На прикрутомъ бережечкѣ выросло древо,
Выросло это древо березынька бѣла.

Какъ на той ли на березкѣ сидитъ птица пана (sic),

Какъ сидѣла птица-пана, кричить: «запропала!—
Забайкальскіе казаки! А гдѣ ваши кони?»

—Наши кони во Сартולי ходятъ да гуляютъ.

«Забайкальскіе казаки, а гдѣ съ коней сбруя?»

—Съ коней сбруя поломалась (sic), въ Амурѣ осталась.

Кто на Амурѣ не бывалъ, тотъ и горя не видалъ.

Кто на Амурѣ побывалъ, тотъ все горе распозналъ.

Настроеніе этой пѣсни тогда было общимъ. Попалъ и я подъ гнетъ этихъ тяжелыхъ впечатлѣній, когда они начали усугубляться благовѣщенской скукой. Я разболѣлся, — принужденъ былъ здѣсь остановиться, началъ кое-чѣмъ лѣчиться, и когда поправился,— всѣ послѣдніе пароходы давно уже ушли вверхъ. Надо было дожидаться, когда встанетъ Амуръ и откроется зимнее первопутье. Дождаться привелось цѣлыхъ два мѣсяца: можно было и отдохнуть, и пристально присмотрѣться, во все это докучное время, къ главнымъ затѣямъ на Амурѣ.

Впрочемъ, все, что слѣдовало видѣть, было осмотрѣно и начинало надоедать повтореніями, однимъ и тѣмъ же изо-дня въ день. Разъ оживилъ наше мертвое время пріѣздъ манджурскаго губернатора Амбаня, по имени Аджентая. Два раза успѣла нарождаться на небѣ новая луна, а вмѣстѣ съ нею и тотчасъ располагалась на городской площадкѣ и на самомъ берегу Амура манджурская ежемѣсячная ярмарка, но такая, что довольно было бы, если бы она

разставляла свои палатки разъ въ году. Съ ярмаркой было скучно и докучливо отъ торговцевъ; съ Амбанемъ было весело и непріятно лишь съ его свитой, которая, на подобіе архіерейскихъ пѣвчихъ при объѣздахъ эпархій, пожирала все, что видѣла, и что не успѣвала съѣсть торопливо и очень искусно тащила съ собой, и притомъ совѣмъ не краснѣя. По манджурскимъ деревнямъ на пути они пролетѣли рѣшительной саранчей, свертывая курамъ шеи и схватывая поросятъ за заднія ноги. Весело намъ было, потому, что мы этого китайскаго генераль-маіора во-первыхъ ожидали нѣсколько дней, тратили время на приготовленіе встрѣтить и удивить. Когда онъ къ намъ прибылъ (воспользовавшись выѣздомъ въ Иркутскъ нашего генераль-маіора, съ которымъ у него были сильные нелады), мы цѣлый день старались потѣшаться надъ нимъ и занимать его. Потѣха наша заключалась въ томъ, что, воспользовавшись этимъ первымъ въ его жизни и на службѣ выѣздомъ въ Благовѣщенскъ, старались не ударить въ грязь лицомъ при нашей настоящей скудости. Схоронивъ концы, мы силились показать, на сколько мы добрые и могучіе сосѣди и притомъ совѣмъ особенные и непохожіе. Вотъ, напримѣръ, наша первая попавшаяся на пути казарма: въ свѣтлый и сухой зимній день она очень холодновата, но этимъ не удивившъ манджуръ, привыкшихъ и въ своихъ юртахъ жить на холодѣ въ ватныхъ курмахъ и при вѣчно-тлѣющемъ очагѣ или мунгалѣ (онъ насъ сильно допекалъ угаромъ, а у нихъ головы совѣмъ не болятъ). Въ углахъ и въ щеляхъ по пазамъ стѣнъ казармы нашей можно было бы замѣтить накинѣвшихъ зайчиковъ, но подъ нары Амбанъ не заглядывалъ, успокоившись, видимо, тѣмъ, что и у нихъ въ домахъ точно такія же. Да и мы постарались отвлечь его вниманіе, бросивъ ему пыли въ глаза солдатскимъ ружьемъ, которое первый солдатъ сунуль-было съ кремникомъ. Ему велѣли однако отыскать ружье съ пистономъ послѣдняго присыла.

— У насъ-де на твою несчастную башку есть оба сорта. Тебѣ съ твоимъ фитильнымъ ружьемъ надо еще за огнемъ сбѣгать въ юрту, сунуть въ фитиль огонекъ, чтобы затлѣлся и зацадилъ, а мы тѣмъ временемъ обѣ твои ноги успѣемъ прострѣлить.

Мы видимо перехвастали, потому что на ружье у Амбана загорѣлись глаза.

— А каковъ порохъ, что твой макъ! Покажите ему ребята, порохъ!

Посмотрѣлъ онъ, но удивленія не выразилъ, хотя самъ стрѣлялъ до сихъ поръ очень крупнымъ или «хрушкимъ» порохомъ (по древнему сибирскому выраженію), изобрѣтеннымъ однако раньше европейскаго.

— Вотъ какъ привыкли сдерживаться!—удивляемся мы. Вотъ патріоты! Что ни покажи: «никанское (китайское) говорятъ лучше».

— А вотъ тебѣ, дикая образаина, пистоны! — говорятъ наши военные.

Амбанъ (а стало быть также военный человѣкъ) взялъ ружье твердой и опытной рукой; наложилъ пистонъ, спустилъ курокъ и пошелъ щелкать, что ребенокъ на игрушкѣ, — и улыбался, — чему? Не вспомнилъ ли онъ на этотъ случай отвѣта своего нашему благовѣщенскому амбаню, когда тотъ за прекращеніе международныхъ сношеній, послѣ сожженія нашими храма съ бурханами, пригрозилъ идти походомъ на Айгунъ? — Амбанъ отвѣчалъ на эту угрозу:

— Вы скажите, когда станете выступать, — по крайней мѣрѣ за недѣлю: я овса пришлю вашимъ лошадямъ, подкормить ихъ, чтобы онѣ эти сорокъ верстъ могли дотащить до Айгуна ноги.

Завели мы потомъ этого «шута горохового» (какъ прозвали его наши военные патріоты) въ церковь, въ нашъ кафедральный соборъ. Единственный въ городѣ священникъ поскучалъ было сначала тѣмъ, что пустилъ въ церковь язычника, но успокоился, когда, по его совѣту, Амбанъ снялъ шапку съ розовымъ генеральскимъ шарикомъ, а на провожатыхъ, на свиту свою, сильно цыкнулъ и тѣмъ мгновенно выгналъ ихъ вонъ. Священникъ облачился въ ризу, отворилъ царскія двери, — и все показалъ. Тутъ Амбаня мы опять поразили, когда, указывая на евангеліе, объясняли, что достаточно знать одну эту книгу и по ней поступать, чтобы угодить нашему Богу. Онъ изумился, видимо не повѣрилъ, обнаружилъ внутреннее безпокойство, выкричалъ переводчика, широко разводилъ обѣими руками. Велѣлъ говорить, что мало этой церкви, чтобы умѣстить всѣ книги, какія буддисту знать надо. Говорилъ онъ возбужденно и, видимо было, что желалъ и насъ, въ свою очередь, перехвастать.

Потомъ мы хвалились передъ нимъ фортепьянной игрой: затѣяли даже танцы. Французская кадрили ему такъ понравилась, что онъ самъ рѣшился встать въ пару. На вальсъ глядѣлъ съ изумленіемъ и покачивалъ головой; надъ полькой-трясучкой искренно и добродушно смѣялся. При проводахъ, на которыя наше исправлявшее должность начальство идти не рѣшилось, хотѣли было мы вслѣдъ ему выпасть изъ пушки, да подумали: одни, что внушеній сдѣлано довольно, другіе, что если не пробрало прежде его, то лишняя капля теперь ничего къ величію Россіи не прибавитъ. Можетъ очень случиться, что потребуютъ основаній, по которымъ истраченъ былъ казенный порохъ и — далеко ли до грѣха! — не послѣдовало бы вопросовъ и сношеній со стороны азіатскаго департамента. Бывали такіе случаи и примѣры. За дикарей ли и нехристей ихъ принимать, или ставить на равную ногу и приближать къ себѣ, — тогда все это еще не было выражено окончательно. Велѣно ласкаться, приказано угощать и дарить, а далѣе поступать согласно съ мѣстными обстоятельствами.

Амбанъ уѣхалъ отъ насъ на-веселѣ: онъ налегъ на американское

Видъ Амуре по выходѣ изъ Хинганскаго хребта.

шампанское въ 2 руб. бутылка, столько же сладко-горьковатое, какъ весенній сокъ молодыхъ березъ (жевица) и пѣнистое, какъ кислыя щи. Не пренебрегъ онъ и сибирскими наливками, между которыми нашлась и классическая мѣстная облепиховка, угодившая китайскому вкусу своей сладостью больше, чѣмъ характернымъ, въ родѣ ананаснаго, ароматомъ.

Съ отъѣздомъ китайскаго большого чиновника осталось для насъ еще одно манджурское развлеченіе, какъ я сказалъ, — ярмарка. Но она способна удержатъ вниманіе на одинъ лишь день, когда при-сматриваешься къ тому немногому, чѣмъ имѣетъ силы и возможность торговать этотъ, скорѣе крѣпость, чѣмъ городъ, Айгунъ. Мелкое пшено — буда, да рисовая водка — единые соблазны и болѣе ходкіе товары, если присоединить еще сюда для шаловливой молодежи бумажные вѣеры съ грубыми скандальными картинками. Для забавы досужихъ и скучающихъ объявилось сверхсмѣтное удовольствіе видѣть въ лицахъ ту скрытую ненависть, которую питаютъ побѣжденные китайцы къ манджурамъ. Широколицый, сытый манджуръ — молодой парень, прикащикъ, дрался съ сухощавымъ желтолицымъ китайцемъ, тоже купеческимъ прикащикомъ. Началось дѣло изъ-за спора о національных преимуществахъ; быстро загорѣлись недобрымъ огонькомъ глаза, вскипѣло сердце, сдерживаемое приличіемъ на чужихъ людяхъ, — и разгорѣлось оно, и расходились руки. До сихъ поръ оба эти пѣтуха, въ особенности передъ прочими прикащиками, надѣли намъ не меньшей жидовской назойливостью, являясь ежедневно: и насорить на полу пепломъ изъ своихъ трубочекъ, и измучить предложеніями обмѣнять бумажки, взятые ими за товаръ, на серебро. За два серебряныхъ цѣлковыхъ они охотно давали трехрублевую бумажку и развели новую отрасль торговли, сколько по необычайной способности и племенной страсти ко всякимъ торговымъ предпріятіямъ, столько и потому, что хорошо знали распоряженіе высшаго русскаго начальства въ пользу служащихъ на Амурѣ. Всякій изъ такихъ, получая въ казначействѣ жалованье, имѣлъ право $\frac{2}{3}$ его потребовать серебряною монетою. Въ такихъ же условіяхъ очутился и я, когда пришлось разомъ получить содержаніе изъ суммъ морскаго министерства за три мѣсяца, въ теченіи которыхъ мнѣ не удалось попасть ни въ одно казначейство (да ихъ и не было на всѣхъ трехъ тысячахъ верстъ). Я не располагалъ воспользоваться своимъ правомъ, но вынужденъ былъ къ тому неожиданнымъ случаемъ, доставившимъ мнѣ интересное знакомство. На немъ и остановлюсь.

III.

Одинъ изъ колонизаторовъ.

Въ то утро, когда я расположился очистить свою денежную статью, передо мною встала незнакомая фигура, вкрадчивымъ, очень ласковымъ голосомъ сразу поспѣшившая выпросить извиненіе за беспокойство. Это былъ здоровенный парень, судя по мундиру, служившій юнкеромъ въ мѣстномъ линейномъ батальонѣ, здоровый и гладкій. Вытесанный богатыремъ въ спинѣ и плечахъ, но не особенно искусно, онъ казался неуклюжимъ; былъ бѣлокуръ по природѣ и забавенъ по благопріобрѣтеннымъ угловатымъ манерамъ. Прозывался онъ «Бѣлыхъ», въ оправданіе той бѣлокурости, которая, вѣроятно, была у него наслѣдственной, судя по фамиліи, придуманной совершенно по сибирскому обычаю, гдѣ не спрашиваютъ незнакомаго, чей ты?, а «чьихъ вы?» Отсюда и «сизыхъ», «черныхъ», «нагихъ» и «пареныхъ» и, даже, «жареныхъ».

Онъ сообщил мнѣ, что казначей ждетъ меня съ деньгами, что приготовилъ къ выдачѣ триста серебряныхъ рублей. При этомъ онъ поспѣшилъ выразить сомнѣніе, какъ я понесу такую тяжесть, и что съ серебромъ буду дѣлать, на обратномъ пути по Амуру въ Сибирь. Меня уже не удивляло, какимъ образомъ онъ подробно узналъ объ моемъ, такъ-сказать, домашнемъ и карманномъ дѣлѣ. Не только въ городѣ, гдѣ всякій хорошо зналъ другъ друга въ лицо, но и во всей области не затруднялись узнавать новыхъ и пришлыхъ не только ближайшія начальства, но и высшее. Самъ губернаторъ доказалъ это. Гуляя около манджурской ярмарки по берегу рѣки, онъ сразу сумѣлъ отличить кучку новыхъ людей изъ мужиковъ, и тотчасъ же поспѣшилъ спросить ихъ: откуда?

— Съ Зеи-рѣки.

— Какъ такъ?! Тамъ я всѣхъ на перечетъ знаю: и молоканъ и православныхъ. А васъ я въ первый разъ вижу и никто мнѣ про васъ не говорилъ.

— Да мы тамъ недавно: мы тамъ поселе ладимъ. Избы срубили, печи сложили, пришли вотъ гвоздей поискать, крупки вымѣнять, сольцы покупить мало-мало.

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ оказалось, что это были самовольные выселенцы. Ихъ поселили въ низовьяхъ Амура, дали такое скверное мѣсто, которое я уже имѣлъ случай описать въ своей книгѣ («На Востокѣ»), что они, долго не думая, бросили его, поднялись сюда по рѣкѣ, за тысячу верстъ и заняли привольное мѣстечко по Зеѣ. За то къ нимъ примѣнили русскій законъ, т. е. этапнымъ порядкомъ препроводили на постылое и кинутое пепелище.

Впрочемъ, я заговорился, и про юнкера забылъ.

Когда я высказалъ ему о давно придуманномъ для себя рѣшеніи не пользоваться преимуществомъ полученія содержанія своего серебромъ, въ интересахъ остающихся здѣсь и при личномъ неудобствѣ возиться въ дорогѣ съ лишнею тяжестью, онъ пересталъ скрываться и прямо пошелъ на приступъ, приступилъ къ дѣлу. Смѣло предугадывая, что я поступлю такъ, какъ увѣрялъ, Бѣлыхъ усердно просилъ взять серебра на его долю: онъ остается здѣсь; ему, по его общественному положенію, ежемѣсячно приходится получать всего лишь три или пять этихъ казенныхъ серебряныхъ цѣлковыхъ, и что ему съ ними дѣлать, когда на Амурѣ все дорого и все приходится покупать у манджуръ и на всемъ терять при этомъ по многу, когда отдаешь за товаръ бумажные деньги.

Я рѣшился исполнить его просьбу и не мало былъ изумленъ и озадаченъ, когда объяснили мнѣ, по уходѣ юнкера, что одолженіе мое не только бесполезно, но и вредно въ томъ отношеніи, что мои серебряные рубли попали въ дурные руки. Вотъ что я узналъ.

Такимъ вотъ молодымъ и съ такими крупными задатками физической силы прибылъ онъ на безлюдный и полуголодный Амуръ, гдѣ въ его званіи нельзя было ни сильными руками поработать, ни мощныхъ плечъ расправить. Когда загуливалъ безшабашный линейный офицеръ изъ неудавшихся и исключенныхъ изъ корпуса кадетъ и начиналъ пить одну за другой, закусывая черемшой, юнкеръ разводилъ по городу взводы и становился гдѣ-нибудь на караулѣ. Онъ оберегалъ либо казенные деньги, которыхъ было очень мало и временами не хватало на удовлетвореніе всѣхъ служащихъ жалованьемъ, либо каторжныхъ арестантовъ, которые всѣ единодушно тосковали по сибирскимъ лѣсамъ и волѣ и измышляли разныя подходящія средства къ побѣгамъ. Новому поселенцу и молодому человѣку Амуръ предложилъ на волю и на выборъ, какъ и всѣмъ прочимъ, что-нибудь изъ двухъ: или самому начать спиваться и впитаться въ водку такъ, чтобы изумлять и хвастаться непобѣдимою, либо, оставивъ въ сторонѣ это баловство, высматривать на трезвое, на инныя полезныя занятія отъ скуки и на досугѣ. Вотъ ему для развлеченія и поощренія въ службѣ предложена равнодушнымъ начальствомъ отвѣтственная командировка:— доставить въ первую станицу за Хинганомъ, верстъ за 400 отъ Благовѣщенска, баржу съ хлѣбомъ. До сихъ поръ амурскіе водяные черти спихивали эти баржи со стрежа на мель и одну всадили, во время весенняго половодья, прямо-таки, на смѣхъ и удивленіе, въ самую середину большого острова (самолично я это видѣлъ).

Бѣлыхъ, отправляясь въ длинный путь и на долгое время, захватилъ съ собой все свое имущество, въ которомъ неизбѣжно полагался всѣмъ нужный и всѣхъ выручавшій изъ бѣды котелокъ: заварить кирпичнаго чаю съ затураномъ, сварить уху изъ дешевой и очень вкус-

ной амурской рыбы. Мнѣ за папухъ листового табаку въ $\frac{1}{4}$ фунта, гольдъ далъ положительно полпуда свѣжей, сейчасъ вынутой изъ рыбы, бѣлужьей крупно-зернистой икры. Съ котелкомъ и съ запасными броднями, гдѣ голенище подвязывается къ ногѣ два раза, подъ колѣнками и надъ щиколкой, прибылъ Бѣлыхъ къ мѣсту назначенія благополучно; провіантъ сдалъ въ цѣлости и сохранности. Сталъ отдыхать тутъ же подлѣ станицы, верстахъ въ трехъ, сидя передъ костромъ и своимъ котелкомъ. На огонь выходили съ берегу и изъ-за лѣсу гольды; садились съ нимъ рядомъ кой о чемъ помолчать; курили трубочки, сплевывали и, Боже сохрани,—не въ огонь, боясь его злаго духа. Изъ всѣхъ, собравшихся глядѣть на чужой огонь дикарей, выдѣлился одинъ; показалъ рукой на котелокъ и на свое сердце, — значитъ нравится. Посидѣлъ онъ тутъ, не спуская глазъ съ котелка, почмокалъ губами, спряталъ за пазуху трубочку — и ушелъ. Вскорѣ, опять его круглая фигура съ широкимъ лицомъ и грязной косою торчала на короткахъ на прежнемъ мѣстѣ, когда котелокъ былъ опростанъ, снятъ съ огня и простылъ. Гольдъ то посмотритъ на него, то погладитъ его рукой, поласкаетъ и опять несетъ руку къ сердцу и прикладываетъ ее къ головѣ:—значитъ надумалъ пріобрѣсти, и, притомъ, съ полною радостію и большимъ нетерпѣніемъ. Юнкеръ рукой отмахивается и показываетъ на лѣсъ: «вещь не продажная,—ступай, откуда пришелъ. Мнѣ самому она нужна и что я самъ безъ нея въ вашихъ проклятыхъ пустынныхъ мѣстахъ буду дѣлать?»

Гольдъ полѣзъ за пазуху,—вытащилъ соболя: просить за него, что ему понравилось, отдаетъ, что самому не нужно. Можетъ быть манджурскіе сборщики уже и пришли и обобрали ясачныхъ; этотъ соболекъ вольный и, вѣроятно, припрятанный. Взглянулъ юнкеръ на соболя, опять замоталъ головой и махнулъ рукой на лѣсъ.

На другой разъ гольдъ принесъ двухъ соболей—стало-быть хорошо понялъ дѣло: дотолковались,—теперь можно начать торговаться. Суетъ онъ шкурки одной рукой, а другой котелокъ придвигаетъ. Взглянулъ юнкеръ на соболей: оказались изъ обыкновенныхъ амурскихъ,—мелкіе, рыжеватые, въ лавкахъ амурской компаніи цѣна имъ рубля четыре-пять (камчатскіе лучшіе стоили въ то время 20 руб. шкурка). Взглянулъ на шкурки, да по пути и въ глаза гольду: горятъ они дикимъ огонькомъ. А юнкеръ опять бѣлокурыми волосами трясетъ и кулакомъ показываетъ на шею: не послушаешься—выпровою силой, угощу по русски, если еще въ жизни своей не пробовалъ.

Худо, должно быть, спалъ всю ночь гольдъ, потому что пришелъ ни свѣтъ-ни заря и настойчиво растолкалъ продавца. Показываетъ ему три шкурки, одну руку отъ сердца не отнимаетъ и даже слезу пролилъ.

Видишь, какъ тебѣ приглянулся котелокъ: возьми его даромъ

за то, что, видно по всему, нужная тебѣ эта вещь и взять ее негдѣ. Есть ли на свѣтѣ положеніе хуже и безвыходнѣе твоего въ настоящемъ случаѣ? Неужели затѣмъ только ты и на свѣтъ родился, чтобы валились на тебя безконечныя бѣды? А у тебя, униженнаго до скотскаго подобія, нѣтъ противъ нихъ никакой защиты. Возьми котелокъ даромъ, на память,—будемъ друзьями. Всѣмъ извѣстно, какъ глубоко и долго простое твое сердце будетъ чувствовать одолженіе и какъ высоко разцѣнитъ оно этотъ самый пустой подарокъ. Не удивишь, если останешься на вѣки другомъ, и всю жизнь будешь считать себя должникомъ.

Не такъ, однако мыслилъ юнкеръ Бѣлыхъ. Онъ не замѣчалъ передъ собою безпомощную, умоляющую бѣдность: онъ прогналъ старика гольда за четвертымъ соболемъ и самъ сходилъ, на очистку совѣсти, въ юрту. Узналъ онъ теперь, гдѣ живетъ покущикъ, увидалъ у него еще много соболей, оказалось, что попалъ на счастливаго и удачливаго звѣролова. Изъ юрты отправился юнкеръ въ Михайло-Семеновскую станицу, въ лавку амурской компаніи: соболей обмѣнялъ на серебряные рубли (на бумажные деньги ихъ не продавали):—и довольно бы ему на первый разъ такой выгодной коммерческой сдѣлки. Въ самомъ дѣлѣ, пошелъ мѣдный котелокъ чуть не за серебряную вазу и повѣсть о томъ превратилась въ легенду, въ сказку изъ тысячи и одной ночи. Она ходила въ веселыхъ разсказахъ по всему Амуру съ нижеслѣдующимъ продолженіемъ.

Вымѣнялъ ловкій человекъ выгодно соболями шкурки,—и беречь бы свою: ѣхать обратно на службу. Станичное начальство, попавшее случайно на встрѣчу, даже и намекнуло о томъ. На своей лодкѣ Бѣлыхъ послѣ того побывалъ только затѣмъ, чтобы, очистивъ отъ грязи и пыли, высвѣтлить свои легкіе цѣлковые и пропасть дня на четыре.

Вернулся онъ безъ цѣлковыхъ, но съ цѣлымъ сорочкомъ соболей. Самъ простодушно сознавался онъ въ томъ, что къ старому знакомому гольду не заходилъ, а забирался на своихъ сильныхъ ногахъ въ такія трупцы по верховьямъ рѣчекъ, гдѣ еще русскаго духа слыхомъ не слыхать и видомъ не видать. Манджуры въ то время стали уже побаиваться наѣзжать въ улусы лѣваго амурскаго берега, чтобы не залѣсть въ чужое государство и не быть въ отвѣтъ передъ чиновниками обѣихъ имперій вмѣстѣ. Русскіе оказались тоже большими охотниками до пушнаго звѣря и простодушнаго дикаря, который не понимаетъ цѣны ни въ трудѣ, ни во времени, и цѣнитъ лишь одинъ зарядъ пороху, да пульку.

Придя въ юрту, Бѣлыхъ соблазнялъ гольдовъ блескомъ и звономъ своихъ цѣлковыхъ, за которые торгующіе манджуры, охотно давали и листовой табакъ, и рисовую водку, и муку. Разговаривалъ юнкеръ съ дикарями на томъ понятномъ ему языкѣ, что

когда видѣлъ разгорѣвшіеся глаза: бралъ двухъ-трехъ соболей и клалъ на одинъ цѣлковый — а затѣмъ торговался. Снялъ дикарь двухъ; вдохновенный удачами, покупатель бралъ изъ его рукъ одного или двухъ и затѣмъ выжидалъ, что будетъ: промолчить онъ, или протянетъ руку?

Потомъ рассказывалъ онъ съ обычнымъ своимъ смѣхомъ въ кулакъ и себѣ подъ носъ, что не одинъ разъ случалось, что гольды уступали двухъ соболей за яркій и звонкій серебряный кружокъ, который хорошо и ловко вертится и у русскихъ въ рукахъ, когда покупаешь синюю дабу на новую куртку (курму). И прибавлялъ Бѣлыхъ къ своему рассказу:

— Я еще разъ хотѣлъ идти къ нимъ, и еще дальше, да войсковой старшина самъ приходилъ на лодку и строго приказывалъ отчаливать: больше трехъ сутокъ прохлаждаться не велѣно.

Въ Благовѣщенскѣ серебряные рубли изъ другой лавки амурской компаніи дождались того времени, когда послѣ ярмарки стали шататься по квартирамъ городскимъ айгунскіе манджуры и шепелявить по дѣтски: «селебело еси купи?», т. е. на вотъ бери, наживай себѣ цѣлый рубль на два.

Намѣнялъ Бѣлыхъ бумажекъ; ихъ въ свою очередь размѣнялъ на табакъ Бостанджого, который весь скупилъ изъ амурской лавки. Съ товаромъ этимъ съ тѣхъ поръ стало туго: продавцовъ нѣтъ, покупателей много. Требованія напряглись. Кто вдвинетъ товаръ, тотъ обогатится.

О столь извѣстномъ правилѣ на всѣхъ рынкахъ давно смекнулъ нашъ юнкеръ и явился теперь табачнымъ монополистомъ. Онъ держитъ товаръ въ однѣхъ рукахъ, и никакой цѣны не объявляетъ, и никому табаку въ розницу не продаетъ. Весь товаръ у него: и въ 25 коп. четвертка и самый дешевый. А понять его коммерческаго фортеля никто не можетъ. Выручаетъ обиженныхъ, утѣсенныхъ случай, и они, достаточно наругавшись, хотѣли было уже идти жаловаться по начальству.

Юнкеръ Бѣлыхъ, выпросилъ себѣ приватное занятіе, — поступилъ писцомъ въ полицейское управленіе. Писалъ онъ не твердо и криво по бабьему; грамоту разумѣлъ вообще плохо. Книгъ не читалъ, а вмѣсто книгъ любилъ заглядывать въ карты. Игралъ онъ, впрочемъ, только въ носки изъ-за того, какъ объяснялъ, чтобы не проигрывать накопленныхъ денегъ: не по карману бей, а хлопай по носу, хотя бы до пузырей. Не твердо и перо держалъ онъ въ рукахъ и часто капалъ на чистую бумагу, досаждая начальству, получалъ сердитые выговоры, когда, переписывая бумаги набѣло, портилъ тѣ, которыя шли въ руку акуратнаго и чистоплотнаго генерала. Полиціймейстеръ радъ былъ и такому мастеру письменнаго дѣла, который все таки былъ грамотнѣе прочихъ юнкеровъ, и при этомъ трудолюбивъ и послушенъ. Жалованьемъ, къ

общему удивленію, онъ ограничивался самымъ маленькимъ, и даже какъ будто ставилъ его себѣ ни во что. За то очень хлопоталъ и просилъ лишь о томъ, чтобы отдали ему даромъ большую казарменную комнату при полиціи для квартиры. Этимъ онъ удивлялъ до тѣхъ поръ, пока не объявилась въ лицахъ его затаенная мысль.

Въ казенной квартирѣ придѣлалъ Бѣлыхъ своими руками, сверхъ своей, четыре новыя нары изъ нетесанныхъ досокъ. Сколотилъ большой столъ и придѣлалъ скамейки.

Таинственныя приготовленія вскорѣ объяснились: онъ собралъ изъ товарищей - юнкеровъ харчевую артель, пайки у нихъ отбиралъ, а за то предлагалъ нары, теплую комнату въ холодную зиму, приварокъ горячій, хлѣбъ крутой и свою досужую бесѣду. Одному человѣку изъ пайка нечего было выкроить—надо искать помощи въ людяхъ,—изъ пяти пайковъ вмѣстѣ въ ловкихъ рукахъ артельного старосты вскипѣлъ сытный, крутой и споркой обѣдъ. Юнкера остались довольны. Стали спать послѣ такихъ обѣдовъ богатырями, самъ Амбанъ приходи съ войной, — не добудится. Къ артельному своему старостѣ молодежь прилѣпилась: голова съ мозгомъ, отецъ-благодѣтель. Денегъ никакихъ за постой и прокормъ онъ не требуетъ, а кормитъ всякій день горячей пищей и желаетъ только такой легкой работы, какъ набивка табаку и клейка папиросныхъ патроновъ и легкихъ бумажныхъ обертокъ на каждую сотню. На фунтъ манджурскаго листового табаку, который юнкера также должны были рѣзать и крошить, Бѣлыхъ клалъ четвертку бостанджоглова (какъ выражался онъ), и сотню такой дряни продавалъ за два рубля. Всѣ платили ему охотно не по одному тому, что лучшаго взять было негдѣ, а и за то, что этотъ былъ очень сердитъ и внушителенъ. Въ куреньѣ, при благовѣщенской скукѣ, обрѣталось всѣми большое утѣшеніе—въ скорбяхъ и печаляхъ: курили запоемъ до обмороковъ. Не все же спать до пузырей на глазахъ, надо же было выбрать время вспомнить о прошломъ и потосковать объ родныхъ и Россіи. Иному, послѣ корпуса, цѣлый Петербургъ, засыпанный разнообразными соблазнами и задохнувшійся по горло удовольствіями, цѣлыя ночи на пролетъ не давалъ покоя. Папиросы въ эти жуткіе часы и времена потреблялись въ великомъ множествѣ. Капиталь у Бѣлыхъ выросалъ; амурскій прикащикъ при всякой встрѣчѣ его являлъ и застрачивалъ, что курительнаго товару больше продавать ему не станеть. Вслѣдствіе повсемѣстнаго употребленія юнкерскаго товару, городскія дамы сначала умѣли гостей ходить курить на улицу, а потомъ привыкли. Некому стало напомнить о тѣхъ золотыхъ временахъ, когда папироса не дымилась сосновой головѣшкой.

Бѣлыхъ тѣмъ временемъ и соболяка перекупалъ при случаѣ, и бумажные денежные знаки по прежнему вымѣнивалъ у манджурскихъ прикащиковъ на ярмаркѣ. Онъ все былъ на ногахъ, на ходу

и въ хлопотахъ и въ особыхъ переговорахъ на улицахъ съ разными лицами. Успѣвалъ показывать и свое слабое мѣсто, лишь только долетали до его слуха звуки фортепьяно, когда и онъ, въ числѣ прочихъ, приглашался въ тотъ музыкальный домъ, въ гости на вечеръ. Любилъ онъ танцовать не только до упаду, но и до кроваваго пота. Я былъ личнымъ свидѣтелемъ, на сколько велика была его физическая сила. Танцовалъ онъ также скверно, какъ и переписывалъ бумаги, но страшно любилъ это занятіе. Когда приспѣвалъ тому часъ и заявлялось требованіе на его помощь и поддержку—онъ былъ всегда первымъ. Работать, такъ работать въ полную силу,—говорилъ онъ и ногами и руками: теперь она, моя великая сила, мнѣ не нужна, возьмите всю, да еще съ прибавкой,—съ приваркомъ за милое вниманіе къ моему ничтожеству. Онъ носился въ вальсѣ безъ удержу, встряхивая головою, какъ лошадь гривой. Когда прекращалась музыка и онъ, красный какъ ракъ, долженъ былъ отдыхать, я видѣлъ, какъ продолжали бить тактъ и снова проситься въ плясъ его богатырскія крѣпкія ноги. Видно было, что и ногами управляла во всю свою силу та же могучая воля, которая неудержимо потянула его на корысть и наживу, и не давала ему ни отдыха, ни покоя. Неуклюжимъ его пируетамъ въ танцахъ всѣ смѣются, лошадинымъ топаньемъ его всѣ весьма тяготятся и выговариваютъ объ этомъ прямо въ глаза. Но его мѣдный лобъ черезъ нѣсколько минутъ опять откинулся назадъ вмѣстѣ съ головой и вертится все туловище не въ тактъ музыкѣ, въ полную помѣху танцующимъ парамъ и на потѣху зрителямъ. Онъ и здѣсь кажется барышничаетъ, приторговываетъ. Сколько людей усердными танцами плѣняли женщинъ и вытанцовывали себѣ невѣсты не красивымъ лицомъ, не ловкимъ или умнымъ разговоромъ съ приличными манерами, а однимъ лишь усердіемъ и настойчивостью. Къ тому же здѣшнія невѣсты такъ довѣрчивы и простодушны; инныя дѣвицы затѣмъ и поѣхали на это безлюдье, чтобы выискать мужа и пристроиться. Не затѣмъ ли нашъ юнкеръ наживалъ и копилъ деньги, чтобы приладивъ къ нимъ зазорные танцы, плѣнить наивную и малодушную избранницу и присвататься къ ней?

— Нѣтъ, рѣшительно нѣтъ!—останавливали мои предположенія тамошніе знатоки, когда пошелъ опредѣлившійся слухъ, что у Бѣлыхъ перевалилъ капиталъ за тысячу рублей, въ то время, когда у гольда котелокъ юнкерскій началъ уже, вѣроятно, прогорать и скоро потребууетъ заклепокъ.

— Помилуйте (спорилъ я): — онъ мнѣ самъ признавался, что деньги копить для того, чтобы уѣхать въ Россію и поступить тамъ въ гусары. Вы надъ нимъ насмѣхаетесь, вы его достаточно убѣждали въ томъ, что онъ скверно танцуетъ; но онъ настолько увѣренъ въ своемъ умѣньѣ и настолько не развитъ, что очень раз-

считываетъ танцами привлечь невѣсту и краснымъ мундиромъ съ золотыми шнурами ее окончательно побѣдить. Средство настолько испытанное и самое дѣло столь извѣстное, что несомнѣнно и до него дошли о томъ слухи.

— Не такъ онъ простъ, чтобы этимъ увлекаться и не затѣмъ ему хочется въ гусары. Да онъ и самъ же разъ наивно сознавался и простодушно толковалъ о матушкиныхъ сынкахъ, объ ихъ кутежахъ и вѣчной нуждѣ въ деньгахъ. Вотъ куда онъ мѣтитъ. Вотъ объ чемъ онъ мечтаетъ, вкусивши сладкихъ плодовъ отъ проклятаго злата. А если безсовѣстно пляшетъ теперь, то это онъ бревна ворочаетъ: вѣдь для этого же и создана спина его и эти крѣпкія ноги и длинные руки. А ему вмѣсто бревенъ дали перо. Просто онъ радъ случаю, и не самъ онъ радъ своимъ духомъ, а радуется, тѣшится и млѣетъ его неладно скроенное, но крѣпко сшитое тѣло. Онъ и теперь даетъ по мелочамъ въ долгъ за большіе проценты деньги купеческимъ прикащикамъ и, что всего хуже, — товарищамъ. Вотъ почему не нравилось намъ, что онъ беззастѣнчиво и нахально подлѣзъ къ вашимъ серебрянымъ рублямъ. Это — несомнѣнно будущій крупный торговецъ сибирскаго направленія и того сорта человѣкъ, который не ходитъ рутиннымъ натоптанымъ путемъ, а, какъ слышали, ищетъ самыхъ темныхъ людей въ нежилыхъ мѣстахъ. Онъ ищетъ соболя и откроетъ первымъ еще какой-нибудь неоткрытый Беринговъ проливъ. Ему сверхъ прочаго захочется чернобурой лисицы — и онъ попадетъ въ какую-нибудь новую землю, до тѣхъ поръ неслыханную, и отыщеть богатства, никому не вѣданныя. Конечно, это далеко впоследствии, а до того времени онъ успеетъ образумиться, одуматься. Въ гусары онъ ни въ какомъ случаѣ не пойдетъ: это — временное увлеченіе подъ давленіемъ некрасиваго и невыгоднаго пѣхотнаго мундира, простая ребячья мечта, надъ которою онъ скоро будетъ искренно, во все широкое горло, смѣяться. Въ немъ уже плотно и прочно сидитъ тотъ злой духъ, который въ великомъ множествѣ шатается по сибирской странѣ и ищетъ свободнаго, способнаго и подручнаго гнѣздилища. Онъ именно изъ такихъ химиковъ, при малограмотствѣ (которое тоже очень кстати подобнымъ людямъ), и при мѣдномъ лбѣ, который достаточно навертѣлся, и насверкалъ, и назвонилъ передъ нами. — Ему двѣ дороги: либо сдѣлаться «таежнымъ волкомъ» (самое худшее при случайныхъ обстоятельствахъ), либо «буховой родней», чему признаки ясно видятся въ немъ уже и теперь въ полной силѣ, со всѣми оттѣнками кореннаго, своеобразнаго сибирскаго пошиба.

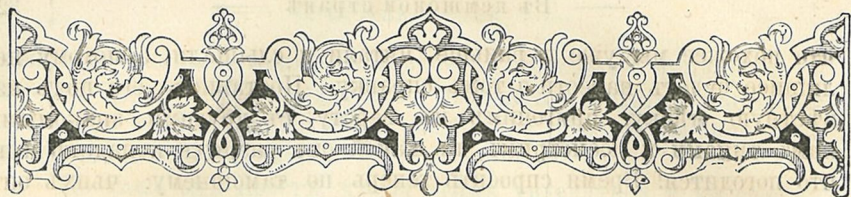
Онъ и мнѣ, спу́стя очень много времени, первымъ приходитъ теперь на память, какъ природный сибирякъ по праву рожденія и по натурѣ, обнаружившей такую силу и волю и такія чрезвычайныя наклонности при нерядовой энергіи и настойчивости. Про нѣ-

что похощее мы уже и раньше читали и слышали, а потому нелишнее будетъ навести о томъ справку. Поставимъ его подъ извѣстную мѣрку, пригонимъ въ версту съ другими знакомыми намъ типами и посмотримъ, въ какой онъ разрядъ попадетъ и на что погодится! Время спросить теперь по тамошнему: чьихъ онъ будетъ?

С. Максимовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

СЕМЕЙСТВО ТУРГЕНЕВЫХЪ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

«Одну я сказку знаю эту
Ее повѣдаю я свѣту.»

Пушкинъ.

ОСЛѢ КОНЧИНЫ нашего знаменитаго писателя И. С. Тургенева въ разныхъ журналахъ появились воспоминанія о немъ лицъ, болѣе или менѣе, близко его знавшихъ. Въ этихъ воспоминаніяхъ много любопытнаго, но не мало и невѣрнаго. Я много лѣтъ знала семью Тургеневыхъ, въ особенности мать писателя, Варвару Петровну, которая была очень ко мнѣ расположена. Я жила въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ имѣніемъ Варвары Петровны и съ 1836 по 1840 годъ почти ежедневно бывала у нея; жена же ея старшаго сына, Николай Сергѣевича, была моей сверстницей и подругой. Многое я теперь забыла, но все же въ моей памяти сохранились довольно ясно нѣкоторые факты изъ семейной жизни Тургеневыхъ, и я рѣшаюсь передать ихъ какъ умѣю, въ надеждѣ, что они могутъ показаться не лишенными интереса для почитателей покойнаго писателя и исправятъ невольныя ошибки, вкравшіяся въ воспоминанія о немъ другихъ лицъ.

Прежде всего считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о домѣ, въ которомъ родился Иванъ Сергѣевичъ и который сгорѣлъ въ 1839 году. Домъ этотъ имѣетъ свою исторію и достоинъ описанія потому, что событія, въ немъ происходившія, имѣли отчасти вліяніе на жизнь Ивана Сергѣевича.

Старый домъ былъ большой и не каменный, какъ сказано въ одномъ журналѣ (кажется въ «Нивѣ»), а деревянный двухъэтажный. Зала въ немъ имѣла два свѣта. О величинѣ ея можно судить по окнамъ верхняго свѣта, которые были вышиною въ 5 аршинъ; одну изъ этихъ рамъ можно видѣть и по сей часъ въ Спасскомъ. Нижній этажъ былъ подвальный съ кладовыми. Рядомъ съ залой находилась обширная гостиная, меблированная дорогой, но старинной мебелью. Окна выходили въ садъ, у одного изъ нихъ былъ устроенъ читальный кабинетъ Варвары Петровны, отдѣленный дорогою зеленью на трельяжѣ и плющемъ. Здѣсь стояла небольшая козетка, письменный столикъ и одно кресло. Посреди гостиной помѣщался мягкій патъ въ квадратѣ 2 арш. Мы, молодежь, почти всегда сиживали на немъ, работали, или въ тихомолку болтали. Мы ей не мѣшали, но она, скрытая за зеленью, зорко за нами наблюдала.

Затѣмъ, изъ комнатъ замѣчательнѣе былъ кабинетъ отца Ивана Сергѣевича. Это было святилище послѣ смерти Сергѣя Николаевича, въ которое никогда никто не смѣлъ входить. Въ теченіи моего четырехъ-лѣтняго, почти ежедневнаго посѣщенія Спасскаго, мнѣ удалось побывать въ этомъ святилищѣ одинъ только разъ и то тайкомъ. Комната была очень большая, окна выходили во дворъ; въ ней стояло 4 письменныхъ стола, нѣсколько кушетокъ и креселъ изящной работы; стѣны были окрашены масляной краской свѣтлодыкаго цвѣта и украшены бѣлымъ, лѣпнымъ карнизомъ; потолокъ окрашенъ бѣлой масляной краской и разрисованъ арабесками на срединѣ. На стѣнахъ висѣли картины: одна изъ нихъ была задернута бѣлой занавѣской: то былъ портретъ Сергѣя Николаевича, рисованный въ Парижѣ. Сергѣй Николаевичъ былъ изображенъ въ халатѣ, съ бѣлымъ откладнымъ воротникомъ голландской рубахи. Лицо покрыто матовой блѣдностію; оно было очень выразительно и въ глазахъ просвѣчивало страданіе отъ многолѣтней, неизлѣчимой болѣзни.

Домъ этотъ принадлежалъ Ивану Ивановичу Лутовинову, дядѣ матери Ивана Сергѣевича, Варвары Петровны. Въ день пожара я обѣдала у Варвары Петровны и въ 9 часовъ вечера уѣхала оттуда. Въ 11 увидала большое зарево въ Спасскомъ—и въ нѣсколько часовъ домъ сгорѣлъ до основанія. Причиной пожара была, смѣшно сказать, больная корова. Противъ дома, съ правой стороны, упираясь въ плотину, стояли дворовыя избы, крытыя соломой. Знахарь посоветовалъ бабѣ обкурить, даннымъ ей корешкомъ, больную корову, но непременно въ старомъ лаптѣ и, не вытряхая горячихъ угольковъ, закопать его подъ притолку хлѣва. Строеніе загорѣлось, поднялся вихрь, пламя перекинуло на домъ и все сгорѣло.

Иванъ Ивановичъ былъ холостъ, каковымъ и умеръ. Онъ жилъ совершенномъ магнатомъ. Къ нему нерѣдко собиралось общество чело-

вѣкъ до полуторасти; гостили по нѣсколько дней, пировали: это показывается—на сколько домъ былъ обширенъ. О богатствѣ же Лутовинова можно судить по тому, что когда онъ умеръ, то одной серебряной поеуды осталось 60 пудовъ и денегъ 600,000 руб. Хотя это было на ассигнаціи, но въ то время подобная сумма равнялась нынѣшнему милліону. Ивану Ивановичу кромѣ того принадлежало нѣсколько имѣній въ разныхъ губерніяхъ: въ Орловской, Курской, Калужской и Тульской ¹⁾; однимъ словомъ, если бы выставлять подставы въ его имѣніяхъ отъ города Жиздры чрезъ городъ Чернь до Курска, то по нимъ можно было бы проѣхать, какъ по станціямъ. Откуда взялись у него такіа богатства—я не знаю. Говорятъ, что въ старыхъ записяхъ, хранящихся въ с. Спасскомъ, и по сіе время есть записки Ивана Ивановича Лутовинова въ такомъ родѣ: мѣдныхъ кулей столько-то, серебряныхъ столько-то и общій итогъ такой-то.

Иванъ Ивановичъ не любилъ свою племянницу Варвару Петровну. Причину такихъ отношеній между дядей и племянницей я тоже не берусь объяснить, потому что Варвара Петровна объ этомъ никогда ничего не говорила сама, кромѣ же ея никто не могъ знать истинной причины ихъ несогласія, могу лишь удостовѣрить только тотъ фактъ, что антипатія дяди къ племянницѣ возросла до такой степени, что Иванъ Ивановичъ выгналъ Варвару Петровну изъ своего дома, и намѣревался на другой же день по ея отсылкѣ ѣхать въ городъ для написанія духовной въ пользу своей сестры, но Богъ судилъ иначе: наканунѣ своего отъѣзда въ городъ, Иванъ Ивановичъ приказалъ своему чтецу, конечно изъ своихъ крѣпостныхъ, почитать и во время чтенія потянулся за табакеркой (онъ нюхалъ табакъ) — потянулся... да такъ и остался мертвымъ отъ разрыва сердца.

Конечно, сейчасъ былъ посланъ гонецъ за Варварой Петровной, который догналъ ее и доложилъ о случившемся. Она немедленно вернулась, приняла мѣры къ охраненію имущества, затѣмъ предъявила права свои на наслѣдство по закону и, хотя женщина, но, какъ ближайшая наслѣдница по мужской линіи, вступила въ обладаніе всѣмъ безъ изъятія богатствомъ умершаго дяди. При описи и оцѣнкѣ всего имущества былъ, въ качествѣ засѣдателя, мой родной дядя, Александръ Никитичъ Чапкинъ, который мнѣ и раз-

¹⁾ Тульской губерніи Ефремовскаго уѣзда: 1) Любовини, 2) Хмѣлевая, 3) Новоселово, 4) Яблоново, 5) Медвѣдка, 6) Кадново и 7) Сидново. Чернскаго уѣзда: 1) Кольна, 2) Стекланная слобода и 3) село Тургенево. Калужской губерніи, Жиздринскаго уѣзда: 1) Козаки. Козельскаго: 1) Долгое. Курской губерніи, Курскаго уѣзда: 1) Семеновка. Орловской губерніи, Малоархангельскаго уѣзда: 1) село Топки. Мценскаго: 1) село Спасское, 2) Сомово, 3) Сычи, 4) Долгово, 5) Столбецкое.

сказывалъ о жизни Ивана Ивановича Лутовинова. Сказанное имъ подтверждается въ «Запискахъ Охотника» рассказами однодворца Овсянникова.

Варвара Петровна была не красива собой, не большого роста, немного сутуловатая, имѣла длинный и вмѣстѣ съ тѣмъ широкій носъ, съ глубокими порами на кожѣ, отчего онъ казался какъ бы немного изрытымъ; подѣ старость носъ получилъ синеву. Глаза у нея были черные, злые, непріятные, лицо смуглое, волосы черные; она имѣла осанку гордую, надмѣнную, поступь величавую, тяжелую. Ее ни чему не учили. Читала она плохо, а писала — еще хуже. Характеръ у нея былъ въ полномъ смыслѣ деспотическій, о чемъ я поговорю ниже, а теперь расскажу о ея замужествѣ.

Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ былъ сынъ дворянина, имѣвшаго 140 душъ при селѣ Тургеневѣ. Служилъ онъ въ гусарахъ, былъ ремонтеромъ и пріѣхалъ къ Варварѣ Петровнѣ купить лошадей изъ ея завода. Онъ былъ молодъ, красивъ, ловокъ, почему и понравился хозяйкѣ. Въ разговорѣ съ нимъ, Варвара Петровна, мѣшая дѣло съ бездѣльемъ, предложила ему сыграть въ карты съ условіемъ, что тотъ изъ нихъ, кто выиграетъ, можетъ по желанію назначить выигрышъ. Выигралъ Сергѣй Николаевичъ и, воспользовавшись случаемъ, просилъ ея руки. Она не отказала. Въ слѣдующее его посѣщеніе онъ тоже выигралъ и просилъ назначить день свадьбы. Свадьба состоялась. Спустя нѣкоторое время, Сергѣй Николаевичъ, чтобъ придать женѣ хотя какой нибудь лоскъ, поѣхалъ съ нею въ Парижъ, гдѣ онъ, такъ сказать, ее нафранцузилъ.

Пишущая эти строки познакомилась съ Варварой Петровной въ 1836 году. Я жила съ отцомъ въ пяти верстахъ отъ Спасскаго; часто бывала у Варвары Петровны въ старомъ домѣ, гдѣ всегда гостило много дѣвицъ. Избранными моими подругами были Елизавета Ивановна Дунаевская, по замужеству княгиня Кугушева, затѣмъ дѣвица Лаврова и дѣвица Анна Яковлевна Шварцъ, впоследствии вышедшая замужъ за старшаго сына Варвары Петровны, Николая Сергѣевича, противъ ея воли. Варвара Петровна, какъ я уже сказала, меня очень любила, многое рассказывала мнѣ изъ своей жизни. Разъ даже взяла съ меня едва ли не клятвенное обѣщаніе, чтобы я не вѣнчалась въ пятницу, такъ какъ будто бы этотъ день предвѣщаетъ несчастіе въ супружеской жизни.

— Я это испытала на себѣ, прибавила она, вѣнчалась я въ пятницу, и что-жъ! мой мужъ былъ болѣнъ въ теченіи послѣднихъ 10-ти лѣтъ моего замужества; то были 10 лѣтъ никому неизвѣстныхъ моихъ душевныхъ страданій.

Она рассказывала эпизоды изъ ея лучшихъ дней, о ея веселомъ житьѣ-бытьѣ въ Парижѣ, о сватовствѣ съ своимъ мужемъ, о надеждахъ на блестящую будущность и литературную извѣст-

ность Ивана Сергѣевича, который тогда былъ студентомъ Берлинскаго университета и началъ помѣщать свои статьи, кажется, въ «Современникѣ». Въ знакъ расположенія, она подарила мнѣ на память два парадныхъ платья изъ *tulle illusion*, украшенныя бу-сами ¹⁾. Отъ этихъ платьевъ у меня и по настоящее время хранится нѣсколько букетовъ.

Какъ она кичилась своимъ богатствомъ, можетъ дать понятіе нижеслѣдующій случай: когда выходила за-мужъ, кажется, великая княжна Марія Николаевна, въ газетахъ, между прочимъ, было сказано, что за ней дается въ приданое миллионъ деньгами.

— Что за богатство? презрительно замѣтила Варвара Петровна. — И за моимъ Иваномъ будетъ миллионъ.

Разсказывая, что когда пріѣхала въ Россію знаменитая танцовщица Таліони, то въ первыя ея представленія за ложу въ бель-этажѣ платили по 300 руб., но съ возвращеніемъ изъ-заграницы покойнаго государя, Николая Павловича, цѣны мѣстамъ сдѣлались обыкновенныя, Варвара Петровна прибавила:

— Это было невыносимо, никто тогда не могъ замѣтить разности положенія между публикою.

Варвара Петровна осталась вдовой. Я уже сказала, что характера она была деспотическаго. Въ домашней обстановкѣ своей она старалась подражать коронованнымъ особамъ; такъ, крѣпостные люди ея, исполнявшіе ту или другую обязанность при ней, назывались не только придворными званіями, но даже фамиліями тѣхъ министровъ, которые занимали соотвѣтствующія должности при высочайшемъ дворѣ, такъ, напримѣръ, дворецкій звался министромъ двора, и ему была придана фамилія тогдашняго шефа жандармовъ, генерала Бенкендорфа. Мальчикъ, лѣтъ 14, завѣдывавшій съ нѣсколькими помощниками полученіемъ и отправкою писемъ и газетъ, назывался министромъ почтъ. Эти два министра болѣе другихъ врѣзались въ моей памяти, такъ какъ съ ними, по ихъ положенію въ ея домѣ, я встрѣчалась чаще, чѣмъ съ другими.

Безъ инициативы со стороны самой Варвары Петровны съ ней никто не смѣлъ заговорить. Напримѣръ, министръ ея двора являлся съ докладомъ, останавливался у дверей и ждалъ разрѣшительнаго знака говорить, и если этого знака Варвара Петровна минуты съ двѣ не подавала, то это значило, что доклада она въ то время выслушивать не желала, и министръ ретировался.

Приходъ почты возвѣщалъ большой колоколъ ²⁾. Почталіоны

¹⁾ Въ этихъ платьяхъ она была на балахъ въ Парижѣ.

²⁾ Этотъ колоколъ и до сихъ поръ цѣлъ. Когда Иванъ Сергѣевичъ былъ въ послѣдній разъ въ селѣ Спаскомъ, по звуку его собирались все гости въ домъ или для обѣда, или къ чаю, завтраку.

съ колокольчиками бѣжали по корридорамъ обширнаго дома, а министръ почтъ, одѣтый по формѣ, преподносилъ на серебряномъ подносѣ газеты и письма, адресованныя на имя Варвары Петровны. Присутствовавшіе изъ насъ, молодыхъ дѣвушекъ, замѣняли ей секретарей и читали вслухъ указанное ею. Если письма были ей пріятны—мы ликовали; но если выходило обратно, то всѣ живущіе, притаивъ дыханіе, оставались безмолвными, а я уѣзжала домой.

Однажды, Варвара Петровна ходила въ раздумьѣ по комнатѣ. Въ эту минуту въ дверяхъ показался ея управляющій, полковникъ Бакунинъ.

— Варвара Петровна, сказалъ онъ, Сычи ²⁾ сгорѣли.

Она не обратила вниманія на его слова.

— Варвара Петровна, Сычи сгорѣли.

Она молчала.

— Сычи сгорѣли, повторилъ онъ еще разъ, сдѣлавъ къ ней шагъ впередъ.

Она быстро повернулась къ нему и дала ему пощечину, закричавъ:

— Какъ вы смѣли мнѣ мѣшать. Вы знаете гдѣ я была? Я была въ Парижѣ!..

Помню и другой случай. Во время второй холеры, въ газетахъ утверждали, что зараза носилась въ воздухѣ, будто бы наполненномъ ядовитыми микроскопическими мошками. Люди, глотая ихъ, заражались.

— Николай Николаевичъ, сказала Варвара Петровна своему деверю (братъ ея мужа), бывшему въ то время у нея главнымъ управляющимъ, устрой для меня нѣчто такое, чтобы я, гуляя, могла видѣть всѣ окружающіе меня предметы, но не глотала бы зараженнаго воздуха.

Для нее сдѣлали носилки съ стекляннмъ колпакомъ въ видѣ не то кареты, не то — кіоты. Она тамъ сидѣла въ мягкихъ креслахъ, и ее носили. Оставшись очень довольна своимъ ручнымъ экипажемъ, она подарила, за мастерскую работу его, столяру золотой.

Всѣмъ извѣстно, что у насъ на Руси въ кіотахъ носятъ только иконы. Одинъ благочестивый мужичекъ, имѣвшій при себѣ грошъ, встрѣтился однажды съ оригинальными носилками и, принявъ ихъ за кіотъ, въ которомъ несли образа, сдѣлалъ земной поклонъ и подаль грошъ, прибавивъ: на свѣчку. Взрывъ гнѣва Варвары Петровны не имѣлъ границъ. Она приказала немедленно сослать на поселеніе столяра, который дѣлалъ носилки и котораго она раньше наградила золотымъ. Она приняла выходку мужичка за насмѣшку.

²⁾ Это было ея имѣніе душъ въ 400.

Мелкое чиновничество Варвара Петровна не считала за людей. Такъ, однажды, ей доложили о прїѣздѣ становаго въ то время, когда она брала ванну. Она немедленно велѣла позвать его къ себѣ. Когда становой, по естественному чувству, остановился сконфуженный, увидѣвъ чрезъ полурастворенную, камеръ-фрейлиною, дверь Варвару Петровну въ видѣ Сусанны, она на него прикрикнула: — Да ну! Иди что ли! Что ты для меня? Мущина, что ли?

Разъ, она прїѣхала въ село Сычи, гдѣ былъ гремучій колодезь, названный такъ потому, что струя воды била изъ каменной горы на столько сильно, что двигала одинъ поставъ и затѣмъ падала на нѣкоторомъ разстояніи отъ земли, чѣмъ производила шумъ, слышанный иногда на зарѣ верстъ за пять. Шумъ этого колодца помѣшалъ ей спать. Она призвала бурмистра (старосту) и приказала законопатить колодезь. Бурмистръ, зная, что въ случаѣ неудачи въ инженерномъ искусствѣ ему жутко придется, вторично пошелъ къ ней для дальнѣйшихъ приказаній. Варвара Петровна ходила по комнатѣ.

— Матушка, Варвара Петровна, позволь тебѣ доложить...

Варвара Петровна взяла со стола свою табакерку и пошла въ другія комнаты, а бурмистръ отдалъ обычный земной поклонъ уже ей пяткамъ.

Боясь барскаго гнѣва, доморощенные инженеры какъ-то ухитрились законопатить колодезь, который нашелъ себѣ путь ниже бывшаго жерла и посейчасъ, но уже мирно и тихо, течетъ въ ровень съ землею.

Вотъ уже 42 года, какъ я вышла замужъ и разсталась съ Варварой Петровной; но мнѣ и теперь прїятно вспомнить, что намъ, ея «секретарямъ» посчастливилось разъ—и только одинъ разъ—безъ инициативы со стороны Варвары Петровны высказать ей наше желаніе и получить удовлетвореніе.

Варвара Петровна имѣла поваромъ француза. Всѣ кушанья были изящныя, очень вкусны и всегда подавались на серебрѣ. Но французскій обѣдъ не совсѣмъ удовлетворялъ наши молодые желудки. Нагулявшись по парку вдоволь, мы нерѣдко вспоминали о простыхъ и любимыхъ, какъ моихъ, такъ и моихъ подругъ, кушаньяхъ; въ особенности мы любили бараній бокъ, начиненный грешневой кашей и печенкой, приготовляемый очень вкусно поваромъ моего отца. Подмѣтивъ веселое настроеніе духа Варвары Петровны, мы всѣ попросили ее приказать французскому повару приготовить бараній бокъ, начиненный грешневой кашей.

— Послать повара! приказала она.

Явился французъ, изысканно одѣтый. Его колпакъ и бѣлый фартукъ были снѣжной бѣлизны.

— Сдѣлай намъ бараній бокъ и начини его кашей, сказала Варвара Петровна.

— Не могу и не стану готовить, отозвался французъ.

Она гнѣвно повела бровями.

— Почему?

— У насъ, въ Парижѣ такимъ кушаньемъ собакъ кормятъ.

Она громко разсмѣялась, но на другой день все-таки бокъ былъ поданъ, хотя и приготовленный на французскій манеръ.

Съ сыновьями своими Варвара Петровна обращалась весьма сурово. Сыновья ея были: Николай Сергѣевичъ—старшій; онъ служилъ въ гвардейской конной артиллеріи прапорщикомъ. Иванъ Сергѣевичъ—младшій сынъ былъ студентъ. Они не смѣли являться къ ней во всякое время и по своему желанію, даже послѣ долгой разлуки, напримѣръ изъ-за границы. Объ нихъ, также какъ и о всѣхъ, докладывалъ ей министръ двора. Если она произносила «знаю», то это означало, чтобы уже далѣе не было рѣчи и—родному сыну приходилось ждать пріема.

Для большей характеристики отношеній Варвары Петровны къ сыновьямъ, расскажу подробнѣе ея отношенія къ старшему сыну Николаю Сергѣевичу, которыя я больше знала, нежели ея отношенія къ Ивану Сергѣевичу, потому что Анна Яковлевна Шварцъ, вышедшая потомъ замужъ за Николая Сергѣевича, была моей подругой въ дѣтствѣ. Женитьба на ней Николая Сергѣевича совершилась помимо согласія его матери; неудовольствіе свое за это Варвара Петровна выразила прекращеніемъ содержанія Николаю Сергѣевичу, который и поселился съ женою въ имѣніи своего умершаго отца въ селѣ Тургеневѣ. Права на это имѣніе имѣла и Варвара Петровна, какъ вдова; но, однако, вѣсть объ этомъ водвореніи она встрѣтила молчаніемъ.

Бѣдно жилось Николаю Сергѣевичу въ деревянномъ, низенькомъ крытомъ соломою домикѣ давно умершаго своего дѣдушки. Этотъ домъ впослѣдствіи былъ обращенъ въ баню и прачешную. Сдѣлавшись отцомъ, Николай Сергѣевичъ явился къ Варварѣ Петровнѣ поздравить ее бабушкой, думая, что явленіемъ на свѣтъ внука, во всякой другой семьѣ явленіемъ радостнымъ, онъ умягчитъ сердце своей матери и попросилъ себѣ выдѣла изъ обладаемаго ею имущества. Не задумавшись, Варвара Петровна объявила, что въ наступающее воскресенье, отслушавъ обѣдню въ церкви села Тургенево, она будетъ пить у него чай, причемъ выразить свою волю окончательно. Въ назначенный день, какъ только показалась на горизонтѣ, версты за три до деревни, ея карета, по заведенному обычаю, раздался первый ударъ церковнаго колокола, призывающаго къ обѣднѣ, и вся барщина въ праздничныхъ нарядахъ пошла ей на встрѣчу, выпрягла лошадей и на себѣ повезла карету къ церковной паперти. Анна Яковлевна по болѣзни не могла встрѣтить свою свекровь и поджидала ее дома къ чаю. Варвара Петровна послѣ обѣдни пришла въ домъ, мелькомъ взглянула на внучка и,

во все время своего посѣщенія, ни слова не сказала о цѣли своего прїѣзда. Сынъ же не смѣлъ начать разговоръ. Уже усѣвшись въ карету, Варвара Петровна, какъ будто только вспомнивъ о просьбѣ сына, вынула изъ своего ридикюля вчетверо сложенный листъ бумаги, по виду дѣловой, и, передавая сыну, который усаживалъ ее въ карету, сказала:

— Вотъ здѣсь ты найдешь все, что я нашла нужнымъ сдѣлать.

Николай Сергѣевичъ разсыпался въ благодарностяхъ и бросился цѣловать руки матери. Когда Варвара Петровна уѣхала, Николай Сергѣевичъ, весь сіяющій отъ радости, побѣждалъ къ своей женѣ объявить о милости матери; но, развернувъ листъ, долженствовавшій по его мнѣнію измѣнить весь строй его жизни, остолбенѣлъ!!! Въ его рукахъ трепеталъ листъ писчей бумаги и на немъ ни слова!

Вскорѣ послѣ этого Николай Сергѣевичъ уѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу переводчикомъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, а жена его давала уроки на фортепіано. Варвара Петровна нисколько не измѣняла своихъ отношеній къ сыну и лишь только передъ кончиной, чувствуя приближеніе смерти, эстафетою вызвала его изъ Петербурга. Онъ прискакалъ на курьерскихъ и, когда объ немъ доложили Варварѣ Петровнѣ, то она отвѣтила свое: «знаю». Она дождалась времени, когда долженъ былъ разрѣшиться ея желудокъ, заняла соотвѣтственное мѣсто и, сидя на немъ, приняла Николая Сергѣевича.

— Николай! сказала она,—я убѣдилась, что твоя жена достойна занять мое мѣсто (какое?).—Я выслала тебѣ въ Петербургъ чемоданъ и если ты найдешь тамъ образъ, то значить я тебя благословляю; если же нѣтъ—ну такъ и будетъ.

Полетѣлъ Николай Сергѣевичъ обратно въ Петербургъ за чемоданомъ. Образъ нашелъ и опять поскакалъ на курьерскихъ благодарить мамашу, но засталъ ее уже мертвою. Извѣстіе о кончинѣ ея, посланное съ эстафетой, не успѣло предупредить его въ Петербургъ.

Для характеристики Варвары Петровны, расскажу еще два случая.

Любимымъ занятіемъ ея было пчеловодство и разведеніе дворовой птицы. Въ извѣстный часъ она выходила ихъ кормить, и всѣ пернатые сбѣгались къ ней по колокольчику. На эту приманку налетало также много воронъ. Одинъ разъ, казачекъ, присутствовавшій при кормленіи, принялъ усиленно отгонять ихъ.

— Зачѣмъ ты гонишь ихъ? спросила она его.

— Затѣмъ, отвѣтилъ смѣтливый мальчикъ,—что это вороны не наши, а гг. Завадскихъ.

За такой отвѣтъ Варвара Петровна дала ему свободу.

Разъ, сидя подъ окномъ, Варвара Петровна увидѣла индюка, гнавшего ея любимого русскаго пѣтуха, у котораго голова была до крови продолблена.

— Бенкендорфъ! крикнула она.

Министръ двора явился у дверей.

— Смотри! она показала рукой по направленію къ окну.—Ви-дишь?

Онъ молча поклонился.

— Казнить озорника достойнымъ образомъ.

Министръ немедленно вырылъ тутъ же на дворѣ яму, и бѣднаго индюка-забіяку зарыли живаго въ землю.

Это мнѣ передавалъ бывшій управляющій Варвары Петровны, Николай Федоровичъ Туляниновъ.

Въ воспоминаніяхъ о Тургеневѣ г. Берга, напечатанныхъ въ ноябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» прошлаго, 1883 года, между прочимъ, рассказывается о связи Ивана Сергѣевича съ крѣпостной дѣвушкой, которая родила ему дочь. Г. Бергъ говоритъ, что это была горничная кухни Тургенева, по имени Θεоктиста. Влюбившись въ нее, Тургеневъ, по тогдашнему обычаю, будто бы купилъ ее за 700 руб. и отправилъ въ свою деревню, куда вскорѣ и самъ пріѣхалъ. Плача, Θεоктиста покорила своему року и скоро надѣла барину. Когда она родила дочь, Тургеневъ уѣхалъ за границу, а потомъ выписалъ дочь и отдалъ ее на воспитаніе г-жѣ Віардо.

Это было не такъ.

Система обращенія, принятая Варварой Петровной относительно всѣхъ лицъ, ее окружавшихъ, не исключая и сыновей, не допускаетъ мысли, чтобы Иванъ Сергѣевичъ рѣшился позволить себѣ помѣстить въ имѣніяхъ своей матери Θεоктисту, или какуюнибудь другую дѣвушку, и продолжать съ ней открытую связь при жизни Варвары Петровны.

Обманутая надеждой на блестящую партію старшаго сына, Варвара Петровна отдалась мечтѣ о блестящей партіи для Ивана Сергѣевича и поэтому ревностно охраняла его холостое положеніе.

Когда на Петербургской оперной сценѣ появилась блестящей звѣздой гѣвица Полина Віардо-Гарсія и Иванъ Сергѣевичъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ восторженныхъ ея поклонниковъ, то Варвара Петровна принимала это поклоненіе за увлеченіе выдающимся талантомъ Віардо. Она была вполне увѣрена, что тутъ истинной любви и серьезныхъ отъ нея послѣдствій, всѣмъ теперь извѣстныхъ, не было и не будетъ.

Въ сороковыхъ годахъ, больная Варвара Петровна переѣхала въ Москву въ свой домъ на Остоженкѣ; сюда Иванъ Сергѣевичъ пріѣзжалъ изъ-за границы на побывку и, признаться, не столько для свиданія съ матерью, сколько за полученіемъ субсидій.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній, смазливая швейка, нѣмка, принесла Варварѣ Петровнѣ работу. Съ ней случайно разговорился Иванъ Сергѣевичъ, она ему понравилась и онъ предложилъ ей свои

ласки, которыя и были приняты. Послѣ этого, Иванъ Сергѣевичъ вскорѣ уѣхалъ за границу, не подозрѣвая, что въ Россіи оставляетъ свою дочь.

Прошло много времени. Дѣвочка была представлена Варварѣ Петровнѣ, которая, по ея поразительному сходству съ Иваномъ Сергѣевичемъ, признала ее за дочь его. Она вызвала Ивана Сергѣевича изъ-за границы и, при свиданіи, протягивая одну руку для поцѣлуя, а другою указывая на дѣвочку, букою высматривавшею изъ подъ стола стѣннаго зеркала, спросила:

— Эта твоя!!

Послѣ секунднаго размышленія, Иванъ Сергѣевичъ отвѣчалъ:

— Если родная мать говоритъ мнѣ, что моя — значитъ моя.

— Отвези ее въ Парижъ — тамъ всѣ граждане. Позаботься о ея воспитаніи, посоветовала она ему.

Я увѣрена, что поступить такъ было всего удобнѣе въ видахъ самой Варвары Петровны потому, что съ удаленіемъ этого ребенка за границу, удалялась возможность помѣхи для той блестящей партіи, о которой она мечтала для Ивана Сергѣевича.

Но не такъ легко, какъ она думала, отнесся къ своей обязанности отца, самъ Иванъ Сергѣевичъ. Извѣстно, что онъ былъ прекраснымъ отцемъ во всю свою жизнь, далъ дѣвочкѣ хорошее воспитаніе, а по окончаніи ученія помѣстилъ ее возлѣ себя, у Віардо, въ семьѣ которой уже жилъ самъ. Потомъ онъ выдалъ ее за мужъ, давъ въ приданое нѣсколько тысячъ франковъ. Варвары Петровны въ это время уже не было въ живыхъ.

Иванъ Сергѣевичъ не скрывалъ, что онъ былъ отецъ. Лѣтъ шесть тому назадъ онъ былъ у моего брата по поводу отдачи ему въ аренду села Спасскаго. Мы невольно коснулись давно прошедшаго и Иванъ Сергѣевичъ между прочимъ сказалъ:

— Много употребилъ я времени, чтобы разгадать сердце женщины, много писалъ, и думалъ, что вѣрно опредѣлю женское чувство, но когда на дѣлѣ пришлось провѣрить свою опытность, то убѣдился, что далеко не достигъ желанной цѣли. Дочь моя одно время стала скучать, хирѣть и, видимо, страдала. Я никакъ не угадывалъ причины. Наконецъ, она сама призналась, что влюблена въ одного изъ учителей того пансіона, въ которомъ воспитывалась. Я обратился къ молодому человѣку, но онъ отвѣчалъ: «*Mademoiselle est charmante mais!*.. но я не разстанусь съ своей свободой». — Теперь она замужемъ, прибавилъ онъ.

На хуторѣ, называемомъ Петровскомъ, въ верстѣ отъ Спасскаго, жила дѣйствительно Θεоктиста Петрова, но особа свободная, дѣтей у нея никогда не было. Иванъ Сергѣевичъ никогда не пользовался вассальными правами въ отношеніи своихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ, что подтверждать всѣ оставшіеся въ живыхъ его современники, бывшіе тогда его крѣпостными. Я и по сейчасъ живу

въ 5 верстахъ отъ Спасскаго и въ 7 — отъ села Тургенева. Въ первомъ живъ еще бывший его крѣпостной, Захаръ Кривой, служившій Ивану Сергѣвичу съ юныхъ лѣтъ включительно до его послѣдняго посѣщенія родины. Нынѣ, говоря языкомъ Варвары Петровны, Захаръ называется «архивариусомъ» оставшагося въ старомъ домѣ имущества. Онъ помнитъ все о старомъ домѣ и образѣ жизни Ивана Сергѣвича.

Въ селѣ Тургеневѣ живетъ Иванъ Михайловъ Кубышкинъ также долго служившій у Ивана Сергѣвича лакеемъ. Съ нимъ-то, въ юности, Иванъ Сергѣвичъ, слышавъ въ деревнѣ пѣсни, исчезалъ изъ дома въ орѣховые кусты, густо росшіе въ то время между сараемъ и деревней, близъ которыхъ деревенскія дѣвушки водили хороводъ.

Тамъ Иванъ Сергѣвичъ ложился ничкомъ, подслушивалъ и записывалъ слова пѣсенъ. Тамъ иногда удавалось ему быть свидѣтелемъ сценъ, которыя онъ помѣщалъ впослѣдствіи въ своихъ сочиненіяхъ. Но далѣе этого Иванъ Сергѣвичъ никогда не заходилъ въ своихъ отношеніяхъ къ крѣпостнымъ дѣвушкамъ.

Какъ вообще обращался Иванъ Сергѣвичъ съ людьми, хотя и крѣпостными, но достойными, покажетъ слѣдующій рассказъ.

Здѣсь всѣ помнятъ уже умершаго теперь Порфирія Тимофѣевича Кондрашева. Этотъ Порфирій былъ данъ Варварой Петровной въ услуженіе Ивану Сергѣвичу тогда, когда онъ былъ студентомъ за границей. Когда Иванъ Сергѣвичъ уходилъ на лекціи, Порфирій убравши квартиру, самъ тоже уходилъ на лекціи. Обѣдалъ Порфирій вмѣстѣ съ своимъ бариномъ, который съ нимъ разсуждалъ, какъ съ равнымъ себѣ. Разница только и была въ томъ, что баринъ Порфирію говорилъ «ты», а Порфирій барину — «вы». Разъ они, будучи въ Спасскомъ, возились какъ друзья. Вдругъ въ ихъ комнату вошла Варвара Петровна въ ту самую минуту, когда подушка, пущенная Порфиріемъ, летѣла въ Ивана Сергѣвича. Варвара Петровна приказала тотчасъ же выстѣчь Порфирія. Никакія заступничества Ивана Сергѣвича не помогли. Когда Иванъ Сергѣвичъ кончилъ курсъ въ университетѣ, то Порфирій сперва былъ фельдшеромъ въ имѣніи Варвары Петровны, а потомъ, получивъ дипломъ зубнаго врача и послѣ смерти Варвары Петровны «вольную», служилъ земскимъ докторомъ въ Мценскомъ уѣздѣ.

Кстати, отмѣчу еще одну особенность характера Ивана Сергѣвича. Если случалось, что его глубоко огорчали, то у него на глазахъ навертывались слезы и онъ тотчасъ уходилъ въ свой кабинетъ, гдѣ оставался до тѣхъ поръ, пока совершенно не успокоится. Весьма понятно, откуда у него выработался исключительный въ то время взглядъ на среду, въ которой онъ вращался въ Россіи. Онъ былъ студентомъ берлинскаго университета и слушалъ

лекції многихъ тогдашнихъ германскихъ знаменитостей, проповѣдывавшихъ либерализмъ и свободу; живя въ Германіи, среди свободнаго по сравненію съ Россіей народа, онъ невольно долженъ былъ поражаться контрастомъ, пріѣзжая въ Россію, гдѣ надъ всѣмъ окружающимъ властвовало сумазбродство, даже не одной его матери, основанное на крѣпостничествѣ. Какъ же онъ могъ придти къ другой оцѣнкѣ крѣпостныхъ цѣпей?

Когда Иванъ Сергѣевичъ пріѣзжалъ на каникулы къ матери, то старался всячески убѣгать изъ дому на охоту всѣхъ родовъ, служившую для него не столько развлеченіемъ, сколько средствомъ для близкаго знакомства съ народнымъ бытомъ, изученіе котораго въ то время считалось неблаговиднымъ. Обычными спутниками его на охотѣ были двое моихъ двоюродныхъ дядей, Павелъ и Петръ Ивановичи Черемисиновы, и двое его крѣпостныхъ людей, Аванасій Ивановъ и Александръ Ивановъ.

Многіе винятъ Ивана Сергѣевича за то, что онъ будто бы не любилъ своей родины, приводя въ подтвержденіе его постоянное пребываніе за границей. Но могъ ли Иванъ Сергѣевичъ поступить иначе, обладая такимъ умомъ и сердцемъ, какимъ надѣлила его природа. Однимъ почеркомъ пера Царя Освободителя Россія не могла же вдругъ сбросить съ себя вѣками привитые ей нравы и обычаи, которые вполнѣ были изучены Иваномъ Сергѣевичемъ. При существованіи тогда, да отчасти существующихъ и теперь, условіяхъ, жить Ивану Сергѣевичу гдѣ бы-то ни было въ Россіи и ежедневно и ежечасно видѣть и слышать по всюду плачь и скрежетъ о старыхъ порядкахъ естественно было выше силъ его. Но живя за границей, онъ внимательно слѣдилъ за общественнымъ движеніемъ въ Россіи и, изрѣдка посѣщая родину, провѣрялъ свои наблюденія и впечатлѣнія. Его «Новъ», лучше всего подтверждаетъ мои слова.

О. Аргамакова.

ПУШКИНСКАЯ „ГРЕЧАНКА“.

КИШИНЕВСКИЙ мировой судья, Х. С. Кировъ, доставилъ намъ, въ переводѣ, небольшой рассказъ молдавскаго писателя Негруци, подъ заглавіемъ «Калипсо» при слѣдующемъ письмѣ:

«Почтенный собиратель Кишиневской старины, Л. С. Мацѣвичъ, въ своемъ очеркѣ «Пушкинъ въ Кишиневѣ», напечатанномъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1883 года, № 5, обратился ко всѣмъ старожиламъ Кишинева съ просьбой сообщить ему все то, что имъ извѣстно о пребываніи Пушкина въ этомъ городѣ. Прочитавъ это обращеніе, я вспомнилъ, что еще въ дѣтствѣ переводилъ въ классѣ (до 1863 г. въ Кишиневской гимназіи преподавался молдавскій языкъ, какъ предметъ необязательный), отрывокъ изъ сочиненій извѣстнаго молдавскаго писателя 50-хъ годовъ, К. Негруци, подъ названіемъ «Калипсо», касающійся Пушкина и времени пребыванія его въ Кишиневѣ. Отрывокъ этотъ помѣщенъ въ сборникѣ сочиненій Негруци, изданномъ въ 1857 году, подъ заглавіемъ «*Racatele Fineritiloru*» (Грѣхи юности), составляющемъ нынѣ библиографическую рѣдкость. Отыскавъ только теперь, съ большимъ трудомъ, эту рѣдкость, я счелъ не лишнимъ передать отрывокъ «Калипсо» цѣликомъ, въ буквальномъ переводѣ, такъ какъ, насколько мнѣ помнится, онъ еще не появлялся въ русской печати».

Съ удовольствіемъ помѣщая присланный намъ г. Кировымъ переводъ, предпосылаемъ ему нѣсколько библиографическихъ примѣчаній.

Негруци, очевидно, не зналъ, что Пушкинъ посвятилъ героинѣ его рассказа «Калипсо» цѣлое стихотвореніе подъ заглавіемъ «Гречанка» начинающееся такъ:

«Ты рождена воспламенить
 Воображеніе поэтовъ,
 Его тревожить и плѣнять
 Любезной живостью привѣтовъ,
 Восточной страстностью рѣчей,
 Блистаньемъ зеркальныхъ очей
 И этой ножкою нескромной;
 Ты рождена для нѣги томной
 Для упоенія страстей» ¹⁾.

.....

Пушкинъ въ своихъ «Запискахъ» называетъ Калипсо «прекестной». Негруци въ своей статьѣ говоритъ также, что она была «ангельской красоты». Между тѣмъ, по словамъ Липранди, эта гречанка,—Калипсо Поликрони,—бѣжавшая изъ Константинополя въ Одессу, а съ половины 1821 года поселившаяся въ Кишиневѣ, была некрасива: маленькаго роста, съ едва замѣтной грудью, длиннымъ, сухимъ и нарумяненнымъ лицомъ, съ огромнымъ носомъ и огромными глазами; по мнѣнію Липранди, она едва ли была предметомъ любви Пушкина, можетъ быть увлекавшагося только рассказами, будто Калипсо была возлюбленной Байрона, о чемъ и говорится въ стихотвореніи «Гречанка» (См. примѣч. П. А. Ефремова на стр. 549 перваго тома «Сочиненій Пушкина». Изд. 1883 г.).

Негруци увѣряетъ, что извѣстное стихотвореніе Пушкина «Черная шаль» написано поэтомъ подъ вліяніемъ знакомства съ Калипсо, а г. Ефремовъ въ примѣчаніи къ этому стихотворенію (стр. 563, перваго тома «Сочиненій Пушкина» изд. 1883 г.) приводитъ мнѣніе, что основою для «Черной шали» послужила пѣсня молодой молдаванки Маріулы, прислуживавшей въ одной изъ Кишиневскихъ ресторацій, часто посѣщаемой Пушкинымъ.

Чьи показанія достовѣрнѣе, мы рѣшать не беремся.

Калипсо.

(Письмо къ другу).

Ты знаешь, милый другъ, что въ 1821 году началось возстаніе въ Греціи и что началомъ этого возстанія слѣдуетъ считать предшествующія ему волненія въ Яссахъ. Подобно всѣмъ революціямъ, и наша сопровождалась грабежами и разореніемъ имуществъ гражданъ, да оно и понятно, такъ какъ всегда на ряду съ истинными патріотами являются темныя личности, пользующіяся случаемъ нажиться, благодаря волненіямъ.

¹⁾ Сочиненія Пушкина. Изд. 3-е. СПб. 1883. Часть I, стр. 412.

Послѣ разоренія Драгонешть и Скулянь, большинство людей состоятельныхъ бросило свою страну и, оставивъ имѣнія на произволъ судьбы, разбѣжалось, кто куда могъ. Яссы опустѣли. Горожане переселились въ Буковину и Бессарабію, гдѣ нашли временное убѣжище.

Мы съ отцомъ поселились сначала въ Хотинѣ, гдѣ провели всю зиму, а затѣмъ, весной 1822 года, переѣхали въ Кишиневъ, чтобы встрѣтиться съ родными и друзьями, такими же бѣглецами, какъ и мы. Обыкновенно пустой и сонный, Кишиневъ въ это время сталъ неузнаваемъ:—это былъ городъ полный жизни и шума. Онъ былъ переполненъ людьми, которые жили лишь сегодняшнимъ днемъ, которые не знали даже увидятъ-ли вновь когда либо свои заброшенные очаги. Эти несчастные, довольные тѣмъ, что спасли свою жизнь, потеряли было надежду видѣть свои дома, иначе, какъ въ развалинахъ, и, не имѣя дѣла, рѣшились заглушить свои чувства въ разгулѣ и пріятномъ времяпровожденіи, такъ какъ, на худой конецъ, веселье все-таки способствовало и тому, чтобы забыть свое несчастье. Поэтому, ежедневно въ Кишиневѣ устраивались: балы, обѣды, увеселительныя поѣздки, концерты, назначались любовныя свиданья и т. д.

Изъ всей этой массы эмигрантовъ и мѣстныхъ жителей, два лица обратили особенное мое вниманіе и произвели на меня неизгладимое впечатлѣніе. Это были: молодой человѣкъ, средняго роста, въ красной фескѣ на головѣ, и молодая дѣвушка, высокаго роста, завернутая въ черную шаль. Эту пару можно было встрѣтить каждый день въ городскомъ саду. Молодой человѣкъ былъ А. Пушкинъ, этотъ Байронъ Россіи, котораго впоследствии постигла трагическая участь; дѣвушка же въ черной шали — куртизанка, эмигрировавшая изъ Яссъ, по имени «Калипсо». Ее всѣ называли тогда—красавицей-гречанкой.

Калипсо гуляла всегда одна. Только Пушкинъ сопровождалъ ее иногда, когда встрѣчалъ на гуляньи.

Какъ они понимали другъ друга (Калипсо владѣла только греческимъ и молдавскимъ языками, которыхъ Пушкинъ не зналъ)—объяснить тебѣ не могу. Видно, впрочемъ, что 22-х-лѣтній возрастъ поэта и 18-ти-лѣтній куртизанки не нуждались въ переводчикѣ.

Пушкинъ полюбилъ меня и находилъ особенное удовольствіе исправлять мои ошибки, когда мы съ нимъ бесѣдовали по-французски. Изрѣдка онъ просиживалъ цѣлые часы въ городскомъ саду и слушалъ, какъ мы болтали съ Калипсо по-гречески. Иногда же декламировалъ намъ свои стихотворенія, которыя тутъ же переводилъ по-французски.

Черезъ мѣсяць я покинулъ Кишиневъ и весной 1823 года вернулся въ Молдавію, потерявъ на всегда изъ виду и Пушкина и гречанку.

Впослѣдствіи, каждый разъ, когда мнѣ приходилось читать произведенія великаго русскаго поэта, и въ особенности его «Черную Шаль» ¹⁾, поэму, написанную имъ подъ вліяніемъ знакомства съ Калипсо, я вспоминалъ эту женщину ангельской красоты и желалъ узнать, что съ нею сталося.

Въ темную, дождливую ночь, въ ноябрѣ 1824 года, къ воротамъ монастыря Нялцу (въ Молдавіи) подошелъ молодой чело-вѣкъ и попросилъ позволенія впустить его въ обитель. Платье его было насквозь пропитано водой; самъ же онъ едва волочилъ ноги отъ усталости. Привратникъ впустилъ его и укрылъ отъ непогоды въ своей сторожкѣ. На другой день, вслѣдствіе настоятельной просьбы незнакомца, онъ былъ представленъ настоятелю монастыря. Незнакомецъ объяснилъ, что онъ иностранецъ и круглый сирота, и что желаетъ постричься въ монахи. Настоятель назначилъ его послушникомъ къ старому схимнику, келья котораго помѣщалась внѣ ограды монастыря, въ горахъ. Цѣлыхъ три года онъ провелъ въ монастырѣ и прослылъ самымъ благочестивымъ изъ монаховъ.

Однажды, утромъ, схимникъ позвалъ своего ученика, но тотъ не отозвался на его зовъ. Войдя въ келью, схимникъ нашелъ своего ученика покоящимся..... вѣчнымъ сномъ.

Передъ похоронами юноши, на груди его нашли слѣдующую записку:

«Согрѣшихомъ, господи! Беззаконовахомъ, господи! и несмь достоинъ возрѣти на высоту славы твоея! Господи, прости и помилуй грѣшную Калипсо!»

Черепъ красавицы-гречанки и теперь можно видѣть въ катакомбахъ монастыря.

¹⁾ Прекрасный переводъ «Черной Шали» помѣщенъ Негруци въ томъ же сборникѣ (Pacatele Fineretiloru).

Примѣч. переводчика.

ПАМЯТИ АРХІЕПИСКОПА ДИМИТРІЯ ОДЕССКАГО.

КОНЧАВШІЙСЯ недавно (14 ноября 1883 г.) архіепископъ Одесскій Димитрій (въ мірѣ Климентъ Ивановичъ Муретовъ) займетъ видное и особенно симпатичное мѣсто въ исторіи русской церкви, въ прошлое, обильное событіями и идеями, царствованіе. Это былъ архіерей, на которомъ съ отрадою и умиленіемъ останавливается взоръ всякаго православнаго христіанина — и философски мыслящаго въ вѣрѣ (въ родѣ Хомякова; припомните его восторженный отзывъ о Димитріи...) и вѣрующаго въ простотѣ сердца. Въ своей жизни онъ силился осуществить идеалъ Евангельскаго Пастыря, кроткаго, учительнаго — не только словомъ, но и жизнью, духомъ жизни, исполненнаго любви и снисходительности къ людямъ, особенно падшимъ, скорбящимъ и озлобленнымъ, милости Божіей и помощи требующимъ... другихъ стремленій онъ не имѣлъ... Не искалъ онъ ни стяжаній, ни карьеры... Быть можетъ, въ немъ не было достаточно административной дѣловитости, которая иногда такъ дорого цѣнится у людей вѣка сего, — и такъ щедро вознаграждается временными благами, но которая въ то же время иногда способна превратить пастыря церкви, Апостола Христова, приставника и воздѣлывателя высшихъ и вѣковѣчныхъ идеаловъ, въ простого работника бюрократической машины, въ служителя чуждыхъ церкви чиновническихъ идеаловъ... Да, Димитрія нельзя назвать искуснымъ епархіальнымъ администраторомъ въ обыденномъ смыслѣ этого слова. Но за то въ немъ было много другой высшей администраціи, созидающей

души, заставляющей ихъ, дающей имъ возможность чувствовать и воочию видѣть силу и значеніе церкви Христовой, истинную, а не мнимую, власть представителей этой святой церкви, этого наивысшаго учрежденія на землѣ...

Съ Дмитріємъ отошелъ въ вѣчность послѣдній представитель того блестящаго тріумвирата, который подарила русской церкви Кіевская духовная академія, въ такъ называемый Иннокентіевскій свой періодъ... Самъ Иннокентій (Борисовъ), и ученики его: Дмитрій Муретовъ, Макарій Булгаковъ... Послѣдній былъ кромѣ того и ученикомъ Дмитрія. Такихъ рѣзко очерченныхъ типовъ церковно-христіанской дѣятельности, какіе представляютъ собою эти три кіевскіе мужа, не имѣла, можно сказать, ни одна изъ остальныхъ нашихъ духовныхъ академій... Ставши ректоромъ Кіевской академіи, Иннокентій образовалъ цѣлую школу богослововъ, питавшихся его идеями и разрабатывавшихъ ихъ въ наукѣ и жизни. Своими лекціями и проповѣдями онъ имѣлъ огромное вліяніе на умы учащейся молодежи. Дмитрій продолжалъ его дѣло. Но къ прекраснымъ своимъ академическимъ лекціямъ, не уступавшимъ Иннокентіевскимъ, онъ присоединилъ еще особенное нравственно-сердечное вліяніе на студентовъ, какого не имѣлъ самъ Иннокентій. Иннокентія уважали, Иннокентію удивлялись; предъ нимъ преклонялись. Дмитрія любили; къ Дмитрію влеклись души особенными дѣтскими симпатіями. Ибо самъ онъ былъ младенецъ по сердцу, кротокъ и смиренъ сердцемъ. Объ Иннокентіѣ старые студенты вспоминаютъ съ какимъ-то горделивымъ восторгомъ, что они-де были слушателями такого великаго по уму мужа-оратора. О Дмитріѣ они вспоминаютъ со слезами умиленія... Помню я тотъ моментъ на юбилей Кіевской духовной академіи въ 1869 году, когда Дмитрій, тогда архієпископъ одесскій, говорилъ рѣчь. Какое она произвела впечатлѣніе на всѣхъ, особенно же на тѣхъ профессоровъ академіи, которые были учениками Дмитрія!.. Одинъ изъ нихъ Д. В. П—овъ, со слезами на глазахъ, сказалъ: «вотъ что значитъ говорить отъ души, отъ сердца!» Макарій былъ ученикомъ Дмитрія. Его, по окончаніи академическаго курса, взяли въ Петербургскую духовную академію... Тамъ встрѣтилъ его особый, господствовавшій тамъ духъ—духъ обрядоваго риторизма и богословскаго буквализма, внушенный кѣмъ-то графу Протасову, предъявленный имъ, какъ требованіе власти и услужливо разработанный Аѳанасіемъ Дроздовымъ, тогдашнимъ ректоромъ С.-Петербургской академіи. Макарій какъ разъ попалъ на свѣжую почву этого принижающаго душу живу новшества..., желавшаго водворить въ нашей церкви, подъ ферулою свѣтскаго и даже военнаго командира,—церковно-богословскую спячку... Были моменты, когда Макарій могъ увлечься этимъ направленіемъ и стать въ ряду гасильниковъ «духа жизни и жизни духа...» На него возлагали

большія надежды заправители реформы, желавшей, согласно съ католичествомъ, предпочесть Св. Писанію — Св. Преданіе: ему сулили награды, его ласкали... Но его удержало кievское преда-

Архієпископъ Одесскій Димитрій.

ніе... Его сохранила отъ вліянія церковно-богословнаго буквализма та любовъ къ научной истинѣ, та свобода богословскаго созерцанія въ предѣлахъ православія, которую онъ вынесъ изъ Кіевской

8*

академія—изъ школы Иннокентія и Димитрія. Онъ весь погрузился въ науку и тѣмъ уединилъ себя отъ вліянія протасовскихъ идей. Богословіе и исторія стали его любимою научною сферою. Сначала онъ разработывалъ богословіе. Тутъ онъ шелъ по слѣдамъ Димитрія. Онъ, можно сказать, только редактировалъ для печати богословскія лекціи Димитрія. Димитрій самъ не любилъ печататься. Но онъ нисколько не ревновалъ къ своему ученику, ставшему пользоваться славой богослова, благодаря трудамъ учителя. Напротивъ, онъ радовался этой славѣ. А только, какъ гласить дошедшее до насъ преданіе, говаривалъ иногда полусмѣливо, смотря на огромные томы Макарьевского богословія: «тутъ мой крестъ, а его цѣпочка» ¹⁾.

Съ именемъ Димитрія связывается предсѣдательство въ комитетѣ для образованія духовныхъ семинарій, въ началѣ 60-хъ годовъ... Это тоже въ высшей степени любопытная и поучительная исторія,—конца которой и до сихъ поръ не видно... Еще до сихъ поръ наши духовныя семинаріи какъ будто на какомъ-то временномъ положеніи, ждущемъ переменъ и болѣе крѣпкой устойчивой почвы... Проектъ Димитрія не принятъ... Но это еще не значитъ, что онъ не соотвѣтствовалъ цѣли. Напротивъ, достоинство его въ томъ и состоитъ, что онъ ясно, отчетливо намѣтилъ эту цѣль именно дать народу пастырей по призванію, понимающихъ ясно свою миссію и приученныхъ къ ней практически, годныхъ для народа и достойныхъ по любви... Быть можетъ, Димитрій ошибался нѣсколько въ средствахъ. Такую же опредѣленную цѣль имѣлъ послѣ и проектъ архимандрита Филарета, ректора Кіевской академіи, тоже не принятый. Проектъ, который принятъ—отличается именно тѣмъ, что онъ рѣшился какъ будто нарочно игнорировать эту цѣль... Онъ сдѣлалъ изъ семинарій духовныхъ арену для разработыванія разныхъ цѣлей... Но это предметъ настолько важный и настолько совершенно жизненный, что о немъ нельзя говорить вскользь. Поэтому, отлагая рѣчь о немъ до другаго раза,—повторимъ только, что заслуга архієпископа Димитрія Муретова состоитъ въ ясной постановкѣ вопроса, чѣмъ должны быть наши духовныя семинаріи,—вопроса, остающагося открытымъ и до сего дня.

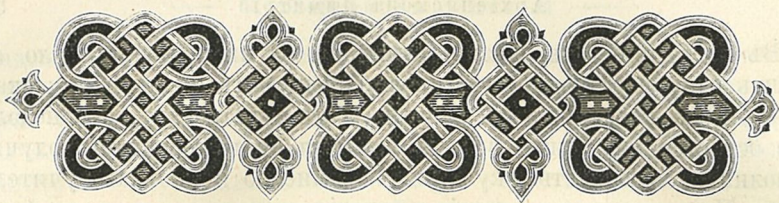
¹⁾ Одно только можно замѣтить съ прискорбіемъ, что самъ Макарій, въ предисловіи къ своему богословскому труду, не постарался заявить, какъ многимъ онъ обязанъ лекціямъ своего академическаго наставника. Въ послѣдствіи самъ Макарій очень ревниво относился къ своей собственной литературной славѣ—и всякій, пользовавшійся его трудомъ, непременно долженъ былъ указывать источники. Говоря такъ, мы имѣемъ въ виду изданіе одной богословской книги, имѣвшей смѣлость соперничать съ основнымъ богословіемъ Макарія.

Въ послѣдніе годы жизни Димитрія, за нимъ можно было замѣтить одну черту—это особенное усиленіе имъ проповѣдническаго слова—и на кафедрѣ, и въ печати... Онъ чувствовалъ, что недолго уже остается ему жить—и вотъ онъ какъ будто торопится получше выполнить свою пастырскую миссію—миссію церковнаго учительства... При каждомъ служеніи литургіи онъ говоритъ проповѣдь и затѣмъ печатаеъ ее, большею частію на страницахъ московскаго журнала «Православное Обозрѣніе». Проповѣдное слово его отличалось, по обычаю, простотою и задумчивостію.

Вообще, архієпископъ Димитрій Муретовъ—это такая свѣтлая личность, которая служила и будетъ постоянно служить славою и украшеніемъ русской церкви.

К. В.

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ П. И. МЕЛЬНИКОВА.

(По поводу годовщины со дня его смерти).

ПЕРВАГО февраля исполнился годъ со дня смерти извѣстнаго писателя Павла Ивановича Мельникова. При первой вѣсти о его кончинѣ, наши періодическія изданія наполнились небольшими некрологами, составленными главнымъ образомъ по извѣстному труду Д. И. Иловайскаго ¹⁾, но потомъ, занятыя новыми «вопросами дня», не посвятили покойному автору ни одной обстоятельной статьи. Между тѣмъ ни обширный трудъ г. Иловайскаго, ни еще болѣе краткіе некрологи, напечатанные въ прошломъ году, не дали полного обзора трудовъ, вышедшихъ изъ-подъ пера покойнаго писателя: трудъ г. Иловайскаго заключалъ болѣе біографію, чѣмъ бібліографическій обзоръ, а некрологи перечисляли только крупныя и извѣстныя произведенія. Поэтому, въ виду годовщины, мы рѣшаемся представить полный перечень трудовъ П. И. Мельникова со многими поясненіями. Этотъ перечень, необходимый для послѣдовательнаго изученія такого разносторонняго писателя, какъ Мельниковъ, заключаетъ въ себѣ слѣдующія произведенія:

1839 г. Дорожныя записки на пути изъ Тамбовской губерніи въ Сибирь (Отеч. Записки, кн. 11 и 12).

Эти «Записки» продолжали появляться въ 1840 г. (кн. 3, 4, 8, 10, 12), 1841 г. (кн. 3, 10) и 1842 г. (кн. 2 и 3).

1840 г. Первый магистръ монгольской словесности В. П. Васильевъ (Отеч. Записки, кн. 3).

¹⁾ Павелъ Ивановичъ Мельниковъ и его тридцатипятилѣтняя литературная дѣятельность въ «Русскомъ Архивѣ» 1875 г., кн. I, стр. 77—85.

Историческія извѣстія о Нижнемъ-Новгородѣ, отрывки изъ «Исторіи Владимірскаго-Суздальскаго великаго княжества и происшедшихъ изъ него отдѣльныхъ княжествъ» (Отеч. Записки, кн. 7), Библиографическая рѣдкость: «*Symbola et Emblemata, Amstelodami, anno 1705*» (Отеч. Записки, кн. 9).

Великій мастеръ, стихотвореніе Мицкевича, перев. съ польскаго (Литерат. Газета, № 14).

Елпидифоръ Перфильичъ, повѣсть (Литерат. Газета, № 23).

1841 г. Реляція о дѣйствіи русскихъ войскъ въ Польшѣ въ 1773 г. (Отеч. Записки, кн. 1).

Поѣздка въ Кунгуръ, изъ дорожныхъ записокъ (Москвитян., кн. 3).

Къ этому же году относятся слѣдующія статьи Мельникова, напечатанныя въ нижегородскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ: «Муххамедъ, какъ импровизаторъ», «Александръ великій, царь царей персидскихъ», «О корчемствѣ въ Россіи до конца XVII вѣка», «Персія при Сассанидахъ», «Нижегородскія древности», «Переводъ *Rucoris Kraledworsky*», «Собраніе нижегородскихъ преданій и повѣрій», «Описаніе нѣкоторыхъ старопечатныхъ и старописьменныхъ книгъ славяно-русскихъ, не находящихся въ извѣстныхъ каталогахъ и библіотекахъ» (См. Отеч. Записки 1842 г., кн. 6, отд. VI, стр. 39 и журналъ мин. нар. просв. 1843 г., ч. XXXVII, отд. III, стр. 20—21)⁴⁾.

1842 г. Солнечныя затмѣнія, видѣнныя въ Россіи до XVI столѣтія (Отеч. Записки, кн. 6).

Историческія замѣтки: 1) Гдѣ скончался Св. Александръ Невскій; 2) Гдѣ жилъ и умеръ Козьма Мининъ; 3) О царѣцѣ Маріи Петровнѣ; 4) О родственникахъ Козьмы Минина (Отеч. Записки, кн. 7—8).

1843 г. Нижний Новгородъ и нижегородцы въ смутное время (Отеч. Записки, кн. 7).

1844 г. Лифляндскій колоколь XV столѣтія въ Нижнемъ Новгородѣ (Отеч. Записки, кн. 3).

1845 г. О строгоновскихъ зданіяхъ въ Россіи (Литерат. Газета, № 9).

Въ этомъ же году Мельниковъ началъ редактировать «Ниже-

⁴⁾ Кромѣ того, въ протоколѣ археографической комиссіи, отъ 8-го апрѣля 1841 года, сказано: «Старшій учитель нижегородской гимназіи Мельниковъ, при донесеніи отъ 17-го марта, представилъ на разсмотрѣніе снятые имъ въ видѣ опыта списки съ восьми старинныхъ грамотъ съ приложеніемъ подлинниковъ; положено: просить г. Министра Народнаго Просвѣщенія объ утвержденіи г. Мельникова въ званіи корреспондента комиссіи съ порученіемъ ему, на основаніи существующихъ правилъ, доставлять ей свѣдѣнія о старинныхъ библіотекахъ и архивахъ и сообщать описи хранящихся въ нихъ рукописей» (См. Журналъ мин. нар. просв. 1841 г., ч. XXX, отд. III, стр. 53—54. Одно изъ донесеній Мельникова въ археографическую комиссію см. въ Журналѣ мин. нар. просв. 1842 г., отд. III, стр. 37—38).

городскія губернскія вѣдомости» и издавалъ ихъ за своею подписью до 1848 года.

1846 г. Нижегородская ярмарка въ 1843, 1844 и 1845 годахъ. Нижній Новгородъ, 292 стр.

Этотъ трудъ печатался сначала въ Нижегородскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ за 1845 годъ.

1850 г. Историческій очеркъ Нижегородской ярмарки (Московск. Вѣд., № 105).

Нѣсколько новыхъ свѣдѣній о смутномъ времени, о Козьмѣ Мининѣ, князѣ Пожарскомъ и патриархѣ Гермогенѣ (Москвитян., кн. 21).

Эта статья представляетъ выдержку изъ публичныхъ чтеній Мельникова въ Нижнемъ Новгородѣ. Объ этихъ «чтеніяхъ» сохранилось «объявленіе» (Нижегор. губ. вѣд. 1847 г., № 7) и такой «отчетъ» о первой лекціи: «11-го февраля (1847 года) въ Нижнемъ Новгородѣ случилось небывалое до сихъ поръ явленіе—публичныя лекціи о Россіи и въ особенности о Нижнемъ Новгородѣ въ началѣ XVII вѣка. Съ разрѣшенія начальства читаетъ ихъ Мельниковъ. Все лучшее общество и въ особенности много дамъ было вечеромъ 11-го февраля въ великолѣпной залѣ Александровскаго института».

1851 г. Общественныя моленія Эрзянь (Симбирск. губ. вѣд.).

На эту свою статью указываетъ самъ Мельниковъ въ Русскомъ Вѣстникѣ (1867 г., кн. 6, стр. 490), добавляя, что онъ производилъ слѣдствіе о мордовскомъ общественномъ моленіи въ 1848 году.

1852 г. Придѣлъ въ честь Козьмы Минина, корреспонденція изъ Нижняго Новгорода (Москвитян., кн. 6).

Красильниковы, повѣсть (Москвитян., кн. 8).

Подъ этою повѣстью впервые видѣется псевдонимъ Мельникова: «Андрей Печерскій». Такой псевдонимъ появлялся затѣмъ подъ каждымъ «разказомъ» покойнаго писателя.

1854 г. О современномъ состояніи раскола въ Нижегородской губерніи.

Этотъ трактатъ, изложенный въ тринадцати большихъ тетрадяхъ, былъ написанъ по Высочайшему повелѣнію въ 1854 году и тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Вибиковымъ переданъ казанскому архіепископу Григорію, а отъ послѣдняго поступилъ въ бібліотеку казанской духовной академіи. Изъ этого труда редакція «Православнаго Собесѣдника» напечатала нѣсколько статей о расколѣ.

1855 г. Отчетъ по министерству внутреннихъ дѣлъ.

Отрывки изъ этого «отчета» напечатаны въ журналѣ мин. внутр. дѣлъ за 1856 годъ.

1856 г. Дѣдушка Поликарпъ, разказъ (Русск. Вѣстн., кн. 5).

1857 г. Поярковъ, повѣсть (Русск. Вѣстн., кн. 2).

Старые годы, повѣсть (кн. 4).

Медвѣжій уголь, повѣсть (кн. 10).

Непремѣнный, разказъ (кн. 12).

1858 г. Именинный пиро́гъ, разска́зъ (Русск. Вѣстн., кн. 4).

Бабушкины разсказы (Современи., кн. 8 и 10).

Указатель достопримѣчательностей Нижняго Новгорода, М.

По указанію самого Мельникова (Русск. Вѣстн. 1867 г., кн. 6, стр. 498), эта книжка составлена для государыни императрицы, напечатана въ крайне ограниченномъ числѣ экземпляровъ, даже безъ цензуры, и считается теперь библиографическою рѣдкостью.

1859 г. Братчина, учено-литературный сборникъ, ч. I, Спб., 280 стр.

Редакціей этого «сборника» занимался Мельниковъ; ему же принадлежитъ и «предисловіе».

На станціи, разска́зъ (Русск. Дневникъ, № 21).

Раскольниковскія преданія, записанныя въ Нижегородской губерніи (Русск. Дневникъ, № 137).

Съ начала этого года Мельниковъ сталъ издавать въ Петербургѣ ежедневную газету «Русскій Дневникъ», при такой программѣ: 1) внутреннія извѣстія, 2) науки и искусства, 3) словесность, 4) библиографическія извѣстія. Эта газета прекратилась въ томъ же году на 141 №, 5-го іюля.

1860 г. Преданіе о судьбѣ Таракановой (Сѣверн. Пчела, № 39).

1861 г. Аввакумъ Петровичъ протопопъ и Авраамій Нижегородецъ (Энциклопед. Словарь, составл. русск. учеными и литераторами, Спб., т. I).

Гриша, повѣсть изъ раскольниковскаго быта (Современи., кн. 3).

Эта повѣсть издана отдѣльно Д. Кожанчикovýmъ (Спб. 1861 г.).

Лысково, изъ дорожныхъ записокъ (Иллюстрація, № 198—200).

Изъ «Иллюстраціи» эти «записки» перепечатаны въ Нижегородскихъ губернск. вѣдомостяхъ (1861 г., № 51—52; 1862 г., № 1—3).

1862 г. Письма о расколѣ (Сѣверн. Пчела, № 5, 7, 9—10, 14—15).

Отдѣльно эти «Письма» Спб. 1862 г.

Въ Чудовѣ, разска́зъ (Сѣверн. Пчела, № 30).

1863 г. Старообрядческіе архіереи (Русск. Вѣстн., кн. 4—6).

1864 г. Историческіе очерки поповщины (Русск. Вѣстн., кн. 5).

Эти «очерки» продолженіе предыдущей статьи—изданы отдѣльно: Спб., 1864 г., ч. I, 282 стр. Дальнѣйшіе очерки появились только въ Русск. Вѣстн. (1866 г., кн. 5 и 9; 1867 г., кн. 2).

1865 г. Описаніе праздника, бывшаго въ Петербургѣ 6—9-го апрѣля 1865 года по случаю столѣтняго юбилея Ломоносова, Спб., 46 стр. Воспоминаніе о Н. И. Второвѣ (Сѣверн. Пчела, № 266).

1866 г. Записка о русскомъ расколѣ.

Она была написана еще въ 1857 году для В. К. Константина Николаевича, но издана В. Кельсиевымъ въ «Сборникѣ правительственныхъ распоряженій о расколѣ» (Лондонъ, 1866 г., т. I) «безъ конца, съ пропусками и искаженіями».

1867 г. Княжна Тараканова и принцесса Владимірская (Русск. Вѣстн., кн. 5, 6 и 8).

Отдѣльно этотъ трудъ. Спб., 1868 г.

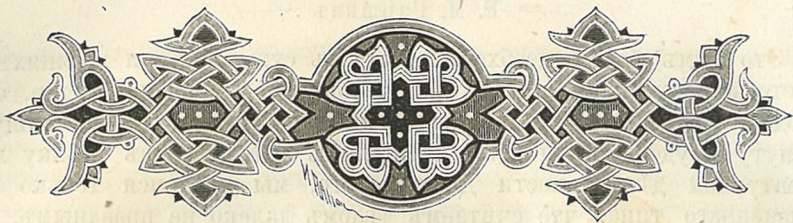
Очерки Мордвы (Русск. Вѣстн., кн. 6, 9—10).

- 1868 г. Счисленіе раскольниковъ (Русск. Вѣстн., кн. 2).
Изъ прошлаго (кн. 4).
Эта статья, подписанная двумя инициалами: «П. М.», принадлежит Мельникову, какъ онъ самъ признается въ Русскомъ Вѣстникѣ (1869 г., кн. 5, стр. 253).
Тайныя секты (кн. 5).
За Волгой, рассказъ (кн. 6—7, 10 и 12).
- 1869 г. Вѣлые голуби, рассказы о скопцахъ и хлыстахъ (Русск. Вѣстн., кн. 3 и 5).
- 1870 г. Къ исторіи русской печати: о газетѣ «Русскій Инвалидъ» (Русск. Старина, кн. 10).
- 1871 г. Въ лѣсахъ, рассказъ (Русск. Вѣстн., кн. 1, 3, 5 и 8).
Этотъ рассказъ печатался въ 1872 г. (кн. 1, 3, 5 и 8), 1873 г. (кн. 2, 5, 8, 9 и 12) и 1874 г. (кн. 4, 5, 8 и 12), а потомъ изданъ отдѣльно: М., 1875 г., четыре части.
- 1872 г. Авдотья Петровна Нарышкина, историческая замѣтка (Русск. Вѣстн., кн. 1).
- 1873 г. Воспоминаніе о В. И. Далѣ (Русск. Вѣстн., кн. 3).
Изъ записокъ юрьевского архимандрита Фотія о скопцахъ, хлыстахъ и другихъ тайныхъ сектахъ въ Петербургѣ (Русск. Архивъ, кн. 8).
Изъ нашей учебно-исторической литературы: объ учебникѣ г. Беллярминова (кн. 11).
- 1875 г. На горахъ, рассказъ (Русск. Вѣстн., кн. 5 и 10).
Этотъ рассказъ печатался въ 1876 г. (кн. 8 и 11), 1877 г. (кн. 5—7, 9—10), 1878 г. (кн. 1, 5, 8 и 11), 1879 г. (кн. 9 и 12), 1880 г. (кн. 3, 5 и 8) и 1881 г. (кн. 2—3), а потомъ изданъ отдѣльно: М. 1881 г., четыре части.
- 1876 г. Рассказы Андрея Печерскаго, М. 398 стр.
Второе изданіе этой книги: Спб., 1882 г.
- 1879 г. Дѣло по поводу стихотворенія Тредьяковскаго (Чтеніе въ Общ. истор. и древн., кн. 1).
Воспоминаніе о графѣ С. С. Ланскомъ (Русск. Архивъ, кн. 2).

При видѣ такого длиннаго «перечня», остается согласиться съ слѣдующимъ правдивымъ примѣчаніемъ къ вышеупомянутой статьѣ г. Иловайскаго: какъ не пожалѣть, что до сихъ поръ не собраны и не изданы вмѣстѣ сочиненія П. И. Мельникова.

Дмитрій Языковъ.

ИСПОРЧЕННАЯ ЖИЗНЬ.

(Биографія и письма *Ф. М. Достоевскаго*. Спб., 1883 г.)

«Я тогда только могу показать, что я человекъ съ сердцемъ и любовью, когда самая внѣшность, обстоятельства, случай, вырветъ меня насильно изъ обыденной пошлости».

Изъ письма *Ф. М. Достоевскаго* къ брату.

ЗАДАЧА біографа — одна изъ труднѣйшихъ и неопредѣленнѣйшихъ задачъ въ области историко-литературныхъ явленій. Конечно, весьма просто свести по возможности всѣ, какимъ бы-то ни было образомъ добыты, данныя — приемъ, съ успѣхомъ примѣняемый къ собиранію сырого матеріала; но, затѣмъ, необходимо выдѣлить наиболѣе интересное и характерное, что и составляетъ крайне трудную задачу, такъ какъ интересъ и характерность сообщаемыхъ фактовъ — понятія въ высшей степени условныя. Легче всего выходитъ изъ затрудненія тотъ біографъ, который старается представить данную личность въ томъ или иномъ желательномъ свѣтѣ и, сообразно съ этимъ, выдвигаетъ одни факты, пренебрегая другими, весьма важными съ иной точки зрѣнія.

Вотъ почему мы съ удовольствіемъ видимъ въ недавно изданномъ объемистомъ томѣ, подъ заглавіемъ «Биографія и письма *Ф. М. Достоевскаго*. Спб., 1883 г.», что издатели его, вмѣсто связанной «обработанной» біографіи, представили массу сырого матеріала, который даетъ возможность взглянуть на покойнаго писателя вполне объективно, такъ, чтобы мозаика фактовъ дала несомнѣнную и ясную картину его нравственнаго и умственнаго облика.

Это тѣмъ болѣе необходимо, что въ сужденіяхъ и мнѣніяхъ о Достоевскомъ, какъ писателѣ и человѣкѣ, можно найти все, что угодно, кромѣ ясности и опредѣленности. Находя въ настоящую минуту неудобнымъ и даже излишнимъ вдаваться въ оцѣнку литературной дѣятельности Достоевскаго, мы коснемся только его жизненнаго типа, что считаемъ дѣломъ далеко не празднымъ, въ виду того, что Достоевскій игралъ и играетъ въ нашей дѣйствительности не только роль замѣчательнаго художника, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, роль извѣстнаго нравственнаго идеала и общественнаго кумира. Впрочемъ, это чуть не общій фактъ относительно каждаго крупнаго художника, что его возводятъ на вышеупомянутый пьедесталъ, и это явленіе заслуживаетъ особеннаго вниманія; но прежде перейдемъ къ фактамъ, которые даетъ намъ опубликованный біографическій матеріалъ.

Мы не будемъ подробно излагать, шагъ за шагомъ, біографію Достоевскаго, а, напротивъ, постараемся только прослѣдить факты внутренней жизни его отъ самыхъ юныхъ лѣтъ, руководясь при этомъ, главнымъ образомъ, его собственными письмами и нѣкоторыми наиболѣе характерными воспоминаніями близкихъ къ нему лицъ.

Юношеское воспитаніе, при своеобразныхъ условіяхъ семейной обстановки, во всякомъ случаѣ было довольно благопріятно для развитія основной душевной способности Достоевскаго, какою мы безусловно считаемъ талантъ беллетриста-художника. Онъ росъ въ семьѣ доктора, гдѣ, при замкнутой жизни, однимъ изъ немногихъ удовольствій считалось чтеніе выдающихся литературныхъ произведеній; въ свободное и праздничное время читали въ слухъ отецъ или мать, и еще до поступленія братьевъ Достоевскихъ въ пансіонъ, много было прочитано ими изъ Карамзина, Жуковскаго, Пушкина, Загоскина, Лажечникова и др. Затѣмъ, у самого Ѳедора Михайловича часто бывалъ въ рукахъ Вальтеръ Скоттъ; онъ перечитывалъ «Бурсака» Нарѣжнаго, а Пушкина обожалъ непосредственной любовью, не ослаблявшейся тѣмъ, что поэтическая авторитетность Пушкина не была еще тогда безусловно признана старшимъ поколѣніемъ, что въ данномъ случаѣ и высказывалось отцемъ Ѳедора Михайловича и школьными учителями его.

Пансіонъ Чермака, куда поступили, въ 1834 году, братья Достоевскіе, не особенно роскошный въ научномъ отношеніи, все-таки, выдѣлялся для своего времени скорѣе въ хорошую сторону, чѣмъ въ дурную, и здѣсь опять не было пока элементовъ, которые могли бы придавить естественныя наклонности юноши. Напротивъ того, въ пансіонѣ былъ учитель русскаго языка, человѣкъ, кажется, не заурядный, скоро ставшій идоломъ братьевъ Достоевскихъ, относившихся съ живымъ интересомъ къ произведеніямъ словесности.

Но особенно опредѣлились склонности и интересы Ѳедора Ми-

хайловича со времени поступленія его въ инженерное училище. Натура юноши настолько уже сложилась и интересы его опредѣлились, что солдатская выправка и чисто-военное направленіе учебныхъ занятій не могли заглушить врожденныхъ его склонностей. Напротивъ, въ этихъ именно интересахъ юноша находилъ внутреннее удовлетвореніе и противовѣсъ угнетающей его атмосферѣ тактики и фортификаціи, которыми онъ занимался довольно усердно изъ самолюбія и необходимости, но всегда безъ малѣйшаго увлеченія. Въ одномъ письмѣ онъ пишетъ: «Экзамены и занятія страшныя. Всѣ спрашиваютъ—и репутаціи потерять не хочется,—вотъ и зубришь, съ отвращеніемъ, а зубришь» (П. 23) ¹⁾. О томъ же свидѣтельствуется также и столь быстрый выходъ въ отставку, вскорѣ по окончаніи курса наукъ. Если прибавить сюда постоянную нужду въ каждой копѣйкѣ, то понятно, какое наслажденіе доставляло юношѣ уноситься въ міръ высокихъ художественныхъ впечатлѣній. Вся его переписка съ нѣжно любимымъ братомъ, Михайломъ Михайловичемъ, никогда не оставляетъ области именно этого рода интересовъ. Такъ, напримѣръ, осенью 1838 года, онъ пишетъ: «Ты хвалишься, что перечиталъ много... но прошу не воображать, что я тебѣ завидую. Я самъ читалъ въ Петергофѣ, по крайней мѣрѣ, не меньше твоего. Весь Гоффманъ русскій и нѣмецкій (т. е. не переведенный Коть Муръ), почти весь Бальзакъ (Бальзакъ великъ! Его характеры — произведенія ума вселенной. Не духъ времени, но цѣлыя тысячелѣтія приготовили бореніемъ своимъ такую развязку въ душѣ человѣка). Фаустъ Гёте и его мелкія стихотворенія, Исторія Полевого, Уголино, Ундина. Также Викторъ Гюго, кромѣ Кромвеля и Эрнани» (П. 9).

Уже въ замѣткѣ о Бальзакѣ сквозитъ философско-мечтательное настроеніе, направленное, впрочемъ, исключительно въ область широкихъ отвлеченностей, а не удручающей молодой умъ повседневной дѣйствительности. Но это же настроеніе сказывается еще болѣе въ слѣдующихъ строкахъ того же письма: «Мнѣ кажется, что міръ нашъ—чистилище духовъ небесныхъ, отуманенныхъ грѣшной мыслью. Мнѣ кажется, міръ принялъ значеніе отрицательное, и изъ высокой, изящной духовности вышла сатира. Попадись въ эту картину лицо, не раздѣляющее ни эффекта, ни мысли о цѣломъ, словомъ, совсѣмъ постороннее лицо, что же выйдетъ? Картина искажена и существовать не можетъ!» (П. 8).

Все это довольно туманно, но здѣсь уже сказывается міросозерцаніе художника, который прежде всего во всемъ и вездѣ видитъ картину и очарованный останавливается передъ ней; въ дѣятельность же его увлекають обстоятельства, а совсѣмъ не влеченіе

¹⁾ Сноски на страницы «Матеріаловъ для жизнеописанія» мы отмѣчаемъ буквой М, а «Письма» — буквой П.

непосредственное. Тутъ же этотъ юноша сокрушается о своей лѣтѣ и восклицаетъ: «Но что же дѣлать, когда мнѣ осталось въ мѣрѣ одно: дѣлать непрерывный кейфъ! Не знаю, стихнуть-ли мои грустные идеи? Одно только состояніе и дано въ удѣлъ человѣку: атмосфера души его состоитъ изъ сліянiя неба съ землей; какое же противозаконное дитя человѣкъ; законъ духовной природы нарушенъ»... (П. 7). Текстъ заканчивается точками и мысль нѣсколько недосказана. Строки эти дышатъ юношеской неясностью, но онѣ весьма характерны. Достоевскій на всю жизнь остается такимъ порожденіемъ «слиянiя неба съ землей», и его высокій даръ художественнаго таланта остается облеченнымъ до самой смерти въ брѣнную оболочку жизни, о поддержаніи которой судьба не достаточно позаботилась, откуда и рождается главный источникъ всей дальнѣйшей драмы его жизни. Сложились бы обстоятельства иначе и молодой, пылкій умъ сразу нашелъ бы себѣ непосредственное, спокойное и благородное приложеніе въ своей надлежащей области, т. е. въ области чистой поэзіи и безкорыстнаго искусства, преклоненіе предъ которыми рано сформировалось въ молодомъ человѣкѣ. Такъ, напримѣръ, той же осенью, какъ и предыдущее письмо, онъ пишетъ: «Философію не надо полагать простой математической задачей, гдѣ неизвѣстное — природа!.. Замѣть, что поэтъ, въ порывѣ вдохновенiя, разгадываетъ Бога, слѣдовательно исполняетъ назначеніе философіи. Слѣдовательно, поэтический восторгъ есть восторгъ философіи... Слѣдовательно, философія есть также поэзія, только высшій градусъ ея!»... (П. 10).

Вотъ міросозерцаніе вполне свойственное «урожденному» художнику (см. Воспом. Страхова, М. 319) ставящему поэзію своимъ единымъ кумиромъ, и въ принесеніи жертвъ этому кумиру Достоевскій ясно предчувствовалъ свое единое назначеніе, чуждое всякихъ другихъ цѣлей. «Смотрю впередъ, пишетъ онъ — и будущее меня ужасаетъ... Я давно не испытывалъ взрывовъ вдохновенiя... Не залетить ко мнѣ райская птичка поэзіи, не согрѣетъ охладѣлой души... Прежнія мечты меня оставили и мои чудные арабески, которые создавалъ я нѣкогда, сбросили позолоту свою» (П. 11).

Вотъ какъ рано знакомо уже было Достоевскому творческое томленіе, этотъ главнѣйшій двигатель въ дѣлѣ созданiя не условныхъ художественныхъ произведенiй, не привязанныхъ къ сегодняшнему черному дню. Тутъ же начинаютъ роиться мечты о славѣ, и всѣ эти мечтанья направляются исключительно въ одну сторону. «Мнѣ кажется, что слава,—пишетъ онъ—такъ-же содѣйствуетъ вдохновенiю поэта. Байронъ былъ эгоистъ; его мысль о славѣ была ничтожна, суетна... Но одно помышленіе о томъ, что нѣкогда вслѣдъ за твоимъ былымъ восторгомъ вырвется изъ праха душа чистая, возвышенно-прекрасная, мысль, что вдохновеніе, какъ таинство небесное, освятитъ страницы, надъ которыми плакалъ ты

и будет плакать потомство, не думаю, чтобы эта мысль не закрадывалась въ душу поэта и въ самыя минуты творчества. Пустой крикъ толпы ничтоженъ. Ахъ! я вспомнилъ два стиха Пушкина, когда онъ описывалъ толпу и поэта:

«И плюетъ (толпа) на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ» (П. 11).

Сколько здѣсь глубокой преданности чистой поэзіи, какъ непосредственнаго воспроизведенія дѣйствительности, и сколько съ другой стороны живого презрѣнія къ улицѣ, къ толпѣ, съ ея будничными интересами, дразгами и претензіями, въ которыя, можно думать, такой поэтъ никогда не вмѣшается единымъ словомъ или помышленіемъ, а не то что дѣломъ». Всѣ юношескія письма Федора Михайловича къ нѣжно-любимому брату, дышашія необыкновенной, какой-то страстной искренностью, свидѣлствуютъ объ одномъ, что всѣ пламенные мечтанія юноши устремлялись на одну точку—поэзія и слава на почвѣ поэтическихъ вдохновеній.

Но, совершенно въ разрѣзъ съ этимъ, на развитіе богатой натуры клала свою тяжелую руку суровая дѣйствительность. И чѣмъ ближе подходило время зрѣлаго возраста, тѣмъ съ большей угнетающей реальностью представала передъ юношей печальная перспектива матеріальной нужды. Однимъ словомъ, мы видимъ, что Достоевскій, по выходѣ изъ училища, поступивъ на службу, перебивается со дня на день и никогда не бываетъ сколько нибудь обеспеченъ. Конечно, мы могли бы подойти къ данному факту съ контрольными приѣмами узкой морали, подсчитать всѣ возможные приходы и необходимые расходы, стѣснить пылкую и отзывчивую натуру талантливаго молодого человѣка во всякомъ движеніи и устранить для него возможность жить многообразными впечатлѣніями человѣческой жизни. Короче сказать, Достоевскій всегда нуждался и стоялъ лицомъ къ лицу съ необходимостью выйти изъ этой нужды. Въ данномъ случаѣ, ему представлялся двоякій исходъ. Съ одной стороны, онъ могъ усердно заняться своей служебной карьерой и искать себѣ сторонней работы на поприщѣ своей инженерной специальности. Но это ему очевидно претило, и вотъ, желая стать исключительно на почвѣ литературной дѣятельности, онъ увлекается различными литературно-коммерческими предпріятіями. Нѣсколько писемъ къ брату, втеченіе всего 1844 года, посвящены, главнымъ образомъ, различнымъ неудачнымъ затѣямъ: издать романъ Эжена Сю «Матильда», собственный переводъ романа Балзака и, наконецъ, сдѣланный братомъ переводъ «Донъ-Карлоса». «Покорный общему закону», молодой Достоевскій съ презрѣніемъ смотрѣлъ на всякую практическую дѣятельность, разъ онъ чувствовалъ въ себѣ пламень вдохновенія, а между тѣмъ нужда толкала его немедленно вырабатывать копѣйку, для чего онъ готовъ былъ приниматься за самую черную литературную ра-

боту, и, конечно, всѣ предпріятыя въ этомъ направленіи, попытки кончались ничѣмъ, какъ попытки непрактичнаго молодаго чловѣка съ литературными задатками и стремленіями, но безъ денегъ и безъ имени.

Въ то же время внутренняя работа талантливой души подготовила глубоко задуманную повѣсть и, послѣ безконечныхъ передѣлокъ, въ рукахъ Достоевскаго оказались «Бѣдные люди». Съ глубокой и гордой вѣрой въ свое дѣтище, Достоевскій хотѣлъ воспользоваться имъ какъ можно энергичнѣе и сейчасъ же обезпечить себѣ безбѣдное существованіе, которое дало бы возможность со всей страстью предаться свободному творчеству. Эти условія Достоевскій всегда считалъ для себя безусловно необходимыми, тѣмъ болѣе, что обладалъ способностью совершенно сживаться съ своими героями, оставляя ихъ въ авторскомъ воображеніи до полного уясненія образовъ. Вотъ какъ рассказываетъ самъ Достоевскій о процессѣ своего творчества въ письмѣ по поводу «Голядкина»:

«Яковъ Петровичъ Голядкинъ выдерживаетъ свой характеръ вполне. Подлецъ страшный, приступу нѣтъ къ нему; никакъ не хотѣть впередъ идти, претендуя, что еще вѣдь онъ не готовъ, а что онъ теперь покамѣстъ самъ по себѣ, что онъ ничего ни въ одномъ глазу, а что пожалуй, если ужъ на то пошло, то и онъ тоже можетъ, почему же и нѣтъ, отчего же и нѣтъ? Онъ вѣдь такой, какъ и всѣ, онъ только такъ себѣ, а то такой, какъ и всѣ. Что ему? Подлецъ, страшный подлецъ! Раньше половины октября никакъ не хотѣть кончить свою карьеру. Онъ уже теперь объяснился съ Ею Превосходительствомъ, и пожалуй (отчего же нѣтъ?) готовъ подать въ отставку. А меня, своего сочинителя, ставить въ крайне негодное положеніе» (П. 39). До чего доходило это «негодное положеніе» говорятъ слѣдующія строки письма, писаннаго передъ выходомъ въ отставку: «Главное я буду безъ платя. Хлестаковъ соглашается идти въ тюрьму только благороднымъ образомъ. Ну, а если у меня штановъ не будетъ, будетъ ли это благороднымъ образомъ?» (П. 31).

«Негодное положеніе» поправилось только слегка, когда наконецъ Достоевскій былъ порадованъ первымъ, но чрезвычайно крупнымъ успѣхомъ. Появленіе «Бѣдныхъ людей» открыло Фед. М.—чу доступъ къ корифеямъ тогдашней литературы; онъ вошелъ даже въ аристократическія гостиныя, но въ результатъ оказалась чрезмерная трата времени и денегъ, а въ смыслѣ обезпеченія—полная зависимость отъ издателя «Отечественныхъ Записокъ», изъ долга которому Достоевскій не вышелъ до самого своего ареста въ 1849 году. Все это время Достоевскій всецѣло увлеченъ своимъ творчествомъ и литературными успѣхами, которые довели его самолюбіе до степени крайности, сдѣлавшейся замѣтной ему самому (П. 43). Достоевскій выходилъ на литературное поприще болѣе чѣмъ увѣрен-

ный въ силѣ своего таланта и въ ничтожествѣ наличныхъ литературныхъ силъ. Еще въ началѣ 1844 года онъ писалъ брату: «Въ литературѣ—поле чисто. Примуть съ восторгомъ!» (П. 29). Достоевскій не хотѣлъ отдавать свою повѣсть въ журналъ и мотивировалъ свои соображенія слѣдующимъ образомъ: «Тамъ рукописей довольно и безъ этой. Напечатаютъ, денегъ не дадутъ. А на что мнѣ тутъ слава, когда я пишу изъ хлѣба?.. Отдавать вещь въ журналъ значить идти подъ яремъ не только главнаго Maître d'hôtel'я, но даже всѣхъ чумичекъ и поваренковъ, гнѣздящихся въ гнѣздахъ, откуда распространяется просвѣщеніе. Напечатать самому значить пробиться впередъ грудью, и, если вещь хорошая, то она не только не пропадетъ, но окупить меня отъ долговой кабалы и дать мнѣ ѣсть» (П. 32). Съ такими замыслами выступалъ Достоевскій на литературное поприще, и самолюбіе его, дѣйствительно, съ перваго момента, было удовлетворено въ сильной мѣрѣ. За мѣсяцъ до появленія «Бѣдныхъ людей» о нихъ было столько говору въ Петербургѣ, что Достоевскій писалъ брату слѣдующія строки:

«Ну, братъ, никогда, я думаю, слава моя не дойдетъ до такой апогеи, какъ теперь. Всюду почтеніе неимоверное, любопытство насчетъ меня страшное. Я познакомился съ бездною народа самаго порядочнаго. Князь Одоевскій проситъ меня осчастливить своимъ посѣщеніемъ, а графъ С. (Сологубъ?) рветъ на себѣ волосы отъ отчаянія. Панаевъ объявилъ ему, что есть талантъ, который всѣхъ ихъ въ грязь втопчетъ. С. обѣгалъ всѣхъ и зашедши къ Краевскому, вдругъ спросилъ его: Кто этотъ Достоевскій? Гдѣ мнѣ достать Достоевскаго? Краевскій, который никому въ усь не дуетъ и рѣжетъ всѣхъ на пропалую, отвѣчаетъ ему, что Достоевскій не захочетъ вамъ сдѣлать чести осчастливить васъ своимъ посѣщеніемъ. Оно и дѣйствительно такъ: аристократишка теперь становится на ходули и думаетъ, что уничтожить меня величіемъ своей ласки. Всѣ меня принимаютъ, какъ чудо. Я не могу даже раскрыть рта, чтобы во всѣхъ углахъ не повторяли, что Достоевскій то-то сказалъ, Достоевскій то-то хочетъ дѣлать. Бѣлинскій любить меня, какъ нельзя болѣе. На дняхъ воротился изъ Парижа поэтъ Тургеневъ (ты вѣрно слыхалъ) и съ перваго раза привязался ко мнѣ такою привязанностью, такою дружбой, что Бѣлинскій объясняетъ ее тѣмъ, что Тургеневъ влюбился въ меня»... «У меня бездна идей и нельзя мнѣ рассказать что нибудь изъ нихъ хоть Тургеневу, чтобы завтра почти во всѣхъ углахъ Петербурга не знали, что Достоевскій пишетъ вотъ то-то и то-то. Ну, братъ, если бы я сталъ исчислять тебѣ всѣ успѣхи мои, то бумаги не нашлось бы столько. Я думаю, что у меня будутъ деньги. Голядкинъ выходитъ превосходно; это будетъ мой chef d'oeuvre. Вчера я въ первый разъ былъ у П. и, кажется, влюбился въ жену его. Она умна и хорошенькая, вдобавокъ любезна и пряма до

нелзя. Время я провожу весело. Напѣ кружокъ пребольшой. Но я все пишу о себѣ; извини, любезнѣйшій; я откровенно тебѣ скажу, что я теперь почти упоенъ собственной славой своей». (П. 41—42).

Затѣмъ, въ письмѣ по выходѣ «Бѣдныхъ людей», вызвавшихъ самые противорѣчивые, но и самые живые отзывы, Достоевскій писалъ: «Сунулъ же я имъ всеѣмъ собачью кость! Пусть грызутся—мнѣ славу—дурачье—строить» (П. 43).

Мы сдѣлали все эти выписки главнымъ образомъ для того, чтобы показать оригинальную исключительность интересовъ юнаго беллетриста. Интересы эти специально-литературнаго, а отнюдь не общаго характера.

То, что называется взглядами и убѣжденіями, въ молодомъ Достоевскомъ представляется намъ чрезвычайно неяснымъ, неопределеннымъ и неуловимымъ. Онъ принимаетъ участіе въ глумленіи надъ славянофилами вмѣстѣ со своими литературными друзьями, задумавшими изданіе летучаго листка «Зубоскалъ», гдѣ, какъ пишетъ Достоевскій, предполагалось между прочимъ описать «Послѣднее засѣданіе славянофиловъ, гдѣ торжественно докажется, что Адамъ былъ славянинъ и жилъ въ Россіи, и по сему случаю покажется вся необыкновенная важность и польза разрѣшенія такого великаго соціальнаго вопроса для благоденствія и пользы всей русской націи» (П. 40).

Предположивъ, наконецъ, что извѣстный строй мыслей, который привелъ Достоевскаго на каторгу не могъ выразиться въ письмахъ, обратимся къ самому процессу Петрашевцевъ и посмотримъ, представителемъ какихъ взглядовъ и идей явился здѣсь Достоевскій.

Приговоръ, ссылавшій Достоевскаго въ каторгу, гласилъ, что онъ ссылается за участіе въ преступныхъ замыслахъ и распространеніи письма литератора Бѣлинскаго. Въ дѣлѣ о немъ, сверхъ общаго указанія на посѣщеніе имъ собраній у Петрашевскаго, сказано только: «принималъ участіе въ разговорахъ о строгости цензуры и на одномъ собраніи въ мартѣ 1849 года прочелъ полученное изъ Москвы отъ Плещеева письмо Бѣлинскаго о Гоголѣ; потомъ читалъ его на собраніяхъ у Дурова и отдалъ для списанія копій Монбелли. На собраніяхъ у Дурова слушалъ чтеніе статей, зналъ о предположеніи завести литографію у Спѣшнева, слышалъ чтеніе (составленной Григорьевымъ) «Солдатской бесѣды» (М. 97).

Все царившія въ кружкѣ Петрашевцевъ социалистическія мечтанія Достоевскій совершенно отрицалъ и говорилъ, что «жизнь въ икарійской коммунѣ или фаланстера представляется ему хуже всякой каторги» (М. 92).

Видѣнъ-ли во всемъ этомъ заговорщикъ, послѣдовательный разрушитель общаго строя? Нѣтъ-ли здѣсь скорѣе отзывчиваго

художника, съ увлеченіемъ пропагандирующаго художественно-страстное письмо Бѣлинскаго, съ увлеченіемъ, раздѣлявшимся въ свое время всею мыслившею Россіей? Единственно, что было Достоевскому ясно изъ области общественныхъ идеаловъ—это необходимость освобожденія крестьянъ. Художника возмущало это безобразное явленіе русской жизни, и онъ, какъ рассказываетъ г. Милоковъ (М. 85), восторженно читалъ:

«Увижу-ль, о друзья, народъ не угнетенный
И рабство падшее по манію Царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ-ли наконецъ прекрасная заря?»

Молодой Достоевскій неуклонно слѣдовалъ идеалу, намѣченному Пушкинымъ и тѣмъ шелъ какъ разъ въ уровень съ лучшими людьми своего времени.

Вообще, Достоевскаго тянуло въ кружокъ Петрашевцевъ, какъ въ наиболѣе возможную для него интеллигентную среду, которая была нужна ему для пополненія своего далеко не законченнаго образованія. Это было для него тѣмъ болѣе необходимо, что лихорадочная литературная дѣятельность и масса завязавшихся отношеній, въ связи съ довольно беспорядочной жизнью, не давали очнуться, задуматься и сколько нибудь серьезно слѣдить за ходомъ просвѣщенія. Онъ самъ пишетъ объ этой порѣ своей жизни тому же брату своему. «Ты не повѣришь, вотъ уже третій годъ литературнаго моего поприща я какъ въ чадѣ. Не вижу жизни, некогда опомниться; наука уходитъ за невременьемъ. Хочется установиться. Сдѣлали мнѣ извѣстность сомнительную и я не знаю, до которыхъ поръ пойдетъ этотъ адъ, тутъ бѣдность, срочная работа,—кабы покой»!! (П. 65).

А, между тѣмъ, петля затягивалась все туже и туже; наступали иногда даже моменты отчаянія, и Достоевскій писалъ: «Экъ, сколько труда и тягости разной нужно перенести сначала, чтобы устроить себя. Здоровье свое, на примѣръ, нужно пускать на авось, а обезпеченіе чортъ знаетъ еще когда будетъ» (П. 54). Ко всему этому у молодого автора было ясное убѣжденіе, что только блестящій успѣхъ могъ обезпечить правильное развитіе его таланта, и онъ съ горечью писалъ про себя: «Я тогда только могу показать, что я человѣкъ съ сердцемъ и любовью, когда самая внѣшность, обстоятельства, случай, вырветъ меня насильно изъ обыденной пошлости (П. 63).

Но случая этого не предвидѣлось. Напротивъ, съ ужасающей ясностью опредѣлялась перспектива кабалы у издателей, дающихъ деньги впередъ и абсолютная невозможность работать соп амате. Въ такіе моменты впечатлительный человѣкъ, готовъ разомъ покончить съ своимъ существованіемъ; если же ему жалко себя и своихъ силъ и вообще онъ отличается живучестью, тогда душа жаждетъ какого нибудь перелома, хоть бы даже въ худшую

сторону. Была еще, конечно, возможность внутреннего перелома въ нѣдрахъ своей собственной души на почвѣ ограниченія въ жизни и собственного самообузданія и самоистязанія. Но мы уже раньше говорили, что живая, впечатлительная и отзывчивая натура Достоевскаго была къ этому неспособна, и молодой художникъ энергично протестовалъ противъ такой дисциплины жизни въ слѣдующихъ характерныхъ строкахъ: «Но, Боже мой! Какъ много отвратительныхъ, подло-ограниченныхъ сѣдобородыхъ мудрецовъ, знатоковъ, фарисеевъ жизни, гордящихся опытностью, то есть своею безличностью (ибо всѣ въ одну мѣрку стечаны) негодныхъ, которые вѣчно проповѣдуютъ довольство судьбой, вѣру во что-то, ограниченіе въ жизни и довольство своимъ мѣстомъ, не вникнувъ въ сущность словъ этихъ, — довольство, похожее на монастырское истязаніе и ограниченіе, и съ неистощимою мелкою злостью осуждающихъ сильную, горячую душу невыносящаго ихъ пошлаго дневнаго росписанія и календаря жизненнаго. Подлецы они съ ихъ водевильнымъ земнымъ счастьемъ. Подлецы они! Встрѣчаются иногда и бѣсятъ мучительно» (II. 61).

Внутри, такимъ образомъ, не было силы, чтобы повернуть съ корнемъ все свое существованіе и потому переломъ необходимо долженъ былъ прійти изъ внѣ. Такимъ переломомъ для Достоевскаго былъ арестъ и, затѣмъ, ссылка. Вотъ гдѣ, намъ кажется, коренится его усердная впослѣдствіи благодарность судьбѣ за такой въ сущности жестокой и беспощадный ударъ, какъ четырехлѣтняя каторга. Этотъ ужасный періодъ его жизни художественно воспроизведенъ въ столѣ извѣстныхъ «Запискахъ изъ Мертваго Дома». Интересно лишь разобратъ въ одномъ вопросѣ: когда у Достоевскаго и его не въ мѣру ревностныхъ поклонниковъ сложилась теорія исправленія и правильной постановки человѣческихъ характеровъ, при помощи такихъ, напрімѣръ героическихъ средствъ, какъ каторжныя работы.

Въ «Дневникѣ Писателя» за 1873 годъ, Достоевскій говоритъ о той внутренней переработкѣ, которая совершалась въ немъ тогда, въ періодъ каторжной жизни. Въ основѣ ея лежало, говоритъ онъ, «непосредственное соприкосновеніе съ народомъ, братское соединеніе съ нимъ въ общемъ несчастіи, понятіе, что самъ сталъ такимъ же какъ онъ, съ нимъ сравненъ и даже приравненъ къ самой низшей ступени его... Это не такъ скоро произошло, прибавляетъ онъ, а постепенно и послѣ очень долгаго времени... Мнѣ очень трудно было-бы рассказать исторію перерожденія моихъ убѣжденій», заключаетъ онъ, не усматривая, стало быть, такой полной исторіи въ «Запискахъ изъ Мертваго Дома» (М. 135).

Мы вслѣдъ за г. Миллеромъ вполне готовы признать, что въ «Мертвомъ Домѣ» не заключается раскрытія глубокаго внутреннего перелома, пережитаго Достоевскимъ, да этого и не могло

быть въ виду того, что «Записки изъ Мертваго Дома» есть произведение широко-объективное, въ которомъ свое я художника-наблюдателя исчезаетъ въ многообразіи ярко изображенныхъ явленій и, какъ выражался самъ Достоевскій, «рожа сочинителя» не показана (II. 44). Но обратившись опять таки къ письмамъ самого Достоевскаго, тотчасъ по выходѣ изъ каторги (Семипалатинскъ, 6 ноября, 1854), читаемъ слѣдующее: «Вотъ уже скоро 10 мѣсяцевъ, какъ я вышелъ изъ каторги и началъ мою новую жизнь. А тѣ 4 года считаю я за время, въ которое я былъ похороненъ живой и закрытъ въ гробу. Что за ужасное было это время, не въ силахъ я рассказать тебѣ, другъ мой. Это было страданіе невыразимое, безконечное, потому что всякій часъ, всякая минута тяготѣла какъ камень у меня на душѣ. Во всѣ 4 года не было мгновенія, въ которое бы я не чувствовалъ, что я въ каторгѣ. Но что рассказывать! Даже если бы я написалъ къ тебѣ 100 листовъ, то и тогда ты не имѣлъ бы понятія о тогдешней жизни моей. Это нужно по крайней мѣрѣ видѣть самому, — я уже не говорю испытать. Но это время прошло и теперь оно сади меня, какъ тяжелый сонъ, такъ же какъ выходъ изъ каторги представлялся мнѣ прежде, какъ свѣтлое пробужденіе и воскресеніе въ новую жизнь» (II. 75).

Вотъ что чувствовалъ Достоевскій по выходѣ изъ каторги, проживая въ Семипалатинскѣ на службѣ солдатомъ въ 7-мъ линейномъ баталіонѣ, больной, измученный, удручаемый фронтомъ, ученьями, смотрами, лишенный правъ гражданства и, самое главное, права писать. Но его живучая натура все таки брала свое и Достоевскій имѣлъ достаточно жизненной силы, чтобы говорить: «Не теряя надежды, смотрю я впередъ довольно бодро» (II. 76). Опять надо было «пробивать дорогу вкривъ и вкось, на право и на лѣво», чтобы какъ нибудь выбиться. И здѣсь два живительныя начала поддерживали его: желаніе найти тихую пристань въ лонѣ семейнаго счастья, которое онъ считалъ теперь выше всего на свѣтѣ (II. 75), и стремленіе поставить снова въ первыхъ рядахъ свое литературное имя. Первое оказалось легче втораго. Достоевскій въ это время горячо полюбилъ и, не смотря на самое тяжелое матеріальное положеніе, женился на М. Д. Исаевой. Теперь возрожденнаго Достоевскаго волнуютъ всецѣло двѣ мысли: обезпечить спокойное существованіе семьѣ и самому себѣ и снова стать въ ряды литературы. Послѣднее, думалъ онъ, важнѣе всего и должно было дать толчекъ всему остальному. Возбудивъ при помощи своихъ друзей и покровителей ходатайство объ улучшеніи своей участи, Достоевскій на первомъ мѣстѣ ставилъ разрѣшеніе печататься и въ мартѣ 1856 года писалъ барону Врангелю: «Хочу формально просить печатать. Если позволятъ, то я на всю жизнь съ хлѣбомъ. Теперь не такъ какъ прежде, столько обдѣ-

ланнаго, столько обдуманнаго и такая энергія къ письму! Надѣюсь написать романъ (къ сентябрю) получше «Бѣдныхъ людей». Вѣдь если позволять печатать—вѣдь это гуль пойдетъ, книга раскупится, доставитъ мнѣ деньги, значеніе, обратитъ на меня вниманіе правительства, да и возвращеніе придетъ скорѣе» (П. 88).

Но понимая инстинктивно, что все его будущее заключается въ литературной дѣятельности, Достоевскій, послѣ столь продолжительнаго перерыва, не могъ сразу разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ и мысляхъ и не зналъ за что взяться съ перомъ въ рукѣ. Онъ пишетъ стихи на коронацію и заключеніе мира, затѣваетъ писать политическій памфлетъ съ «самыми патріотическими идеями» (П. 94), письмо объ искусствѣ, съ тѣмъ, чтобы посвятить ихъ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, но все это, кромѣ стиховъ, остается лишь въ проектѣ; съ другой стороны, онъ довольно небрежно относится къ возможности художественнаго воспроизведенія пережитой каторги, видимо далекъ еще отъ мысли художественно разработать тему «Мертваго Дома», и въ январѣ 1856 года пишетъ Майкову слѣдующія строки: «Въ часы, когда мнѣ нечего дѣлать, я кое-что записываю изъ воспоминаній моего пребыванія въ каторгѣ, что было любопытнѣе. Впрочемъ, тутъ мало чисто личнаго. Если кончу и когда нибудь будетъ очень удобный случай, то пришлю вамъ экземпляръ, написанный моею рукою, на память обо мнѣ» (П. 83—84).

Однимъ словомъ, съ одной стороны обстоятельства и тяжело прожитая жизнь заставляли опредѣлить самому себѣ и другимъ тотъ или другой строй мыслей, а съ другой — Достоевскій оставался прежнимъ отзывчивымъ художникомъ, образы тѣснились въ его головѣ, онъ проектировалъ романъ за романомъ, а, главное, набрасывалъ «Мертвый Домъ».

Между тѣмъ, залежавшаяся въ редакціи «Отечественныхъ Записокъ», еще съ 1849 года, повѣсть, появилась только въ 1858 году и въ литературномъ мірѣ имя Достоевскаго было сильно забыто. Приходилось чуть не съ-изнова начинать литературное поприще, а для того, чтобы работать, надо было имѣть досугъ и обезпеченіе. Достоевскій, какъ человѣкъ пострадавшій изъ-за свободнаго образа мыслей, могъ бы, казалось, рассчитывать теперь на поддержку со стороны представителей того-же направленія.

Но съ руководителемъ главнаго органа этого направленія—Некрасовымъ у Достоевскаго были старые непріятные счеты. Рука помощи явилась прежде всего со стороны человѣка, съ которымъ Достоевскій не былъ связанъ никакими традиціями. Это былъ М. Н. Катковъ, который, по первому же письму Достоевскаго, предложившаго ему свое сотрудничество, выслалъ сейчасъ же просимую имъ сумму денегъ. Другой поддержкой для Достоевскаго явился графъ Кушелевъ, предпринявшій тогда изданіе «Русскаго Слова».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, лѣтомъ 1859 года, по прошенію на Высочайшее имя и въ силу особыхъ ходатайствъ, Достоевскій выпущенъ былъ въ отставку и получилъ разрѣшеніе переѣхать въ Тверь, а въ слѣдующемъ году былъ уже въ Петербургѣ.

За все это время, письма Достоевскаго посвящены важнѣйшимъ для него въ тотъ моментъ вопросамъ: разрѣшенію вернуться, разрѣшенію печатать свои сочиненія и помѣщенію своихъ трудовъ въ тогдашнихъ журналахъ, съ условіемъ высылки денегъ впередъ. Понятно, что весь этотъ періодъ Достоевскому было не до того, чтобы развивать и вырабатывать свой образъ мыслей, помимо того, насколько онъ формировался самой жизнью его.

Между тѣмъ, переѣхавъ въ Петербургъ, Оед. Мих. чувствовалъ себя далеко не хорошо и въ письмахъ этого времени (см. М. 166) отзывался о Петербургѣ очень неодобрительно. Онъ нашелъ здѣсь старыхъ друзей каждаго въ отдѣльности глубоко къ нему расположенныхъ, но не нашелъ кружка съ сильными средствами для того, чтобы поддержать развитіе его таланта. Впрочемъ, кружокъ А. П. Милокова въ значительной мѣрѣ сплочивалъ людей близкихъ Достоевскому по старымъ воспоминаніямъ, а также людей, съ которыми онъ близко сошелся впоследствии. А. П. Милоковъ былъ тогда главнымъ сотрудникомъ журнала «Свѣточъ», гдѣ предполагалось, между прочимъ, помѣщеніе романа Достоевскаго, но дѣло это не состоялось.

Какъ бы-то ни было, къ осени 1860 года, сгруппировался уже значительный кружокъ около самихъ братьевъ Достоевскихъ, заявившихъ тогда же пространными объявленіями объ изданіи журнала «Время». Къ сожалѣнію, за это время переписка Достоевскаго изсякаетъ, и мы не знаемъ, при какихъ условіяхъ братья Достоевскіе рѣшили на такое крупное предпріятіе. Конечно, главный расчетъ здѣсь возлагался на силу художественнаго таланта Оед. Мих., который получалъ теперь возможность на страницахъ своего собственнаго журнала развернуться со всей свойственной ему ширью. Исполнялась же притомъ и юношеская мечта Оед. Мих.—освободиться отъ издательской кабалы у литературныхъ антрепренеровъ.

Но если главную силу въ журналѣ составлялъ художественный талантъ, то и направленіе журналу слѣдовало бы дать чисто-художественное, что его рѣзко выдѣляло бы изъ всей періодической печати того времени. А что Оед. Мих. опять таки былъ тогда истымъ художникомъ и никакъ не публицистомъ-теоретикомъ, о томъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ такой близкій къ нему человѣкъ, какъ Н. Н. Страховъ, который пишетъ: «Безпрестанно вдумываясь въ современныя явленія и гордясь ихъ уловленіемъ въ своихъ произведеніяхъ, Оед. Мих. въ то же время готовъ былъ ставить выше всего строгія требованія искусства и былъ почти безукоризненно чистъ отъ всякой исключительности... Художество само

по себѣ восхищало его безъ всякихъ условій и подъ конецъ онъ прямо твердилъ знаменитую формулу искусства для искусства» (274, 275).

И вотъ, съ такими-то задушевыми тенденціями Достоевскій ринулся въ море петербургской журналистики, которая въ то время особенно бурлила и шумѣла, а главное, каждый журналъ долженъ былъ строго предъявлять свое собственное направленіе, и на прокрустово ложе этого послѣдняго считалось долгомъ возлагать всѣхъ и вся.

Время исторіи шестидесятихъ годовъ далеко еще не пришло. Слишкомъ еще немного отошло оно въ область минувшаго, слишкомъ еще мало явилось печатныхъ матерьяловъ для сужденія объ этомъ времени. Поэтому мы не рѣшаемся пускать въ оборотъ сужденія и характеристики г. Страхова и входить въ подробный рассказъ о возникновеніи и паденіи журналовъ братьевъ Достоевскихъ. Для того же, чтобы уяснить фізіономію журнала «Время», обратимся къ словамъ человѣка, извѣстнаго своею прямою и устойчивостью своихъ взглядовъ. И. С. Аксаковъ, 6-го іюня 1863 года, писалъ Н. Н. Страхову слѣдующія глубоко характерныя строки: «Вы напрасно ссылаетесь на направленіе «Времени». Хотя оно постоянно кричало о томъ, что у него есть направленіе, но никто на это направленіе не обращалъ вниманія. Оно имѣло значеніе, какъ хорошій беллетристическій журналъ, болѣе чистый и честный, чѣмъ другіе, но претензіи его были всѣмъ смѣшны. Тамъ могли быть помѣщаемы и помѣщались и хорошія статьи...., —но все это не давало «Времени» никакого цвѣта, никакой силы. Ему недоставало вышнихъ нравственныхъ основъ, честности высшаго порядка. Оно имѣло безстыдство напечатать въ программѣ, что первое въ русской литературѣ провозгласило и открыло существованіе русской народности! Нѣтъ такого врага славянофиловъ, который бы не возмущился этимъ. Потомъ—это наивное объявленіе, что славянофильство—моментъ отжившій, а пути къ жизни, новое слово, теперь у «Времени»! Славянофилы могутъ все умереть до одного, но направленіе данное ими не умереть,—и я разумѣю направленіе во всей его строгости и неуступчивости, неприлаженное ко вкусу петербургской канканирующей публики. Вотъ это волокитство за публикой, это желаніе служить и нашимъ, и вашимъ, это трактованіе славянофиловъ свысока во «Времени» и съ презрѣніемъ въ первой программѣ «Времени», это уронило журналъ въ общемъ мнѣніи публики, а славянофилы, какъ вы знаете, нигдѣ, ни единымъ словомъ даже не задѣли «Времени», потому что убѣжденія ихъ не вопросъ личнаго самолюбія»... (М. 256, 257). Самъ Достоевскій, въ письмѣ къ барону Врангелю (М. 277), съ полнымъ правомъ говорить, что фуроръ произведенный «Мертвымъ Домомъ» и романомъ «Униженные и оскорбленные», упрочилъ за «Временемъ» успѣхъ, погуб-

ленный затѣмъ пріостановленіемъ журнала за статью г. Страхова «Роковой вопросъ».

Грустное происшествіе по поводу статьи «Роковой вопросъ», весьма интересное для исторіи шестидесятыхъ годовъ, имѣетъ, для исторіи развитія художественнаго таланта О. М. Достоевскаго, значеніе чисто внѣшнее: запрещеніе журнала «Время» снова выбило Оед. Мих. изъ благопріятной колеи, что, въ связи съ тяжелыми обстоятельствами, привело его, въ концѣ концовъ, въ самое безотрадное положеніе. Впрочемъ, всю эту грустную исторію передадимъ въ краткихъ, но искреннихъ словахъ самого Оед. Мих. въ письмѣ его къ барону Врангелю отъ 31 марта 1865 года. «Вы знаете, вѣроятно, что братъ затѣялъ четыре года назадъ журналъ. Я ему содрудничалъ. Все шло прекрасно. Мой «Мертвый Домъ» сдѣлалъ буквально фуроръ, и я возобновилъ имъ свою литературную репутацію. У брата были огромные долги при началѣ журнала, и тѣ стали оплачиваться,—какъ вдругъ въ 1863 году, въ маѣ, журналъ былъ запрещенъ за одну самую горячую и патріотическую статью, которую ошибкой приняли за самую возмутительную—противъ правительственныхъ дѣйствій и общественнаго тогдашняго настроенія. Правда, и писатель былъ отчасти виноватъ; слишкомъ перетонилъ, и его поняли обратно. Дѣло скоро поняли какъ надо, но ужъ журналъ былъ запрещенъ. Съ этой минуты дѣла брата приняли крайнее разстройство, кредитъ его пропалъ, долги обнаружались, а заплатить было нечѣмъ. Братъ выхлопоталъ себѣ позволеніе продолжать журналъ, подъ новымъ названіемъ «Эпоха». Позволеніе вышло только въ концѣ февраля 1864 года; 1-й номеръ не могъ появиться раньше 20-го марта. Журналъ значитъ опоздалъ, подписка уже повсемѣстно кончилась, потому что публика подписывается на всѣ журналы по старой привычкѣ только въ 3 мѣсяца, въ декабрѣ, январѣ и февралѣ. Надо было удовлетворить прежнихъ подписчиковъ, которые не получили расчета при прекращеніи «Времени». Имъ объявлено было, чтобы они досылали по шести рублей за «Эпоху» 1864 года. Такъ какъ новыхъ подписчиковъ почти не было, а были все старые, досылавшіе по шести рублей, то, стало-быть братъ долженъ былъ издавать журналъ себѣ въ убытокъ. Это окончательно его разстроило и доканало. Онъ началъ дѣлать долги, здоровье же его стало разстраиваться. Меня подлѣ него въ это время не было. Я былъ въ Москвѣ подлѣ умиравшей жены моей. Да, Александръ Егоровичъ, да, мой безцѣнный другъ, вы пишете и соболѣзнуете о моей роковой потерѣ, о смерти моего ангела брата Миши, а не знаете, до какой степени меня судьба задавила! Другое существо, любившее меня, и которое я любилъ безъ мѣры, жена моя умерла въ Москвѣ, куда переѣхала за годъ до смерти своей отъ чахотки» (М. 277, 278).

Изданіе «Эпохи» и необходимость поддерживать семью брата

уже всѣмъ бременемъ легли на Ѳед. М—ча. Со второй книжкой «Эпохи» за 1865 годъ всѣ ресурсы истощились и наступило полное паденіе, подробности котораго намъ слишкомъ мало извѣстны; г. Страховъ говорить по этому только слѣдующее: «Впродолженіе всего этого времени мы съ нимъ не видались. У насъ вышла первая размолвка, о которой не стану рассказывать. Отчасти, но лишь въ самой ничтожной части, тутъ участвовали и тѣ неудовольствія и затрудненія, которыя бывають при паденіи общаго дѣла. Приходится дѣлить общее несчастіе, и каждый изъ участниковъ естественно старается, чтобы его доля была какъ можно меньше. Грустно вспоминать черты эгоизма, которыя такимъ образомъ обнаруживаются» (М. 284).

Чтобы спасти погибающее зданіе своей жизни, Достоевскому надо было опять таки всецѣло обратиться къ эксплуатаціи своей основной душевной способности, къ художественно-беллетристическимъ работамъ, но и это было теперь не легко.

«Я охотно бы пошелъ въ каторгу, писалъ Достоевскій объ этомъ времени, на столько же лѣтъ, чтобы уплатить долги и почувствовать себя опять свободнымъ. Теперь опять начну писать романъ изъ-подъ палки, т. е. изъ нужды, на-скоро. Онъ выйдетъ эффектенъ, но то-ли мнѣ надобно! Работа изъ нужды, изъ-за денегъ, задавила и съѣла меня» (М. 282).

Но палка и нужда не задавили таланта, а, напротивъ, вызвали самое энергичное напряженіе всѣхъ его творческихъ силъ. Романъ о которомъ говоритъ Достоевскій, былъ не что иное, какъ «Преступленіе и Наказаніе», который, съ января 1866 года, началъ печататься въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Съ этого же момента Достоевскій дѣлается неоплатнымъ должникомъ г. Каткова, но отношеній этихъ нельзя назвать кабалой, и можно сказать, что мы обязаны г. Каткову сохраненіемъ для насъ таланта Достоевскаго. Въ то же время другой случай въ жизни Достоевскаго привелъ къ результатамъ чрезвычайно благоприятнымъ для упроченія его роли въ русской литературѣ.

Связанный самымъ безпощаднымъ обязательствомъ передъ издателемъ своихъ сочиненій Стелловскимъ, Ѳед. Мих. долженъ былъ въ одинъ мѣсяцъ написать рассказъ въ размѣрѣ 7-ми печатныхъ листовъ, что и было исполнено, при помощи стенографистки, а таковою явилась Анна Григорьевна Сниткина, которая спустя нѣсколько мѣсяцевъ, сдѣлалась женою Ѳедора Михайловича.

Черезъ два мѣсяца послѣ свадьбы, въ апрѣлѣ 1867 года, Достоевскій уѣхалъ за границу, главнымъ образомъ, съ той цѣлью, чтобы на свободѣ отъ кредиторовъ предаться своему творчеству и привести въ исполненіе въ сильной мѣрѣ продуманныя и въ головѣ отдѣланныя художественныя тѣмы. Душа его была, можно

сказать, переполнена художественными образами, надо было только успѣть запечатлѣть все это на бумагѣ.

Молодая и энергичная помощница, въ лицѣ жены, много способствовала осуществленію его задачи, и годы заграничной жизни были временемъ необычайной производительности Достоевскаго. Матерьяльная нужда, не смотря на большіе авансы Каткова, сильно тѣснила Достоевскаго и побуждала его усерднѣе работать. Съ этимъ вмѣстѣ, въ письмахъ его къ друзьямъ (Майкову и Страхову) слышится постоянная жалоба на невозможность художественно отдѣлывать и вынашивать свои произведенія, и онъ, на примѣръ признаетъ самъ, что, замѣтно для себя, портитъ свой романтъ «до грязи, до позора» (II. 314). Все это было тѣмъ болѣе горько для Фед. Мих., что онъ всей душой чувствовалъ необходимость новыхъ путей въ русской беллетристикѣ и писалъ въ письмѣ къ Страхову (1871 г.) слѣдующее: «А знаете, вѣдь это все помѣщичья литература (т. е. Тургеневъ, Толстой и т. д.). Она сказала все, что имѣла сказать (великолѣпно у Толстого). Но это въ высшей степени помѣщичье слово было послѣднимъ. Новаго слова, замѣняющаго помѣщичье, еще не было, да и некогда. Рѣшетниковы ничего не сказали. Но всетаки Рѣшетниковы выражаютъ мысль необходимости чего-то новаго въ художническомъ словѣ, уже не помѣщичьяго, хотя и выражаютъ въ безобразномъ видѣ» (II. 314).

Откликаясь на запросы и явленія времени, насколько это вообще свойственно живому человѣку, Фед. М.—чѣмъ тѣмъ не менѣе пишетъ въ письмѣ къ Майкову: «Задумавъ огромный романъ (съ направленіемъ—дикое для меня дѣло), полагалъ сначала, что слажу легко. И что-жъ? перемѣнялъ чуть не десять редакцій и увидалъ что тѣмъ oblige, а поэтому ужасно сталъ къ роману мнительнѣе» (II. 235). Здѣсь видно, что ярмо тенденціи приходилось для Достоевскаго еще тяжелѣе матерьяльной нужды. Его же собственные задушевные убѣжденія отличались такою ширью, что не мѣшали его творчеству захватывать въ рамки его картинъ всѣхъ и вся. Убѣжденія эти тогда уже вылились приблизительно въ такую формулу (см. письмо къ Страхову отъ 18 марта 1869 года по поводу направленія журнала «Заря»): «....окончательная сущность русскаго призванія состоитъ въ разоблаченіи передъ міромъ русскаго Христа, міру невѣдомаго и котораго начало заключается въ нашемъ родномъ православіи. По моему, въ этомъ вся сущность нашего могучаго будущаго цивилизаторства и воскрешенія хотя бы всей Европы и вся сущность нашего могучаго будущаго бытія. Но въ одномъ словѣ не выскажешься, и я напрасно даже заговорилъ. Но одно еще выскажу: не можетъ такое строгое, такое русское, такое охранительное и зиждительное направленіе журнала не имѣть успѣха и не отзываться радостно въ читателяхъ, послѣ

нашего жалкаго, напускнаго, съ раздраженными нервами, односторонняго и безплоднаго отрицанья» (II. 272).

Здѣсь опять таки слышенъ художникъ, крѣпко держащійся за міросозерцаніе, дающее возможность увлекаться всѣмъ многообразіемъ жизненныхъ явленій, въ узкости заурядныхъ тенденцій и опредѣленій. Наконецъ, въ письмѣ къ Страхову, гдѣ онъ восхищается драматическимъ произведеніемъ одного современнаго автора и видитъ въ немъ новый великій талантъ, Достоевскій находитъ главное его достоинство въ томъ, что «это изображеніе въ самомъ дѣлѣ, именно то настоящее, что и было» (II. 279), т. е. Достоевскій восхищается непосредственно-художественнымъ и правдивымъ воспроизведеніемъ живой дѣйствительности, помимо какихъ бы-то ни было тенденцій.

Но вѣдь, къ сожалѣнію, бываютъ обстоятельства, когда и правду принимаютъ за тенденцію, когда вообще изображенные сюжеты начинаютъ пенять на зеркало. Достоевскому пришлось въ сильной мѣрѣ считаться съ такимъ отношеніемъ къ творчеству и онъ предвидѣлъ даже впередъ, что его ожидаетъ въ подобныхъ случаяхъ. Приступая къ печатанію «Бѣсовъ», онъ писалъ: «хочу высказаться откровенно и не заигрывая съ молодежью» (II. 236). Вѣдь не ради же какихъ-нибудь злыхъ цѣлей рѣшился на это Достоевскій, а просто потому, что у него была художественная потребность изобразить назрѣвшее явленіе жизни. Иначе какъ объяснить столь интимныя отношенія Достоевскаго къ молодежи въ послѣдніе годы его жизни? Тѣ же запросы отзывчиваго художника, жаждущаго увидѣть и ощутить изображаемыя явленія, будили въ немъ чрезвычайное стремленіе вернуться на родину, потому что оторванный отъ почвы, онъ не такъ живо представлялъ себѣ русскую дѣйствительность. И вотъ, наконецъ, въ 1871 году, Достоевскій напелъ возможность вернуться въ Петербургъ. По немногу всѣ кредиторы его были удовлетворены, и онъ съ большимъ спокойствіемъ могъ предаться творчеству.

1873 годъ прѣшелъ въ редактированіи «Гражданина». Объ этомъ эпизодѣ г. Страховъ сообщаетъ съчетомъ двадцать строкъ и отказывается сказать, по какимъ поводамъ и соображеніямъ Фед. Мих. отказался отъ редакторства (II. 299).

Какъ бы-то ни было, втеченіе семидесятихъ годовъ, передъ глазами читающей публики, въ лицѣ Достоевскаго, выросъ крупный художникъ, и, какъ таковой, онъ пріобрѣталъ и все большія симпатіи, совершенно независимо отъ всякихъ партій и направленій. Изданіе «Дневника» имѣло огромный успѣхъ именно въ силу привлекательности художественнаго пафоса его автора. На этихъ исполненныхъ живаго интереса страницахъ всякій доискивался прорывавшихся перловъ самой изящной и сильной поэзіи; и читателю было лестно и пріятно видѣть, какъ на глазахъ у него

совершался процессъ непосредственнаго отраженія жизненныхъ явленій въ мышленіи и воображеніи художника. Самое изданіе «Дневника» было предпринято съ чисто-художественною цѣлью: вступивъ въ непосредственныя отношенія съ публикой, обновить запасъ наблюденій и фактовъ. И дѣйствительно, расчетъ оказался болѣе чѣмъ вѣренъ: задуманные необыкновенно широко «Братья Карамазовы» захватили одной кистью всю пеструю картину русской жизни.

Русская публика поняла нѣсколько иначе значеніе «Дневника», поняла для себя и довольно быстро усвоила себѣ представленіе о Достоевскомъ, какъ о человѣкѣ, открывшемъ у себя всеобщую исповѣдальню и раздающемъ направо и налево разрѣшенія и отпущенія грѣховъ. Здѣсь въ сильной мѣрѣ проявился общественный эгоизмъ: насколько полезна была, для эстетическихъ цѣлей, масса писемъ, адресованныхъ къ Достоевскому, на столько же было безпощадно требовать отъ него отвѣтовъ на всѣ безчисленные и самые разнообразныя вопросы. Все это исходило изъ ходячаго убѣжденія, что художникъ, одаренный силой воспроизведенія общественныхъ явленій и характеровъ, обладаетъ не только пониманіемъ этихъ послѣднихъ, но кромѣ того, подобно оракулу, вѣдаетъ разрѣшеніе всѣхъ жизненныхъ задачъ и душевныхъ конфликтовъ.

Гордый возрастающимъ къ нему довѣріемъ, даже среди рядовъ еще такъ недавно враждебныхъ, Достоевскій, съ свойственною ему мягкостью, старался отвѣчать всѣмъ своимъ корреспондентамъ, но, конечно, никакихъ сомнѣній не разрѣшалъ и вопросы не уяснялъ, о чемъ нѣкоторымъ и самъ откровенно рѣшался заявить, напримѣръ въ слѣдующихъ строкахъ письма къ какой-то дамѣ отъ 28-го февраля, 1878 года: «Вы думаете, я изъ такихъ людей, которые спасаютъ сердца, разрѣшаютъ души, отгоняютъ скорбь? Многіе мнѣ это пишутъ, но я знаю навѣрное, что способенъ скорѣе вселить разочарованіе и отвращеніе. Я убаюкивать не мастеръ, хотя иногда и брался за это. А вѣдь многимъ существамъ только и надо, чтобы ихъ убаюкали» (II. 329).

Достоевскій понималъ, что онъ своими художественными образами будитъ общественную мысль и индивидуальное сознаніе, и что въ этомъ-то и состоитъ назначеніе писателя, а не въ томъ, чтобы своимъ словомъ побудить человѣка поступить на тѣ, а не на другіе женскіе курсы (см. письмо къ г-жѣ Герасимовой, 332—5) или же просто тоскующей душѣ доставить свой автографъ, состоящій изъ общихъ любезныхъ фразъ.

Вообще, русское общество въ послѣдніе годы не жалѣло Достоевскаго, поступая съ нимъ подобно людямъ, которымъ нельзя дать въ руки порядочной вещи, чтобы они ее не испортили.

Душа его и запросы художественной дѣятельности требовали какъ можно больше спокойствія, а тутъ со всѣхъ сторонъ предъявляли къ нему свои права свѣтскіе салоны, устроители литера-

турныхъ чтеній, студенты, студентки и пр. и пр. (См. М. 316). Надо было предоставить Достоевскому появляться лишь тамъ, куда онъ самъ стремился всей душой; только тогда онъ и являлся, дѣйствительно, во всей силѣ своего пафоса.

Такъ и было на самомъ дѣлѣ на Пушкинскомъ праздникѣ въ Москвѣ. Прекрасная рѣчь, сказанная здѣсь Ѳедоромъ Михайловичемъ, въ сущности не представляла сама по себѣ ничего новаго для тѣхъ, кто сколько-нибудь помнитъ Бѣлинскаго и А. Григорьева; но слушателей, вмѣстѣ съ самимъ ораторомъ, охватило то высокое эстетическое возбужденіе, которымъ проникнута его рѣчь. Впечатлѣніе, произведенное этой рѣчью, г. Страховъ описываетъ такимъ образомъ: «Восторгъ, который разразился въ залѣ по окончаніи рѣчи, былъ неизобразимый, непостижимый ни для кого, кто не былъ его свидѣтелемъ. Толпа, давно зарядившаяся энтузіазмомъ, и изливавшая его на все, что казалось для того удобнымъ, на каждую громкую фразу, на каждый звонко произнесенный стихъ, эта толпа вдругъ увидѣла человѣка, который самъ весь полонъ былъ энтузіазма, вдругъ услышала слово уже несомнѣнно достойное восторга, и она захлебнулась отъ волненія, она ринулась всею душою въ восхищеніе и трепетъ. Мы тутъ всѣ принялись цѣловать Ѳедора Михайловича; нѣсколько человѣкъ, вопреки правиламъ, стали пробираться изъ залы на эстраду; какой-то юноша, какъ говорятъ, когда добрался до Ѳедора Михайловича, упалъ въ обморокъ» (М. 310). — Достоевскій признанъ былъ теперь первокласснымъ писателемъ и на признаніи его таковымъ сошлись теперь люди рѣшительно всѣхъ сортовъ. И эта всеобщность общественнаго приговора была бы совершенно непонятна, если бы привязать Достоевскаго къ одному какому-нибудь теченію общественной жизни. Его широкообъемлющій талантъ примирялъ въ себѣ всѣ самые враждебные элементы; потому-то такой густой толпой собрались всѣ поклонники его таланта за его гробомъ, когда смерть безвременно оторвала его отъ жизни, въ самый расцвѣтъ его дѣятельности.

Если за гробомъ Достоевскаго шли и несли вѣнки самые различные люди, то это свидѣтельствуетъ только о томъ, что всѣ сознательно и бессознательно чтили въ немъ высокій поэтический талантъ, и русскимъ обществомъ руководили въ данномъ случаѣ тѣ же чувства, какія соединили всѣхъ мыслящихъ людей въ день открытія памятника Пушкину, день знаменательный и въ жизни Достоевскаго.

Какъ невозможно расчленивъ безусловно-цѣльную поэтическую дѣятельность Пушкина въ угоду различныхъ направленій, изъ которыхъ каждому онъ отдалъ дань въ силу своей всесторонности, такъ же точно напрасны притязанія сдѣлать изъ Достоевскаго пророка одной какой-нибудь узкой партіи.

Евгеній Гаршинъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О Р. А. ФАДѢВѢ.

ВЪ ОДЕССѢ, 29-го декабря прошлаго года, скончался Ростиславъ Андреевичъ Фадѣевъ, авторъ многочисленныхъ изслѣдованій о политическомъ строѣ Россіи, о преобразованіяхъ въ ея государственномъ устройствѣ, о ея военныхъ силахъ и проч. Въ продолженіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, Р. А. Фадѣевъ, обладавшій выдающимися способностями, неумоимо работалъ своимъ талантливимъ перомъ на избранномъ имъ публицистическомъ поприщѣ. Какъ и всякій, онъ могъ ошибаться, но все его литературные труды проникнуты чувствомъ искренней любви къ Россіи, ко всему русскому, желаніемъ усиленія и окрѣпленія нашего государства, на страхъ его врагамъ, на благо его гражданамъ.

Въ теченіе нѣкотораго времени я находился съ Р. А. Фадѣевымъ въ близкихъ отношеніяхъ по его литературнымъ трудамъ. Нашему сближенію содѣйствовало слѣдующее обстоятельство:

Въ январѣ 1854 года, въ редакціи «Сѣверной Пчелы» получено было подробное описаніе сраженія при Башкадыкларѣ, 19-го ноября 1853 года, въ которомъ наши молодецкія кавказскія войска, подъ начальствомъ князя Бебутова, на голову разбили турецкую армію, значительно превосходившую ихъ своею численностью. Между тѣмъ какъ на Дунаѣ наши военныя дѣла шли тогда не блистательно, битва при Башкадыкларѣ была второю значительною побѣдою кавказцевъ въ Азіатской Турціи, послѣ сраженія подъ Ахалцыхомъ, гдѣ русскими войсками командовалъ князь Андрониковъ. Описаніе башкадыкларской битвы было составлено, какъ оказалось, молодымъ оберъ-офицеромъ Фадѣевымъ. Живо, увлекательно, литературнымъ слогомъ, представилъ онъ различные, наиболѣе интересныя и замѣчательныя, моменты этого сраженія, котораго онъ, по всемъ даннымъ его статьи,

былъ, повидимому, очевидцемъ. Авторъ общалъ, въ письмѣ въ редакцію, описывать всѣ военныя событія тогдашней кампаніи въ Азіатской Турціи по мѣрѣ накопленія у него матеріаловъ.

Прочитавъ статью г. Фадѣева и не видя въ ней никакого противорѣчія съ тогдашними цензурными правилами, я немедленно отвѣчалъ автору, что редакція съ удовольствіемъ напечатаетъ его литературное произведеніе и просилъ продолжать присылку своихъ описаній военныхъ событій. Я рассчитывалъ уже на оживленіе газеты интересными военными очерками наступавшихъ важныхъ событій, но на практикѣ этимъ надеждамъ не суждено было осуществиться.

Статья г. Фадѣева, по цензурнымъ предписаніямъ того времени, подлежала, до представленія ея въ общую цензуру, предварительному разсмотрѣнію военного вѣдомства, почему и была отправлена въ военно-цензурный комитетъ. Для ускоренія времени, редакціямъ газетъ разрѣшено было посылать въ этотъ комитетъ статьи непосредственно отъ себя и, такимъ образомъ, обходить лишнюю инстанцію, въ видѣ петербургскаго цензурнаго комитета, чрезъ который собственно, если бы придерживаться строго закона, слѣдовало бы отправлять статьи въ военную цензуру. Чрезъ нѣсколько дней статья г. Фадѣева возвратилась въ редакцію «Сѣверной Пчелы» съ надписью: «не разрѣшена къ напечатанію».

Почему? На какомъ основаніи военная цензура запретила статью, вполнѣ «благонамѣренную», какъ тогда выражались цензора, если желали хорошо аттестовать какое либо литературное произведеніе? Я отправился къ тогдашнему предсѣдателю военно-цензурнаго комитета, генераль-лейтенанту барону Медему. Это былъ человѣкъ умный, просвѣщенный, пріятельный, но педантъ и, согласно военной дисциплинѣ, неукоснительный исполнитель малѣйшихъ предписаній и распоряженій по военному вѣдомству. Объясненія съ барономъ Медемомъ были довольно затруднительны, потому что въ то время онъ былъ уже глуховатъ. Баронъ Медемъ, въ разговорѣ со мною, объявилъ, что описаніе башкадыкларской битвы г. Фадѣева вполнѣ цензурно, что ему самому жаль, что подобная статья не появится въ печати и что она не разрѣшена только потому, что свыше предписано, относительно военныхъ событій тогдашняго времени, допускать въ газеты только официальные военныя реляціи, высочайше прочитанныя и высочайше утвержденныя. Когда я замѣтилъ барону Медему, что если онъ, въ силу сказаннаго имъ мнѣ и даннаго ему предписанія, самъ не имѣетъ права разрѣшить къ печати статью г. Фадѣева, находимую имъ соотвѣтствующею требованіямъ цензуры, то вошелъ бы о томъ съ представленіемъ къ своему высшему начальству; но предсѣдатель военно-цензурнаго комитета отвѣтилъ мнѣ, что не можетъ, или не имѣетъ права, принимать на себя подобныя ходатайства.

Статья г. Фадѣева осталась ненапечатанною, о чемъ я его увѣдомилъ, съ возвращеніемъ рукописи. Для того времени такое рѣшеніе не было удивительно. При императорѣ Николаѣ оффиціальныя реляціи князя Воронцова о дѣлахъ съ горцами помѣщались въ одной редакціи въ газетѣ «Кавказъ», въ Тифлисѣ, и въ совершенно другой въ Петербургѣ, въ «Русскомъ Инвалидѣ». Въ продолженіе всей войны 1853—1856 года г. Фадѣевъ уже ничего болѣе не писалъ въ редакцію, хотя съ расширеніемъ театра военныхъ дѣйствій, въ тяжкія времена для Россіи, можетъ быть военная цензура и разрѣшила бы послѣдующія его статьи о тогдашнихъ событіяхъ. Такъ, послѣ объявленія войны Франціею и Англіею, въ февралѣ 1854 года, императоръ Николай Павловичъ дозволилъ цензурѣ разрѣшать къ печати патріотическія стихотворенія, но только «безъ брани». Въ 1855 же году, съ воцареніемъ императора Александра Николаевича, явилась возможность помѣщать въ петербургскихъ газетахъ извлеченія, въ переводѣ съ англійскаго, изъ писемъ крымскаго корреспондента газеты «Times», а происки и ходатайства тогдашняго редактора «Русскаго Инвалида», Петра Семеновича Лебедева, о сохраненіи за этою газетою исключительной монополіи въ сообщеніи русской публикѣ извѣстій съ театра войны, въ видѣ однѣхъ оффиціальныхъ реляцій, не увѣнчались успѣхомъ.

Р. А. Фадѣевъ остался продолжать свою службу на Кавказѣ, гдѣ его отецъ былъ членомъ совѣта главнаго управленія закавказскаго края и управляющимъ экспедиціею государственныхъ имуществъ. Вѣроятно, вслѣдствіе вышеупомянутой переписки между нами, въ 1859 году, по взятіи въ плѣнъ Шамиля, 26-го августа, онъ, отъ 18-го сентября, изъ Тифлиса, прислалъ мнѣ слѣдующее письмо, нѣкоторыя мѣста котораго послужатъ дополненіемъ къ его біографіи и характеристикѣ:

«Какъ всякому русскому теперь извѣстно, Восточный Кавказъ покоренъ; закавказскія области слились наконецъ въ одно цѣлое съ Россіею и русское владычество незыблемо и навѣки утверждено на кавказскомъ перешейкѣ. Пятьдесятъ лѣтъ кровавой войны и несчетныхъ жертвъ готовили это событіе и послѣдніе три года рѣшили его. Покореніе восточныхъ горъ такъ внезапно измѣняетъ многія условія не только нашего владычества на Кавказѣ, но даже военного могущества имперіи вообще, что до сихъ поръ, можно сказать положительно, нѣтъ человѣка, который могъ бы ясно объять разомъ всѣ послѣдствія этого событія. Онѣ будутъ раскрываться ежедневно. Въ настоящую минуту право только смутное чувство толпы, которая, зная чего стоила Россіи кавказская война, и мѣряя важность результата по принесеннымъ жертвамъ, радостно повторяетъ: наконецъ Шамиль покоренъ!

«Всѣ мы, кавказскіе солдаты, отъ высшаго до низшаго, знаемъ цѣну совершеннаго нами дѣла. Мы уже видѣли за него милость

государя и сердце говорить намъ, что мы заслужили благодарность отечества. Но, тѣмъ не менѣе, съ естественнымъ любопытствомъ, ждали мы изъ Россіи отзывовъ, которыми выскажется общее впечатлѣніе. Первый отзывъ высказанъ военною газетою, «Инвалидомъ»...

«Покуда продолжалась война на Восточномъ Кавказѣ, больше всѣхъ толковалъ о ней «Journal de Constantinople». Эта восточная газета рассказывала кавказскую войну совершенно въ родѣ своей предшественницы, Шехеразеды. Только джинами и волшебницами пожертвовала она просвѣщенію вѣка: всѣ же прочія и лица, и событія, и мѣста, гдѣ они совершались, принадлежали очевидно какому-то баснословному восточному царству, не имѣвшему ничего общаго съ Кавказомъ. Обладая, къ моему несчастію, довольно раздражительными нервами, я не могъ прочитывать спокойно всю эту галиматью и нѣсколько разъ писалъ въ иностранныхъ журналахъ, подвергая константинопольскія реляціи разбору съ литературной точки зрѣнія, какъ весьма слабое продолженіе прелестной «Тысячи одной ночи». Когда, со взятіемъ Гуниба, палъ на Кавказѣ вооруженный мюридизмъ, къ естественному чувству русскаго, увидѣвшаго конецъ этой нескончаемой войны, примѣшалось еще другое, эгоистическое чувство: «Ну, думалъ я, конецъ константинопольскимъ реляціямъ о Шамилѣ; не буду я больше тратить времени на отвѣты имъ». Представьте мое удивленіе. Раскрываю № 187 «Инвалида». Послѣ двухъ телеграфическихъ донесеній главнокомандующаго кавказскою арміею государю императору, которыми возвѣщено Россіи, что Восточный Кавказъ покоренъ отъ моря Каспійскаго до военно-грузинской дороги, что Шамиль взятъ и отправленъ въ Петербургъ, на третьей страницѣ, между извѣстіями изъ Бельгіи и извѣстіями изъ Китая, нахожу статейку о положеніи Кавказа. Да это мой «Journal de Constantinople»; онъ тутъ весь. Кромѣ джиновъ и волшебницъ, опять баснословное восточное царство, опять небывалыя мѣста и тѣ же ребяческія понятія. Ищу примѣчаніе: изъ «Константинопольскаго Журнала». Нѣтъ, эту статью сочинилъ самъ «Инвалидъ».

«Она начинается риторическимъ восторгомъ по поводу окончанія этой войны, «продолжавшейся полвѣка, хотя и въ небольшихъ размѣрахъ» (227,000 человекъ подъ ружьемъ!). Далѣе идетъ разсужденіе: «Шамиль убѣдился, что званіе мирнаго русскаго гражданина (подумаешь, что онъ уже записался въ гильдію) почетнѣе нежели предводителя наѣздниковъ, живущихъ однимъ грабежемъ». Этотъ «предводитель наѣздниковъ», былъ двадцать три года политическимъ и духовнымъ начальникомъ народа, клявшася его именемъ и двадцать три года боролся противъ арміи, способной, въ своемъ полномъ составѣ, сокрушить любую европейскую державу. На счетъ того, что полумилліонное населеніе восточныхъ горъ

Кавказа жило однимъ разбоемъ, редакція «Русскаго Инвалида» надобно было бы посмотрѣть покоренный край, такъ какъ уже свидѣтельство собственныхъ глазъ необходимо ей, чтобы имѣть хотя поверхностное понятіе о Кавказѣ. Тамъ увидала бы она работы, превосходящія работы строителей пирамидъ, — горы, встающія выше облаковъ, обдѣланныя сверху до низу террасами для посѣвовъ, придающія имъ видъ какого-то фантастическаго драгоцѣннаго камня; сады обширные и густые какъ лѣса, застилающіе всю глубину долинъ, разведенные на искусственно насыпной почвѣ; она узнала бы, что горцы, учреждавшіе пороховые и литейные заводы, строившіе крѣпости, которыя сдѣлали бы честь любымъ европейскимъ инженерамъ, — люди, живущіе не однимъ разбоемъ. Наконецъ, что всего важнѣе, если бы редакція «Русскаго Инвалида» сама посмотрѣла Кавказскія горы, она не надѣлала бы тѣхъ безграмотныхъ ошибокъ во всѣхъ названіяхъ, которыми отличается ея статья; не увѣряла бы, что пространство покореннаго Кавказа составляетъ кругъ, имѣющій 90 верстъ въ діаметрѣ, когда отъ Галашекъ въ долину Самура триста верстъ; не перемѣшала бы ауловъ съ обществами, не говорила бы о Барсальскомъ хребтѣ, о которомъ никто не слыхивалъ; не ставила бы на западъ Тушетскихъ горъ («Инвалидъ» пишетъ Тушетинскихъ), лежащихъ на югѣ; не говорила бы Кураковсу, Казимухъ и Гымра. Если бы редакція этого военнаго журнала посмотрѣла Кавказъ только на картѣ, она не впала бы въ такіе грубые промахи и написала бы статью съ правильными собственными именами, чѣмъ все-таки поставила бы себя нѣсколько выше «*Journal de Constantinople*». Въ статьѣ остались бы еще, конечно, фразы въ родѣ слѣдующихъ: «Карата лежитъ на полпути отъ Аваріи» (на полпути къ чему?) Но отъ этого редакцію «Инвалида» не вылечишь, хотя покажи ей всѣ пять частей свѣта.

«Во Франціи нѣтъ ни одного человѣка, выходящаго изъ толпы чернорабочихъ, который бы не имѣлъ хотя поверхностнаго понятія объ Алжиріи и о происходящихъ въ ней событіяхъ. Во Франціи всякій подмастерье обязанъ, передъ своею публикою, знать сколько-нибудь географію Алжиріи, или его будутъ считать уже круглымъ невѣждою. Конечно, у насъ грамотность не такъ распространена, какъ во Франціи, но никто не обвинитъ насъ, кавказцевъ, въ резцурѣ непомѣрномъ требованіи, если мы выразимъ желаніе, чтобы у насъ редакція спеціально военнаго журнала знала о военныхъ событіяхъ своего отечества столько же, сколько Франція требуетъ отъ каждаго изъ своихъ подмастерьевъ».

Прошло нѣсколько лѣтъ. Въ 1867 году, появился въ печати рядъ статей Р. А. Фадѣева подъ заглавіемъ «Вооруженныя силы Россіи», которымъ предшествовали «Письма о Кавказѣ». Тѣ и другія обратили на него вниманіе, какъ на талантливаго публи-

циста, чутко отзывающагося на историческія задачи Россіи. Продолженіе «Вооруженныхъ силъ Россіи» составило слѣдующую его брошюру, подъ заглавіемъ «Черноморскій военный театръ, по поводу крымской желѣзной дороги», выпущенную въ свѣтъ въ первой трети 1870 года. Около этого же времени, Р. А. Фадѣевъ познакомился со мною лично, явившись съ своими статьями въ редакцію «Биржевыхъ Вѣдомостей», которыя я редактировалъ въ тѣ годы вмѣстѣ съ издателемъ этой газеты, К. В. Трубниковымъ. «Биржевыя Вѣдомости» имѣли въ то время обширный кругъ читателей, болѣе «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и «Голоса». Рядъ статей Р. А. Фадѣева не замедлил появиться въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» и отъ этого его сотрудничества сохранились у меня слѣдующія его три письма:

Изъ Одессы, отъ 9-го ноября 1870 года: «У насъ будетъ передѣлываться вся армія. Въ виду этого событія, я счелъ необходимымъ представить вновь и съ новой точки зрѣнія, вслѣдствіе опыта, раскрывшаго всѣмъ глаза, основанія, на которыхъ можетъ и должна быть устроена русская армія, чтобы соотвѣтствовать своей задачѣ. Сочиненіе это не будетъ повтореніемъ «Вооруженныхъ силъ»; цѣль его иная; да и во многихъ вещахъ я значительно видоизмѣнилъ свой взглядъ: раскрылись новыя окна, въ которыя видно то, чего прежде нельзя было видѣть. Это очень просто. Сочиненіе будетъ капитальное, но короткое, двѣ, три статьи, по одному номеру газеты на каждую. Дѣло идетъ теперь о вещахъ гораздо важнѣе полемики. Отвѣчаю впередъ, что сочиненіе возбудитъ напряженное вниманіе. По старымъ отношеніямъ, я желаю конечно напечатать его у васъ¹⁾, но съ однимъ условіемъ, si po—po. Я не могу согласиться на странный и теперь уже совершенно неудобочитаемый шрифтъ²⁾, которымъ до сихъ поръ вы меня печатали, особенно это сочиненіе, которое будетъ принудительно прочтено всѣми великими міра. Сочиненіе должно быть напечатано благопристойно, по крайней мѣрѣ шрифтомъ, которымъ печатаются у васъ передовыя статьи, а не мелкимъ. Объявляю вамъ торжественно, что отъ этого условія я ни за что не откажусь; если вы его принимаете на честномъ словѣ, то увѣдомьте меня немедленно по адресу: Одесса, Полицейская улица, № 27. Статья къ тому времени будетъ уже переписана и немедленно отошлется къ вамъ. Затѣмъ второе условіе,—оно васъ не затруднитъ—печатать безъ задержки, на той же недѣлѣ, какъ получите.

«А славныя у васъ письма поляковъ,—и, вѣдь, все пошло съ моей легкой руки. Только знаете,—я вамъ дамъ искренній совѣтъ.

¹⁾ Т. е. въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ».

²⁾ Р. А. Фадѣевъ желалъ, чтобы его статьи набирались крупнымъ шрифтомъ, т. е. цитеро, а не корпусомъ.

Въ послѣднее время я много видѣлъ поляковъ изъ первыхъ людей и очень совѣтую вамъ,—не задѣвайте религіи, не пишите о католицизмѣ, отравившемъ Польшу. Съ нашей точки зрѣнія, вѣроятно, даже абсолютно, это правда; но странно было бы думать, что католики согласятся на такое воззрѣніе. Я видѣлъ, что такіа слова отравляли для нихъ впечатлѣніе статьи. По моему мнѣнію, русское отношеніе къ католицизму самое простое, особенно въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ польщизна не имѣетъ законной почвы: потребовать отъ папы законнаго установленія русскаго конфесіонала въ соборѣ св. Петра; потребовать, во имя всемірности же католичества, установленія русско-католической церкви для милліоновъ русскихъ католиковъ внѣ Польши, и затѣмъ вводить русскій языкъ въ ихъ богослуженіи на основаніи буллы, а не полицейскаго распоряженія. Папа, подольщающійся къ прусскому королю, будетъ очень радъ искреннему соглашенію. Затѣмъ останется только подбирать епископовъ для Россіи (кромѣ царства польскаго, разумѣется) изъ славянскихъ патріотовъ,—въ Австріи славянско-католическое духовенство сердцемъ русское. Но надобно такъ дѣлать, а не говорить, не возводить исключеніе поляковъ изъ епископата въ теорію. Покуда религіозный вопросъ не отдѣленъ отъ политическаго и мы не сошлись съ папою, что такъ легко, оказывая ему малѣйшее покровительство и благосклонность, мы не подблаемъ съ поляками ничего практическаго».

Отъ 3-го января 1871 года, изъ Бердичева, Р. А. Фадѣевъ писалъ мнѣ: «Изъ жидовской столицы, Бердичева, посылаю вамъ новую главу, VII-ю, о несостоятельности системы, на которой, кажется, остановилась редакціонная коммисія. Если эта часть сочиненія еще не напечатана, то вставьте эту главу на свое мѣсто и перенумеруйте остальные, будутъ VIII—XIV. Если уже это мѣсто напечатано, то помѣстите главу, съ этимъ VII №, въ концѣ съ замѣткою, что она должна быть въ серединѣ и выставьте замѣтку яркимъ шрифтомъ, чтобы главу не приняли за конецъ. Мы немного опоздали печатаніемъ; надобно, чтобы какое нибудь опубликованное рѣшеніе коммисіи не предупредило насъ. Понимаю, что вы отлагали печатаніе до начала новаго года, но далѣе медлить нельзя. Извѣстите меня о судьбѣ печатанія въ Скерневицы (у генераль-фельдмаршала, князя Барятинскаго) и, сдѣлавъ одолженіе, пришлите туда назначенные мною экземпляры съ моими статьями сначала».

Изъ Скерневиць (подлѣ Варшавы), отъ 19-го января 1871 года: «Извините меня, пожалуйста, что осаждаю васъ своими посланіями. Но, печатая у васъ статью, имѣющую значеніе въ настоящую минуту, и которой многіе дожидаются съ нетерпѣніемъ, самъ я, естественно, не желаю оставаться въ невѣдѣніи о ея судьбѣ и жду, не дожудь ея окончанія. Полагаю, что все обстоитъ благополучно,

такъ какъ статья написана совершенно цензурнымъ образомъ и у нея есть сильное покровительство. Тѣмъ не менѣе, первые нумера вашей газеты не получены никѣмъ въ Варшавѣ (во всякомъ случаѣ довожу до вашего свѣдѣнія эту неисправность доставки), изъ чего возникла сплетня о ея запрещеніи ¹⁾. Сдѣлайте мнѣ одолженіе напишите два слова неотлагательно и выпишите въ десяти экземплярахъ, что уже напечатано изъ моей статьи. Да кончайте ее поскорѣе. Сдѣлайте одолженіе также: прикажите отсылать, а если же не отослано, то хотя заразъ отослать все напечатанное аккуратно, по крайней мѣрѣ, къ графу Петру Андреевичу Шувалову, и въ трехъ экземплярахъ на имя гофмаршала генераль-лейтенанта Зиновьева (въ Аничковъ дворецъ). Скоро, можетъ быть, я вышлю вамъ дополненіе къ моей статьѣ. Если есть какая нибудь независящая отъ васъ остановка, то извѣстите, пожалуйста, телеграммою».

Съ моимъ выходомъ изъ редакціи «Биржевыхъ Вѣдомостей», въ маѣ 1871 года, Р. А. Фадѣевъ прекратилъ свое сотрудничество въ этой газетѣ. Онъ сдѣлался въ послѣдствіи дѣятельнымъ сотрудникомъ газеты «Русскій Міръ», основанной для борьбы съ тогдашнимъ военнымъ министромъ, Д. А. Милутинымъ, и первый номеръ которой вышелъ 1-го сентября 1871 года. Заключительнымъ трудомъ Р. А. Фадѣева въ «Русскомъ Мірѣ» былъ рядъ статей, подъ заглавіемъ «Чѣмъ намъ быть», которыя, дополненныя и развитыя съ большою опредѣленностью, изданы были затѣмъ въ 1874 году особою книгою подъ названіемъ «Русское общество въ настоящемъ и будущемъ». Такимъ образомъ, періодъ жизни Р. А. Фадѣева, съ 1867 по 1874 годъ, былъ наиболѣе плодотворнымъ въ его публицистической дѣятельности. Въ это время появились отдѣльными брошюрами и книгами его «Вооруженныя силы Россіи» (1867 г.), «Мнѣніе о восточномъ вопросѣ» (1869 г.), «Черноморскій военный театръ» (1870 г.), «Нашъ военный вопросъ» (1873 г.), въ которомъ собраны были военныя и политическія статьи его, появившіяся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ въ 1869, 1870, 1871, 1872, 1873 годахъ и, наконецъ, въ 1874 году, «Русское общество въ настоящемъ и будущемъ». Но многія статьи, напечатанныя въ этотъ періодъ времени въ журналахъ, не были включены Р. А. Фадѣевымъ въ изданные имъ сборники, подъ вышеупомянутыми названіями. Онъ заявилъ печатно, что, пустивъ въ свѣтъ въ 1867 году «Вооруженныя силы Россіи», онъ долженъ былъ защищаться и объяснять свои взгляды. Затѣмъ насталъ практический вопросъ объ общеобязательной военной повинности и о пере-

¹⁾ Всѣ эти четырнадцать статей Р. А. Фадѣева, подъ заглавіемъ «Перестройство русскихъ силъ», были помѣщены въ № 1, 2, 5, 9, 12, 14 «Биржевыхъ Вѣдомостей» 1871 года.

устройствѣ русской арміи, вызвавшій новыя статьи съ его стороны. Въ дѣйствительности, статьи Р. А. Фадѣева по военнымъ вопросамъ были выраженіемъ оппозиціи извѣстныхъ военныхъ сферъ реформамъ, предпринятымъ Д. А. Милутинымъ въ устройствѣ нашей арміи. Во главѣ этой оппозиціи находился и бывшій на-мѣстникъ Кавказа, генераль-фельдмаршалъ князь Барятинскій, побѣдитель Шамиля.

Послѣднимъ замѣчательнымъ литературнымъ трудомъ Р. А. Фадѣева были «Письма о современномъ состояніи Россіи», появившіяся первоначально за границую въ 1881 году безъ его имени. Онѣ ихъ давалъ читать, въ 1880 году, близкимъ знакомымъ въ рукописи, но не иначе, какъ у себя на квартирѣ. Мы давно уже не видались другъ съ другомъ, когда случайно встрѣтились, 27 декабря 1880 года, у одного общаго знакомаго и провели вечеръ въ продолжительной бесѣдѣ. Р. А. Фадѣевъ сообщилъ, что онъ получилъ высочайшее разрѣшеніе на напечатаніе «Писемъ о современномъ состояніи Россіи», но не иначе какъ за границую, а также, что книга эта будетъ дозволена къ обращенію въ Россіи. Тогда же передавали, что эти письма, по мѣрѣ изготовленія имъ, передавались графу Лорисъ-Меликову, который читалъ ихъ или докладывалъ императору Александру Николаевичу. Сверхъ того, Р. А. Фадѣевъ говорилъ, что нѣкоторыя письма не принадлежать его перу, вслѣдствіе чего книга и появилась безъ его имени.

Пав. Усовъ.

ПОНЯТІЕ О ВЛАСТИ И О НАРОДѢ ВЪ НАКАЗАХЪ 1789 ГОДА.

(Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи московскаго университета, 12-го января 1884 года, профессоромъ В. И. Герье.)

Мм. гг.

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННУЮ годовщину своего основанія Московскій университетъ поручаетъ поочередно одному изъ своихъ членовъ привѣтствовать васъ рѣчью. Цѣль этихъ обращеній къ вамъ заключается въ томъ, чтобы поддерживать духовную связь между университетомъ и обществомъ, указывать на участіе университетской науки въ великой работѣ человѣчества, въ его неустанныхъ стремленіяхъ къ совершенствованію и прогрессу.

Способъ содѣйствія этому прогрессу не одинаковъ со стороны различныхъ отраслей университетской науки: это зависитъ отъ того, что чрезвычайно различны и самые элементы прогресса. Прогрессъ можетъ совершаться въ области положительнаго знанія, и здѣсь содѣйствіе науки обнаруживается наиболѣе непосредственно, или же въ области нравственной, въ которой вліяніе наукъ ощущается болѣе отдаленно и косвенно. Но существуетъ еще особая область прогресса, которая не совпадаетъ ни съ той, ни съ другой, хотя и находится въ извѣстной зависимости отъ обѣихъ—это прогрессъ общественный и политическій. Онъ не исчерпывается ни количествомъ знаній, распространенныхъ въ обществѣ, ни его восприимчивостью къ нравственнымъ идеаламъ, но нуждается для своего успѣшнаго развитія еще въ особыхъ историческихъ и общественныхъ условіяхъ. Вліяніе науки въ этой области прогресса

хотя и значительно, но болѣе условно, чѣмъ гдѣ-либо, вслѣдствіе того, что политическія и общественныя науки далеки отъ той точности, которою до извѣстной степени обладаютъ науки болѣе положительныя, а также и вслѣдствіе того, что онѣ требуютъ въ отличіе отъ другихъ наукъ извѣстной зрѣлости общественной среды и высокаго нравственнаго подъема со стороны тѣхъ, къ кому обращаются.

Главнѣйшая причина этого свойства наукъ политическихъ и общественныхъ заключается въ томъ, что онѣ имѣютъ дѣло не съ одними фактами, а съ идеями; или же составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ прогресса, но и наиболѣе условныхъ въ своемъ проявленіи и въ своемъ вліяніи на понятія и на образъ дѣйствія людей. Исторія можетъ сказать, что чѣмъ значительнѣе обуславливающія прогрессъ идеи сами по себѣ, чѣмъ выше блага, которыя онѣ сулятъ, чѣмъ обширнѣе интересы, ими захваченные и сильнѣе возбужденныя ими страсти, тѣмъ легче онѣ въ приложеніи къ жизни подвергаются искаженію и тѣмъ чаще достигнутый на практикѣ результатъ не соотвѣтствуетъ сущности идеи.

Въ виду этого позвольте мнѣ, мм. гг., остановить ваше вниманіе на одной изъ самыхъ могущественныхъ и популярныхъ идей новаго времени, на идеѣ народа и указать на роль этой идеи въ исторіи той великой европейской націи, на судьбу которой она имѣла самое рѣшительное вліяніе.

Въ прошломъ вѣкѣ Франція, которая до того времени во многихъ отношеніяхъ шла во главѣ европейской цивилизаціи, переживала критическую эпоху своей жизни. Внутреннее развитіе ея, которое, не смотря на различныя уклоненія и задержки, шло быстро и стройно, совсѣмъ пріостановилось. Этотъ застой сказался во многихъ болѣзненныхъ явленіяхъ внутренней жизни и отразился также на внѣшнемъ могуществѣ страны. Тогдашнее правительство было безсильно исполнить свою историческую задачу и преодолѣть затрудненія, обуславливавшія собою застой. Тогда,—какъ спасительная сила, способная двинуть Францію на новый путь развитія, зародилась въ обществѣ идея націи. Современемъ она все болѣе овладѣвала умами и, преобразовавъ общество, подготовила возможность реформы въ самыхъ существенныхъ для политической жизни отношеніяхъ.

Она дала возможность довершить территориальное объединеніе страны, замѣнила внѣшнія связи, которыми соединялись различныя области и провинціи, духовнымъ сознаніемъ національнаго единства. Во имя этого новаго интереса легко сглаживались историческія формы, обособлявшія провинціи и охотно приносились въ жертву мѣстныя льготы общинъ и областей, которыя до такой степени поддерживали между ними взаимное отчужденіе и даже антагонизмъ.

Торжеством національной идеи обуславливалось кромѣ того социальное объединеніе французскаго общества, въ которомъ предшествовавшій феодальный строй какъ будто увѣковѣчилъ отчужденіе и рознь классовъ. Предъ идеей націи привилегія утрачивала характеръ права, которое велитъ отстаивать честь и интересъ, и отреченіе отъ привилегіи становилось такимъ же доказательствомъ благородства, какъ прежде самая упорная защита ея.

Наконецъ, идея націи заключала въ себѣ задатокъ объединенія политическихъ элементовъ Франціи; въ ней устранялся тотъ антагонизмъ между правительствомъ и обществомъ, который былъ одной изъ главныхъ причинъ застоя, и представлялась возможность сочетанія ихъ въ высшей политической формѣ.

Между тѣмъ, если мы взглянемъ на результатъ, достигнутый въ дѣйствительности, то убѣдимся, что онъ далеко не соответствовалъ идеалу. Въ первомъ отношеніи успѣхъ былъ наиболѣе полонъ и благотворенъ, хотя и здѣсь не обошлось безъ излишнихъ жертвъ и насильственной ломки того, что имѣло право на жизнь; многія мѣстныя и плѣменные особенности, которыя могли только содѣйствовать богатству и разнообразію національной жизни, завяли и заглохли можетъ быть безъ пользы для цѣлаго.

Также полно, но менѣе благотворно, было социальное объединеніе во имя націи. Здѣсь еще болѣе, чѣмъ въ первомъ случаѣ, были допущены насильственные средства и было достигнуто болѣе внѣшнее, чѣмъ внутреннее объединеніе. Сліяніе классовъ совершилось, но цѣною значительной атрофіи аристократическихъ элементовъ, безъ дѣятельнаго участія которыхъ тамъ, гдѣ они созданы исторіей, немыслимо правильное развитіе народной жизни.

Наименѣе же удовлетворительнымъ оказался результатъ, достигнутый въ политическомъ отношеніи. вмѣсто гармоническаго объединенія въ высшей формѣ произошла принципиальная борьба, вслѣдствіе которой самый національный элементъ прежняго политическаго развитія Франціи—монархія, былъ подмоманъ. Почему это такъ произошло?

Этотъ вопросъ и послужилъ исходной точкой для моей рѣчи; но такъ какъ она не вмѣщается въ рамки отведеннаго мнѣ времени, то я ограничусь сжатымъ очеркомъ ея содержанія и выводъ.

Для изученія поставленнаго вопроса мы имѣемъ чрезвычайно интересный и мало разработанный матеріалъ, — такъ называемые «Наказы 1789 года». Въ этомъ году, французское правительство вновь созвало, не собиравшіеся почти 200 лѣтъ, Генеральныя Штаты и, слѣдуя старинному обычаю, сдѣлало распоряженіе, чтобы всѣ избиратели по деревнямъ и городамъ внесли въ особыя тетради, или «Наказы», свои жалобы и нужды, желанія и надежды. Эти «Наказы» отсылались въ главные города тѣхъ округовъ, гдѣ происходили

выборы депутатовъ и тамъ перерабатывались въ одинъ общій «Наказъ» отъ цѣлаго округа.

Такъ возникъ одинъ изъ самыхъ любопытныхъ памятниковъ въ исторіи, въ которомъ отпечатлѣлась, какъ въ фотографическомъ снимкѣ, цѣлая нація съ своими понятіями и убѣжденіями. Этотъ памятникъ поучителенъ для насъ во многихъ отношеніяхъ, всего же болѣе какъ попытка разрѣшить вопросы о власти и о народѣ.

Но вмѣсто правильного и согласнаго разрѣшенія этого вопроса мы встрѣчаемъ на каждомъ шагѣ сбивчивое и невѣрное представление о власти, противорѣчивое понятіє о народѣ и туманныя небыточные мечтанія объ отношеніяхъ между властью и народомъ.

Этотъ замѣчательный фактъ требовалъ объясненія и потому, прежде чѣмъ приступить къ характеристикѣ «Наказовъ», я долженъ былъ выяснитъ тѣ явленія въ исторіи французскаго общества, которыя главнѣйшимъ образомъ повліяли на его политическія воззрѣнія.

Прежде всего, приходится указать на потребность свободы и вызванныя ею либеральныя стремленія во французскомъ обществѣ. Это направленіє сложилось главнымъ образомъ подъ вліяніємъ извѣстнаго сочиненія Монтескьё о «Духѣ Законовъ». Но уже по этому сочиненію можно отмѣтить двѣ существенныя ошибки французскаго либерализма, которыя лишили это направленіє того плодотворнаго вліянія, которое оно могло бы имѣть. Либерализмъ во Франціи не могъ не имѣть подражательнаго характера; онъ заимствовалъ свои идеалы изъ Англіи, но при этомъ совершенно не выяснилъ себѣ существенныхъ особенностей и условій англійскихъ учреждений.

Вмѣсто дѣйствительнаго знакомства съ общественнымъ и государственнымъ бытомъ страны, принимаемой за образецъ, французскій либерализмъ усвоилъ себѣ два представленія, которыя были совершенно чужды политическому строю Англіи. Первое изъ нихъ, отголосокъ котораго встрѣчается въ значительной части наказовъ—это пресловутый принципъ равновѣсія властей. Того равновѣсія, которое сдѣлалось мечтой французскаго либерализма, именно и не было въ тогдашней Англіи, гдѣ верховная власть, не по имени только, а на дѣлѣ, находилась въ рукахъ вождей аристократическаго класса.

Другой принципъ, неправильно выведенный изъ англійскихъ учреждений, заключался въ отождествленіи монархической власти съ исполнительной функціей. Выраженіє *roi ouir exécutif* для обозначенія правительственна сдѣлалось ходячимъ терминомъ во Франціи и потому встрѣчается повсюду въ наказахъ, даже въ тѣхъ, составители которыхъ понимали необходимость сильной правительственной власти для Франціи. Либеральныя монархисты, — а таковыми были всѣ истинные либералы во Франціи, —слишкомъ поздно

поняли, что представительныя учрежденія могли привиться къ французской монархіи лишь подъ условіемъ признанія короля историческимъ и преемственнымъ представителемъ французской націи.

Но еще болѣе, чѣмъ свободой, увлекалась Франція идеей равенства. Это объясняется ея ненормальнымъ общественнымъ строемъ, основаннымъ на привилегіяхъ, и именно на худшемъ видѣ привилегій: на изыятіи отъ податей и повинностей въ пользу государства.

Привилегіи не только затемнили во Франціи государственное и политическое значеніе аристократическаго класса, но проникли въ города и села и породили тамъ многочисленный разрядъ привилегированныхъ лицъ, которыя покупкой и выпрашиваніемъ мелкихъ должностей, избавляли себя отъ подати и увеличивали бремя, падавшее на другихъ.

Но стремленіе къ равенству предрасположило французское общество къ радикализму.

Радикализмъ главнымъ образомъ заключается въ отождествленіи и смѣшеніи идей съ конкретными явленіями, онъ смѣшиваетъ отвлеченное представленіе о государствѣ, какъ союзѣ разумныхъ людей, съ массой живущаго въ государствѣ населенія и видитъ идеальный типъ гражданина въ каждомъ случайномъ избирателѣ. Поэтому радикализмъ не можетъ представить себѣ идею національной воли иначе, какъ въ видѣ арифметическаго итога заявленныхъ голосовъ,—какъ бы на самомъ дѣлѣ ни было случайно и бессознательно такого рода заявленіе.

Французскій радикализмъ въ XVIII вѣкѣ еще болѣе, чѣмъ либерализмъ, жилъ въ иллюзіяхъ; этимъ иллюзіямъ онъ и былъ главнымъ образомъ обязанъ своимъ успѣхомъ. Коренное заблужденіе его заключалось въ томъ, что онъ считалъ свои мечты совместными съ монархіей и стремился къ идеалу какой-то республиканской монархіи, какъ выразился Руссо. Этотъ миражъ серьезно принимался даже образованными классами Франціи какъ нѣчто желанное и реально-осуществимое.

Такое представленіе о государствѣ совершенно противорѣчило исторически сложившемуся порядку вещей. Но въ тогдашней Франціи напрасно стали бы мы искать той нравственной силы, которая въ состояніи обуздать фантазію, познать прошлое и выяснить его смыслъ для настоящей исторической науки. Французы гордились своей тринадцативѣковой исторіей, но знали ее чисто внѣшнимъ образомъ; историческая наука была, по выраженію одного изъ французскихъ историковъ, робка и нерѣшительна; она приняла чисто археологическое направленіе и сторонилась отъ жизни; ея мѣсто заняли разныя политическія тенденціи. Наиболѣе популярнымъ было въ свое время сочиненіе Мабли, представляющее собой при-

мѣненіе общественнаго договора Руссо къ исторіи Франціи. Примѣшивая фантазіи къ фактамъ, произвольно толкуя памятники старины, авторъ доказываетъ, что исторія Франціи началась съ такого политическаго устройства, въ которомъ верховная власть принадлежитъ всѣмъ, правительство же ничто иное, какъ исполнительный органъ общей воли.

Съ этой точки зрѣнія вся дальнѣйшая исторія представлялась не созиданіемъ государственнаго и національнаго тѣла, а уклоненіемъ отъ первоначальнаго закономѣрнаго состоянія, и то, что въ теоріи только казалось возможнымъ идеаломъ, выставлялось исторіей какъ дѣйствительность, которую необходимо возстановить.

Но почему же однако французское общество, столь образованное въ иныхъ отношеніяхъ, увлекалось такими теоріями и не было въ состояніи отличить вымысла отъ быти, фантазіи отъ мысли?

Между многими причинами, главную роль играла практическая неопытность общества, которая въ свою очередь была слѣдствіемъ полного отчужденія его отъ всякой общественной дѣятельности, и развившаяся отсюда привычка разсуждать о принципахъ, объ общихъ началахъ, не давая себѣ отчета о дѣйствительныхъ условіяхъ и потребностяхъ.

Французское государство образовалось изъ феодальнаго быта. Феодализмъ значить дробленіе государственной власти, смѣшеніе ея съ частнымъ правомъ и съ владѣніемъ.

Когда стало развиваться государство, правительство начало отбирать государственную власть у частныхъ владѣльцевъ и мѣстныхъ союзовъ и предоставлять завѣдываніе общественными и мѣстными интересами исключительно служебному сословію или бюрократіи. Но слѣдствіемъ этого было омертвѣніе общества, антагонизмъ классовъ, равнодушіе къ общественнымъ интересамъ и къ общему благу. Дворяне жили въ своихъ помѣстьяхъ, какъ дачники; горожане въ городскихъ стѣнахъ, какъ чужестранцы, занимаясь только своими дѣлами; и если они искали мѣсть въ городскомъ управленіи, или покупали ихъ, то только изъ личныхъ расчетовъ.

Само же чиновничество смотрѣло на свои должности не какъ на службу государственному интересу, а какъ на частное владѣніе. Французское общество и чиновничество были далеки отъ того высокаго пониманія государства, которое можно назвать завѣтомъ Петра Великаго.

По идеѣ этого государя, какъ выразился нашъ незабвенный историкъ, государство должно быть школой для народа, школой, въ которой народъ учится не однимъ наукамъ, а гражданскимъ обязанностямъ, гражданской дѣятельности.

Потребность нравственныхъ идеаловъ однако глубоко врождена человѣку. Не находя для нихъ почвы около себя, французское об-

щество стало их искать вдали от себя, в античных республиканских общинах, в Англии, в Сѣверной Америкѣ, а болѣе всего в теоріяхъ и вымыслахъ своихъ публицистовъ. И глубже всего укоренилось представленіе о народѣ, какъ о чемъ-то идеальномъ, особомъ отъ власти, призванномъ исцѣлить всѣ общественные недуги, доставить всякому то счастье, котораго онъ для себя желалъ.

Подъ такимъ-то настроеніемъ писались указы 1789 года; потому-то, рядомъ съ идеальными стремленіями общества, въ нихъ такъ отразилась и полнѣйшая политическая неопытность его. Многогочленное собраніе указовъ представляетъ для такой оцѣнки французскаго общества самый обширный и разнообразный матеріалъ. Но въ виду краткости времени я остановлюсь на двухъ самыхъ характерныхъ чертахъ.

Сюда относится прежде всего вопросъ о цѣли Генеральныхъ Штатовъ, созданныхъ королемъ. По этому вопросу мы находимъ въ указахъ самыя хаотическія и противорѣчивыя представленія. Значительная часть избирателей сохранила еще традиціонную точку зрѣнія на Генеральные Штаты. Они видѣли въ нихъ средство довести до свѣдѣнія правительства свои челобитныя, свои заявленія о мѣстныхъ или общихъ нуждахъ, свои желанія относительно различныхъ реформъ; они возлагали на Генеральные Штаты порученіе помочь правительству въ его финансовыхъ затрудненіяхъ и установить порядокъ въ администраціи.

Но эти скромные голоса были, большею частью, заглушены при переработкѣ указовъ въ большихъ городахъ.

Рядомъ съ ними раздаются самыя фантастическія требованія: одни хотять возродить націю, другіе — возстановить первобытное естественное состояніе. Многіе хотять установить между королемъ и народомъ письменный договоръ, какъ будто въ одномъ государствѣ существуютъ двѣ независимыя державы, которыя и заключаютъ между собой извѣстные условія.

Очень часто встрѣчается въ указахъ выраженіе — устройство государства *constitution*. Одни утверждаютъ, что во Франціи уже существуетъ исконное устройство, но нужно только возстановить его, или выяснитъ и опредѣлить; другіе, напротивъ, утверждаютъ, что во Франціи нѣтъ законнаго строя и что нужно вновь создать его.

Какъ мало установились понятія относительно этого важнаго вопроса, особенно наглядно проявилось въ одномъ изъ указовъ, составители котораго наивно просили Генеральные Штаты разрѣшить ихъ недоумѣніе, имѣетъ ли Франція конституцію или нѣтъ, и что нужно разумѣть подъ французской конституціей.

Еще существеннѣе, чѣмъ въ вопросѣ о цѣли, были недоумѣнія избирателей относительно той власти, которая должна была осуществлять разнообразныя и противорѣчивыя желанія, выраженныя

въ наказахъ. Здѣсь особенно наглядно проявилось, какъ, подъ вліяніемъ идеи о народѣ, въ французскомъ обществѣ затемнилось представленіе о верховной власти.

Многіе какъ будто еще держались правильнаго представленія; они ожидаютъ преобразованій отъ короля; но они очень часто сбиваются, впадаютъ въ противорѣчіе съ собой, забывая, что монархическая власть не можетъ быть исполнительницей другой воли.

Въ другой группѣ наказовъ еще опредѣленнѣе отражается представленіе о какомъ-то двоевластіи. Избиратели одновременно, или поочередно, обращаются то къ королю, то къ Генеральнымъ Штатамъ, и ждутъ отъ нихъ исполненія своихъ желаній.

Наконецъ, въ значительной части важнѣйшихъ наказовъ прямо преобладаетъ идея націи. Учредительная власть приписывается націи. Но тутъ-то и начинаются недоумѣнія и противорѣчія.

Если верховная власть у націи, то гдѣ и что нація? Сами-ли избиратели составляютъ націю и имъ-ли принадлежитъ право устанавливать законы, или-же націю представляютъ собой Генеральные Штаты и одни имѣютъ право говорить отъ ея имени? Изъ этого недоумѣнія не въ состояніи выйти составители наказовъ, увлекшіеся идеей націи; они блуждаютъ между двумя принципами, иногда стараются соединить ихъ; иногда также безуспѣшно стараются ихъ разграничить.

Повидимому, ближе къ дѣйствительности и практическому разрѣшенію вопроса стоятъ тѣ, которые приписываютъ учредительную власть Генеральнымъ Штатамъ, видятъ въ нихъ національное собраніе или, какъ многіе выражаются, націю въ сборѣ—la Nation assemblée.

Но съ этимъ разрѣшеніемъ вопроса были связаны совершенно особенныя затрудненія и недоумѣнія. Генеральные Штаты 1789 года, какъ и всѣ предшествовавшіе, состояли изъ представителей разныхъ сословій и интересовъ. Какимъ же образомъ должно быть организовано это верховное собраніе? По какой системѣ должны происходить выборы? Какъ должны считаться голоса? какого нужно требовать большинства для рѣшенія основныхъ вопросовъ? Всѣ эти вопросы разрѣшались въ наказахъ самымъ различнымъ и противорѣчивымъ образомъ.

Приведенные здѣсь факты легко убѣждаютъ въ томъ, на какомъ шаткомъ основаніи строили свои планы тѣ избиратели, которые хотѣли видѣть въ Генеральныхъ Штатахъ націю и этой націи хотѣли предоставить учредительную власть. Всѣ они, представители всѣхъ сословій и партій, клерикалы и феодалы, либеральные и радикальные монархисты, централисты и приверженцы областной автономіи, по своимъ соображеніямъ сочиняли органъ для предполагаемой національной воли, для того, чтобъ во имя націи осуществить свою программу. Но при первомъ-же столкно-

веніи съ дѣйствительностью эти искусственно созданные идеалы націи, конечно, должны были разлетѣться въ прахъ.

Къ такому выводу приводитъ насъ изученіе наказовъ 1789 года. Въ этомъ заключается ихъ историческое значеніе.

Исторія Франціи въ XVIII вѣкѣ представляетъ намъ поразительный примѣръ того, въ какомъ несоотвѣтствіи можетъ находиться степень цивилизаціи, достигнутая извѣстнымъ обществомъ, съ его политической развитостью—до какой степени на ряду съ утонченностью нравовъ и вкусовъ, экономическимъ благосостояніемъ, высокимъ развитіемъ точныхъ наукъ, уваженіемъ къ умственной культурѣ и къ образованію—могутъ господствовать въ странѣ политическая незрѣлость и легкомысленная игра принципами и фразами. При большой воспріимчивости народнаго характера и способности французовъ легко поддаваться великодушнымъ влеченіямъ, отсутствіе политической опытности давало себя чувствовать у нихъ особенно живо и непосредственно. При этихъ условіяхъ французское общество увлеклось великой идеей народа или націи прежде, чѣмъ было въ состояніи усвоить себѣ ея истинное значеніе и примѣнить ее къ своимъ потребностямъ. Недовольное своимъ положеніемъ, французское общество стало искать политическаго прогресса въ одностороннемъ развитіи этой идеи. Оно стало представлять себѣ націю, какъ нѣчто отдѣльное отъ власти, какъ нѣчто особое и самостоятельное, какъ нѣчто идеальное и потому болѣе высокое и почтенное, чѣмъ правительство. Достигнувши однажды этой наклонной плоскости, французское общество быстро или, правильнѣе сказать, одновременно прошло всѣ возможныя стадіи въ развитіи идеи націи. Вмѣсто того, чтобы видѣть въ правительствѣ олицетвореніе націи въ политическомъ отношеніи, общество стало лелѣять мечты о какомъ-то совмѣстномъ владычествѣ монарха и народа. Мечты эти казались тѣмъ болѣе законными, что какъ будто опирались на преданіе старины, разукрашенной фантазіями историковъ; мечты эти были тѣмъ болѣе заманчивы, что въ то же время льстили реальнымъ страстямъ, что каждый классъ народа надѣялся царствовать во имя націи. При такомъ настроеніи, умами легко овладѣли политическія доктрины тогдашняго либерализма и радикализма, которыя, при всей противоположности своей въ принципахъ, одинаково сводили монархію на исполнительную функцію и тѣмъ лишали ее національнаго значенія. Смутно желая, чтобы государственная власть имѣла не сословный, а всенародный характеръ, чтобы законъ соотвѣтствовалъ національному идеалу о правѣ и разумномъ порядкѣ, чтобы въ общественной и умственной жизни было допущено свободное развитіе индивидуальныхъ силъ,—высшіе и интеллигентные классы Франціи не достаточно сознавали, что монархія представляетъ лучшія для всего этого условія и гарантіи; что нравственная сила и національное значеніе монархіи заключаются въ томъ,

что монархъ есть истинный и постоянный представитель національной воли и что только на этомъ неизбѣемомъ основаніи возможно и плодотворно мѣстное или общее представительство. Глубокій антагонизмъ между властью и народомъ, который такимъ образомъ укоренялся во французскомъ обществѣ, долго былъ скрытъ отъ него традиціонной преданностью всѣхъ классовъ къ монархіи; но избытокъ чувства и здѣсь не могъ вознаградить за отсутствіе политической мысли. Правда, причины политической неопытности французскаго общества были многосложны и глубоко коренились въ его исторіи; незрѣлость этого общества обусловливалась главнымъ образомъ давнимъ и полнымъ отчужденіемъ его отъ всякаго практическаго дѣла, отъ всякой серьезной отвѣтственности, отъ всякаго служенія общему интересу и благу; она обусловливалась разнью между привилегированными слоями и массой населенія; она обусловливалась наконецъ и характеромъ самой власти. Французская монархія до конца стараго порядка сохранила феодальный характеръ. Эта феодальная власть не была въ состояніи оцѣнить значеніе національной идеи и воспользоваться ею для своего преображенія въ національную монархію. Но какъ ни многочисленны были причины политической неразвитости высшихъ и самыхъ образованныхъ слоевъ населенія, эта неразвитость несомнѣнно много содѣйствовала тому, что Франція, преслѣдуя односторонній національный идеалъ, невольно и не вѣдая того, лишила себя—самаго національнаго своего института.

Но исторія французскаго общества въ XVIII вѣкѣ представляетъ намъ еще другой, болѣе непосредственный для насъ интересъ. Она показываетъ намъ, какую важную роль играютъ въ народной жизни историческія и политическія науки, какое значеніе можетъ имѣть принятое ими направленіе для политическаго воспитанія общества. Мы видѣли, какъ заблуждалась политическая наука во Франціи при изученіи государственныхъ формъ и учрежденій въ другихъ странахъ и какъ несбыточенъ былъ указанный ею идеалъ свободнаго государства, оттого что она оказалась не въ состояніи понять и выяснить значеніе самаго твердаго основанія свободы—монархической власти. Мы видѣли далѣе, какъ легко, подъ покровомъ строго логическаго мышленія, скрывалось политическое недомысліе и бредни воображенія принимались за требованіе отвлеченнаго разума. Мы видѣли, какъ историческая наука, уклонившись отъ своей прямой задачи—выяснять смыслъ прошедшаго, сдѣлалась игрушкой политическихъ теорій и страстей; какъ, сбившись съ пути и подъ вліяніемъ моды, она выдавала первобытныя формы и отношенія за идеальныя и правомѣрные; какъ она, желая служить интересамъ свободы и гражданской равноправности, вселяла въ обществѣ мысль объ антагонизмѣ между властью и народомъ и

на этомъ принципѣ строила невѣрное изображеніе всей прошлой жизни націи.

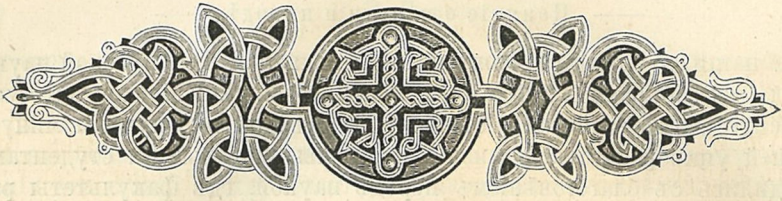
А между тѣмъ самая серьезная задача національной исторіографіи заключается въ правильномъ пониманіи и осмысленномъ изложеніи отношеній между властью и народомъ, такъ какъ взаимное отношеніе этихъ элементовъ составляетъ существеннѣйшее содержаніе исторіи націи.

Нигдѣ быть можетъ подобная задача не имѣть такого значенія, какъ для исторической науки въ Россіи, и нигдѣ съ другой стороны выполненіе этой задачи не облегчено до такой степени историческимъ ходомъ дѣла какъ у насъ, гдѣ созданіе государственной власти и притомъ власти всенародной, а не сословной,—было главнымъ, можно сказать, исключительнымъ трудомъ національной жизни, и гдѣ правительственная власть была искони вѣрнымъ блюстителемъ національных интересовъ, главнымъ источникомъ политическаго и культурнаго прогресса. Самыя формы и приемы власти съ теченіемъ времени и здѣсь мѣнялись и совершенствовались, мысль объ историческомъ ея признаніи, о національной задачѣ, развивалась не всегда послѣдовательно и сознательно, эпохи и условія бывали для того неодинаково благопріятны, но историческое изученіе должно различать идею политическаго института и временныя условія его дѣйствія, моменты и общее движеніе, а въ общемъ движеніи государственная власть всегда была главнымъ органомъ прогрессивнаго развитія національной жизни. Особенно убѣдительно свидѣлствуетъ объ этомъ исторія русскихъ университетовъ. Государственной власти обязаны они своимъ насажденіемъ, подъ ея покровомъ и попеченіемъ возросли они отъ самыхъ слабыхъ начатковъ; отъ нея получили они завѣтъ служить разсадниками національнаго просвѣщенія. Этотъ опытъ прошедшаго заставляетъ университеты смотрѣть съ упованіемъ на будущее. Всякій научный трудъ обусловливается усиленіемъ индивидуальнаго духа и потому требуетъ простора и свободы; но вмѣстѣ съ тѣмъ вся высшая научная работа, есть изслѣдованіе міровыхъ законовъ и познаніе разумнаго порядка и поэтому зрѣлая и истинная наука всегда будетъ служить нравственной опорой для государственной власти въ великомъ ея призваніи—культурнаго воспитанія русскаго народа. А прежде всего такая обязанность лежитъ на старѣйшемъ изъ русскихъ университетовъ—на Московскомъ. Поставленный въ центрѣ исторической жизни русскаго народа, московскій университетъ глубоко сознаетъ задачу указанную Петромъ Великимъ государственной власти—поднять Россію на высоту обще-человѣческой цивилизаціи и въ порученной ему сферѣ дѣятельности будетъ посылно содѣйствовать этой цѣли, воспитывая молодое поколѣніе въ европейской наукѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ уваженіи къ національному преданію. Потому нами овладѣваетъ отрадное чувство увѣренности въ свѣтлое буду-

щее нашихъ университетовъ и представляемой ими русской науки, когда мы собираемся здѣсь праздновать годовщину Московскаго университета—въ этой залѣ, съ которой связаны всѣ лучшія минуты нашей университетской жизни, куда мы, еще бывши студентами, сходились съ благоговѣніемъ передъ наукой, гдѣ факультеты раздавали научныя степени нѣсколькимъ поколѣніямъ ученыхъ; въ этой залѣ — гдѣ передъ портретомъ державной дочери Великаго Петра, основательницы нашего университета, передъ портретомъ государя, память о которомъ всегда будетъ дорога русскимъ университетамъ за то высокое довѣріе, которымъ онѣ ихъ почтилъ—мы всѣ, настоящіе и бывшіе студенты, наглядно сознаемъ родовую, кровную связь между властью и народомъ и великое значеніе государственной власти, какъ проводника культуры и прогресса въ народной жизни.

В. Герье.

ОТЕЦЪ СОВРЕМЕННОЙ БИОЛОГІИ.

(По Уэлласу.)

ТО НЕ СЛЫХАЛЪ имени Чарльза Дарвина, этого творца знаменитой теоріи подбора, великаго учителя біологіи, объединившаго наши знанія объ органическомъ мірѣ, внесшаго гармонію, цѣльность, единство туда, гдѣ прежде царили рознь и хаосъ, и тѣмъ увѣковѣчившаго свое имя въ исторіи науки. Объ этомъ великомъ учителѣ, его колоссальной работѣ, мы и хотимъ сказать нѣсколько словъ...

Оставляя въ сторонѣ родословную Дарвина и его молодые годы, начнемъ съ того событія, которое имѣло важное вліяніе на послѣдующую дѣятельность его—съ назначенія его, въ качествѣ натуралиста, на корабль «Бигль» по рекомендаціи извѣстнаго естествоиспытателя, профессора Генслоу изъ кэмбриджскаго университета. Въ 1831 году, двадцатидвухлѣтній Дарвинъ, получивъ свой бакалаврскій дипломъ, покинулъ Англію для пятилѣтняго путешествія въ южномъ полушаріи. Вѣроятно, именно этому обстоятельству міръ обязанъ появленіемъ въ свѣтъ великаго ученія, извѣстнаго подъ именемъ теоріи Дарвина. Удобство изучать природу въ новыхъ, неизвѣстныхъ краяхъ, сравнивать произведенія одной страны съ произведеніями другой, изслѣдовать физическія и біологическія особенности острововъ и материковъ, наблюдать борьбу за существованіе въ дѣйственныхъ странахъ, гдѣ цивилизація еще не нарушила свободнаго взаимодействія различныхъ группъ животныхъ и растений, и рядомъ съ этимъ обширный досугъ времени для полнаго, всесторонняго обсужденія каждой фазы представлявшихся явленій, отсутствіе общественныхъ соблазновъ и непріятностей—всѣ эти условія были крайне благоприятны для развитія оригинальнаго склада

мысли. Вотъ въ эти-то именно мѣсяцы и годы уединеннаго созерцанія природы и было посѣяно то сѣмя, которому суждено было въ будущемъ принести зрѣлый плодъ великой философской идеи. Бросимъ же взглядъ на «Дневникъ изслѣдованій», куда заносились главные факты и наблюденія молодого путешественника, и посмотримъ какъ глубоко скрыты тамъ зародыши тѣхъ идей и намѣченныхъ задачъ, которымъ Дарвинъ посвятилъ свою долгую, трудолюбивую жизнь.

Вопросы о причинахъ обособленія и распредѣленія организмовъ служили для Дарвина предметомъ постоянныхъ наблюденій и размышленій. Еще въ началѣ путешествія онъ собиралъ пыль, падавшую на корабль и замѣтилъ важный фактъ, что въ этой пыли, собранной на разстояніи трехъ сотъ миль отъ материка, попадались каменные частички величиною въ тысячную долю квадратнаго дюйма, и по этому поводу замѣчаетъ: «Послѣ этого факта никто не станетъ удивляться, что гораздо болѣе легкія и мелкія споры тайнобрачныхъ растений могутъ разноситься на далекія разстоянія». Онъ замѣтилъ, что нѣкоторые виды насѣкомыхъ попадаютъ далеко въ морѣ, въ одномъ случаѣ—на разстояніи трехъ сотъ семидесяти миль отъ ближайшаго материка. Онъ обратилъ особенное вниманіе на насѣкомыхъ и растенія, живущія на островахъ Трески или Кокосовыхъ и на другихъ недавно образовавшихся коралловыхъ или вулканическихъ островахъ; контрастъ между данными формами, своеобразныя произведенія Галапагоскихъ острововъ очевидно глубоко его поразили. «Почему, спрашиваетъ онъ, туземная фауна Галапагоскихъ острововъ создана по одному типу и организаціи съ американской, между тѣмъ какъ обѣ эти страны такъ всецѣло различаются по своему геологическому характеру и физическимъ условіямъ? Почему существуетъ столько особенныхъ видовъ на каждомъ отдѣльномъ островѣ?» Онъ изумленъ количествомъ творческой силы, если такъ можно выразиться, разбросанной по этимъ маленькимъ, бесплоднымъ, скалистымъ островамъ, и, еще болѣе, ея совершенно различнымъ проявленіямъ на близкихъ другъ къ другу пунктахъ.

Собирая остатки большихъ вымершихъ млекопитающихъ въ пампасахъ, Дарвинъ былъ сильно пораженъ тѣмъ фактомъ, что, не смотря на свою громадную величину и странную форму, они всѣ походили на существующихъ животныхъ Сѣверной Америки, подобно тому какъ пещерные остатки Австраліи походятъ на двутрубку этой страны, и замѣчаетъ по этому поводу: «Это удивительное сходство на одномъ и томъ же материкѣ между вымершими и существующими формами, должно, безъ сомнѣнія, больше всякихъ другихъ фактовъ пролить въ будущемъ яркій свѣтъ на вопросъ о появленіи органическихъ существъ на нашей землѣ и ихъ исчезновеніи».

Ему уже былъ извѣстенъ тогда тотъ важный фактъ, что существуютъ значительныя и постоянныя препятствія къ размноженію дикихъ животныхъ, не смотря на ихъ большую плодовитость и что они, безъ сомнѣнья, размножились бы въ геометрической пропорціи, если бы эти препятствія отсутствовали. Онъ отмѣтилъ сравнительную рѣдкость видовъ при менѣе благоприятныхъ условіяхъ существованія и полное исчезаніе жизни при совсѣмъ неблагоприятныхъ условіяхъ. Собранныя имъ по данному предмету различныя факты «бросали, какъ ему казалось, нѣкоторый свѣтъ

Робочій кабінетъ Дарвина.

на происхожденіе видовъ, эту тайну изъ тайнъ, какъ выразился одинъ великій философъ».

Посвятивъ пять лѣтъ научному путешествію вокругъ свѣта и болѣе пятнадцати лѣтъ непрерывнымъ наблюденіямъ, опытамъ и литературнымъ изысканіямъ, онъ далъ изумленному міру науки теорію во всей ея всеобъемлющей широтѣ и убѣдительною очевидности, въ своей, составившей эпоху, книгѣ—«Происхожденіе видовъ».

Въ теченіи всего этого двадцатидевятилѣтняго періода только очень немногимъ изъ самыхъ близкихъ друзей Дарвина было извѣстно, что онъ отрѣшился отъ общепринятыхъ въ то время біологическихъ воззрѣній. Большая часть до того времени знали его, глав-

нимъ образомъ, какъ хорошаго геолога, какъ автора замѣчательной монографіи объ усовогихъ и остроумной теоріи происхожденія и строенія коралловыхъ рифовъ. Даже послѣ появленія великаго

Домъ Дарвина (видъ внутри сада).

труда, немногіє лишь могли оцѣнить ту громадную массу фактовъ, опытовъ и наблюденій, на которыхъ покоилась эта колоссальная работа, пока въ слѣдующія двадцать лѣтъ не появился цѣлый рядъ его изслѣдованій, показавшихъ образецъ того неисчерпаемаго

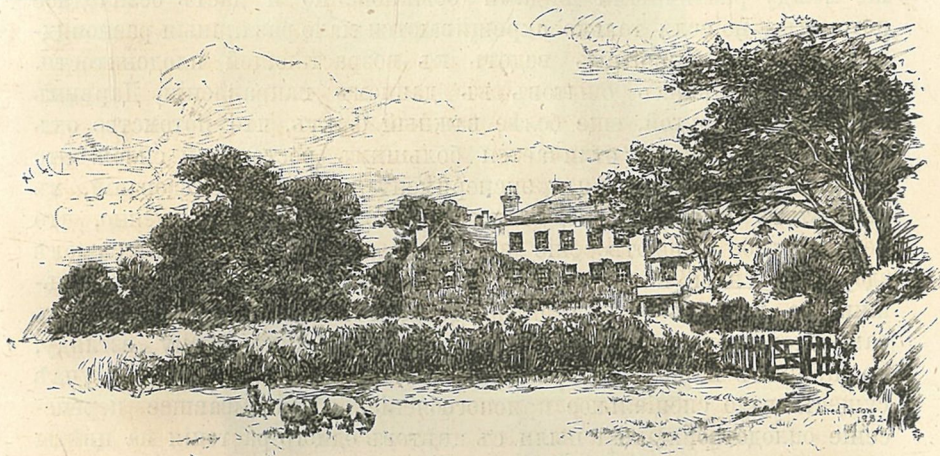
количества матеріала і той глибокої обдуманності думки, на котрих оснований була його перша книга.

Хоча Дарвін рано прийшов до висновку, що родичні види походили від загальних родичів шляхом поступових змін, для нього, однак, довго залишалося необ'яснимим загадкою, як могла відбуватися така поступовість змін: загадка залишалася б не роз'ясненою, казав Дарвін, «якби я не вивчив домашні види і цим шляхом не дійшов до нинішньої ідеї про силу вибору». Ці дослідження, коротко описані в першій і частково в п'ятій і дев'ятій главах «Про походження видів», були опубліковані внаслідок (після дев'ятилітньої затримки внаслідок слабкості його здоров'я) в двох великих томах під заголовком: «Приручені тварини і вирощані рослини». Ніхто, не прочитавши самої книги, не може скласти собі достатнього уявлення про широкі погляди і ту глибину досліджень, на яких ґрунтувалося кожне з положень, кожний з поглядів. Згідно численному свідченню авторитетів, щоб написати цю книгу Дарвін мав би переглянути майже всю літературу по землеробству і садівництву, по вівчарству і рогатого скоту (коневодству і скотарству), по полюванні, годівлі собак, кішок, голубів і домашніх птахів, — літературу, розкидану в величезній масі оглядів, збірників, журналів і газет. Крім того, йому приходилося читати кожен науковий трактат, який з'явився в Англії, Європі, або Америці, який торкався якоїсь частини теми, що його цікавила. Столітньою працюю зібрані факти доповнювалися ще особистими розпитами у зоологів, ботаників, фермерів, садівників, мисливців, голубників, подорожників — взагалі у всіх, хто міг надати безпосередні особисті свідчення про якийсь предмет його досліджень. Не кажучи вже про те, що він сам робив спостереження і досліди для заповнення деяких пробілів, роз'яснення сумнівних питань або для постановки нових завдань, важливість дослідження котрих ніхто ніколи і не підозрював.

Для того, щоб з'ясувати природу і величезну різноманітність домашніх тварин, Дарвін підготував скелети всіх найбільш важливих порід кроликів, голубів, курей, уток, рівно, як і тих диких порід, від яких вони походили, і показав шляхом змін і докладних рисунків, що не тільки вторинні особливості, але майже кожна частина скелетної системи змінюється в загальному в тому саме напрямку, в якому звичайно відрізняються між собою різні види і навіть роди диких тварин. Друга серія досвідів була зроблена над скрещуванням різних порід голубів і курей, цілком непохожих на дикі породи, при чому в результаті вийшли

тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ потомки болѣе приближались къ своимъ дикимъ предкамъ, чѣмъ къ родичамъ. Эти опыты, подтвержденные массою фактовъ изъ наблюденій другихъ лицъ, послужили къ установкѣ принципа: стремленія потомства возвращаться къ типу предковъ; а этотъ принципъ, въ свою очередь, далъ возможность объяснить интересный фактъ—частаго появленія полосъ на мулахъ и на гнѣдыхъ лошадяхъ. Отсюда гипотеза, подкрѣпленная массою косвенныхъ доказательствъ, что общій предокъ лошади, осла и семейства зебры—было полосатое темно-окрашенное животное.

Далѣе, многочисленными точными сравненіями и измѣреніями домашнихъ и дикихъ птицъ—Дарвину удалось выяснитъ послѣд-

Видъ того же дома съ прилежащей дороги.

ствія бездѣятельности летательнаго снаряда, его неупотребленія и слѣдовавшаго отсюда уменьшенія (атрофіи) этого органа: грудина, лопатка и ключица, къ которымъ прикрѣпляются мышцы, служація для летанія, найдены были уменьшенными у домашнихъ голубей; то же самое было обнаружено и у домашнихъ куръ.

Не менѣе громадное значеніе представляли изслѣдованія Дарвина по вопросу о наслѣдственности, причемъ масса самыхъ странныхъ и до того необъясненныхъ фактовъ были сопоставлены вмѣстѣ, сравнены и классифицированы и, казалось, могли быть подведены подъ нѣсколько общихъ законовъ. Далѣе слѣдуетъ изложеніе о скрещиваніи и помѣсяхъ, можетъ быть, самое важное изъ всей знаменитой его книги, такъ какъ оно много содѣйствовало выясненію вопроса о разнообразіи строенія и сложности взаимныхъ отношеній животныхъ и растений. Не смотря на громадную массу фак-

товъ и наблюденій, представленихъ имъ по данному предмету, большая часть матеріала относительно растений составляла только извлечение изъ результатовъ его обширныхъ опытовъ, собранныхъ въ теченіи длиннаго промежутка лѣтъ и изложенныхъ впоследствии въ трехъ отдѣльныхъ книгахъ — «Оплодотвореніе орхидій», «Перекрестное оплодотвореніе и самооплодотвореніе растений» и «Формы цвѣтовъ».

Эти труды имѣли громадное значеніе для ботаники, такъ какъ они впервые дали ясное и толковое объясненіе тому удивительному разнообразію формъ цвѣтовъ, на подробностяхъ которыхъ ботаника основывала свое ученіе о видовыхъ и родовыхъ отличіяхъ, но относительно пониманія и смысла которыхъ она оставалась, въ большинствѣ случаевъ, въ совершенномъ невѣдѣніи. Изслѣдованіе вопроса о скрещиваніи и помѣсяхъ показало, что, хотя скрещиваніе между различными видами обыкновенно и даетъ безплодное потомство, но если только скрещиваются мало различныя разновидности, то это напротивъ ведетъ къ возрастающей плодовитости. Послѣ нѣсколькихъ опытовъ въ данномъ направленіи, Дарвинъ обнаружилъ другой, еще болѣе важный фактъ, что потомство отъ такихъ скрещиваній отличается большимъ ростомъ и силой. Это повело къ длинному ряду экспериментальныхъ изслѣдованій, въ результатъ которыхъ получилось важное положеніе, именно, что перекрестное оплодотвореніе имѣетъ громадное значеніе въ смыслѣ здоровья, силы и плодовитости растений. Тотъ фактъ, что большинство цвѣтовъ были гермофродиты и казались способными къ самооплодотворенію, повидимому, противорѣчилъ этому взгляду, но Дарвинъ нашелъ, что почти въ каждомъ подобномъ случаѣ существовало специальное приспособленіе, обезпечивавшее перенесеніе оплодотворяющей пыли съ цвѣтовъ одного растенія на цвѣты другого, того же вида. На примѣрѣ орхидій видно было, что ихъ удивительные, прекрасные цвѣты обязаны своей, часто фантастической, формой и своеобразнымъ строеніемъ особому приспособленію къ перекрестному оплодотворенію чрезъ посредство наѣкомыхъ, безъ участія которыхъ большинство изъ нихъ оставалось бы совершенно безплоднымъ. При этомъ было далѣе найдено, что многіе виды приспособлены къ извѣстнымъ формамъ или группамъ наѣкомыхъ и не могутъ быть оплодотворены другими.

Эти изслѣдованія разъяснили массу самыхъ любопытныхъ фактовъ относительно устройства органовъ оплодотворенія цвѣтковь, остававшихся до того совершенно необъясненными.

Во всей области естествознанія не существуетъ, можетъ быть, другихъ изслѣдованій съ столь богатыми результатами. Тѣмъ не менѣе, они получили распространеніе не ранѣе, какъ когда наблюдатели каждой части свѣта принялись за изслѣдованіе культурныхъ растений съ этой новой точки зрѣнія. За весьма немногими исключеніями, было найдено, что каждый цвѣтокъ обладаетъ устройствомъ,

обеспечивающимъ перекрестное оплодотвореніе иногда посредствомъ вѣтра, но чаще при содѣйствіи насѣкомыхъ и птицъ. Почти вся пестрота и отсутствіе симметріи въ формѣ цвѣтовъ, придающія имъ столько разнообразія и красоты, оказались обязанными именно этой причинѣ; точно также она является источникомъ происхожденія нектара, какъ приманки для насѣкомыхъ, различныхъ органовъ, вы-

Оранжерея, въ которой Дарвинъ производилъ свои опыты и наблюденія.

работывающихъ этотъ нектаръ, равно какъ и запаха, цвѣтовъ и ихъ окраски.

Наблюденія и опыты надъ взаимными отношеніями видовъ въ первобытномъ состояніи, надъ препятствіями къ ихъ размноженію и борьбой за существованіе, были столь же многочисленны и все-сторонни, какъ и наблюденія надъ домашними животными и растеніями. Какъ примѣръ, мы встрѣчаемъ указанія на тщательные опыты Дарвина съ посѣвомъ растеній и травъ для опредѣленія

того—какая часть ихъ разрушается непріятелями до созрѣванія, и на другой рядъ наблюденій, имѣвшихъ цѣлью опредѣлить вліяніе болѣе сильныхъ растений въ борьбѣ со слабыми, съ которыми они приходятъ въ соприкосновеніе. Этотъ послѣдній фактъ, самъ по себѣ столь простой и, тѣмъ не менѣе, до него просмотрѣнный, разъясняетъ много странностей въ распредѣленіи, разведеніи и культивировкѣ растений.

Рѣдкій и нѣжный цвѣтокъ, который мы находимъ на лугу или въ кустахъ, въ то время, какъ на цѣлыя мили кругомъ нѣтъ и слѣда ему подобнаго, ясно показываетъ, что дѣло не заключается въ какой нибудь особенности почвы, мѣстоположеніи или другомъ физическомъ условіи, прямо благопріятствующихъ данному цвѣтку, а только въ томъ, что на этомъ именно участкѣ земли скопился подходящий комплексъ животныхъ и растений, не препятствующихъ его существованію. Подобные факты давали наглядныя свидѣтельства въ пользу того важнаго положенія, что различныя сочетанія формъ, характерныя для того или другаго клочка земли, холма, пригорка или лѣса, представляютъ результатъ самаго сложнаго и полного равновѣсія органическихъ силъ, выражаютъ собою послѣдній итогъ для даннаго времени постоянной борьбы растений и животныхъ за существованіе.

Другой замѣчательный рядъ опытовъ и наблюденій касался географическаго распредѣленія животныхъ и растений.

Дарвину наука обязана установкой различія между океаническими и материковыми островами, такъ какъ онъ первый указалъ на ту особенность условій, въ кругу которыхъ развивалась жизнь на островахъ. Труднолюбивымъ обзоромъ всѣхъ отчетовъ изъ старыхъ путешествій онъ убѣдился, что ни на одномъ островѣ Великаго океана, отдаленномъ отъ материка, не встрѣчаются при первомъ его посѣщеніи ни континентальныя млекопитающія, ни континентальныя земноводныя; а при ближайшемъ изслѣдованіи, онъ нашелъ, что всѣ эти острова были или вулканическаго происхожденія, или состояли изъ коралловыхъ рифовъ, въ томъ и другомъ случаѣ сравнительно недавняго происхожденія—и потому не могли считаться частями потопленныхъ материковъ, какъ прежде думали. Тѣмъ не менѣе, эти острова были покрыты растительностью и населены различными животными. Изслѣдуя вопросъ о начальномъ заселеніи такихъ отдаленныхъ океаническихъ острововъ, Дарвинъ констатировалъ замѣчательную живучесть нѣкоторыхъ животныхъ и растений при перенесеніи ихъ водою чрезъ громадныя пространства океана.

Съ этой точки зрѣнія, Дарвинъ сдѣлалъ многочисленныя наблюденія и изслѣдованія. Онъ старался убѣдиться въ томъ, какъ долго различные виды сѣмянъ могутъ противодѣйствовать соленой водѣ, не теряя способности къ проростанію, и нашелъ, что болѣе

шая часть сѣмянъ можетъ плавать въ водѣ безъ ущерба для себя въ теченіи мѣсяца, а нѣкоторыя переживаютъ погруженіе въ воду даже на сто тридцать семь дней. Но такъ какъ теченіе океана среднимъ числомъ равняется тридцати тремъ милямъ въ день, то не трудно допустить, что сѣмена могутъ легко переноситься за тысячу миль, а въ исключительныхъ случаяхъ и за три тысячи миль, и потомъ, все-таки, пустить ростки. Такимъ образомъ разъяснялась какъ самая возможность, такъ и одинъ изъ способовъ заселенія отдаленныхъ океаническихъ острововъ...

Мѣсто обычной прогулки Дарвина.

Изъ другихъ работъ Дарвина укажемъ прежде всего на «Происхожденіе человѣка и половой подборъ», въ которомъ собрана масса замѣчательныхъ фактовъ и идей.—Затѣмъ, въ 1875 году, вышло новое изданіе его прежняго труда о «ползучихъ растеніяхъ», и въ томъ же году — объемистая книга о «наѣкомоядныхъ растеніяхъ»; въ 1876 году — «Перекрестное оплодотвореніе и самооплодотвореніе»; въ 1877 году — «Формы цвѣтовъ»; въ 1880 году — «Способность растений къ движенію», — трудъ заключающій въ себѣ много оригинальныхъ изслѣдованій, и, наконецъ, въ 1881 году —

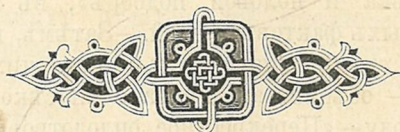
его замѣчательная небольшая книжка о «дождевыхъ червяхъ». — Этотъ послѣдній трудъ лучше всего характеризуетъ этого великаго работника и мыслителя. Въ 1837 году, Дарвинъ сдѣлалъ въ геологическомъ обществѣ небольшое сообщеніе «объ образованіи растительнаго чернозема при участіи червей». Болѣе чѣмъ черезъ 40 лѣтъ предметъ его раннихъ изслѣдованій былъ снова поставленъ на очередь, были сдѣланы новые опыты и наблюденія, результатомъ которыхъ явилось признаніе за одной изъ самыхъ низкихъ и презрѣнныхъ тварей важнаго агента въ образованіи почвеннаго слоя на пользу высшихъ животныхъ и человѣка.

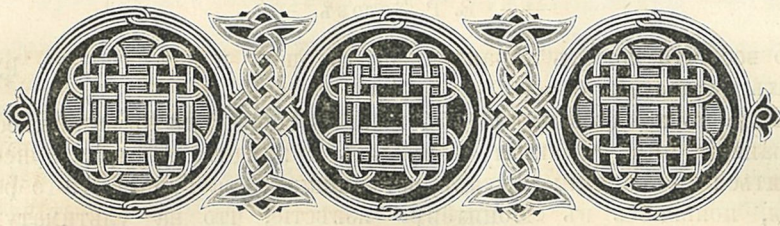
Представленный нами очеркъ трудовъ Дарвина не можетъ претендовать на полноту; неговоря уже о томъ, что мы ни слова не сказали о его первыхъ работахъ, которыя однако уже сами по себѣ были бы достаточны, чтобы доставить ему громкое имя въ наукѣ. Только величайшій геологъ могъ написать болѣе ученый трудъ, чѣмъ два тома его «Геологическихъ наблюденій» или его глубокое и серьезное сочиненіе о «Строеніи и распредѣленіи коралловыхъ рифовъ»; одни только многочисленныя его изслѣдованія объ оплодотвореніи и строеніи цвѣтовъ и движеніи растений могли бы поставить его въ ряду выдающихся и самостоятельныхъ изслѣдователей въ области ботаники; а самый замѣчательный зоологъ или анатомъ могъ бы гордиться его прекрасной монографіей объ усоногихъ.

Но какъ ни велики эти труды въ отдѣльности или взятые вмѣстѣ, тѣмъ не менѣе, они не выдерживаютъ сравненія съ тѣмъ величественнымъ памятникомъ колоссальнаго труда и геніальной умственной работы, который носитъ названіе «Происхожденія видовъ», и съ которымъ такъ всецѣло связано имя Дарвина среди большинства образованной публики.

Какъ бы быстро наше знаніе природы ни росло въ грядущемъ, оно несомнѣнно будетъ слѣдовать по пути, освѣщенному для насъ великимъ учителемъ—и на много лѣтъ впередъ имя Дарвина будетъ служить образцомъ того, чѣмъ можетъ быть изслѣдователь природы...

Н. Н.

ФРАНЦУЗСКОЕ ОБЩЕСТВО ВО ВРЕМЯ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ.

(По запискамъ Вьель Кастеля).

Причины Крымской войны и ея вліяніе на Францію.—Ультиматумъ Наполеона III.—Переписка принцессы Матильды съ Николаемъ I.—Евгенія и столоверченіе.—Убійство герцога Пармскаго.—Проповѣди Вентуры и записки Целесты Могадоръ.—Произволъ и хищенія приближенныхъ Наполеона.—Министръ народнаго просвѣщенія.—Извѣстія съ театра войны.—Картонный колоссъ.—Заговоры противъ императора.—Министръ двора.—Ссоры союзниковъ въ Крыму.—Придворные скандалы.—Планы Наполеона и приготовленія къ отъѣзду въ Крымъ.—Принцъ Наполеонъ.—Смерть Николая I.—Письмо прусскаго короля.—Покушеніе Піаноро.—Испанскія дѣла.—Письмо Александра II къ принцессѣ Матильдѣ.—Переполюхъ въ Ліонѣ.—Викторія въ Парижѣ.—Покушеніе Бельтимора.—Взятіе Севастополя.—Французское дворянство.—Писатели въ оцѣнкѣ летииста.—Генераль Трошю.—Волненія въ Италіи.—Дуэль на купоросѣ.

ВОЙНА ВЪ КРЫМУ, въ послѣдній годъ царствованія Николая I, началась по желанію Наполеона III. Она была нужна ему для поддержанія его авторитета, для прославленія его царствованія, для того, чтобы блескомъ побѣдъ, внѣшнимъ величіемъ, маскировать внутреннее униженіе, нравственное паденіе страны. О томъ, какъ относилось къ этой войнѣ французское общество, какое вліяніе имѣла она на политическую и общественную жизнь Франціи, можно найти любопытныя подробности въ вышедшемъ въ концѣ прошлаго года третьемъ томѣ мемуаровъ графа Гораса де-Вьель-Кастеля. Томъ этотъ замѣчателенъ не менѣе двухъ первыхъ, которые мы разобрали въ т. XII и XIV «Историческаго Вѣстника». Извлечемъ изъ

него все, что можетъ характеризовать эпоху и интересовать русскихъ читателей.

Еще въ концѣ января 1854 года, многіе вѣрили въ возможность сохраненія мира. Франція собиралась принудить Австрію присоединиться въ коалиціи державъ, вступившихся за Турцію. 19-го февраля, появилось въ «Мониторѣ» извѣстіе, что на ультиматумъ Наполеона III, русскій царь отвѣчалъ отказомъ. Нечего говорить, что и Вьель-Кастель толкуетъ о непомѣрномъ честолюбіи Николая I и необходимости положить этому предѣлъ. Изъ всѣхъ приближенныхъ Наполеона только одна принцесса Матильда была «какъ всегда, совершенно русскою» (*toujours fort russe*) и не скрывала этого; она писала къ русскому императору и онъ отвѣчалъ ей, что очень тронутъ высказанными ему знаками расположенія, тѣмъ болѣе пріятными, что въ послѣднее время онъ во многихъ ошибся. Онъ говорилъ также о ложныхъ слухахъ, ходящихъ о немъ въ Европѣ, но въ письмѣ его не было никакихъ миролюбивыхъ увѣреній. Евгенія занималась верченіемъ столовъ и спрашивала у нихъ о судьбѣ войны. Столъ отвѣчалъ, что война будетъ продолжаться семь мѣсяцевъ—и только на бумагѣ. Заставили и епископа Нанси предложить столу вопросъ: что дѣлается съ душою послѣ смерти? но столъ упорно молчалъ въ присутствіи епископа, а докторъ Симонъ на вопросъ Наполеона, что онъ думаетъ о столоверченіи, отвѣчалъ: «я не знаю, что и думать объ этомъ». — Это самый разумный отвѣтъ, замѣтилъ императоръ. «И еще упрекаютъ нашихъ отцовъ, что они вѣрили въ колдуновъ!» прибавляетъ Вьель-Кастель.

Сенату и законодательному корпусу было сообщено официально о войнѣ только 27-го марта. Въ это время былъ убитъ ударомъ кинжала въ животъ герцогъ Пармскій. Вьель-Кастель выражается объ немъ безъ всякой церемоніи: «смерть его—не большая потеря; въ немъ не было ни одного достоинства; онъ напивался какъ крючникъ (*crocheteur*) и сдѣлалъ несчастною сестру герцога Бордоскаго, которую за него выдали. Онъ возмущалъ своими манерами всю аристократію. Такой же трусъ, какъ и его отецъ, онъ имѣлъ и тѣ же пороки, а одинъ изъ нихъ, которому былъ подверженъ и голландскій король, отецъ Луи-Наполеона, стоилъ ему большихъ денегъ. Шантажисты не разъ хотѣли устроить ему публичный скандалъ». Герцогиня Пармская, отецъ и мужъ которой пали подъ ножомъ убійцы, была назначена регентшею.

Два событія интересовали въ это время парижанъ, не менѣе объявленія войны: проповѣди отца Вентуры въ церкви Магдалины и появленіе въ продажѣ записокъ Целесты Могадоръ. Проповѣдника Вьель-Кастель называетъ прямо полишинелемъ и чтобы доказать, до какихъ невозможныхъ тонкостей доходить теологическая діалектика, приводитъ слѣдующую фразу проповѣди: «Когда

мы сильно любимъ какую нибудь вещь всѣмъ нашимъ сердцемъ, когда мы любимъ ее любовью, мы стремимся къ ней взглядами, призываемъ ее въ нашихъ желаніяхъ, мы ее схватываемъ, обнимаемъ, приближаемъ къ нашимъ губамъ, пожираемъ ее нашими поцѣлуями. Такъ и въ евхаристіи, братія, мы любимъ ее любовью, стремимся къ ней (*nous la convoitons*) приближаемъ ее къ нашимъ губамъ, схватываемъ ее, пожираемъ ее нашими поцѣлуями и проглатываемъ». Что касается до Целесты Венаръ, прозванной «Могадоръ», бывшей наѣздницы въ циркъ и прославившейся своимъ канканомъ на публичныхъ балахъ еще при Луи-Филиппъ, появленіе ея записокъ произвело скандалъ потому, что она въ это время была уже графинею Шабрильянъ, женою промотавшагося гуляки, но получившаго въ это время, по родству съ графомъ Шуазель, мѣсто французскаго консула въ Австріи. «И полиція спокойно допустила продажу этихъ грязныхъ мемуаровъ, вѣроятно для поддержанія чести консульскаго званія», прибавляетъ Вьель-Кастель. Много говорили также о бѣгствѣ принцессы Вофремонъ отъ своего мужа, грубаго и глупаго негодая, и о высылкѣ изъ Парижа русскаго графа Л*, бывшаго одно время ростовщикомъ и шпіономъ. Префектъ полиціи заперъ его въ тюрьму Мазасъ за ругательства и оскорбленіе суда, правительства, императора, но Наполеонъ велѣлъ только выслать его за границу. Приближенные императора дѣлали все, что имъ хотѣлось. Напрасно Пьетри доказывалъ, что парижскій префектъ Гаусманъ, перестраивая городъ, крадетъ милліоны; напрасно Лори подавалъ въ сенатъ двѣ записки, въ которыхъ просилъ нарядить слѣдствіе надъ генераломъ Рандономъ, губернаторомъ Алжиріи, грабившимъ колонію и нарушавшимъ законы. Министръ двора Фульдъ, управлявшій печатью и театрами, отнималъ у Верона право на изданіе газеты «*Constitutionnel*», а у актрисы Денень—роль въ пьесѣ Скриба «*Le verre d'eau*», чтобы передать ее Маделенѣ Брганъ, фавориткѣ Луи-Наполеона. Министръ просвѣщенія Фортуль, желая попасть въ академию, въ члены которой уже былъ намѣченъ серьезный ученый Лонжпьеръ, употреблялъ всѣ средства, чтобы уничтожить кандидатуру соперника: угрожалъ академикамъ, которые были профессорами, что онъ лишитъ ихъ каѳедры, посылалъ другимъ подарки, просилъ голоса даже у Гизо, увѣрялъ, что избраніе его желаетъ императоръ. На выборахъ онъ получилъ однако 27 голосовъ, а Лонжпьеръ 19. И этотъ министръ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, въ 1837 году, на публичномъ банкетѣ, провозгласилъ тостъ въ честь Алибо, покушавшагося на жизнь короля, и называлъ убійцу: *dernière incarnation de Jesus Christ*.

О войнѣ сообщались самыя нелѣпыя извѣстія. Такъ при бомбардированіи Одессы «разрушены всѣ батареи, взорваны пороховые погреба, сожжено 13 военныхъ кораблей и взято столько же

транспортныхъ судовъ съ военными припасами; задержанные въ гавани французскія суда освобождены». Свѣдѣнія о взятіи Бомарзунда доходятъ до колоссальной пошлости: «Когда, отдавшіеся въ плѣнъ русскія войска шли между рядами французскихъ и англійскихъ солдатъ, музыканты играли шотландскую джигу и русскіе стали танцовать подъ эту музыку». Принцъ Наполеонъ-Жеромъ, продолжавшій и въ Крыму составлять заговоры противъ своего двоюроднаго брата, велъ себя въ арміи самымъ неприличнымъ образомъ. Герцогъ Кембриджскій не принималъ его у себя. Военные подвиги принца ограничились тѣмъ, что онъ уѣхалъ въ Константинополь лечиться отъ диссентеріи. 1-го октября, всѣ театры были иллюминованы вслѣдствіе полученія извѣстія о взятіи Севастополя, со всѣмъ флотомъ, послѣ двухъ кровопролитныхъ сраженій, въ которыхъ русскіе были совершенно разбиты. «Побѣжденная армія, которой была предоставлена свобода вернуться въ Россію, отказалась отъ этого и предпочла отправиться плѣнницей въ Европу». И по поводу этой непостижимой глупости, Вьель-Кастель, какъ истый французъ, восклицаетъ: «русскій императоръ потерялъ весь свой престижъ: онъ считалъ невозможнымъ, чтобы Франція объявила войну; онъ вѣрилъ въ существованіе сильной легитимистской партіи. Его посланники увѣрили его, что союзъ между Франціею и Англіею невозможенъ, что Наполеонъ III будетъ свергнутъ какъ только начнется война. Отъ этой увѣренности происходитъ и дерзость Меншикова и упрямство въ переговорахъ. Россія теряетъ плоды столѣтнихъ интригъ. Теперь уже нельзя вѣрить въ ея могущество; ея крѣпости сдаются безъ боя, войска сражаются неохотно, флотъ захватывается въ своихъ гаваняхъ. Россія не болѣе какъ картонный колоссъ». И послѣ этой чисто-французской тирады, Вьель-Кастель приходитъ въ негодованіе, что въ то время, когда во всѣхъ департаментахъ и даже въ Лондонѣ праздновали эту побѣду, парижскіе буржуа не хотѣли иллюминовать свои дома и ждали официального подтвержденія извѣстія. А на слѣдующій день онъ принужденъ сознаться, что изъ Вѣны пришли ложныя свѣденія, что союзная армія потерпѣла чувствительный уронъ, хотя и одержала одну побѣду, что Севастополь и не думалъ сдаваться. О смерти Сент-Арно онъ отзывается съ участіемъ, увѣряетъ, что всѣ жалѣли объ немъ, и что его славная смерть (онъ умеръ отъ холеры) заставляетъ забыть грѣхи его молодости. Исторія, конечно, не подтвердитъ этого приговора о гулякѣ и шулерѣ въ молодости, безчестномъ грабителѣ и плохомъ генералѣ подъ старость. Что касается до грабежей, то ими занимались почти всѣ приближенные императора - авантюриста, и примѣрами алчнаго хищенія и взяточничества наполнено все его царствованіе. Вьель-Кастель говоритъ, между прочимъ о поставщикахъ министерства двора, жаловавшихся на то, что съ нихъ дерутъ безбожныя взятки

высшіе чиновники. Подрядчики, ставившіе дрова въ это министерство по 35 франковъ за извѣстную мѣру, получали только 31. Зная исторію подобныхъ подрядовъ въ другихъ государствахъ, казалось бы не стоило такъ кричать о взяткѣ въ четыре франка. Въдь не десятки же тысячъ мѣръ ставили подрядчики.

Заговоры противъ Луи-Наполеона продолжали составляться каждый годъ. Въ февралѣ было арестовано человекъ двадцать; въ октябрѣ, въ булонскомъ тоннелѣ, сторожъ желѣзной дороги нашелъ въ стѣнѣ выдолбленную нишу, скрытую довольно искусно и въ ней—адскую машину, отъ которой шли проводники къ электрической батарее на далекое разстояніе. Машину предполагалось взорвать въ то время, когда по тоннелю отправится изъ Булони въ Парижъ императоръ. Захватили двѣнадцать заговорщиковъ, но слѣдствіе производилось въ тайнѣ: не хотѣли, чтобы народъ могъ подумать о возможности покушенія на жизнь императора. Придворные скандалы шли также своимъ чередомъ. Графиня Нансути подарила на 80,000 франковъ бриліантовъ своей горничной, которую она очень любила. Въ то время, когда танцовка Карлота Гризи пользовалась въ Петербургѣ расположеніемъ высокопоставленнаго лица, въ Парижѣ министръ двора Фульдъ, послѣ страстныхъ писемъ къ пѣвицѣ Крувелли, попробовалъ перейти отъ слова къ дѣйствию. Крувелли дала ему оплеуху и оставила сцену, выйдя за мужъ за барона Вижье. Газетамъ запрещено было даже намекать на это происшествіе. Жена Фульда брала взятки не меньше своего мужа. Составляя «корзину новобрачной» для поднесенія невѣстѣ императора, она принудила поставщиковъ преподнести и ей дорогія матеріи, да кромѣ того дѣлала приписки къ ихъ счетамъ. Такъ, кружевное платье, которое предлагали принцессѣ Матильдѣ за 23,000 франковъ, Фульдъ поднесла Евгеніи за 30 тысячъ. Обершталмейстеръ, генералъ Флери, потребовалъ даже съ принцессы Матильды уплаты за четверку лошадей, подаренныхъ ей императоромъ. Управляющій загородными дворцами, генералъ Ролленъ, требовалъ, чтобы ему доставляли всѣ деньги, какія посѣтителы Фонтенебло и Компьена вручали придворнымъ служителямъ, сопровождавшимъ посѣтителей при осмотрѣ дворцовъ. Одному изъ нихъ принцеса Матильда дала 500 франковъ и генералъ вытребовалъ у него эту сумму,—это сообщила автору сама принцеса. Луи-Наполеонъ зналъ, что его всѣ обкрадываютъ, но не хотѣлъ взыскивать со своихъ приближенныхъ, не желая показывать публикѣ, какія лица окружаютъ его—какъ будто можно было скрыть подобные поступки отъ общественнаго мнѣнія, также строго относящагося и къ тому, кто воруетъ и къ тому, кто покрываетъ и терпитъ близъ себя воровъ.

По мѣрѣ того, какъ развивалась осада Севастополя, Вель-Кастель сознавался, что «русскіе защищаются геройски», но въ то-

же время передавалъ въ своихъ запискахъ и нелѣпые слухи въ родѣ того, что русскіе офицеры приказываютъ убивать раненыхъ на полѣ сраженія, и что какой-то маіоръ, взятый въ плѣнъ, былъ отданъ за это подѣ военный судъ, а Канроберъ и лордъ Рагланъ писали объ этомъ Меншикову. Восхищаясь подвигами французской арміи, авторъ съ грустью замѣчаетъ, что ни одинъ членъ семейства Бонапарте не отличился на войнѣ: принцъ Наполеонъ оставляетъ армію при началѣ осады, молодой Мюратъ даже не просится въ Крымъ, а предпочитаетъ въ Парижѣ получать огромное жалованье, какъ и всѣ остальные наполеониды. На своихъ союзниковъ, англичанъ, французы не переставали жаловаться въ продолженіе всей кампаніи. Такъ, Канроберъ, послѣ альминскаго сраженія, хотѣлъ идти прямо на Севастополь, пользуясь разстройствомъ русской арміи, но лордъ Рагланъ настоялъ на томъ, чтобы перейти на южную сторону и начать правильную осаду. Во время осады англичане уклонялись отъ атакъ и штурмовъ и довольствовались канонадою редутовъ съ дальнихъ разстояній. При Инкерманѣ, впрочемъ, они понесли большія потери, потому что имъ не оказала помощи дивизія принца Наполеона, хотя принцъ получилъ точныя приказанія—подкрѣпить англійскій корпусъ.

А скандалы въ высшемъ кругу повторялись чуть не каждый день. Молодой герцогъ Валломброзо подарилъ кокеткѣ любовное письмо къ нему маркизы Бетизы. Кокотка автографировала письмо и отправила копіи къ разнымъ лицамъ, не исключая мужа маркизы. Мужъ и братъ ея, герцогъ Валентинуа, вызвали на дуэль Валломброзо, но онъ отказался. Кокотка потребовала 60,000 франковъ за возвращеніе письма. Родные маркизы начали торговаться... Чѣмъ же хуже были нравы эпохи регентства и Людовика XV?

Въ февралѣ 1855 года, Наполеонъ III началъ собираться въ Крымъ, составивъ какой-то планъ взятія Севастополя, приводившій, конечно, въ восхищеніе его приближенныхъ. Кромѣ желанія выказать свой стратегическій талантъ, его побуждали принять главное начальство надъ экспедиціонною армією интриги и ссоры между его генералами, отличавшимися бездарностью. Такъ, генерала Форей обвиняли въ томъ, что при атакѣ одного редута, онъ, изъ зависти къ генералу Лурмелю, не поддержалъ его своею дивизією. Атака была отбита, Лурмель убитъ и Форей принужденъ подать въ отставку. Артиллеристы и инженеры враждовали между собою, мѣшали другъ другу въ военныхъ операціяхъ; подпоручики составляли планы, какъ взять городъ и обвиняли своихъ начальниковъ въ неспособности и бездѣйствіи; армейскіе офицеры ссорились съ гвардейцами и явно роптали на предпочтеніе, оказываемое привилегированнымъ войскамъ; солдаты, держа сторону своихъ начальниковъ, вступали въ перебранку и драку между собою. Присутствіе императора на театрѣ войны могло положить конецъ

этимъ неурядицамъ, хотя, съ другой стороны, его вмѣшательство въ военныя дѣйствія могло парализовать успѣхъ начатыхъ операцій. Наполеонъ приказалъ Лагероньеру написать въ Мониторъ статью, доказывавшую необходимость отправленія въ Крымъ, «гдѣ ждали также прибытія русскаго императора». Николай I прислалъ между тѣмъ еще письмо принцесѣ Матильдѣ, въ которомъ говорилъ: «я положительно не понимаю, для чего Франція воюетъ со мною». Въ то время, когда двоюродная сестра французскаго императора стояла горой за Россію, двоюродный братецъ его, прозванный Плонъ-Плономъ (въ Крыму солдаты перемѣнили это названіе на *Craint-plomb*), напечаталъ въ Брюсселѣ брошюру, въ которой представлялъ положеніе французовъ въ Крыму въ самомъ ужасномъ видѣ, обвиняя генераловъ, осыпая бранью и насмѣшками офицеровъ. Брошюру приписывали сначала Романсу, бывшему префекту, женатому на русской, Кайсаровой, но свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ и планахъ могло сообщить только лицо, бывшее на мѣстѣ и знавшее всѣ предположенія главнокомандующаго. Грозили арестовать Плонъ-Плона, но тотъ далъ честное слово, что ничего не знаетъ о существованіи брошюры. Этого неугомоннаго брата, вернушагося въ Парижъ и котораго освистывали уличные мальчишки, когда онъ являлся на бульварахъ въ своемъ генеральскомъ мундирѣ, Наполеонъ рѣшилъ взять съ собою въ Крымъ. «Дай Господи, чтобы онъ не вернулся оттуда!» прибавляетъ Вьель-Кастель. Вслѣдъ затѣмъ, онъ заноситъ въ свой дневникъ:

«2-го марта, въ семь часовъ вечера, пришло извѣстіе, что русскій императоръ скончался отъ паралича легкихъ. Тотчасъ же сенаторы и вельможи бросились на маленькую биржу, въ пассажъ Оперы, чтобы эксплуатировать эту новость. Рента поднялась на 2 франка 50 сантимовъ». Вьель-Кастель говоритъ, что новый императоръ противникъ войны, тогда какъ братъ его «стоитъ во главѣ старой русской и фанатической партіи» и тутъ же приводитъ новую нелѣпость о большомъ сраженіи, въ которомъ былъ убитъ великій князь. Смерть Николая I не остановила однако приготовленія къ отъѣзду въ Крымъ. Наполеонъ былъ чрезвычайно недовеленъ двусмысленнымъ положеніемъ Австріи. Прусскій король, убѣждая его не ѣздить въ Крымъ, писалъ: «Я имѣю полную надежду склонить императора Александра принять условія мира, который удовлетворилъ бы интересамъ Европы; но если, вопреки моей надеждѣ, это мнѣ не удастся, тогда я вполне присоединюсь къ вашей политикѣ и мои арміи пойдутъ на ряду съ вашими». Неизвѣстно, какія именно причины заставили Наполеона отказаться отъ поѣздки въ Крымъ и вмѣсто того отправиться въ Англію, гдѣ приняли съ восторгомъ его и Евгенію, хотя относительно послѣдней виндзорскій дворъ сначала колебался, какого рода этикета слѣдуетъ держаться. Вьель-Кастель говоритъ, что Наполеона

побудило остаться во Франціи то обстоятельство, что онъ долженъ былъ передать власть своему дядѣ, принцу Жерому, требовавшему неограниченныхъ полномочій, а министерство объявило, что въ такомъ случаѣ оно будетъ принуждено въ полномъ составѣ подать въ отставку.

28-го апрѣля, въ пятомъ часу, Наполеонъ ѣхалъ верхомъ по Елисейскимъ полямъ въ Булонскій лѣсъ, въ сопровожденіи двухъ адъютантовъ. Вдругъ на шоссе вышелъ хорошо одѣтый молодой человѣкъ, и почти въ упоръ выстрѣлилъ въ императора, но не попалъ. Адъютанты бросились на убійцу, но онъ успѣлъ сдѣлать второй выстрѣлъ, также неудачный. Наполеонъ продолжалъ свою прогулку и вернулся во дворецъ, сопровождаемый многочисленной толпой. Въ Тюльери онъ сказалъ окружающимъ его лицамъ: «вы видите, что это не такъ легко», а вечеромъ былъ съ Евгеніей въ Комической оперѣ, гдѣ его встрѣтили восторженными криками и слезами. Убійца-римлянинъ, назвался сначала ложнымъ именемъ и не хотѣлъ отвѣчать на допросъ префекта полиціи, но когда Пьетри отдалъ приказаніе разстрѣлять его тотчасъ же, на дворѣ тюрьмы, онъ сознался, что его зовутъ Джіованни Піанори, что онъ ремесломъ сапожникъ, 28-ми лѣтъ, женатъ, имѣетъ нѣсколько дѣтей, служилъ прежде въ отрядѣ Гарибальди и посланъ отъ Мадзини—убить императора. Вьель-Кастель не говоритъ ни слова дальше ни о процессѣ убійцы, ни о казни его, 14-го мая, наканунѣ открытія всемірной выставки въ Парижѣ. За то авторъ соображаетъ много сплетней о событіяхъ въ Испаніи, о причинахъ удаленія въ Парижъ королевы Христины, о томъ, что въ заговорахъ противъ жизни королевы Изабеллы участвовалъ ея супругъ. Впрочемъ и такая серьезная газета, какъ «Débats» приводила въ то время цѣлую сцену между Изабеллой, Эспартеро и О'Доннелемъ, по поводу закона о продажѣ духовныхъ имуществъ, утвержденнаго кортесами. Королева не хотѣла подписывать указа объ этомъ и уступила только угрозамъ генераловъ, что ее вышлютъ изъ Испаніи и объявятъ республику. О'Доннель такъ сжалъ ея руку, заставляя ее подписать, что она вскричала: «я протестую противъ вашихъ насилій и надѣюсь, что Богъ обрушитъ на ваши головы и на вашихъ сообщниковъ отвѣтственность за мою слабость». И это называется конституціоннымъ правленіемъ! прибавляетъ авторъ, недовольный всѣми и даже принцессой Матильдой. Послѣднюю онъ обвиняетъ въ томъ, что она не стѣсняется въ своихъ салонахъ отзываться о папѣ, кардиналахъ, австрійцахъ и англичанахъ, какъ настоящая мадзинистка и гордится болѣе своимъ родствомъ съ русскимъ, чѣмъ съ французскимъ императоромъ. Отъ перваго она получила письмо, въ которомъ Александръ II говоритъ, что его отецъ оставилъ ему дорогой для его сердца завѣтъ, который онъ считаетъ пріятнымъ долгомъ выполнить: это — продолженіе той привязанно-

сти, какую питаль къ принцессѣ покойный императоръ; она можетъ быть увѣрена въ его искреннемъ расположеніи и покровительствѣ ея интересамъ. Вьель-Кастель негодуешь, что французская принцесса гордится дружбою врага Франціи. Еще болѣе негодуешь онъ на ея брата, сказавшаго публично въ клубѣ, что французская армія—армія львовъ, командуемыхъ ослами. Лагероньеръ рѣшился однажды сказать принцу, что если судьба приведетъ его на тронъ Франціи, то онъ встрѣтитъ больше враговъ, чѣмъ приверженцевъ. Принцъ отвѣчалъ, что ему стѣитъ только, взойдя на престолъ, напечатать въ «Монитёрѣ»: всѣ чиновники сохраняютъ свои мѣста и должности, и приверженцевъ у него явятся тысячи. Изумленные успѣхомъ захвата власти Луи-Наполеономъ, всѣ члены его семейства разсчитывали, съ его помощью, также попользоваться чѣмъ можно. Мюраты явно подкапывались подъ короля неаполитанскаго. Но до какой степени было непрочно владычество самого Луи-Наполеона доказываетъ переполохъ, случившійся въ іюнѣ этого года, въ Ліонѣ. Маршалъ Кастелланъ, командовавшій въ этомъ городѣ войсками, получилъ изъ Парижа извѣстіе о внезапной смерти императора. Онъ тотчасъ же послалъ за управляющимъ правительственною типографіей и приказалъ ему напечатать прокламацію, которою жителямъ города сообщалось о восшествіи на престолъ Генриха V. Тутъ же маршалъ продиктовалъ прокламацію и ее стали набирать. По счастью, адъютанты маршала въ время узнали объ этомъ, и доказали ему нелѣпость и опасность его поступка. Луи-Наполеонъ, услышавъ объ этомъ, сказалъ: «Я не зналъ, что маршалъ способенъ на энергическую инициативу».

Въ концѣ августа, королева Викторія отдала визитъ императору французовъ. Она провела десять дней въ Парижѣ, отъ котораго была въ восторгѣ: «У меня нѣтъ ничего подобнаго въ Англіи», говорила она. Принцу Наполеону она дала орденъ Бани «за важныя военныя заслуги». «Лучше бы, вмѣсто бани, она поднесла ему кусокъ виндзорскаго мыла, да и тотъ не отмылъ бы всей насьвшей на него грязи», прибавляетъ Вьель-Кастель. За придворными праздниками слѣдовала серьезная попытка рабочихъ изъ каменоломень — овладѣть Анжеромъ. Инсургентовъ, предводимыхъ членами тайнаго общества «Маріанны», окружили въ предмѣстьи города и захватили у нихъ двѣсти килограммовъ пороху и множество зажигательныхъ снарядовъ. 8-го сентября, въ императора, подѣзжавшаго къ итальянскому театру, выстрѣлили изъ пистолета руанскій уроженецъ Бельтиморъ, 22-хъ лѣтъ, уже 16-ти лѣтъ сидѣвшій въ тюрьмѣ за мошенничество, а въ 1852 году за участіе въ возстаніи. Его выдали за помѣшаннаго. Взятіе Севастополя праздновали торжественно, хотя сознавались, что при штурмѣ погибло шесть тысячъ человѣкъ и пять генераловъ. Въ концѣ октября, объявили официально, что Евгенія на пятомъ мѣсяцѣ бере-

менности. Наполеониды почти явно высказывали свою досаду. Принцъ Наполеонъ негодовалъ и на то, что во время торжественнаго входа въ Парижъ гвардіи, вернувшейся изъ Крыма, во главѣ процесіи поставили не его, а Канробера. Принца обвинили также въ несправедливости при раздачѣ наградъ за всемірную выставку комитетомъ жюри, въ которомъ онъ предсѣдательствовалъ. Въ клубѣ онъ велъ крупную игру въ пикетъ по 20 франковъ и выигрывалъ десятки тысячъ. Клубы были вообще враждебны правительству, также какъ писатели, художники и политехническая школа. Къ этимъ недовольнымъ присоединились, въ началѣ 1856 года, и крупные торговцы за то, что императоръ и императрица, вопреки обычаю, не приобретали у нихъ подарковъ для раздачи придворнымъ. Только родственники Евгеніи получили порядочные куши: ея матери, графинѣ Монтихо, подаренъ отель въ Елисейскихъ поляхъ, купленный у Лористона за три милліона; мужья двухъ другихъ дочерей графини, — герцоги д'Альбъ и Гамилтъонъ, получили большіе кресты почетнаго легіона, о чемъ, однако, не было объявлено въ «Мониторѣ». Сама Евгенія получила эмалевый сервизъ въ 65 тысячъ; для будущаго ребенка было приготовлено бѣлье въ сто тысячъ франковъ. Евгенію не любили ни придворные, ни парижане. Въ февралѣ, въ театрѣ, студенты, въ ея присутствіи, начали пѣть осмѣивавшіе ее куплеты, пародію на модную шансонетку: «сиръ де-Фрамбуазъ». Возставая противъ упадка высшего круга и дворянства, Вьель-Кастель называетъ нѣсколько извѣстныхъ именъ, унизившихъ свое званіе неровными браками: маркизъ Латуръ-Дюпенъ женился на дочери торговца лошадьми, бывшаго конюха лорда Сеймура; дѣвица Бореперъ вышла за кучера своего отца; Делье — за тромбониста театра Folies nouvelles, Сегенъ — за своего садовника. Рошфоръ Сентъ-Луи, бывшій обершталмейстеръ герцога Лукскаго, за пятьсотъ тысячъ франковъ женился на дочери герцога, которой необходимо было дать имя своему ребенку. Но этотъ послѣдній бракъ окончился трагически — смертью жены, которой мужъ не позволялъ лечиться, чтобы наказать ее за распутную жизнь. Подробности этой грязной исторіи слишкомъ циничны, чтобы приводить ихъ. Вообще, авторъ очень строго относится къ выродившейся аристократіи, еще строже къ авантюристамъ, стоящимъ во главѣ правительства, но всего безпощаднѣе — къ писателямъ, журналистамъ, артистамъ, осыпая насмѣшками представителей французской интеллигенціи, собирая объ нихъ всевозможные силетни и анекдоты, не дѣлающіе имъ чести. О дарованіи Жоржъ-Занда онъ отзывается съ презрѣніемъ и перечисляетъ только ея любовниковъ; госпожа Жирарденъ, умершая въ это время, замѣчательна тоже одними любовниками; у скульптора Давида Анжерскаго и живописца Энгра нѣтъ ни на волосъ таланта; Беранже — скверная собака (le plus mauvais chien de la chré-

tienté); директоръ «Journal des Debats», Арманъ Бертенъ, извѣстенъ только крайнимъ атеизмомъ, доходившимъ до того, что лакей Верона, прислуживавшій за завтракомъ, на который былъ приглашенъ журналистъ, слыша его богохульство, не захотѣлъ служить; историкъ Мишле — опасный сумасшедшій; Сю, Эмиль Жиранденъ — извѣстны только распутствомъ; Альфредъ Мюссе — пьяница; Викторъ Гюго и Александръ Дюма — безталантные хвастуны. Александру Дюма сыну аббатъ Дюгерри обѣщалъ крестъ и мѣсто въ академіи, если онъ напишетъ религіозную драму. «Религія сама составила три кровавыя драмы, отвѣтилъ Дюма: войну съ альбигойцами, вареоломеевскую ночь и севенскія драгонады».

Когда въ Парижъ явились русскіе уполномоченные для переговоровъ о мирѣ, всѣ замѣтили, что ихъ отношенія къ Австріи были гораздо болѣе недружелюбны, чѣмъ къ Англіи. О ходѣ переговоровъ авторъ не сообщаетъ никакихъ подробностей и говоритъ только о восторгѣ народа при официальномъ извѣщеніи о заключеніи мира, о разницѣ между Франціею 1848 года униженною, презираемою и Франціею 1856 года, прославленною Наполеономъ. Вьель-Кастель умеръ за шесть лѣтъ до 1870 года. Чтò сказалъ бы онъ въ это время? Извѣстно, что уполномоченные на конгрессѣ подписали мирный договоръ перомъ, которое Фѣлье де-Коншъ взялъ изъ крыла орла, въ звѣринцѣ Jardin des plantes. За этотъ «подвигъ» онъ получилъ командорскій крестъ почетнаго легіона. Принцъ Наполеонъ, отодвинутый на второй планъ рожденіемъ сына императора, хотѣлъ, чтобы его отправили на коронацію Александра II. Луи-Наполеонъ не согласился на это, сказавъ Матильдѣ: «пусть онъ дѣлаетъ глупости въ Парижѣ, но я не хочу, чтобы онъ дѣлалъ или говорилъ ихъ въ Петербургѣ; это дискредитируетъ насъ въ глазахъ Россіи». Посланъ былъ, какъ извѣстно, побочный братъ Луи-Наполеона, Морни.

Изъ исторіи севастопольской осады авторъ приводитъ примѣръ храбрости генерала Трошю, имъ самимъ рассказанный. Штурмъ большого редана былъ предпринятъ только какъ диверсія и долженъ былъ кончиться неудачей. Трошю созвалъ свою бригаду и, помѣстившись въ центрѣ ея, сказалъ солдатамъ: «приступъ, назначенный на завтра, будетъ тяжелъ, и изъ солдатъ, которые пойдутъ въ главѣ колонны, немногіе увидятъ конецъ дѣла. Они почти всѣ лягутъ на мѣстѣ и я не поручусь, чтобы оставшіеся получили всѣ награды; но мнѣ все таки нужно двѣсти волонтеровъ для начала атаки. Я надѣюсь на васъ и вы знаете, что я буду съ вами». Изъ рядовъ вышло пятьсотъ волонтеровъ. Трошю выбралъ двѣсти; изъ нихъ осталось въ живыхъ сорокъ. Вообще изъ полуторатысячи, атакующихъ реданъ, осталось на мѣстѣ восемьсотъ солдатъ и семьдесятъ четыре офицера. У Трошю оторвало ядромъ икру ноги и онъ былъ спасенъ однимъ арабомъ, поднявшимъ его и помогав-

шимъ при отступленіи, которое было еще опаснѣ нападенія, такъ какъ русскіе цѣпились въ генерала, поддерживаемаго арабомъ.

Плохой цѣнитель литературныхъ заслугъ, Вьель-Кастель оказывается еще болѣе плохимъ политикомъ, въ своихъ сужденіяхъ о положеніи Италіи, гдѣ въ это время уже начиналось сильное революціонное движеніе, которое, вслѣдъ затѣмъ, повело къ освобожденію и объединенію страны. Авторъ записокъ—положительный противникъ этого объединенія; для него непонятенъ терминъ — италіянцы; онъ признаетъ только неаполитанцевъ, пьемонтцевъ, римлянъ и пр. и предсказываетъ, что всѣ они передерутся между собою, какъ только освободятся и соединятся. Онъ горячо заступаетъ за короля неаполитанскаго, деспотическіе поступки котораго принудили Англію и Францію отозвать своихъ пословъ изъ Неаполя. По этому случаю Вьель-Кастель ехидно замѣчаетъ, что Европа объявила войну Россіи за то, что эта держава вмѣшивалась во внутреннія дѣла Турціи, угнетавшей своихъ христіанскихъ подданныхъ, а теперь прерываетъ дипломатическія сношенія съ державою, которая укрощаетъ возникающіе въ ней бунты. Нечего и говорить, что вопросъ о свѣтскомъ владычествѣ папы кажется автору необходимымъ условіемъ не только благосостоянія, но даже существованія католицизма.

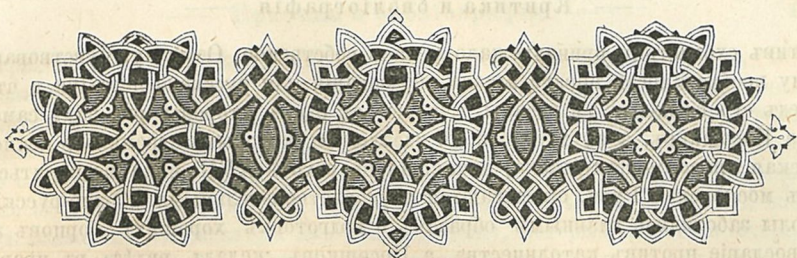
Нравы среднихъ классовъ общества, во время имперіи, были ничѣмъ не лучше нравовъ двора. Вотъ случай, о которомъ Вьель-Кастель говоритъ вскользь два слова, но рассказываютъ подробно записки современниковъ. Въ семействѣ одного извѣстнаго фотograфа, его женѣ и дѣтямъ давала уроки музыки піанистка Леонида. И она и фотографъ были молоды, имѣли случай часто встрѣчаться, проводить вмѣстѣ цѣлые дни, немудрено, что они полюбили другъ друга. Но Леонида не хотѣла принадлежать женатому и нарушать его семейное спокойствіе. Тогда фотографъ увѣрилъ ее, что онъ вовсе не женатъ на женщинѣ, съ которой живетъ, и думаетъ разойтись съ нею по обоюдному согласію. Артистка повѣрила сказкѣ и оцѣ достигъ своей цѣли. Но о связи ихъ узналъ братъ жены фотографa и открылъ ей глаза. Оскорбленная мать семейства выгнала изъ дома свою соперницу, убѣдивъ ее неоспоримыми документами, что бракъ былъ вполнѣ законный. Бѣдняжка скрыла въ отдаленномъ углу Парижа свое горе и обманутое чувство. Прохворавъ долгое время, она лишилась уроковъ, истощила всѣ свои небольшія средства и скоро дошла до крайней нищеты. Въ этомъ положеніи нашелъ ее фотографъ, долгое время розыскивавшій ее по городу и не желавшій прервать съ нею связи. Онъ умолялъ ее простить обманъ, внушенный сильною страстью. Артистка все еще любила его и не могла устоять противъ искушенія. Прежнія отношенія ихъ возобновились. Чтобы обезпечить ей средства къ жизни, онъ открылъ на ея имя фотографію въ Бельвилѣ, помогъ ей обза-

вестись всѣмъ необходимымъ и часто прїѣзжалъ къ ней, помогая ей работать и выдавая себя, передъ сосѣдами Леониды, за ея мужа. Эта семейная жизнь на двухъ различныхъ концахъ Парижа вскорѣ однако была нарушена трагическимъ событіемъ. Шуринъ фотографа узналъ какъ-то о бельвильской фотографіи, увидѣлъ Леониду и рассказалъ своей сестрѣ о продѣлкахъ ея мужа. Та, распросивъ обо всемъ, не исключая адреса соперницы, объявила брату, что тотчасъ же ѣдетъ отомстить ей и схватила изъ склада химическихъ препаратовъ склянку съ еѣрной кислотой. Братъ испугался ея возбужденнаго состоянія и рѣшился не оставлять ее. Когда они вошли въ бельвильскую фотографію, Леонида работала надъ обмываніемъ негативовъ, а мужъ-измѣнникъ помогалъ ей. Раздраженная супруга, не говоря ни слова, выхватила склянку и брызнула кислоту въ лицо Леониды. Та съ громкимъ крикомъ сдѣлала невольное движеніе въ сторону и на ея щеки и лобъ попало только нѣсколько капель кислоты. Мужъ бросился, чтобы удержать свою жену, но его схватилъ шуринъ и между ними началась борьба. Въ это время Леонида, въ бѣшенствѣ отъ боли, схватила склянку съ купоросомъ, которымъ обмывала пластинки и также плеснула имъ въ лицо соперницы. Но та была сильнѣе и ловчѣе Леониды и, уклонившись отъ брызговъ, бросилась на нее, вырвала у нее изъ рукъ почти полную склянку, опрокинула несчастную на полъ, разорвала на ней платье и начала поливать купоросомъ обнаженную грудь и плечи соперницы. Несчастливая, сжигаемая кислотой, страшно кричала; мужъ, сдерживаемый шуриномъ, звалъ на помощь, и сбѣжавшимся людямъ удалось наконецъ вырвать жертву изъ рукъ разсвирѣпѣвшей женщины въ ту минуту, какъ она старалась влить купоросъ въ глаза Леониды, чтобы ослѣпить ее. Исторія эта, прозванная «дуэль на купоросѣ» надѣлала много шума. Долгое время нельзя было производить слѣдствія, такъ какъ Леонида была между жизнью и смертью. Все тѣло ея носило слѣды страшныхъ ожоговъ, очень долго не позволявшихъ снять съ нея показанія. Мужъ, не желая обвинять жену, главную вину сваливалъ на ея брата. По предварительному слѣдствію, обвиненіе падало въ равной степени на сестру, какъ и на брата, но когда начались судебныя пренія, сестра приняла всю вину на себя. Въ процессѣ эта жестокая, энергическая женщина играла главную роль, представляя рѣзкій контрастъ съ своею жертвою, еще не оправившеюся отъ обезобразившихъ ее ранъ и дававшюю отвѣты едва слышнымъ голосомъ, въ то время, какъ показанія ея палача, рѣзкія и циничныя, громко раздавались въ залѣ суда. Приговоръ былъ очень мягокъ, братъ объявленъ невиновнымъ; супруги должны были выдавать пожизненное содержаніе обезображенной Леонидѣ. Жену, несмотря на ея звѣрскій поступокъ, всѣ считали героинею, потому что она отстаивала свои семейныя права. Къ мужу всѣ отнеслись съ презрѣніемъ. Пра-

вительственныя власти обратили вниманіе на то, что фотографія, какъ и другія техническія занятія, даетъ сильныя орудія истребленія въ руки людей, которые могутъ злоупотреблять этимъ. Газеты начали говорить о необходимости гарантій въ подобныхъ случаяхъ, но въ это же время случилось еще одно происшествіе, доказавшее, какъ трудно найти такія гарантіи. Дантистъ въ пассажѣ Веро-Дода хлороформировалъ свою хорошенькую сосѣдку, пришедшую къ нему просить средства отъ зубной боли—и совершилъ надъ нею возмутительное насиліе. Его судили, отправили въ каторгу, но нельзя же было запретить употребленіе хлороформа при операціяхъ или развѣдающихъ кислотъ въ фотографіи. Вѣдь и простымъ ножомъ можно совершить убійство, а сѣрной спичкой поджечь домъ.

Вл. Зотовъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Духовное образованіе и духовная литература въ Россіи при
Петрѣ Великомъ. Изслѣдованіе Александра Архангельскаго.
Казань. 1883 г.

РУКОВОДИТЕЛЕМЪ духовнаго просвѣщенія на Руси при Петрѣ Великомъ былъ знаменитый архіепископъ новгородскій Теофанъ Прокоповичъ, составитель «Духовнаго Регламента», въ которомъ онъ отвелъ значительное мѣсто вопросу и объ образованіи православнаго духовенства въ Россіи. По словамъ г. Архангельскаго, Теофанъ хотѣлъ воспитать въ православномъ русскомъ пастырѣ критическій взглядъ на науку и на окружающую ее жизнь вообще, развить въ немъ самостоятельность мышленія на столько, чтобы еще въ школѣ онъ провѣрялъ слова учителя по источникамъ, изъ которыхъ тотъ заимствовалъ свои свѣдѣнія, на столько, чтобы онъ, возвратясь въ семью и общество, не подчинялся бы, по старой памяти, ихъ вліянію, ихъ застарѣвшимъ заблужденіямъ и предрасудкамъ. «Теофанъ,—говоритъ далѣе г. Архангельскій—хотѣлъ воспитать въ православномъ пастырѣ разумнаго цѣнителя и защитника дѣлъ Петра Великаго, охватывавшихъ всю обширную область гражданскаго и церковнаго существованія русскаго государства—хотѣлъ воспитать серьезнаго ученаго, всегда готоваго отстоять свои убѣжденія не съ помощью формальной изворотливости ума и ловкой фразы, а силою положительнаго знанія, основаннаго на неотразимыхъ фактахъ; короче сказать, хотѣлъ воспитать просвѣщеннаго пастыря и учителя церкви и образованнаго члена общества».

До сихъ поръ у насъ на Прокоповича смотрять какъ на приверженца западной, господствовавшей въ то время, схоластики, но г. Архангельскій опровергаетъ такое мнѣніе, какъ ошибочное, и говоритъ, что рѣзкое слово

противъ схоластики принадлежало у насъ собственно Теофану, чувствовавшему необходимость новаго идеала образованія для русскаго пастыря, и что передъ его идеаломъ тѣ идеалы, которые съ одной стороны рисовалъ самоучка Посошковъ, а съ другой и тѣ идеалы, къ которымъ стремилась южно-русская православная школа, начавшая въ исходѣ XVII вѣка водворяться и въ московской Руси, оказываются неудовлетворительными. Южно-русскія школы заботились главнымъ образомъ о подготовкѣ хорошихъ борцовъ за православіе противъ католичества, а Посошковъ желалъ видѣть въ православно-русскомъ священникѣ только защитника противъ современныхъ ему, Посошкова, раскола и протестантства, а также видѣть въ немъ и народнаго учителя.

Въ необходимости устройства «училищныхъ домовъ», по своей мысли, Теофанъ убѣждалъ своихъ современниковъ указаніемъ на несостоятельность тѣхъ доводовъ, которые, по старо-московской привычкѣ, не переставали выдвигать русскіе противъ образованія и во дни Петра Великаго. «Когда нѣтъ свѣта ученія—писалъ Прокоповичъ въ предисловіи къ своему проекту объ училищахъ,—нельзя быть церкви доброму поведенію и нельзя не быть нестроеному и многимъ, смѣха достойнымъ, суевѣріямъ. Еще же раздорамъ и пребезумнымъ ересямъ». Мнѣнія свои этотъ ученый богословъ подтверждалъ многими примѣрами изъ гражданской и церковной исторіи. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ требовалъ, чтобы ученіе было не поверхностное, а основательное, замѣчая, что «вкусившіе привидѣннаго и мечтательнаго ученія» бываютъ глупѣе и вреднѣе неученыхъ, «ибо весьма темни суще мнѣть себѣ быть совершенныхъ и помышляя, что все, что-либо знать можно, познали, не хотѣть, но ниже думаютъ честь книги и больше учиться». Такіе люди, по мнѣнію Теофана, были вредны и для церкви, и для государства. Прокоповичъ былъ недоволенъ программю преподаванія въ Киевской академіи и примѣнилъ ее къ потребностямъ Великой Россіи, многое онъ измѣнилъ, а также дополнилъ или сократилъ. Въ особенности замѣчательна была его программа по богословію. Цѣль ея была—разрушить авторитетъ римско-католическихъ богослововъ, считавшихся образцовыми въ Киевской коллегіи и перешедшихъ въ Московскую академію. Программы Теофана по богословію придерживались у насъ въ теченіи полустолѣтія. При школѣ, учреждаемой по «Регламенту», должна была быть бібліотека, такъ какъ, по словамъ составителя «Регламента», академія безъ бібліотеки была бы то же самое, что тѣло безъ души.

«Чтобы,—такъ говорить дальше Прокоповичъ,—вмѣсто чаянной пользы (отъ школы) не получилась тицета, смѣха достойная», нужно постановить строгія правила относительно пріема учениковъ и учителей, а также относительно обязанностей ректора и профессоровъ академіи, а для усиленнаго надъ нею надзора, въ нее допускались и «фискалы». На должность ректора Теофанъ предлагалъ назначать людей хотя и неученыхъ, но «обаче честнаго житія, не весьма свирѣпыхъ и не меланхоликовъ». Префектъ могъ наказывать нарушителей порядка—«малыхъ розгою, а большихъ—словомъ укорительнымъ»; на непослушныхъ онъ обязанъ былъ доносить ректору, представившему собою въ академіи такую верховную власть, «которая, по разсужденію, великимъ наказаніемъ могла наказывать».

По «Регламенту» духовная школа должна была быть вполнѣ закрытымъ заведеніемъ и, по существующимъ въ ней порядкамъ, уподобиться мона-

стырю. При академії передположено было устроить «семинаріумъ», т. е. общежительное заведеніе. Въ этой семинаріи и должны были жить воспитанники, раздѣленные по возрастамъ: «большіе въ единой, средніе въ другой, малые въ третьей избѣ». Воспитанниковъ не слѣдовало никуда выпускать изъ семинаріи ранѣе трехъ лѣтъ по ихъ поступленіи, да и послѣ того можно было отпускать не болѣе двухъ разъ въ теченіе года, и то не иначе, какъ подъ надзоромъ «инспектора или наблюдателя», который, въ свою очередь, за потворства сопровождаемому имъ ученику подвергался бы «гораздому наказанію». Оеофанъ озаботился и объ удобномъ помѣщеніи воспитанниковъ, и о соблюденіи, во всѣхъ распорядкахъ, должнаго благочестія, такъ, чтобы ученики принимались за каждое дѣло въ урочный часъ. Онъ находилъ нужнымъ ввести между ними упражненіе въ играхъ «честныхъ и тѣлодвижныхъ» и два разъ въ годъ, или даже болѣе, дозволить въ академіи «нѣкія акціи, диспуты и риторскія экзерциціи». При столѣ семинаристовъ въ великіе праздники допускалась музыка вокальная и инструментальная. Для желающихъ учиться ей предполагалось нанимать особаго «мастера» по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока нельзя будетъ найти учителя изъ самихъ школьниковъ.

Но всѣмъ этимъ предположеніямъ Прокоповича не суждено было осуществиться и даже программа Кіевской коллегіи была примѣнена только къ Московской академіи и Новгородской школѣ, которая при Петрѣ Великомъ пользовалась большою славою и въ нее Петръ посылалъ учиться сыновей самыхъ знатныхъ сановниковъ и дворянъ. Съ своей стороны духовенство того времени старалось, какъ можно болѣе, обособиться отъ свѣтскихъ, такъ называвшихся «цифирныхъ» школъ, которыя сталъ учреждать Петръ Великій съ 1714 года. Въ виду такой, начавшейся борьбы между духовными и свѣтскимъ образованіемъ, и мѣры государя по части народнаго просвѣщенія отличались колебаніемъ и нерѣшительностью, а съ своей стороны духовенство, пользуясь этимъ, все болѣе и болѣе обособлялось по своему образованію отъ другихъ сословій. Между тѣмъ Петръ требовалъ образованія отъ духовенства и неоднократно своими указами подтверждалъ, чтобы архіереи были разборчивы при оцѣнкѣ знаній ставленниковъ, а въ 1718 году состоялся указъ не только объ обязательномъ поступленіи дѣтей всѣхъ священно-церковно-служителей въ училища, но и объ окончаніи въ нихъ полного курса. Въ то же время дворянамъ воспрещено было учиться въ духовныхъ школахъ, безъ особаго на то разрѣшенія со стороны правительственныхъ властей. За нарушеніе этого указа Петръ грозилъ не только большимъ денежнымъ штрафомъ, но даже и трехлѣтнею ссылкой на галеры или въ каторжную работу.

Съ учрежденіемъ св. синода это высшее церковное управленіе устроило въ 1721 году при себѣ особую контору, въ которую должна была поступать два раза въ годъ отчетность о состояніи епархіальныхъ училищъ и при этомъ возбудилъ чрезвычайно важный вопросъ о томъ, откуда брать для этихъ школъ наставниковъ? Этотъ вопросъ, въ виду недостатка лицъ, пригодныхъ для учительствованія, разрѣшился тѣмъ, что въ учителя можно было брать людей простаго, здраваго смысла, которые тѣмъ временемъ сами бы учились «отъ авторовъ въ дѣлѣ томъ искусныхъ», а за тѣмъ синодъ постановилъ еще болѣе строжайшія мѣры, предписавъ, чтобы «впредь никто неимуществомъ учителей не отговаривался», и разрѣшилъ вмѣстѣ съ

тѣмъ выбирать въ учителя «изъ подъячихъ или поповскихъ дѣтей остроумныхъ и къ книжному ученію искусныхъ отъ 15-ти до 20-ти лѣтъ, для каждой школы трехъ человѣкъ, и посылать ихъ въ Новгородъ учиться. Но само духовенство не признавало пользы отъ ученія и не хотѣло посылать дѣтей въ училище, да кромѣ того и правительство, ссылаясь на то, что духовенство богато, не отпускало вовсе денегъ на духовныя училища. Учениками сильно тогда дорожили, такъ что изъ училища исключался только «дѣтина непобѣдимой злобы», послѣ всевозможныхъ отерочекъ на исправленіе, назиданій и наказаній. Духовныя лица отзывались, что имъ «легче было умереть, нежели смотрѣть, какъ дѣтей въ семинарію на науку отбираютъ» ѣздившіе по епархіямъ закащики и разсылные. Особенно тогдашніе педагоги надѣялись на пользу отъ закрытыхъ заведеній, полагая, что «дитя аще и тигръ, ангельскую тамо восприметь кротость на ся».

Система обученія въ духовныхъ школахъ была избрана самая неудачная, такъ какъ тамъ самыя простѣйшія знанія старались передать въ мудрейшей, непонятной формѣ. Къ этому способу обученія добавлялись: жестокія сѣченія въ двѣ, три и даже въ четыре лозы, побои по головѣ и по рукамъ линейкой и книгой, наказанія плеткой, голодомъ. Учители посылали учениковъ лѣтомъ въ лѣсъ по ягоды и по грибы, а зимою за дровами верстъ за десять, дня на два, на три. Впрочемъ, не смотря на все недостатки тогдашнихъ духовныхъ школъ, попытка Петра Великаго завести ихъ была чрезвычайно важнымъ починомъ въ дѣлѣ просвѣщенія нашего духовенства.

Отъ описанія тогдашнихъ школъ г. Архангельскій переходитъ къ разсмотрѣнію духовной литературы при Петрѣ Великомъ. Онъ указываетъ на то, что въ Москвѣ прежде никакихъ учебниковъ не было, а изъ Кіева по этой части можно было позаимствоваться весьма немногимъ. Авторами учебниковъ явились при Петрѣ наставники двухъ академій—Кіевской и Московской. Они принялись за составленіе букварей, грамматикъ и словарей греческихъ и латинскихъ. Въ 1704 году былъ напечатанъ «Букварь языко-словеска, сирѣчь начало ученія дѣтямъ, хотящимъ учиться чтенію и писанію». Полагаютъ, что предисловіе къ этому букварю, наполненное насмѣшками надъ неучами, написано по указанію Петра Великаго. Какъ руководство для общаго развитія учащихся, заслуживаетъ вниманія составленное Прокоповичемъ «Первое ученіе отрокамъ» въ 1720 году, а въ слѣдующемъ году появилась «Грамматика славянская», составленная Поликарповымъ. Появился также и латино-славянскій лексиконъ, составленный архіепископомъ черниговскимъ Іоанномъ Максимовичемъ. Для изученія пѣтики, реторики, логики, психологій и физики печатныхъ руководствъ не было. Все эти предметы преподавались въ Московской академіи на греческомъ языкѣ, по методѣ Аристотеля. Что касается богословія, то оно стало у насъ наукой только при Петрѣ Великомъ, благодаря ученымъ трудамъ Теофана Прокоповича. Онъ же положилъ начало и апологитическому богословію. Полемическо-богословская литература была направлена при Петрѣ Великомъ частію противъ русскихъ еретиковъ и, преимущественно, противъ протестантовъ. При этомъ очень много заимствовалось у католическихъ богослововъ, преимущественно у Белярмина. Вообще же полемическо-богословскія сочиненія того времени отличаются схоластическими препирательствами.

Проповѣдническая литература временъ Петра Великаго ясно отражаетъ на себѣ слѣды тогдашней общественной жизни, не мало въ ней встрѣчается

и политической закваски, такъ какъ духовнымъ проповѣдникамъ приходилось объяснять и примирять образъ дѣйствій государя съ присущими русскому народу понятіями. И въ этой отрасли литературы главнымъ преобразователемъ выступилъ Теофанъ Прокоповичъ, сдѣлавшій рѣшительный шагъ къ освобожденію ея отъ схоластическихъ стѣсненностей и сблизивъ ее съ жизнью, нуждами слушателей и потребностями времени. Онъ же ввелъ въ обличительныя проповѣди сатирическій оттѣнокъ. Къ извѣстнымъ проповѣдникамъ времени Петра, кромѣ Теофана и Стефана Яворскаго, слѣдуетъ причислить еще Гавріила Бужинскаго, Симона Кохановскаго и Теофила Кролика.

Въ дополненіе къ сказанному здѣсь о духовно-литературной дѣятельности во время Петра Великаго, слѣдуетъ замѣтить, что при немъ стали появляться и нравственно-назидательныя и толковательныя сочиненія. Нѣкоторые изъ нихъ были написаны виршами.

Мы не могли, конечно, представить во всей полнотѣ и всѣхъ подробностяхъ содержаніе изслѣдованія г. Архангельскаго, но вообще можемъ замѣтить, что желающіе познакомиться съ вопросомъ о духовномъ образованіи и о духовной литературѣ въ Россіи въ началѣ прошлаго вѣка найдутъ въ этомъ добросовѣстномъ и толковомъ изслѣдованіи не мало свѣдѣній по означенному вопросу.

К. Н. В.

Живописная Россія. Томъ одиннадцатый. Западная Сибирь. Изданіе товарищества М. О. Вольфъ. Подъ общей редакціей П. П. Семенова. Спб., 1884 г.

Торговое и промышленное товарищество М. О. Вольфъ выпустило еще одинъ томъ предпріятого его покойнымъ основателемъ изданія «Живописная Россія». Этотъ томъ (XI), заключающій въ себѣ описаніе Западной Сибири, отличается тѣми же достоинствами и недостатками, какъ и предыдущіе томы. Текстъ его, составленный извѣстными специалистами и знатоками Сибири, гг. Радловымъ, Потанинымъ, Ядринцевымъ, Латкинымъ, Поляковымъ и др., знакомить читателя довольно полно и разносторонно съ этой отдаленной и до сихъ поръ все еще мало изслѣдованной областью нашего отечества. Но за то рисунки, очевидно, собранные случайно, безъ всякой системы и провѣрки, безъ указанія источника, откуда они заимствованы, не только не дополняютъ и не объясняютъ текста, но не рѣдко ему противорѣчатъ; притомъ же, многіе изъ нихъ исполнены крайне неудовлетворительно. Небрежность относительно рисунковъ доходитъ даже до того, что извѣстный въ Сибири «Кучумовъ оврагъ» воспроизведенъ на стр. 4 съ подписью «Крѣпость (?) Ермака», а на стр. 32 этотъ же самый рисунокъ повторенъ, но уже съ подписью «Видъ оврага (?)»; на стр. 36 помѣщенъ «Видъ памятника Ермаку въ Тобольскѣ», а на стр. 72 онъ, неизвѣстно для чего, помѣщенъ вторично, съ другой подписью «Садъ около памятника Ермаку», хотя на рисункѣ нѣтъ никакого сада, и т. д. Подробный разборъ художественной части «Живописной Россіи» и указанія на многочисленныя пробѣлы и промахи въ ней допущенныя, заняли бы слишкомъ много мѣста, а потому мы возьмемъ для примѣра лишь одну статью «Историческіе ссыльные въ Березовѣ и Пелымѣ». Къ

«истор. вѣстн.», февраль, 1884 г., т. XV.

13

ней приложенъ слѣдующіе рисунки: виды Березовскаго собора и могилы Остермана, портретъ его и портреты Меншикова, Бирона и Миниха. Издатели, какъ будто нарочно, выбрали для воспроизведенія самыя плохіе и почти завѣдомо выдуманнныя портреты названныхъ лицъ, тогда какъ существуютъ, доступныя для каждаго, фотографическіе снимки съ превосходнаго портрета Меншикова, уже въ старости, принадлежащаго его прямому потомку, князю В. А. Меншикову, и съ наиболѣе схожаго изображенія Бирона, писаннаго съ натуры въ царствованіе Анны Іоанновны и составляющаго теперь собственность барона Бюлера; хорошій оттискъ портрета старика Миниха, гравированнаго вскорѣ послѣ возвращенія его изъ Пелымской ссылки извѣстнымъ Чемесовымъ, можно во всякое время купить за нѣсколько копѣекъ въ академіи художествъ. Не представляло ни малѣйшихъ затрудненій достать снимки съ подлинныхъ портретовъ и другихъ замѣчательныхъ съсланныхъ, воспроизведеніе которыхъ было бы очень кстати, именно: двухъ невѣсть императора Петра II, княжень М. А. Меншиковой и Е. А. Долгоруковой, и его фаворита, князя И. А. Долгорукова (портреты эти, помимо «Альбома русскихъ историческихъ дѣятелей» г. Лужева, были воспроизведены въ «Древней и Новой Россіи» и «Русской Старинѣ»). Кромѣ того, въ изданномъ, въ 1865 году, Пекарскимъ, «Путешествіи академика Делиля въ Березовъ, въ 1741 году» находятся двѣ чрезвычайно интересныя копи-факсимиле съ современныхъ Меншикову и Долгорукиимъ видовъ Березова, рисованныхъ съ натуры самимъ Делилемъ, гдѣ, между прочимъ, изображенъ острогъ, въ которомъ содержались политическіе арестанты, церковь, построенная руками Меншикова, и другія зданія, нынѣ не существующія и давно уничтоженныя или временемъ, или пожарами. Но издатели и редакторъ «Живописной Россіи» не потрудились поискать для своего изданія достовѣрныхъ рисунковъ, или, по крайней мѣрѣ, посоветоваться относительно ихъ съ людьми знающими; они довольствовались тѣмъ, что попадалось подъ руку и что можно было приобрести подешевле и безъ хлопотъ. Намъ могутъ замѣтить, что мы слишкомъ требовательны; но, вѣдь, товарищество М. О. Вольфъ желаетъ получить за «Живописную Россію» ни больше, ни меньше, какъ 150 рублей, и всякій, кто рѣшится заплатить столь огромную цѣну, вправѣ требовать, чтобы ему дали за эти деньги, если не безукоризненное, то хоть добросовѣстное изданіе.

С. III.

Сочиненія Павла Якушкина. Изданіе В. Михневича. Спб. 1884.

Въ послѣднее время, когда чаще прежняго, въ литературѣ нашей, начали появляться толки о самобытности и народности, на произведенія нашихъ народниковъ стали обращать больше вниманія. Въ числѣ ихъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимаетъ безспорно Павелъ Ивановичъ Якушкинъ,—писатель весьма оригинальный и вполне самобытный, по отношенію къ изслѣдованію и описанію русскаго народа. Огромный томъ въ 800 стр. слишкومتъ, изданный г. Михневичемъ, заключаетъ въ себѣ все, что написалъ и издалъ этотъ безспорно даровитый человѣкъ, хотя и не создавшій ничего особенно выдающагося. Въ небольшомъ предисловіи г. Михневичъ очень вѣрно оцѣниваетъ значеніе Якушкина въ литературѣ и излагаетъ причины изданія его сочиненій. Якушкинъ первый изъ русскихъ писателей пошелъ въ

народъ для изученія его, посвятилъ всю жизнь этому изученію, и дѣйствительно знать народъ, какъ у насъ знаютъ его немногіе. Все, что онъ написалъ, дышетъ правдой, искренностью и какимъ-то эпическимъ простодушіемъ. Его наблюденія всегда жизненны, всегда чужды натяжки и предвзятой окраски. Это—безхитростные, непосредственные снимки съ народныхъ возрѣній, нравовъ и обычаевъ. Написалъ онъ немного: семь небольшихъ рассказовъ, нѣсколько путевыхъ писемъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи, да собралъ нѣсколько народныхъ пѣсень. Но все это проникнуто такимъ чисто народнымъ духомъ, заключаетъ въ себѣ столько оригинальнаго, что должно быть сохранено въ исторіи литературы. Мужика изображали у насъ многіе высокодаровитые писатели, начиная съ сороковыхъ годовъ. Григоровичъ первый взглянулъ на мужика, какъ на человѣка, Тургеневъ, какъ на члена общества, Писемскій изслѣдовалъ его какъ реальность, А. Потѣхинъ какъ психологъ. Якушкинъ отнесся къ народу безъ малѣйшей идеализаціи, безъ предубѣжденія образованныхъ классовъ, съ точки зрѣнія самого народа. Не смотря на свое дворянское происхожденіе и образованіе, полученное въ московскомъ университетѣ, Якушкинъ сдѣлался настоящимъ мужикомъ, не только по своему возрѣнію на народъ, но по языку, по привычкамъ, и даже по наружности. Это была въ высшей степени оригинальная и эксцентричная личность, и изученію этой личности посвящено двѣнадцать статей воспоминаній о покойномъ писателѣ. Статьи эти принадлежать его собратамъ: С. Максиму, Н. Курочкину, Н. Лѣскову, П. Воборыкину, П. Вейнбергу, И. Горбунову, Н. Лейкину, В. Португалову, Д. Минаеву, А. Иванову, В. Никитину и С. Турбину. Изъ всѣхъ этихъ очерковъ создается полный, характеристичный типъ Якушкина. Главною чертою его была дѣтская кротость и безпримѣрное неалобіе. Судилъ онъ обо всемъ честно, но въ поступкахъ другихъ людей часто не умѣлъ различать добра и зла. Къ направленіямъ внутренней и внѣшней политики онъ относился вполнѣ равнодушно. Его интересовалъ одинъ народъ, но онъ не считалъ себя его учителемъ и апостоломъ, не изрекалъ приговоровъ именемъ народа, не создавалъ изъ него какого-то всечеловѣка. Слабости его были тѣ же, какъ и у народа, и были также причиною его преждевременной смерти. Теперь въ сочиненіяхъ, собранныхъ г. Михневичемъ, читатель знакомится во всѣхъ отношеніяхъ съ этимъ талантливымъ писателемъ и честнымъ, хотя слабымъ человѣкомъ. Г. Михневичу литература должна быть благодарна за то, что онъ своимъ изданіемъ сочиненій Якушкина пополнилъ собраніе сочиненій нашихъ народниковъ. Теперь, когда издаются уже сочиненія Глѣба Успенскаго и общають издать собраніе трудовъ Левитова, мы будемъ имѣть довольно полную коллекцію всего, что писано у насъ о рускомъ народѣ.

В. З.

Архивъ князя Воронцова. Книга 29-я. Москва. 1883 г.

Мы уже неоднократно указывали на это общепользное историческое изданіе. Нынѣ вышедшій томъ содержитъ въ себѣ менѣе своихъ предшественниковъ любопытныхъ данныхъ, имѣющихъ всеобщій интересъ. Двадцать девятая книга наполнена письмами на французскомъ языкѣ иностранцевъ къ графамъ Воронцовымъ, именно письма Пакте, Лафермьера (состоявшаго при наслѣдникѣ великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ и его супругѣ великой

13*

княгини Маріи Оеодоровни и сопровождавшаго ихъ во время путешествія по Европѣ); Даламбера, Уилліама Пита, Рейфенштейна (прозваннаго Екаториною II «божественнымъ», извѣстнаго знатока и любителя изящныхъ искусствъ); испанца Миранды, Ламбро-Кочіони (знаменитаго греческаго морехода, грозы турокъ), Костюшки, лорда Вотворта (англійскаго посла въ Петербургѣ), графа Іосифа Местра, генерала Гедувилля (посланника французской республики при императорѣ Александрѣ I); два письма астронома Делиля къ неизвѣстному лицу, письмо г-жи Сталь къ Татищеву; длинное письмо графа Семена Романовича Воронцова къ Льву Алексѣевичу Яковлеву (бывшему русскимъ посланникомъ при королѣ Іеронимѣ Бонапарте, а затѣмъ, при Николаѣ I, сенаторомъ въ Москвѣ), въ которомъ графъ Воронцовъ проситъ его прекратить ухаживаніе за его дочерью и посѣщать его домъ, такъ какъ дочь не можетъ выдти за него замужъ, и нѣкоторыя еще письма. Многіе мелочные факты въ этихъ 127 письмахъ, сами по себѣ интересные, не вознаграждаютъ читателя за трудъ прочтенія всего тома въ 484 страницы. По нашему мнѣнію, было бы полезнѣе сдѣлать изъ нихъ лишь краткія извлеченія. Только нѣкоторыя письма, напримѣръ, Пакте или Пиктета (онъ былъ швейцарецъ) о финансахъ Англіи, о Питтѣ, о законодательствѣ о несостоятельныхъ, о французской революціи (послѣднее письмо на 80 страницахъ), заслуживали быть помѣщенными вполнѣ. Даже въ письмахъ Лафермьера о поѣздкѣ графа Сѣвернаго и его супруги по Европѣ очень мало интереснаго.

Напечатанная въ концѣ 29-го тома, записка графа Александра Романовича Воронцова, представленная имъ въ концѣ 1801 года императору Александру Павловичу, выкупаетъ отчасти безсодержательность большей части остальнаго матеріала, сообщеннаго въ этой книжкѣ. Записка была составлена графомъ Воронцовымъ по вступленіи имъ въ должность государственнаго канцлера. Она отличается сжатымъ, но крайне правдивымъ, взглядомъ на предшествовавшія царствованія въ Россіи послѣ Петра Великаго и предлагаетъ разныя мѣры, которыми можно было бы исправить, по мнѣнію канцлера, многіе промахи въ управленіи государствомъ, совершенные до вступленія на престолъ Александра I.

Въ заключеніе въ означенной книжкѣ помѣщена поименная роспись чиновникамъ, которые управляли въ Россіи посольскимъ приказомъ, а потомъ коллегіею иностранныхъ дѣлъ.

П. У.

Возраженіе на рѣчь Эрнеста Ренана „Исламъ и наука“ петербургскаго магометанскаго ахуна Атаула Ваязитова. Спб. 1884.

Брошюра, написанная магометанскимъ духовнымъ лицомъ по поводу рѣчи знаменитаго европейскаго ученаго, принадлежитъ къ такимъ рѣдкимъ явленіямъ въ книжномъ дѣлѣ, что объ ней нельзя не сказать нѣсколько словъ. Рѣчь Ренана, произнесенная имъ въ прошломъ году, произвела большое впечатлѣніе, и тогда же явилась на русскомъ языкѣ, въ переводѣ г. Ведрова. Въ рѣчи этой противникъ христіанства произнесъ и надъ магометанствомъ строгій приговоръ. Противъ этого приговора вооружился г. Атаулъ Ваязитовъ, разобравшій критически исключительныя мнѣнія Ренана объ

исламъ, указавшій на многія противорѣчія въ приговорѣ ученаго, и краснорѣчиво доказывающій, что религія Магомета—одна изъ самыхъ рacionales богословскихъ системъ, доступныхъ человѣческому уму, въ различныхъ степеняхъ его развитія. Почтенный ахунъ признаетъ магометанское учение обязательнымъ для его поклонниковъ, не потому только, что оно носитъ отпечатокъ откровенія свыше, но главнымъ образомъ потому, что, въ основныхъ положеніяхъ, религія эта не противорѣчитъ логикѣ, здравому мышленію, и не боится свѣта науки. Прежде всего, авторъ справедливо замѣчаетъ, что Ренанъ, говоря объ отношеніяхъ ислама къ наукѣ, не излагаетъ основъ этого ученія по письменнымъ документамъ, и аналитическому способу сужденія предпочелъ синтетическій, выводъ заключеніе, что исламъ относится враждебно къ рациональной наукѣ. Эти выводы Ренана, не основательные и оскорбительные для ислама, авторъ опровергаетъ въ послѣдовательномъ порядкѣ рѣчи Ренана, который дѣйствительно не приводитъ догматовъ ислама, послужившихъ основаніемъ приписать этой религіи тотъ умственный застой, въ культурномъ прогрессѣ, который Ренанъ замѣтилъ въ мусульманскомъ мірѣ. Приписывать враждебное отношеніе ислама къ наукѣ, на основаніи двухъ-трехъ единичныхъ явленій, также не логично, какъ на основаніи фактовъ безправденности, существовавшихъ въ христіанствѣ, выводить заключеніе, что христіанская религія враждебно относится къ правденности. Не принадлежа къ числу оріенталистовъ, мы не можемъ конечно судить о томъ, въ какой степени документальны цитаты, приводимыя авторомъ въ подтвержденіе его мнѣнія, что исламъ не враждебенъ наукѣ; но соглашаясь съ тѣмъ, что человѣчество стремится къ объединенію науки и религіи, не можемъ утверждать, какъ это дѣлаетъ авторъ, что безъ религіи нѣтъ и истинной науки. Вообще, брошюра г. Баязитова проникнута глубокой религіозностью, какую не часто встрѣтишь и въ сочиненіяхъ христіанскихъ авторовъ.

Лбн.

Петербургскій Некрополь, или справочный историческій указатель лицъ, родившихся въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, по надгробнымъ надписямъ александровской лавры и упраздненныхъ петербургскихъ кладбищъ. Составилъ Владиміръ Савитовъ. Москва, 1883 г.

Кладбища—эти такъ называемыя «нивы божіи» не представляютъ собою картины того равенства, какое устанавливаетъ смерть собственно въ отношеніи cadaго человѣка, какъ бы ни было высоко при жизни его общественное положеніе. Не только богатые памятники и въ противоположность имъ ветхіе деревянные кресты, не только установленные на кладбищахъ разряды, смотря по цѣнности могилъ, но и кладбища сами по себѣ раздѣляются и по породѣ погребаемыхъ и по денежнымъ средствамъ этихъ послѣднихъ, на кладбища аристократическія, средней руки и простонародныя демократическія. Самымъ аристократическимъ во всей Руси кладбищемъ можно считать кладбище Донскаго монастыря въ Москвѣ. Существующіе на немъ памятники испещрены родовыми прозваніями древняго московскаго боярства и знатныхъ особъ прошлаго вѣка.

Даже, громкія въ русской торговлѣ, прозвища московскаго купечества встрѣчаются очень рѣдко на памятникахъ, оставленныхъ на этомъ кладбищѣ, которое оказывается почти исключительно усыпальницею русской знати. Въ Петербургѣ такому аристократическому значенію московско-донскаго кладбища соответствуетъ кладбище александровской лавры, но на этомъ кладбищѣ рядомъ съ знатыми персонами улеглось не мало покойниковъ и изъ «первостатейнаго купечества». Конечно, голый перечень тѣхъ смертныхъ, которые разновременно переселились туда на вѣчный покой, былъ бы совершенно бесполезенъ даже для самыхъ ярыхъ любителей старины, но съ нѣкоторыми прибавками перечень этотъ можетъ имѣть своего рода любопытную сторону и даже входить при нѣкоторыхъ случаяхъ въ число историческо-справочныхъ источниковъ.

Извѣстно, что всюду есть много такихъ людей, которые любятъ бродить по кладбищамъ и, прочитывая надгробныя надписи, размышлять о суетѣ мірской, но на ряду съ такими любителями посѣщаютъ порою кладбища и такіе люди, которые прискиваютъ тамъ для себя какъ бы научную работу и къ числу такихъ людей принадлежитъ г. Владиміръ Саитовъ, издавшій въ видѣ приложенія къ «Русскому Архиву» довольно объемистую книжку подъ заглавіемъ «Петербургскій Некрополь». Въ составъ его входятъ, кромѣ лаврскихъ кладбищъ, и упраздненные нынѣ петербургскія. Почтенный составитель этого кропотливаго труда не можетъ нисколько обидѣться, если ему прямо, безъ всякихъ обиняковъ, скажутъ, что книжка его не найдетъ ни читателей, ни газетныхъ ни журнальныхъ критиковъ. Такое свойство книжки зависитъ отъ самого ея содержанія. Тѣмъ не менѣе однако, внесенными въ нее указаніями и свѣдѣніями можно воспользоваться отчасти какъ изданіемъ, принадлежащимъ къ области русской исторіи. Самое названіе ея «Некрополь» заимствованное изъ греческаго языка и означающее по-русски «мертвый городъ» не совсѣмъ удобопонятно для большинства только взглянувшихъ на эту книгу, но изъ другаго, дополнительнаго, ея заглавія оказывается, что книжка г. Саитова—справочный указатель лицъ, родившихся въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, составленный по надгробнымъ надписямъ александровской лавры и упраздненныхъ петербургскихъ кладбищъ. Подъ этими послѣдними у г. Саитова подразумѣваются кладбища бывшія при церквяхъ: Благовѣщенія въ 8-й линіи Васильевского острова; Воздвиженія въ Ямской; Преображенія на Петербургской сторонѣ, и Самсона Страннопримца на Выборгской сторонѣ и холерное кадище въ той же мѣстности, извѣстной подъ названіемъ Куликово поле. Впрочемъ, упраздненные кладбища не давали г. Саитову почти никакой поживы, за исключеніемъ развѣ трехъ могилъ: Волинскаго, Еропкина и Хрущева, обезглавленныхъ во время господства Бирона.

Слѣдуетъ также замѣтить, что кладбища, по встрѣчающимся на нихъ надгробнымъ надписямъ, имѣютъ свою литературу, но что литература этого рода съ годами все болѣе и болѣе слабѣетъ, сокращается въ объемѣ своихъ произведеній и даже вымираетъ, въ особенности на аристократическихъ кладбищахъ: здѣсь все рѣже и рѣже начинаютъ появляться на надгробныхъ памятникахъ не только стихотворенія, но и вѣлѣрчиво составленные надписи въ прозѣ. Исчезаютъ также и тѣ подробности, по которымъ иногда можно было бы навести историческую справку. Въ былое время въ такой надписи означалось подробно званіе погребеннаго, его титулы, чины, имѣв-

шіся у него ордена, починаючи з самих вищих знаків отличія і кончаючи навіть «пряжкою», или «знакомъ отличія безпорочної служби», за извѣстное число лѣтъ. Оставляются также безъ употребленія и старинныя прежде весьма употребительныя вступительныя формулы, какъ-то: «Лѣта такогo-то въ такой день такогo-то мѣсяца», «во имя Отца и Сына и Святаго Духа» или «подъ камнемъ симъ покійся тѣло раба божія» и т. д. Между тѣмъ въ прежнее время изъ надгробныхъ надписей можно было узнать сколько было не только лѣтъ и мѣсяцевъ, но даже и дней житія умершаго; кто «на память какого святаго» родился, когда вступилъ въ бракъ и умеръ, въ какомъ порядкѣ и въ какихъ чинахъ проходилъ службу, чѣмъ и когда былъ награждаемъ; оставилъ ли онъ дѣтей и неутѣшную вдову и пр. и пр.

Многіе изъ старинныхъ памятниковъ приходять въ окончательное разрушеніе, другіе хотя и возобновляются, но уже зъ надписями, сдѣланными въ новомъ вкусѣ, такъ что кладбищенская наша старина исчезаетъ постепенно и эту-то исчезающую старину задумалъ сохранить на память потомству г. Сайтовъ, примѣнивъ свой трудъ къ нѣкоторымъ петербургскимъ «некрополямъ».

Въ алфавитный списокъ покойниковъ г. Сайтовъ внесъ лицъ, родившихся въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Сюда же внесены имъ и тѣ лица, надгробныя надписи которыхъ не заключаютъ въ себѣ указаній ни на годъ рожденія, ни на число прожитыхъ лѣтъ, или же вовсе не имѣють хронологическихъ данныхъ. Особенное вниманіе оказалъ составитель книжки лицамъ, погребеннымъ въ церквахъ александрo-невской лавры. «Я—говоритъ онъ, позволилъ себѣ сдѣлать отступленіе отъ общаго плана, помѣстивъ сюда и тѣхъ, которые родились въ XIX столѣтіи». Хотя онъ и не объясняетъ почему допущено имъ такое отступленіе, но о причинѣ этого догадаться не трудно: въ упомянутыхъ церквахъ хоронятъ исключительно болѣе или менѣе видныхъ въ обществѣ лицъ, о которыхъ приходится наводить справку гораздо чаще, нежели о заурядныхъ личностяхъ, переселившихся въ вѣчность.

При списываніи надгробій г. Сайтовъ опускалъ тѣ обычныя формулы, о которыхъ мы замѣтили выше, равно какъ и тексты изъ св. писанія и не соблюдалъ также стариннаго правописанія, о чемъ, однако, могутъ пожалѣть любители истинной старины, хотя такихъ сожалѣющихъ отыщется, конечно, очень не много.

Первою по времени была погребена въ александрo-невской лаврѣ царевна Наталья, дочь царя Алексѣя Михайловича, умершая въ 1716 году, а затѣмъ, въ 1719 году, погребенъ здѣсь представившійся въ Москвѣ рабъ Божій, російскихъ войскъ генералъ-фельдмаршалъ, тайный совѣтникъ и военный кавалеръ мальтійскаго славнаго чина, св. апостола Андрея и прочихъ орденовъ, графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ. Тѣло его привезено было въ Петербургъ по желанію Петра Великаго.

Изъ особъ императорскаго дома погребены въ Благовѣщенской церкви: правительница Анна Леопольдовна; Анна Петровна, дочь великаго князя Петра Федоровича † 1759 г., Екатерина Ивановна, герцогиня мекленбургская; великая княгиня Наталья Алексѣевна, первая супруга императора Павла † 1776 г.; царевна Наталья Алексѣевна, дочь царя Алексѣя Михайловича † 1716 г.; царевичъ Петръ Петровичъ, сынъ Петра I род. 1715 † 1719 г.; великая княжна Марія, дочь императора Александра I † въ 1800 году. Въ

Благовѣщенской же церкви на томъ мѣстѣ, гдѣ въ продолженіе слишкомъ тридцати-четырехъ лѣтъ лежало тѣло императора Петра III, была въ 1807 г., погребена грузинская царица Дарья Георгіевна, супруга царя Ираклія. Въ этой церкви, а также въ Лазаревской, Духовской и Ѳеодоровской, погребены многіе члены бывшаго царскаго грузинскаго дома и представители и представительницы изъ фамилій князей Гагариныхъ и Голицыныхъ, Долгорукихъ, графовъ Шереметевыхъ, Апраксиныхъ, Строгоновыхъ и преимущественно Нарышкиныхъ.

Изъ высшаго духовенства въ лаврскихъ церквахъ погребены митрополиты новгородскіе и с.-петербургскіе: Антоній † 1848 г., Григорій † 1860 г. и Серафимъ 1833 г.

Послѣ Б. П. Шереметева въ церквахъ и на кладбищахъ александровской лавры были погребены изъ замѣчательныхъ нашихъ государственныхъ людей: фельдмаршалъ Степанъ Ѳеодоровичъ Апраксинъ † 1762 г.; извѣстный въ началѣ прошлаго столѣтія генераль-аншефъ графъ А. М. Девіеръ † 1745 г.; графъ Петръ Вас. Завадовскій † 1812 г. с.-петербургскій военный генераль-губернаторъ М. А. Милорадовичъ † 1825 г.; графъ Н. С. Мордвиновъ † 1845 г.; графъ М. Н. Муравьевъ, генераль-губернаторъ сѣверо-западнаго края † 1866 г.; графъ Н. Н. Новосилцевъ, председатель государственнаго совѣта † 1838 г.; А. И. Оленинъ, президентъ академіи художествъ † 1843 г.; графъ Н. И. Панинъ † 1783 г., бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскій † 1856 г.; графъ М. М. Сперанскій † 1839 г., генералиссимусъ князь Суворовъ † 1800; генераль-фельдмаршалъ князь И. Ю. Трубецкой; начальникъ тайной канцеляріи графъ А. И. Ушаковъ † 1747 г.; бывшій министромъ народнаго просвѣщенія адмиралъ А. С. Шишковъ † 1841 г.; генераль-аншефъ П. И. Ягужинскій † 1736.

Изъ дѣятелей въ области науки и литературы и искусствъ въ александровской лаврѣ покоятся: Араповъ, составитель «Исторіи русскаго театра» † 1861 г.; поэтъ Е. А. Баратынскій † 1844 г.; извѣстный историкъ Болтинъ † 1792 г., умершій въ томъ же году Д. И. фонъ-Визинъ и Н. И. Гнѣдичъ † 1833, В. А. Жуковскій, извѣстный синологъ о. Іакинѣъ Бичуринъ † 1853 г.; Н. М. Карамзинъ † 1826 г.; поэтъ И. И. Козловъ † 1844 г.; В. А. Жуковскій † 1852 г.; И. А. Крыловъ † 1844 г.; графъ Г. А. Кушелевъ-Везбородко, издатель «Русскаго Слова»; М. В. Ломоносовъ † 1765; поэтъ Н. Ѳ. Щербина; Ѳ. М. Достоевскій и др.

Е. К.

Умныя рѣчи, красныя слова великихъ и невеликихъ людей. Изъ старой записной книжки П. К. Мартыанова. Спб. 1884.

Сборники разнаго рода мыслей, изреченій, поговорокъ и т. п., были когда-то въ большой модѣ, не только въ западной, но и въ нашей литературѣ, и г. Мартыановъ напрасно называетъ свой трудъ «трудомъ новымъ». Подобный же сборникъ изреченій писателей и общественныхъ дѣятелей издалъ въ 1880 г. Н. Макаровъ. Это не мѣшаетъ, однакоже, книгѣ г. Мартыанова быть интересной и найти читателей; но она принесла бы несомнѣнно гораздо болѣе пользы, если бы собранныя изреченія были хотя сколько-нибудь систематизированы. Но авторъ самъ заявляетъ, что онъ не держался

никакой системы въ распредѣленіи изреченій по родамъ, такъ какъ самый характеръ сборника казался ему вполне лирическимъ. Съ этимъ нельзя согласиться, даже и при бѣгломъ знакомствѣ съ книгою, въ которой лирическихъ цитатъ немного, да и тѣ могли бы быть исключены изъ сборника, безъ малѣйшаго ущерба для него, такъ какъ цитаты изъ Грибоѣдова, Пушкина и другихъ поэтовъ, уже слишкомъ избыты, чтобы казаться для кого-нибудь новыми. Къ тому же тутъ необходимо возникаютъ вопросы, почему наприимѣръ изъ Пушкина взяты четыре стиха: «Не для житейскаго волненія» и т. д., изъ Жуковского два стиха: «Прѣлы послѣдніе милѣй роскошныхъ первенцовъ полей». Почему автору вздумалось выбрать только подобныя цитаты и на нихъ остановиться? Къ сборнику приложенъ списокъ именъ и фамилій лицъ, чьи слова помѣщены въ книгѣ. Именъ этихъ, и громкихъ и вовсе неизвѣстныхъ, до тысячи. Списокъ этотъ конечно не лишній, но несравненно болѣе пользы принесъ бы другой указатель, не личный, а предметный, въ которомъ изреченія группировались бы по своему содержанию, или по тѣмъ предметамъ, которые въ нихъ упоминаются. Многія цитаты пріобрѣтаютъ значеніе только по отношенію къ тому лицу, о которомъ говорится. Такъ изреченіе Наполеона: «вотъ человекъ», важно только потому, что это сказано о Гётѣ.

Г. Мартыановъ говоритъ, что если его сборникъ будетъ имѣть успѣхъ, то выйдутъ еще, одинъ или два выпуска. При отсутствіи въ нихъ всякой системы, съ ними легко можетъ случиться то же, что и съ предполагавшимся къ выпуску томами сочиненій автора.

З. Т. В.

Преображенское или Преображенскъ, московская столица достославныхъ преобразованій перваго императора Петра Великаго. Ивана Забѣлина. Москва. 1883.

Означенная брошюрка была написана г. Забѣлинымъ по поводу двухсотлѣтняго юбилея нашей регулярной арміи и посвящена имъ «представителямъ россійскихъ императорскихъ войскъ», участвовавшихъ въ этомъ праздникѣ, совпавшемъ съ торжествомъ коронаціи въ нынѣшнемъ году.

Какъ видно изъ предисловія, брошюрка была написана ученымъ авторомъ по порученію командующаго войсками московскаго военнаго округа, генераль-адъютанта графа Бревернъ-де-ла-Гарди. По своему специальному назначенію, брошюрка эта была отпечатана для безплатной раздачі въ войскахъ, и въ продажу не была пущена.

Авторъ обстоятельно описываетъ топографію Преображенскаго, его историческое прошлое, хозяйственныя обзаведенія и потѣхи въ немъ его устроителя царя Алексѣя Михайловича, почасту охотившагося здѣсь, и останавливается главнымъ образомъ на знаменитыхъ военныхъ потѣхахъ въ Преображенскомъ Петра Великаго.

Факты извѣстные, но, само собой разумѣется, они, какъ во всѣхъ работахъ талантливаго историка, мастерски подобраны и сгруппированы, и рассказаны занимательно, прекраснымъ общепонятнымъ языкомъ.

Мих. Н.—овичъ.

Литературная дѣятельность Тургенева; критическій этюдъ В. Буренина. Спб. 1884 г.

Безвременная кончина нашего лучшаго современнаго писателя послужила тѣмъ для множества статей, очерковъ, некрологовъ, рѣчей, воспоминаній, не только въ нашей журналистикѣ, но и въ литературѣ Запада, которому Тургеневъ принадлежалъ почти столько же, какъ и Россіи. Недавно кто-то собралъ главнѣйшіе отзывы иностранныхъ писателей о ихъ русскомъ собратѣ и издалъ ихъ отдѣльною книгою (мы сдѣлали то же самое еще въ октябрьской книжкѣ «Историч. Вѣстн.», 1883 г. въ отдѣлѣ Заграничныхъ Новостей). Теперь является отдѣльною книжкою этюдъ г. Буренина о литературной дѣятельности Тургенева, печатавшійся въ ноябрьскихъ и декабрьскихъ нумерахъ «Новаго Времени». До настоящаго времени это положительно лучшая критическая оцѣнка произведеній и значенія писателя, да едва ли и не единственная, появившаяся отдѣльною брошюрой, если не считать quasi-серьезнаго этюда г. Венгерова, напечатаннаго еще при жизни Тургенева и, по достоинству, встрѣченнаго серьезною критикою—глубокимъ молчаніемъ. Г. Павленковъ издалъ, правда, брошюру «Тургеневъ о русскомъ народѣ» какъ чтеніе для народа; вышли еще двѣ-три брошюрки по поводу смерти писателя, но полную характеристику его мы найдемъ только у г. Буренина, не смотря на то, что нѣкоторые изъ его выводовъ могли бы быть гораздо болѣе и послѣдовательнѣе развиты, если бы имъ не мѣшала замѣтная въ иныхъ мѣстахъ спѣшность журнальной работы. Эта же сжатость изложенія въ сужденіяхъ о значеніи нѣкоторыхъ лицъ и даже произведеній писателя не позволяетъ, мѣстами, вполне соглашаться съ ихъ оцѣнкою, одобрянною г. Буренинымъ. Но, въ общихъ чертахъ, оцѣнка эта вѣрна и добросовѣстна. Въ его изслѣдованіи, высоко-даровитая личность Тургенева является передъ читателемъ въ яркомъ свѣтѣ своего симпатичнаго таланта. Это, дѣйствительно, одинъ изъ болѣе плодотворныхъ и крупныхъ художниковъ не только въ нашей литературѣ, но и въ европейской, настоящій лѣтописецъ «временныхъ лѣтъ», въ которомъ отразился цѣлый періодъ развитія русской жизни, глубоко-изученной писателемъ, возсозданной имъ художественно и правдиво. Это чисто русскій человѣкъ и художникъ, въ которомъ «самымъ оригинальнымъ образомъ сочеталось необычайное простодушіе съ поразительнымъ критическимъ анализомъ жизни, самый чистый идеализмъ съ самымъ трезвымъ реализмомъ, самый проникательный и ясный умъ съ самымъ теплымъ сердечнымъ чувствомъ, самое преданное служеніе искусству съ самою чуткою отзывчивостью стремленіямъ времени». Все это совершенно вѣрно, но г. Буренинъ прибавляетъ, что только русская жизнь могла выработать такого писателя, а «западная жизнь по своей законченности, по своей опредѣленности и узости, по рѣзкости и, если можно такъ выразиться, по специализированности своихъ вліяній, не въ состояніи вырабатывать ни такой разносторонности и ширины, ни такой простоты, ни такой общности таланта и ума». Но, не говоря уже о томъ, что западная жизнь и не закончена и не узка въ своихъ социальныхъ стремленіяхъ, неужели г. Буренинъ не признаетъ въ ея передовыхъ писателяхъ таланта, равнаго тургеневскому по разносторонности, ширинѣ и простотѣ? Патріотизмъ—чувство пахвальное, но «избѣгая партійныхъ пристрастій», не увлекается ли авторъ этюда о

Тургеневъ пристрастіємъ къ народничеству, чувству также очень почтенному — если только оно не доходит до отрицанія заслугъ Запада въ дѣлѣ цивилизаціи и униженія европейскихъ талантовъ сравнительно съ отечественными?..

Во всякомъ случаѣ, не смотря на нѣкоторыя увлеченія, этюды г. Буренина вполне заслуживаютъ вниманія критика и читателей. Намъ было очень пріятно найти въ авторѣ очерка, еще такъ недавно подвизавшемся на критическомъ поприщѣ, писателя, вполне освоившагося со своею спеціальностью. Для этого у него достаточно и дарованія, и опытности, и знаній. Г. Буренинъ извѣстенъ болѣе какъ поэтъ и беллетристъ, но поэтовъ и беллетристовъ у насъ не мало, тогда какъ критиковъ почти вовсе нѣтъ, а представлять вѣрныя характеристики и оцѣнки писателей — для исторіи литературы не менѣе важно, какъ и созданіе типовъ въ беллетристическихъ произведеніяхъ.

В. 3.

Указатель ко всѣмъ періодическимъ изданіямъ Общества исторіи и древностей россійскихъ при императорскомъ московскомъ университетѣ за 68 лѣтъ, 1815—1883 г. Москва. 1883 г.

Подъ этимъ заглавіемъ появилась недавно книжка, которая можетъ быть очень полезна для справокъ тѣмъ, которые занимаются разработкою русской исторіи, такъ какъ при помощи ея весьма легко отыскать то, что было помѣщено въ теченіи 68 лѣтъ въ наиболѣе замѣчательныхъ у насъ изданіяхъ по отечественной, а отчасти и славянской исторіи—изданіяхъ «Общества исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ».

Упомянутое Общество учреждено было въ 1804 году, по почину бывшаго въ то время попечителемъ московскаго университета М. Н. Муравьева. Однако до 1815 года оно ни чѣмъ не заявило въ печати о своей ученой дѣятельности и только въ этомъ году былъ изданъ первый печатный трудъ упомянутаго Общества подъ названіемъ «Труды и лѣтописи Общества исторіи и древностей россійскихъ». Изданіе это было сборникомъ безъ всякой системы и оно продолжало выходить въ такомъ видѣ до 1837 года. Въ продолженіи этихъ двадцати двухъ лѣтъ Общество издало только 8 частей «Трудовъ и лѣтописей». Независимо отъ этого, означенное Общество, въ первый же годъ своего учрежденія, предположило издавать журналъ подъ названіемъ «Русскія достопамятности», но это предпріятіе не сопровождалось удачею, такъ какъ Обществомъ было издано только три выпуска «Достопамятностей», одинъ въ 1815 г., другой въ 1843 и третій въ 1844 годахъ.

По прекращеніи изданія «Трудовъ и лѣтописей» въ 1837 году, бывший въ то время секретаремъ Общества, покойный профессоръ Погодинъ началъ, по порученію Общества, издавать «Русскій историческій сборникъ», но и это изданіе окончилось въ 1844 году на седьмомъ выпускѣ.

Только съ 1845 года, когда мѣсто секретаря занялъ трудолюбивый О. М. Бодянский, начался новый оживленный періодъ издательской дѣятельности Общества. Бодянский предпринялъ отъ имени Общества новое изданіе подъ названіемъ «Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ». Но и это изданіе извѣдало, въ свою очередь, печальную участь.

Въ 1848 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, вышла первая, за этотъ годъ, книжка «Чтеній» и навлекла гоненія правительства и на себя, и на Бодянского, и на все Общество. За помѣщеніе въ этой книжкѣ «Записокъ» англичанина Флетчера, описавшаго состояніе Московскаго государства въ дни царя Ивана Грознаго, Бодянской, по высочайшему повелѣнію, былъ лишенъ должностей секретаря и редактора и, удаленный съ профессорской катедры въ московскомъ университетѣ, былъ отправленъ на службу въ Казань, и изданіе «Чтеній» было прекращено.

Новый секретарь опальнаго Общества, Д. И. Бѣляевъ, предложилъ Обществу предпринять новое періодическое изданіе подъ названіемъ «Временникъ Общества исторіи и древностей російскихъ». Это новое изданіе продолжалось до 1857 года, когда оно, по неопределеннымъ въ «Указателѣ» причинамъ, прекратило свое существованіе на двадцать пятой книжкѣ. Между тѣмъ, помилованный и возвратившійся изъ Казани въ Москву, Бодянской былъ опять выбранъ секретаремъ Общества и возобновилъ изданіе «Чтеній», получивъ при этомъ изданіи должность редактора. Это произошло въ 1858 году и Бодянской до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1877 году, завѣдывалъ изданіемъ «Чтеній» и надобно отдать ему справедливость, что онъ, несмотря на разныя затрудненія, велъ свое дѣло и добросовѣстно, и успѣшно. Преемникомъ ему былъ избранъ А. Н. Поповъ, но въ 1881 году онъ скончался, и въ настоящее время редакторомъ «Чтеній» состоитъ Е. В. Барсовъ.

Не смотря на неблагопріятныя во многихъ отношеніяхъ обстоятельства и даже на перерывы изданій Общества, оно, въ продолженіи своего существованія, выпустило въ свѣтъ 160 книжекъ. Понятно, что здѣсь накопился такой сборникъ статей, который, помимо вопроса объ ихъ достоинствахъ или недостаткахъ, представляетъ громадныя запасы историческихъ свѣдѣній. Пользоваться же ими безъ обстоятельнаго указателя почти невозможно, такъ какъ каждый разъ приходилось бы пересматривать всѣ книжки или отыскивать нужныя свѣдѣнія на удачу. Потребность въ хорошемъ указателѣ чувствовалась еще двадцать лѣтъ слишкомъ тому назадъ, и потому въ 1862 году, а затѣмъ и въ 1865 году, она была удовлетворена указателемъ, составленнымъ Гриневичемъ и Бартеневымъ. Не говоря уже о томъ, что въ промежутки этого времени прибавилось столько новаго запаса, что прежніе указатели стали недостаточны сами по себѣ, оба они, по мнѣнію составителя нынѣшняго «Указателя», имѣютъ еще и тотъ недостатокъ, что въ нихъ всѣ статьи расположены исключительно въ алфавитномъ порядкѣ, такъ что и обширныя изслѣдованія и матеріалы и мелкія замѣтки сведены въ общій алфавитный порядокъ.

Составитель новаго «Указателя», скрывшій свою фамилію подъ подписью Сер. Вѣку-въ, раздѣлилъ всѣ статьи, помѣщенные въ изданіяхъ Общества на пять отдѣловъ: 1) изслѣдованія, 2) матеріалы отечественныя, 3) матеріалы славянскіе, 4) матеріалы иностранныя и 5) смѣсь, т. е. раздѣлилъ ихъ на тѣ отдѣлы, на которые впоследствии дѣлились статьи въ «Чтеніяхъ». Для перваго и послѣдняго изъ этихъ отдѣловъ онъ призналъ за лучшее алфавитный порядокъ, а для прочихъ отдѣловъ—хронологическій. Почему, однако, принята имъ такая система онъ не объясняетъ, хотя, какъ мы полагаемъ, распредѣленіе матеріаловъ въ хронологическомъ порядкѣ представило невозможность строгой выдержки такой системы, потому именно, что при многихъ документахъ не означено года, къ которому они относятся. Вслѣд-

стві этого и явилось въ «Указателѣ», во многихъ случаяхъ только гадательное ихъ распредѣленіе. Они размѣщены въ началѣ крупныхъ отдѣловъ русской исторіи, но кажется, что было бы удобнѣе удержатъ для всѣхъ отдѣловъ одинъ общій алфавитный порядокъ.

Разумѣется, что въ достоинствахъ или недостаткахъ изданій подобнаго рода можно убѣдиться только на практикѣ, такъ какъ главное условіе ихъ удовлетворительности состоятъ въ вѣрности не только выписокъ, но и корректурной безошибочности цифровыхъ указаній, а убѣдиться въ этомъ можно только при употребленіи «Указателей».

К. Н. В.

Воспоминанія крестьянина села Угодичъ (Ярославской губерніи Ростовскаго уѣзда) Александра Артынова. Москва. 1883.

Эти воспоминанія появились въ прошломъ году въ «Чтеніяхъ Императорскаго Общества исторіи и древностей русскіихъ», а нынѣ вышли отдѣльнымъ изданіемъ. Авторъ писалъ эти воспоминанія, какъ и многія другія свои произведенія, не для печати, а только для самого себя, такъ что его съ трудомъ склонили къ ихъ напечатанію. А. Я. Артыновъ родился въ 1813 году, а съ 1822 года сталъ ѣздить по разнымъ мѣстностямъ Россіи и затѣмъ описывать свои воспоминанія и впечатлѣнія. Волѣе полувѣка онъ употребилъ все свое время, свободное отъ сельскихъ занятій, на собраніе сказокъ, легендъ, преданій, разсказовъ старожиловъ, горожанъ и крестьянъ. Онъ дѣлалъ также извлеченія изъ рукописныхъ книгъ, причемъ въ его рукахъ были двѣ знаменитыя рукописи: «Хлѣбниковскій ростовскій лѣтописецъ» XVII вѣка и «рукопись» бывшаго владѣльца села Угодичъ, стольника Мусина-Пушкина, XVII—XVIII вѣка. Эти любопытныя, безхитростныя воспоминанія обнародованы потомъ извѣстнымъ археологомъ А. П. Титовымъ, получившимъ на то согласіе А. Я. Артынова. Мы слышали, что существуетъ и вторая половина его воспоминаній, которая однако появится въ печати впоследствии.

Со словъ дьякона Александра Ѳеодоровича Златоустова, скончавшагося въ Угодичахъ въ престарѣлыхъ годахъ въ 1844 году, Артыновъ сообщилъ въ своихъ воспоминаніяхъ любопытный разсказъ о низложеніи ростовскаго митрополита Арсенія Мацеевича со всѣми предсказаніями Мацеевича о судьбѣ членовъ синода, осудившихъ его и присутствовавшихъ на его низложеніи. Златоустовъ въ то время былъ посолникомъ митрополита Арсенія и сопровождалъ его въ залу засѣданія суда. Всѣ предсказанія Арсенія Мацеевича осуществились на дѣлѣ.

Въ 1827—1828 году, зимою, Артыновъ въ Петербургѣ былъ почти свидѣтелемъ слѣдующаго интереснаго случая. Идя по лѣвой сторонѣ Фонтанки, онъ встрѣтилъ противъ Троицкаго подворья «не молодого боярина съ мальчикомъ, сидящимъ рядомъ съ нимъ въ саняхъ, а на передкѣ рядомъ съ кучеромъ сидѣлъ малолѣтокъ, солдатскій кантонистъ. Всѣ встрѣчные и идущіе останавливаются, смотрятъ и кланяются; поклонился и я, а при этомъ спросилъ: кто это такой проѣхалъ? мнѣ сказали, что мальчикъ, сидящій съ бояриномъ, цесаревичъ, наслѣдникъ престола Александръ Николаевичъ». Далѣе, не доходя до Чернышева моста, противъ переулка, у лѣсной биржи

купца Громова столпилось столько народа, что отъ тѣсноты съ трудомъ можно было пройти; Артыновъ сперва думалъ, что тутъ пожаръ, вмѣшался въ народъ и слышалъ въ толпѣ слѣдующій разговоръ: ѣхалъ тутъ дядька съ наслѣдникомъ; дядькѣ попался какой-то знакомый бояринъ. Онъ сошелъ къ нему съ саней и пошелъ панелью по берегу Фонтанки къ Аничкову мосту; кучеръ же съ наслѣдникомъ ѣхалъ съ нимъ сзади. Наслѣдникъ, вѣроятно соскучась сидѣть одинъ, сошелъ съ саней и пошелъ по панели за дядькою. Въ это время на встрѣчу ему попался кантонистъ его лѣтъ; что между ними было причиною ссоры, никто не зналъ, только видѣли, какъ они безъ шапокъ дрались на кулачки, съ большимъ азартомъ, не уступая другъ другу. Никто не смѣлъ разнять ихъ, хотя мѣсто это и многолюдное. Наконецъ, кто-то сказалъ про это дядькѣ. Тотъ приближалъ въ испугѣ и разнялъ бойцовъ. Приведя въ порядокъ одежду, онъ посадилъ наслѣдника съ собою, а кантониста рядомъ съ кучеромъ и повезъ ихъ въ Зимній дворецъ, куда онъ и до этого ѣхалъ. Тутъ узналъ Артыновъ, что кантонистъ этотъ изъ кондукторской школы, а школа эта находится какъ разъ противъ огорода его свата Грачева; между школою и огородомъ лежалъ одинъ только Измайловскій полкъ. Смотритель этой школы былъ знакомъ Артынову. и утромъ разсказалъ ему слѣдующее объ кантонистѣ: къ испуганному его родителю, близкому къ отчаянію, отставному солдату, въ придворной каретѣ привезли его сына и съ нимъ 300 руб. денегъ, подаренныя ему во дворцѣ. По домашнему суду императора Николая Павловича, наслѣдникъ былъ обвиненъ и наказанъ, а кантонистъ былъ оправданъ и получилъ, какъ обиженный несправедливо, награду.

А. Я. Артыновъ—не единственное явленіе крестьянина-грамотѣя въ Ростовскомъ уѣздѣ, собирателя преданій, разсказовъ, легендъ. Вообще, Ростовъ и его уѣздъ издавна отличались купцами, крестьянами, посвящавшими свое свободное время на составленіе бібліотекъ, собраніе и сохраненіе рукописей.

П. У.

Вильна и окрестности. Путеводитель и историческая справочная книжка, съ планомъ г. Вильны, 9-ю рисунками и картою Виленской губерніи. Вильна. 1883.

«Предлагаемая книжка—говорится въ предисловіи къ ней—не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что не было бы извѣстно любителямъ мѣстной старины изъ другихъ изданій на русскомъ и на польскомъ языкахъ. Издатель имѣлъ въ виду главнымъ образомъ пріѣзжающихъ въ Вильну и незнакомыхъ съ городомъ, а также и тѣхъ, которые не имѣютъ подъ руками всѣхъ изданій, касающихся Вильны, и слѣдовательно не имѣютъ возможности быстро навести какую нибудь историческую справку». Мы отъ себя прибавимъ, что книжка можетъ заинтересовать и не однихъ пріѣзжающихъ въ Вильну, но и вообще желающихъ познакомиться съ исторіей г. Вильны по крайней мѣрѣ въ общихъ и существенныхъ ея чертахъ. Въ началѣ книги приложенъ краткій очеркъ исторіи Вильны, составленный по статьѣ профессора петербургскаго университета Васильевскаго, помѣщенной въ изданіи Батюшкова «Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ имперіи». Затѣмъ слѣдуетъ историческій обзоръ виленскихъ храмовъ католическихъ и

других вѣроисповѣданій, восполняющій общую исторію Вильны. Вслѣдствіе этого, историческая картина судеб Вильны представляется довольно полною и законченною, и на ней съ особенною тщательностію вырисовывается судьба православія и русской народности въ Вильнѣ. Жаль только, что издатель не указываетъ другихъ источниковъ своей книги, кромѣ статьи г. Васильевскаго, бывшихъ въ его распоряженіи. Если бы книга снабжена была цитатами, то она могла бы быть справочною книгою и для начинающихъ заниматься исторіей мѣстнаго края, которая и доселѣ остается малоизвѣстною для большинства читающей русской публики.

Н. П.

Ростовъ Великій. Путеводитель по городу Ростову, Ярославской губерніи, А. А. Титова. Москва. 1883.

Ростовъ Великій принадлежитъ къ древнѣйшимъ городамъ Россіи. Онъ существовалъ до прихода Юрика и сдѣлался впослѣдствіи родоначальникомъ другихъ городовъ Ростовско-Суздальской земли. Не смотря на древнее происхожденіе Ростова, остатковъ этого древняго существованія сохранилось очень немного въ настоящее время. Такъ, графъ Толстой, изучавшій древности Ростова, говоритъ въ своемъ сочиненіи, что Ростовскія древности, дошедшія до насъ, не старѣе второй половины XVII вѣка. Частые, опустошительные пожары, разорѣніе городовъ сперва татарами, а потомъ и поляками, почти уничтожившими Ростовъ въ XVII столѣтіи, составляютъ главную причину истребленія остатковъ древности этого города. Главную и центральную часть города представляетъ крѣпость, заключающаяся въ земляномъ валѣ, построенномъ при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ инженеромъ Яномъ. Внутри крѣпости находится городской Кремль съ древними святынями. Онъ окруженъ каменною стѣною, мѣстами зубчатою, и десятию башнями и построенъ въ XVII столѣтіи Ростовскимъ митрополитомъ Іоною Сысоевичемъ.

Г. Титовъ, составилъ описаніе своего родного города съ цѣлію ознакомить путешественниковъ какъ съ церквами и святынями Ростова, такъ и съ драгоценными памятниками русскаго зодчества XVII вѣка, въ немъ сохранившимися. Въ книжкѣ находится краткій историческій очеркъ Ростовско-Суздальской области и Ростовскаго удѣльнаго княжества и краткія указанія на предметы, заслуживающіе вниманія въ Ростовѣ. По ясности и толковости изложенія, книга г. Титова вполне достигаетъ цѣли, для которой она была составлена, и можетъ быть хорошимъ путеводителемъ по Ростову Великому. Авторъ обѣщаетъ въ непродолжительномъ времени издать болѣе подробное описаніе Ростова и его уѣзда.

П. У.

Литовскіе евреи. Исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ. С. А. Вершадскаго. Спб. 1884.

Авторъ этого сочиненія издалъ въ 1882 г. любопытный этнографико-юридическій трудъ «Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ», извлеченные изъ актовыхъ книгъ, метрикъ литовской, виленскаго архива и

проч. съ 1388 г. по 1569 годы». Въ нынѣшнемъ своемъ сочиненіи авторъ задается рѣшеніемъ вопроса, почему литовскіе евреи, сто лѣтъ тому назадъ перешедшіе въ русское подданство, до сихъ поръ инородцы, а не русскіе граждане. Сознавая отчужденіе еврейства, его стремленія къ приобрѣтенію богатствъ, власть кагала, авторъ, для уясненія причинъ этихъ явленій, изучаетъ положеніе евреевъ въ Литвѣ, до перехода страны во власть Россіи. Онъ изслѣдуетъ солидарность евреевъ, начиная съ XV вѣка, и раздѣляетъ на три періода: исторію юридическаго и общественнаго положенія евреевъ, отъ Витовта до Люблинской Уніи, потомъ до начала казацко-шляхетскихъ войнъ, и наконецъ до раздѣла Польши. Послѣдніе два періода будутъ изложены въ слѣдующихъ томахъ. Въ вышедшемъ нынѣ томѣ разобрана только еврейская солидарность, по отношенію къ русскимъ законамъ, сдѣланъ критическій обзоръ сочиненій по исторіи евреевъ въ Литвѣ и Польшѣ, затѣмъ разобраны привилегіи Витовта, данныя евреямъ, рассказана исторія перваго еврейскаго погрома въ XV вѣкѣ и утвержденіе магдебургскаго права, показаны отношенія государственной власти къ литовскому обществу и, наконецъ подробно описано юридическое и общественное положеніе евреевъ отъ Сигизмунда до уніи. Книга, оканчивается появленіемъ въ Литвѣ талмуда, и заключаетъ въ себѣ много подробностей, интересныхъ для всякаго, кого занимаетъ еврейскій вопросъ.

В. 3.

Греко-болгарскій церковный вопросъ, по неизданнымъ источникамъ. В. Теплова. Спб. 1884.

Въ настоящее время, когда Порта собирается уничтожить болгарскій экзархатъ и лишаетъ константинопольскаго патріарха правъ и привилегій, данныхъ ему еще первыми султанами, царствовавшими въ Стамбулѣ, вопросъ объ отношеніяхъ двухъ православныхъ церквей—греческой и болгарской, приобретаетъ важное значеніе и можетъ повести къ серьезнымъ послѣдствіямъ (по послѣднимъ извѣстіямъ, патріархъ уже сложилъ съ себя свое званіе). Болгарія также волнуется при извѣстіи, что по прихоти турокъ ея независимой церкви, только что получившей самостоятельность, снова угрожаетъ подчиненіе греческому патріархату. Такое положеніе дѣлъ придаетъ исключительный интересъ изслѣдованію члена нашего константинопольскаго посольства, г. Теплова, помѣстившаго въ «Русскомъ Вѣстникѣ» прошлаго года чрезвычайно любопытныя изъясненія по греко-болгарскому вопросу. Но для вѣрнаго знакомства съ выводами автора необходимо прочесть статью его не въ журналѣ, а въ отдѣльныхъ оттискахъ, такъ какъ редакція «Русскаго Вѣстника» исключила изъ труда г. Теплова самыя любопытныя мѣста и сдѣлала много измѣненій въ изслѣдованіяхъ автора. Г. Тепловъ близко знаетъ свой предметъ, изучилъ его на мѣстѣ, имѣя подъ рукою всѣ документы и данныя, и почтенный трудъ его представляетъ самую полную и подробную картину этого запутаннаго вопроса, вносящаго новыя усложненія въ положеніе нашихъ единоплеменныхъ и единовѣрныхъ братьевъ и безъ того печальное и ненормальное.

Очеркъ исторіи Почаевской лавры и ея положеніе въ настоящее время. Протоіерея А. Θ. Хойнацкаго. Спб. 1883.

Почаевская лавра занимаетъ четвертое мѣсто въ ряду подобныхъ ей лавръ: Кіево-Печерской, Троицко-Сергіевой и Александро-Невской. Находясь въ Кременецкомъ уѣздѣ Волынской губерніи, Почаевская лавра въ юго-западной Россіи и даже въ сопредѣльной Галиціи пользуется особеннымъ обаяніемъ среди тамошняго кореннаго населенія. Замѣчательная судьба этого монастыря, бывшаго православнымъ, уніатскимъ и вновь возвращеннымъ православію 10-го октября 1831 года, послѣ участія его уніатскихъ монаховъ въ польскомъ возстаніи, создала о немъ цѣлую литературу. Трудъ протоіерея Хойнацкаго, появившійся первоначально въ «Христіанскомъ Чтеніи» въ продолженіе 1880, 1881 и 1883 годовъ, и изданный затѣмъ отдѣльной книжкой, дополнилъ собою списокъ сочиненій объ этомъ многоважномъ историческомъ памятникѣ, праздновавшемъ свой юбилей въ прошедшемъ 1883 году.

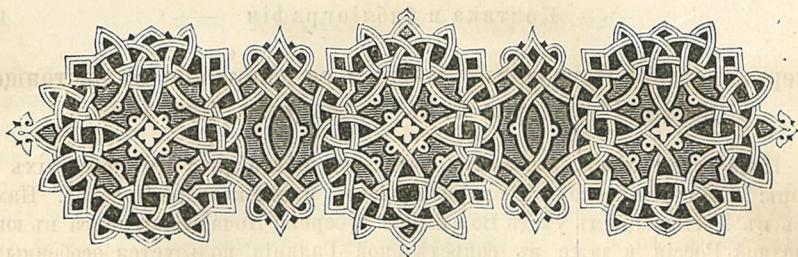
П. С.

Павель Ивановичъ Мельниковъ (Андрей Печерскій), его жизнь и литературное значеніе. Н. Невзорова. Казань. 1883.

27 марта 1883 года, въ Казани, въ тамошнемъ обществѣ любителей сценическаго искусства состоялся вечеръ, посвященный памяти Павла Ивановича Мельникова, окончившаго, какъ извѣстно, курсъ въ казанскомъ университетѣ. На этомъ вечерѣ г. Невзоровъ прочиталъ составленный имъ краткій біографическій очеркъ Мельникова, съ присовокупленіемъ значенія его въ русской литературѣ. Для біографическаго очерка авторъ воспользовался напечатанными воспоминаніями о Мельниковѣ Иловайскаго, Бестужева-Рюмина, Гацисскаго, Усова, а потому и не могъ сообщить ничего новаго. Для опредѣленія же значенія Мельникова въ русской литературѣ, въ которой г. Невзоровъ отводитъ этому художнику-этнографу одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ, авторъ привелъ мѣткія характеристики романовъ, повѣстей и разсказовъ Андрея Печерскаго. Сквозь весь небольшой трудъ (на 20 страницахъ) г. Невзорова проходитъ горячая, сочувственная струя къ Мельникову и къ его литературнымъ произведеніямъ.

Б. Р.

ЗАГРАНИЧНІ ІСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Историческій альманахъ.—Переписка Талейрана.—Исторія Венгріи.—Литовскія легенды.—Неизвѣстный великій писатель изъ балтійскихъ дворянъ.—Крыловъ на англійскомъ языкѣ.—Нѣмецкія военныя сочиненія во французскомъ переводѣ.—Къ исторіи нравовъ XVIII вѣка.—Забытый педагогъ.—Дон-Жуанъ Австрійскій.—Англія при Іаковѣ I.—Исторія англійскихъ городовъ.—Турецкій султанъ и англійскій посланникъ.—Египетъ послѣ войны.—Санскритская литература.—Великороссы и малороссы.—Новый международный журналъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ наука въ Германіи съ каждымъ новымъ годомъ обогащается новымъ томомъ «Историческаго альманаха» (Historisches Taschenbuch), основаннаго еще Фридрихомъ Раумеромъ, но, въ настоящее время, издаваемого Вильгельмомъ Мауренбрехеромъ, ученикомъ Ранке и Зибеля, бывшимъ профессоромъ въ Дерптѣ (въ 1867—1869 г.), авторомъ замѣчательныхъ сочиненій «Карлъ V и нѣмецкіе протестанты», «Англія въ эпоху реформаціи», «Прусская церковная политика» и пр. Мауренбрехеръ придалъ новую жизнь альманаху, первый выпускъ котораго вышелъ еще въ 1830 году. Особенно въ послѣдніе годы содержаніе выпусковъ сдѣлалось разнообразнѣе и интереснѣе. Помѣщаемыя въ нихъ статьи относятся ко всѣмъ эпохамъ исторіи и всѣмъ народамъ, изслѣдуютъ вопросы не только историческіе, но археологическіе, филологическіе и т. п. Въ нынѣ выпедшемъ, третьемъ томѣ шестой серіи помѣщено семь статей, имѣющихъ не только специальное, но и общее значеніе. Самая обширная статья профессора Гюффера излагаетъ исторію неаполитанской республики 1799 года. По малоизвѣстнымъ документамъ авторъ изображаетъ эту любопытную эпоху въ яркомъ, часто по-вѣстѣ свѣтѣ. Вторая, по объему, статья заключаетъ въ себѣ характеристику замѣчательной личности XVII вѣка—нѣмца Самуеля Гартлиба, переселивша-

гося въ Англію, входившаго въ сношеніе со многими историческими лицами, друга Мильтона, побудившаго знаменитаго поэта написать трактатъ о воспитаніи. Не менѣе интересна характеристика основателя голландской республики въ XVI вѣкѣ, адвоката Іоанна Ольденбарневельта, теперь почти всѣми позабытаго, но игравшаго въ свое время значительную роль. Статьи о Швабскомъ союзѣ и о канцлерѣ Конрадѣ, жившемъ въ XII вѣкѣ, имѣютъ болѣе мѣстный интересъ для нѣмцевъ. Профессоръ Бернгеймъ помѣстилъ изслѣдованіе о литературно-историческомъ памятникѣ XII вѣка: «Преданіе о вѣрныхъ женахъ въ Вейнсбергѣ». Наконецъ, Арнольдъ Шеферъ напечаталъ статью о македонскомъ царствѣ, къ сожалѣнію, очень короткую (всего 10 страницъ), тогда какъ этотъ предметъ требовалъ болѣе подробнаго изученія. Смерть, постигшая въ концѣ прошлаго года, на 74 году, автора «Исторіи Семилѣтней войны» и «Демосеена» помѣшала закончить ему свой послѣдній трудъ.

— Въ Лейпцигѣ вышелъ переводъ «Переписки Талейрана съ королемъ Людовикомъ XVIII» (Talleyrand's Briefwechsel ömit König Ludwig XVIII). Она обнимаетъ эпоху вѣнскаго конгресса, извлечена изъ подлинныхъ бумагъ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ г. Палленомъ и дѣлается въ первый разъ извѣстною въ печати. Свои донесенія о ходѣ переговоровъ на конгрессѣ и о характеристикѣ участвующихъ въ немъ лицъ Талейранъ посылалъ прямо королю, не стѣняясь ни формальностью, ни офиціальностью. Поэтому письма его, помимо историческаго значенія, имѣютъ интересъ картины, рисующей особенности этой замѣчательной эпохи. Въ ожиданіи выхода въ свѣтъ записокъ знаменитаго дипломата, письма эти содержатъ въ себѣ много любопытныхъ подробностей и историческихъ разоблаченій. Нѣмецкое изданіе отличается отъ французскаго подлинника предисловіемъ, разъясняющимъ значеніе переписки, и примѣчаніями переводчика, придающими еще болѣе значенія книгѣ, такъ какъ они касаются многихъ сторонъ тогдашней политической и общественной жизни.

— Лучшая «Исторія Венгріи» на нѣмецкомъ языкѣ написана Игнатіемъ Фесслеромъ. Теперь она вышла во второмъ улучшенномъ и увеличенномъ изданіи, въ переработкѣ Эрнста Клейна (Geschichte von Ungarn). Не смотря на то, что въ новомъ изданіи дѣйствительно многое прибавлено, найдена была возможность, вслѣдствіе сжатаго шрифта, превратить прежнее десяти томное изданіе въ пяти томное, что конечно привело и къ уменьшенію цѣны. Обработка Клейна касается болѣе всего новооткрытыхъ историческихъ документовъ, на основаніи которыхъ онъ разъяснилъ многіе факты, представивъ ихъ въ настоящемъ свѣтѣ, и этимъ придавъ, конечно, еще болѣе значенія труду Фесслера, пользующемуся въ Германіи заслуженной извѣстностью.

— Вышли послѣдніе выпуски (7 и 8 второго тома) замѣчательнаго сборника, составленнаго и изданнаго Эдмундомъ Векенштедтомъ, старшимъ учителемъ древнихъ языковъ въ Николаевской Либауской гимназіи: «Міфы, саги и легенды Жмудинъ (литовцевъ)» (Mythen, Sagen und Legenden der Zamaiten (Litauer). Преданія этого племени, послѣдней прибывшей въ Европу отрасли аріевъ, не могутъ не интересовать историка, лингвиста и этнографа, и г. Векенштедтъ оказалъ большую услугу своимъ сборникомъ гдѣ помѣщено 130 легендъ, относящихся ко всѣмъ сторонамъ общественаго и частнаго быта литовцевъ. Арійское происхожденіе этихъ легендъ очевидно.

Многія изъ нихъ, въ незначительно измѣненномъ видѣ, вошли и въ русскія преданія, другія встрѣчаются въ германскихъ и скандинавскихъ сагахъ, даже въ древнихъ повѣстьяхъ романскихъ племенъ. Все это ведетъ къ любопытнымъ сближеніямъ и изысканіямъ о происхожденіи и родствѣ европейскихъ народовъ. Особенно важное значеніе имѣетъ заключительная статья сборника, представляющая объясненіе мнѳологическихъ названій на основаніи лингвистическихъ изслѣдованій. Авторъ сборника принадлежитъ къ рѣдкимъ у насъ ученымъ знатокамъ литовскаго языка, ближе всѣхъ другихъ языковъ подходящаго къ санскритскому и сохранившаго нѣкоторые славянскія слова въ ихъ древней формѣ (напр. жверя—звѣрь). Книгу эту слѣдовало бы перевести на русскій языкъ.

— Другого рода книга написана «балтійскимъ дворяниномъ» и издана его племянницею, подъ названіемъ: «Отто Магнусъ фон-Штакельбергъ, изображеніе его жизни и его путешествій по Италіи и Греціи» (Otto Magnus von Stackelberg. Schilderung seines Lebens und seiner Reisen in Italien und Griechenland). Это родъ автобіографіи, составленной по письмамъ и замѣткамъ путешественника. Въ письмахъ этихъ встрѣчаются интересныя, хотя и не новыя подробности о странахъ, посѣщенныхъ авторомъ, но нѣмецкая пресса въ русскихъ провинціяхъ приходитъ почему-то въ особенный восторгъ и отъ книги, и отъ путешественника. Въ то время когда Аугсбургская газета называетъ его только «почитателемъ и знаткомъ древняго искусства», наши дерптскія, рижскія и петербургскія (нѣмецкія) газеты приходятъ въ экстазъ оттого, что «балтійская публика» познакомилась съ произведеніемъ такого «представителя балтійскаго дворянства»; особенно «Petersburger Zeitung» доходитъ до геркулесовыхъ столбовъ въ похвалахъ «геніальному» писателю, котораго безъ церемоніи ставитъ на ряду съ Гете, Торвальдсеномъ, Жанъ-Полемъ, Байрономъ, Нибуромъ, Шамполономъ. Газета восхищается даже портретомъ, приложеннымъ къ книгѣ, на которомъ Штакельбергъ изображенъ среди древняго пейзажа, сидящимъ на развалинахъ храма съ картою и карандашомъ въ рукахъ. «Благородная осанка, глаза полные души (Selenvolle), какой-то идеализмъ въ ростѣ (?) и чертахъ этого передового челоуѣка обнаруживаютъ высокій духъ, теплое чувство, тонкій умъ» и проч. и проч. Уваженіе къ мѣстнымъ дарованіямъ своего прихода дѣло не дурное, но вѣдь надобно помнить и Крылова: «подумаешь иной затѣйникъ въ подсолнечной гремитъ, а онъ дивитъ свой только муравейникъ».

— Кстати, нашъ Крыловъ явился въ новомъ, вполне удовлетворительномъ переводѣ на англійскій языкъ. У англичанъ уже былъ прозаическій переводъ нашего баснописца, сдѣланный Рольстономъ, вѣрный, но не передающій ни крыловскаго юмора, ни своеобразныхъ оборотовъ его образнаго, чисто народнаго языка. Въ этомъ отношеніи трудъ Гаррисона (Krilof's original Fables) гораздо выше. Гаррисонъ вполне освоился съ духомъ оригинала, хотя не держался формы ямбическаго стиха, а замѣнялъ его различными размѣромъ. Но чисто національныя черты русской жизни, какъ напр. въ баснѣ «Демьянова уха» переданы съ возможной точностью, для достиженія которой переводчику приходилось побѣдить не мало затрудненій. Изъ 149-ти переведенныхъ басенъ, только семь заимствованыя, но Гаррисонъ говоритъ, что перевелъ ихъ съ цѣлью показать, какъ мастерски русскій баснописецъ развивалъ и дополнял чужую мысль, пользуясь часто ничтожнымъ

содержаніемъ для того, чтобы создать превосходное произведеніе. Такъ, взявъ у Лафонтена только основную мысль басни «*La vieille et les deux servantes*», Крыловъ изъ сухого анекдота составилъ остроумный рассказъ. Въмѣсто смутной морали лафонтеновской «Муха и Пчела» въ крыловской баснѣ ярко охарактеризована наглость паразитовъ, втирающихся въ чужіе дома. Гарисонтъ, прямо ставитъ Крылова выше Эзопа и Лафонтена, доказывая многочисленными примѣрами превосходство русскаго баснописца.

— Натянутыя отношенія между Франціей и Германіей придали особый интересъ брошюрѣ «Готова ли Франція» (*La France est elle prête?*) Это переводъ нѣмецкой брошюры, написанной прусскимъ офицеромъ, и сдѣланный «съ его разрѣшенія». Предметъ брошюры—реорганизація французскаго войска съ 1871 года, насколько она могла выказаться на послѣднихъ большихъ маневрахъ въ концѣ прошлаго года. Прусскій авторъ основательно изучилъ этотъ вопросъ, а для Франціи, конечно, очень важно знать, что думаютъ въ Германіи о военныхъ силахъ своего недавняго противника. Сверхъ того, изъ перевода нѣмецкаго сочиненія французы могли познакомиться съ вполне вѣрными цифрами, относящимися къ военному дѣлу и съ тѣмъ, что было сдѣлано по этой части въ послѣднее время. Реформъ было не мало, но пруссакъ, строго разбирая ихъ, не выводитъ заключенія, чтобы онѣ особенно содѣйствовали къ улучшенію и процвѣтанію французской арміи. Основываясь на мысли Клаузевица, что «способы приготовленія къ войнѣ и средства, съ какими ее начинаютъ содѣйствуютъ столько же къ побѣдѣ, какъ и счастливое веденіе кампаніи», авторъ находитъ, что Франціи именно въ этомъ-то отношеніи многого недостаетъ. Въ какой степени основательны сужденія автора по этому предмету, можетъ рѣшить только спеціалистъ военного дѣла.

— Что Франція внимательно слѣдитъ за брошюрами, появляющимися въ Германіи по вопросамъ, имѣющимъ международное значеніе, доказываетъ переводъ еще другого военнаго-политическаго сочиненія, о появленіи котораго, на нѣмецкомъ языкѣ, мы говорили еще въ прошломъ году. На французскомъ языкѣ книга эта носитъ названіе «*La nation armée*» и заключаетъ въ себѣ изслѣдованіе современной военной организаціи и тактики. Переводъ также одобренъ спеціалистами. Подлинникъ написанъ барономъ Гольтцемъ, офицеромъ германскаго генеральнаго штаба, извѣстнымъ и во Франціи своимъ сочиненіемъ «Гамбетта и его арміи». Книга Гольца интересна не для однихъ военныхъ; это серьезный этюдъ всего, что въ какомъ либо отношеніи касается войны, ея необходимости, содержанія постоянныхъ армій, ихъ состава, командованія ими, военныхъ операцій, плановъ сраженій, дисциплины, системы продовольствія, расквартированія и воинской повинности. Это полный трактатъ военной науки, полный новыхъ взглядовъ, доказывающій націи, что она должна укрѣпиться, готовиться къ постояннымъ жертвамъ и развивать во всѣхъ своихъ членахъ воинскій энтузіазмъ. Для Франціи въ особенности книга Гольца важна, какъ подробная картина военной организаціи Германіи и духа этой націи. Особенно любопытны мнѣнія нѣмецкихъ спеціалистовъ о французскихъ укрѣпленіяхъ на германской границѣ.

— Исторія правовъ занимаетъ непослѣднее мѣсто во всеобщей исторіи народовъ, если черты этихъ правовъ общечеловѣчны или характеризуютъ отдѣльную націю. Къ сочиненіямъ, описывающимъ характерныя явленія

містнихъ правовъ можно отнести новыя этюды XVIII столѣтія: «Важныя дамы и грѣшницы» (*Grandes dames et pécheresses*) Оноре Бонома, автора біографій г-жи Ментенонъ, Помпадуръ, герцога Пентъевра, Людовика XV и его семейства, издателя сочиненія Пирона, Колле, Дефорж-Мальяра, кавалера Эди и пр. Новый томъ изслѣдователя исторіи правовъ XVIII столѣтія заключаетъ въ себѣ характеристику извѣстнаго генеральнаго откупщика Самуила Бернара и его трехъ дочерей, госпожи Виме, бывшей секретаремъ у графа д'Аржантала и г-жи Жоффренъ съ дочерью. Собственно біографія только этой писательницы имѣетъ литературное значеніе и заслуживаетъ остаться въ исторіи. Портретъ Жоффренъ хорошо набросанъ Бономомъ, съ жаромъ опровергающимъ въ этомъ очеркѣ обвиненіе энциклопедистовъ въ эгоизмъ и равнодушій къ несчастіямъ ближняго. Привода примѣры исполнѣй гуманныхъ и благотворительныхъ поступковъ Вольтера, Гельвеція, Гольбаха, Дидеро, Даламбера, Дюкло, Томаса, Монтескье, авторъ отдастъ полную справедливость филантропіи г-жъ Жоффренъ, Аиссе, д'Эпине. Что же касается до біографій г-жъ Дюпенъ-де-Шенонсо, д'Арти и де ла Тушъ, походженія этихъ дамъ не выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ любовныхъ исторій, характеризующихъ легкіе нравы XVIII вѣка, но не заключающихъ въ себѣ ничего выдающагося. Для француза эти походженія дочерей всевластнаго въ свое время откупщика могутъ имѣть значеніе; русскій читатель ими не интересуется.

— Современная педагогика, преклоняясь передъ новыми авторитетами этой науки, забываетъ тѣхъ, которые если не положили ей основаніе, то содѣйствовали развитію въ ней правильныхъ взглядовъ и вѣрныхъ системъ. Поэтому Бернаръ Перезъ оказалъ услугу, напомнивъ въ своемъ сочиненіи о педагогѣ, имѣвшемъ большое вліяніе на развитіе педагогическаго метода. Книга «Жакото и его метода умственной эмансипаціи» (*Jacotot et sa methode d'emancipation intellectuelle*), представляетъ подробную оцѣнку мыслей и сочиненій этого педагога, умершаго 44 года тому назадъ. Жакото, конечно, во многомъ ошибался; его философская система, выведенная изъ педагогическихъ наблюденій, не выдерживаетъ критики. Наука послѣ него ушла несомнѣнно впередъ, но и до сихъ поръ изъ сочиненій его, выдержавшихъ десятки изданій, можно извлечь много полезнаго. Одновременно съ книгою Переза, вышло изслѣдованіе Гуго Геринга о методѣ всеобщаго обученія (*Joseph Jacotot's Universal-Unterricht*). Французскій авторъ разбираетъ сначала общія положенія Жакото: «все интеллигенціи равны; удерживаютъ только то, что повторяютъ; ученымъ дѣлаетъ не ученіе, а сохраненіе въ памяти выученнаго; научиться можно и самому безъ посторонней помощи». Эти главныя мысли педагога, съ присоединеніемъ къ нимъ спорнаго и туманнаго тезиса: «все заключается во всемъ» составляютъ сущность методы, изложенной и оцѣненной во всѣхъ подробностяхъ и, по книгѣ Переза, читатель можетъ составить себѣ ясное и полное понятіе о педагогѣ, именемъ котораго дижонскій муниципалитетъ назвалъ, девять лѣтъ тому назадъ, одну изъ главныхъ улицъ Дижона.

— Авторъ замѣчательной книги «Монастырская жизнь Карла V» (*The cloister life of Charles V*), недавно умершій баронетъ Стирлингъ-Максвелъ, издалъ другое еще болѣе интересное сочиненіе изъ той же эпохи «Донъ-Жуанъ Австрійскій, эпизоды изъ исторіи XVI вѣка» (*Don John of Austria or passages from the history of the sixteenth century*). Біографія эта отличается отъ всѣхъ

подобныхъ книгъ и въ типографскомъ отношеніи. Авторъ, во время своихъ путешествій, собралъ множество рисунковъ, относящихся къ его труду, всѣ портреты его героя отъ его молодости до смерти и помѣстилъ все это въ своей книгѣ, гдѣ находятся также портреты Карла V, Филиппа II, Изабеллы Валуа и всѣхъ главныхъ дѣятелей того времени. Особенно богата иллюстраціями глава, посвященная кораблямъ и морской войнѣ съ описаніемъ Лепантской битвы. Изображено также множество монетъ, оружія, медалей и т. п. Всѣ виньетки взяты изъ рисунковъ и книгъ той эпохи. Авторъ не успѣлъ окончательно отдѣлать своего сочиненія и ввести въ него послѣднія изысканія историковъ. Онъ консерваторъ, но держится строгой исторической критики и нисколько не смягчаетъ отталкивающей характеристики Филиппа II. Лучшіе эпизоды книги—возстаніе мавровъ, подавленное Донъ-Жуаномъ, и образование союза, послѣдствіемъ котораго было уничтоженіе турецкаго флота при Лепантѣ.

— Другой историкъ, Самуиль Гардинеръ, выпустилъ въ свѣтъ пятый томъ своей «Исторіи Англіи отъ восшествія Іакова I до начала междоусобной войны» (*A history of England from the accession of James I to the outbreak of the civil war*). Эта эпоха, обнимающая собою промежутокъ времени всего въ сорокъ лѣтъ (отъ 1603 до 1642 г.) будетъ разсказана авторомъ въ десяти объемистыхъ томахъ. Въ вышедшей уже первой половинѣ сочиненія всего замѣчательнѣе исторія паденія великаго канцлера Бэкона. Признавая справедливость приговора, осудившаго канцлера за взятку, Гардинеръ доказываетъ однако, что взятка не имѣла вліянія на рѣшеніе Бэкона, принятое еще до полученія ея. Онъ былъ все-таки, по словамъ автора, лучший изъ англійскихъ канцлеровъ, не говоря уже о другихъ его заслугахъ. Книга читается вообще легко и въ ней много новаго.

— Одинъ изъ лучшихъ англійскихъ археологовъ, Фриманъ, издалъ сочиненіе о городахъ и округахъ Англіи (*English Town and districts*). Въ нихъ, какъ извѣстно, не сохранилось замѣчательныхъ историческихъ памятниковъ, какъ въ городахъ Франціи, Италіи, Германіи, и Фриманъ объясняетъ это тѣмъ, что Англія сдѣлалась свободною раньше другихъ странъ Европы и въ ея городахъ не было надобности ни вельможамъ воздвигать дворцовъ, ни горожанамъ устраивать замки въ защиту отъ феодаловъ. Новый трудъ автора «Исторія завоеванія Англіи норманнами», замѣчательнѣе тѣми же достоинствами, какъ и его прежнія сочиненія. Знанія его такъ велики и онъ говоритъ обо всемъ съ такою увѣренностью, что невольно напоминаетъ слова Льюиса о Маколей: «Я бы желалъ быть такъ невозмутимо увѣреннымъ хотя въ одномъ фактѣ, какъ Маколей увѣренъ во всѣхъ».

— Явилось новое сочиненіе о крымской войнѣ, хотя и съ анекдотической точки зрѣнія. Оно носитъ названіе: «Съ лордомъ Стратфордомъ въ крымскую войну» (*With lord Stratford in the Crimean War*) и написано Джемсомъ Скеномъ. Хотя обязанности автора при лордѣ-посланникѣ были чисто гражданскія, но ему пришлось однажды принять команду надъ кавалерійскимъ отрядомъ, причеиъ онъ былъ раненъ саблей въ голову, пикой въ бокъ и пистолетной пулей въ ногу. Любопытны подробности о вліяніи Стратфорда-Редклифа на Абдулъ-Меджида. Англійскій посолъ въ Константинополь пользовался почти такою же властью, какъ и повелитель правовѣрныхъ. Это доказываетъ анекдотъ, приводимый Скеномъ. Узнавъ, что султанъ началъ строить новый лѣтній дворецъ, посланникъ потребовалъ аудіенціи и выра-

зиль султану «печальное удивленіе по поводу постройки новыхъ дворцовъ, когда имперія разрушается». Смущенный султанъ поручилъ Эльхи-бею узнать, чего желаетъ разгнѣванный посоль. «Скажите его величеству, отвѣчалъ Редклифъ, что у него уже восемь дворцовъ и что если онъ хочетъ—въ то время когда его арміи не на что купить хлѣба—тратить деньги на девятый дворецъ, который займетъ русскій царь, то пусть не надѣется на помощь союзниковъ Турціи». Абдуль-Меджидъ приказалъ тотчасъ же остановить работы. Другой случай, приводимый Скеномъ, еще характеристичнѣе. По мусульманскому закону, принявшій исламъ и снова перешедшій потомъ въ другую религію подлежитъ смертной казни. Между тѣмъ, въ это время шейхъ-уль-исламу донесено, что армянинъ, сдѣлавшійся магометаниномъ, обратился въ прежнее вѣрованіе. Ему присудили отрубить голову. Редклифъ объявилъ, что онъ прерветъ дипломатическія сношенія и уѣдетъ изъ Константинополя. Султанъ не зналъ, что дѣлать, опасаясь взрыва фанатизма. «Вы калифъ и поэтому можете измѣнить мусульманскій законъ», отвѣчалъ посланникъ. Абдуль-Меджидъ въ нерѣшимости началъ диктовать указъ въ уклончивыхъ выраженіяхъ. Это замѣтилъ Редклифу секретарь посольства, и тотъ самъ приказалъ написать три слова, къ которымъ султанъ приложилъ свою печать и отправилъ бумагу къ шейхъ-уль-исламу. Слова эти были: «обращенный не можетъ быть казненъ смертію» (муктаб катилъ олмаз). Съ тѣхъ поръ въ Константинополѣ никто не казненъ за перемѣну религіи. Подобныхъ анекдотовъ много въ интересной книгѣ Скена.

— Полна современнаго интереса книга Вильерса Стюарта «Египетъ послѣ войны» (Egypt after War). Авторъ провелъ въ этой странѣ зиму 1882—83 года. Главною цѣлью его было—изученіе положенія феллаховъ и способовъ облегчить это положеніе. На основаніи этихъ изслѣдованій, лордъ Дофферинъ представилъ свои донесенія парламенту, въ февралѣ 1883 года, но officialныя донесенія мало кто читаетъ, а книгу Стюарта прочтутъ конечно съ любопытствомъ всѣ, кто слѣдитъ за выдающимися событіями нашего времени. Авторъ представляетъ феллаховъ вовсе не такими жалкими идіотами, какъ обыкновенно ихъ описываютъ. Они, правда, загнаны, принижены, ограблены, но возрожденіе ихъ, при лучшей системѣ управленія, не подлежитъ сомнѣнію. Стюартъ сознается, что туземный землевладѣлецъ, на котораго работаютъ феллахи, гораздо хуже турка, да не лучше его и англичанинъ. Но вывести страну изъ ея отчаяннаго экономическаго и политическаго положенія можетъ только англійское правительство. Народъ положительно не въ состояніи уплатить внутренняго долга въ 7 миллионъ фунтовъ стерлинговъ (болѣе 70 миллионъ рублей). Всѣ остальные внутренніе вопросы въ сравненіи съ этимъ отходятъ на второй планъ, также какъ и вообще все, что авторъ сообщаетъ о другихъ данныхъ въ странѣ. Но констатируя ея критическое положеніе, онъ не указываетъ на средства, какъ облегчить его.

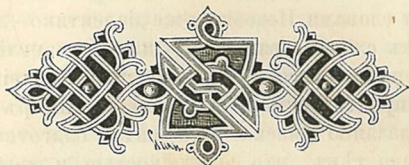
— Восточная филологія обогатилась замѣчательнымъ сочиненіемъ «Санскрито буддійская литература въ Непалѣ» (The Sanscrit Buddhist Literature of Nepal) написаннымъ и изданнымъ въ Калькуттѣ туземнымъ индійскимъ писателемъ Раджендралала Митро. Послѣ классическаго сочиненія Бюрнуфа о буддизмѣ, это лучший трудъ по этому вопросу. Авторъ доказываетъ, что первоначально буддійское ученіе преподавалось на санскритскомъ языкѣ, а не на языкѣ пали, и говоритъ о произведеніяхъ этой литературы, начиная съ «жатакъ», или «птичьихъ исторій», спеціальной формы, въ которой про-

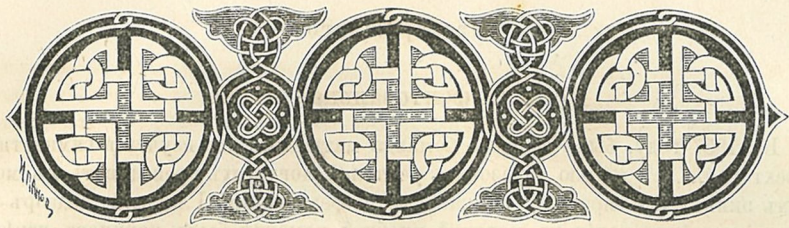
являются буддистскія произведенія. Затѣмъ разбираются «винайи» или дисциплинарныя правила релігіозныхъ обществъ; сборники сказокъ «Бодисатва-вадана» и др., длинный романъ «Дасакумаракарита», полный любопытныхъ похожденій. Мистическія и богослужебныя книги занимаютъ въ этой литературѣ первостепенное мѣсто.

— Гораздо болѣе интересно для насъ другое сочиненіе по части сравнительной филологіи «Славянское и латинское» (Slavic and Latin). Это четыре лекціи, читанныя Абелемъ въ Ильчестерѣ. Название, данное докторомъ этому сборнику, неточно; о латинскомъ языкѣ въ немъ почти ничего не говорится, а разсматриваются два славянскія нарѣчія—великорусское и малороссійское, въ особенности по отношенію къ ихъ различію, обусловливаемому разностью расъ и темпераментовъ. Абель близко знакомъ съ особенностями рѣчи великорусскаго племени, въ которомъ такъ много финской и татарской крови, и находитъ, что болѣе чистый славянскій элементъ сохранился у малорусовъ и даже въ Вѣлорусіи, долго находившейся подъ литовскимъ и польскимъ владычествомъ. Этотъ парадоксъ онъ поддерживаетъ сравненіемъ польскихъ словъ: wolny—лично свободный, и swobodny—политически-свободный съ такими-же русскими словами. Подобныя-же діалектико—лингвистическія тонкости—онъ видитъ въ словахъ равнозначущихъ съ англійскими gentleman и nobleman. Признавая за малороссами поэтическій и предпріимчивый характеръ, а за великоруссами практическій и выносливый, авторъ послѣднее свойство приписываетъ преобладанію финскаго элемента, благотворному вліянію котораго Россія обязана тѣмъ, что со стойкостью и терпѣніемъ переносила тяжелыя эпохи своей народной исторіи. Абель не раздѣляетъ нерасположенія многихъ иностранцевъ къ русскому народу и не винитъ высшихъ классовъ его въ распущенности и апатіи. Онъ убѣжденъ, напротивъ, въ здравомысліи, твердости и предпріимчивости низкихъ слоевъ малорусскаго общества, въ которомъ соединяются финская смысленость съ польской отвагой, терпѣливая выносливость татарина съ легкою подвижностью славянина, даже армянская хитрость съ нѣмецкою обдуманностью и методичностью. Русскіе крестьяне гораздо менѣе образованы, чѣмъ низшіе классы другихъ европейскихъ странъ, но высшіе классы равны по интеллигенціи образованнымъ европейцамъ и даже превосходятъ многихъ изъ нихъ. Подобныя сужденія не часто случается встрѣчать у европейскихъ писателей.

— Съ новаго года началъ выходить новый журналъ на французскомъ языкѣ, подъ редакцію итальянскаго писателя «Международное Обзоріе» (Revue internationale). Цѣль изданія—знакомить космополитическую публику съ умственнымъ движеніемъ всѣхъ странъ въ наукѣ, литературѣ и искусствѣ. Для международныхъ сношеній интеллигенціи всего свѣта редакторъ Анджело де-Губернатисъ избралъ и международный языкъ. Первая книжка журнала составлена весьма разнообразно и интересно. Въ ней участвуютъ писатели разныхъ націй, чуждые племенной неприязни. Мюнхенскій профессоръ Гольцендорфъ доказываетъ необходимость учрежденія кафедръ «международнаго обученія» въ римскомъ университетѣ; флорентинскій профессоръ Джуліани вспоминаетъ о своемъ великомъ соотечественникѣ Данте, литихскій—Лавеле говоритъ о парламентскомъ управленіи въ Бельгіи, оксфордскій—Максъ Мюллеръ пишетъ о жизни и заслугахъ индійскаго ученаго Раммогун-рая; Дора д'Истрія (княгиня Кольцова-Масальская) передаетъ легенду о Рюрикѣ, Стефанія Воль рассказываетъ венгерскую по-

вѣсть; политика, книги, театры разбираются компетентными лицами. Общественному движенію въ разныхъ странахъ сообщаютъ корреспонденціи изъ Парижа, Берлина, Вѣны, Петербурга, Вѣлграда, Лиссабона, Стокгольма, Лейдена, Бразиліи, Бомбея, Гоголулу. Петербургскій корреспондентъ приводитъ содержаніе главныхъ статей послѣднихъ книжекъ «Вѣстника Европы», «Отечественныхъ Записокъ», «Русской Мысли» и «Русскаго Вѣстника». Однимъ словомъ, журналъ составителя прекраснаго международнаго словаря современныхъ писателей вполне отвѣчаетъ космополитическимъ отношеніямъ интеллигенціи всѣхъ странъ и народовъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Къ біографіи князя П. И. Багратіона.

ИЗВѢСТНО, что князь П. И. Багратіонъ, одинъ изъ выдающихся генераловъ отечественной войны, въ Бородинской битвѣ былъ тяжело раненъ. Послѣ этого онъ отправился для пользованія въ имѣніе друга своего, князя Б. А. Голицына, село Симу, Юрьевского уѣзда, Владимірской губерніи. Здѣсь онъ и скончался 12 сентября 1812 года и былъ похороненъ въ мѣстной Бого-явленской церкви. Мѣсто, гдѣ погребенъ князь П. И. Багратіонъ, доселѣ обнесено желѣзной рѣшеткою и при ней находится бронзовая вызолоченная доска съ слѣдующей надписью:

«Князь Петръ Инановичъ Багратіонъ, находясь у друга своего, князя Бориса Андреевича Голицына, въ селѣ Симѣ, получилъ Высочайшее повелѣніе быть главнокомандующимъ 2-ю западною арміею. Изъ Симы отправился къ оной и будучи раненъ въ дѣлѣ при Бородинѣ, прибылъ опять въ Симу, гдѣ и скончался».

Затѣмъ слѣдуютъ стихи графа Хвостова и въ концѣ эпитафія:

«Князю П. И. Багратіону истинная дружба.
«Прохожій! въ Симѣ зри того Героя прахъ,
Которой громъ металъ на Альпа высотахъ.
Бог—рати—онъ, слуга отечества и трона
Здѣсь кончилъ жизнь свою, разя Наполеона».

Въ 1839 году, по волѣ государя Николая Павловича, прахъ его былъ перенесенъ на Бородинское поле ко времени торжественнаго открытія памятника во славу воиновъ, павшихъ въ Бородинской битвѣ.

Сообщено Н. А. Добротворскимъ.

Русская фехтовальная пѣснь.

Въ 1857 году, была собрана команда матросовъ для изученія гимнастики и фехтованія, съ цѣлью образовать учителей, могущихъ преподавать въ морскихъ экипажахъ правила гимнастики и фехтованія. Главный надзоръ за обученіемъ фехтованія въ морской учебной командѣ былъ порученъ извѣстному преподавателю Роберту Самуиловичу Гавеману.

Команда эта занималась ежедневно, по три часа съ получасовымъ отдыхомъ. Передъ окончаніемъ занятій, матросовъ заставляли ходить гимнастическимъ, бѣглымъ и потомъ обыкновеннымъ шагомъ, причемъ они пѣли пѣсни.

При фехтованіи принято всѣ приемы называть по-французски, но такъ какъ матросы коверкали французскія слова, то г. Гавеманъ замѣнилъ ихъ русскими названіями.

стойка—garde.

переносъ—dégagé.

перемѣнить—dégager.

обманъ—une, deux.

на крестъ—flanconnade,

шпагу взять—engagé.

вызовъ—appel.

наступать—avancer.

утекать—rompre.

справа—sur les armes.

слѣва—dans les armes.

отъ себя—tièrce.

къ себѣ—quatre.

съ поворотомъ—seconde.

отвѣтъ—riposte.

круговой—contre.

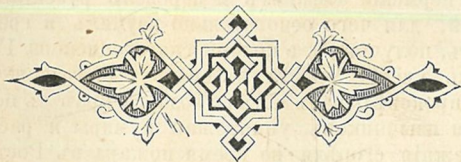
сдвоить—doublé.

Для облегченія запоминанія всѣхъ правилъ, ему пришла мысль составить слѣдующую пѣснь:

Ну ребята, не зѣвать,
Какъ придется воевать!
Саблей надо управлять,
И штыка не забывать.
А чтобъ лучше это знать
Шпагой надо начинать.
Чтобы ловко фехтовать
Корпусъ надо упражнять,
Руки, ноги развивать,
Головою же смѣкать
Какъ себя оберегать
И врага намъ поражать.
Въ стойку надо ловко встать,
Грудь поменьше открывать,
Руку ниже плечъ держать
И ее не вытягивать.
А придется нападать,
Руку вѣрно посылать,
Задній слѣдъ не отдѣлять
Да проворно выпадать.
Въ стойку чтобы скоро встать
Ногу заднюю сгибать,
А передней помогать,
Корпусъ живо убирать.
Если будетъ врагъ зѣвать—
Грудь свою не закрывать,
Смѣло прямо поражать.
Будетъ шпагой нажимать—
Переносомъ досаждаъ,

Иль обманъ употреблять.
 Будеть руку вытягать,
 На крестъ подъ руку валать,
 Въ правый бокъ чтобъ угрожать.
 Чтобы лучше замудрить—
 Шпагу взять, перемѣнить.
 А захочется открыть,
 Вызовъ сдѣлать, и грозить—
 Прямо въ сердце удружить.
 Но при этомъ не забыть
 Нападеніе отразить.
 Если будетъ наступать
 Не робѣть, атаковать.
 Вздумаетъ же утекать,
 Шагъ впередъ и доканать.
 Если будетъ нападать,
 Чтобы справа поражать,
 Отъ себя, и не зѣвать—
 Съ поворотомъ посылать.
 А захочетъ онъ шутить,
 Слѣва другу удружить,
 Къ себѣ живо отбивать,
 И проворно отвѣчать.
 Обманъ вздумаетъ задать,
 Круговой не забывать.
 А захочетъ онъ сдвинуть
 Надо круговой ужъ брать
 И простой не забывать
 Будетъ низко посылать
 Внизъ къ себѣ и не зѣвать
 Руку выше удержать.
 Въ заключеніе сказать,
 Какъ другаго обучать:
 Знай всегда какъ отвѣчать
 И старайся замѣчать
 Какъ ошибки исправлять,
 Не серчать и не ворчать,
 Разъ хоть двадцать повторять
 Да успѣха ожидать.

Сообщено П. Я. Дашковымъ.

С М Ъ С Ъ.

АВА ДУХОВНЫХЪ юбилей. Прошлый годъ былъ особенно богатъ юбилеями. Занося на страницы нашего изданія описаніе тѣхъ юбилеевъ, которые имѣли историческое значеніе, мы не успѣли еще упомянуть о двухъ важныхъ годовщинахъ, хотя и не сопровождавшихся празднованіемъ и торжествами. Въ послѣднихъ числахъ декабря исполнилось пятьсотъ лѣтъ со времени открытія епископской каѳедры въ Перми. Исторія этой каѳедры въ то же время и исторія мирнаго утвержденія вліянія московскаго государства въ Соль-Вычегодскомъ краѣ, населенномъ зырянами, прежними данниками Новгорода. Изъ этого края московское вліяніе и московская власть постепенно охватили и весь сѣверо-восточный край Россіи, до поселеній вогуловъ и остяковъ. Учрежденіе пермской каѳедры неразрывно связано съ именемъ Стефана Пермскаго. Стефанъ родился въ г. Устюгѣ, между 1335—1340 годами. Способность къ ученію и нравственныя качества отличали его съ младенчества; когда же, въ 1365 г., поступилъ онъ монахомъ въ ростовскій монастырь Григорія Богослова, иначе называемый «Затворъ», то обратилъ на себя подвижническою жизнью всеобщее вниманіе. Въ это время онъ началъ уже подготавливаться къ апостольской дѣятельности въ Перми: научился пермскому языку, изобрѣлъ пермскій алфавитъ и перевелъ русскія священныя книги на языкъ пермскій, для чего основательно изучилъ и греческій языкъ. Въ 1379 году, Стефанъ, получивъ отъ коломенскаго епископа Герасима благословеніе на проповѣдь ученія Христа въ средѣ вычегодскихъ зырянъ, отправился къ нимъ и проповѣдывалъ четыре года въ краѣ съ полнымъ успѣхомъ, преодолюва козни язычниковъ, уничтожая кумиры и распространяя вновь переведенныя (прежнія сгорѣли во время пожара въ Ростовѣ) на пермскій языкъ священныя книги. Въ концѣ 1383 года, когда паства Стефана дошла до семисотъ человѣкъ, она убѣдила его отправиться въ Москву, просить себѣ епископа. Митрополитъ же Пименъ, вмѣстѣ съ великимъ княземъ Димитріемъ Донскимъ, рѣшили сдѣлать Стефана епископомъ Пермскимъ. Отъ этого вліяніе Москвы проникло на весь сѣверо-востокъ Россіи: двинская, вятская земли, вскорѣ послѣ кончины Стефана, 26 апрѣля 1396 года, присоединились къ московскому великому княжеству. За свою апостольскую дѣятельность

въ Перми, Стефанъ признанъ святымъ. Мощи его лежать въ Московскомъ Кремлѣ, въ церкви Спаса на Бору. Русская исторія сохранила о немъ память, какъ о великомъ подвижникѣ русской церкви, какъ объ одномъ изъ собирателей русской земли.

— Другой, трехсотлѣтній юбилей также просвѣтителя полудикихъ инородцевъ, преподобнаго Трифона, исполнился 15 декабря, въ день его кончины въ 1583 году. Онъ извѣстенъ какъ пастырь лопарей и основатель Печенгскаго монастыря въ Архангельской губерніи, Кольскаго уѣзда. Этотъ монастырь находился въ Печенгской губѣ Сѣвернаго океана, подъ 69½° с. ш. и въ XVI столѣтіи производилъ значительную морскую торговлю. Трифонъ, основатель монастыря, родился въ 1485 году въ предѣлахъ Новгородской губерніи, близъ города Торжка, а умеръ въ основанномъ имъ монастырѣ, гдѣ почитается въ настоящее время, въ приходской церкви, находящейся на мѣстѣ бывшаго монастыря. Въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ онъ удалился въ поморье Сѣвернаго океана, на рѣку Печеру, гдѣ обитало племя язычниковъ лопарей. Тогда во всей странѣ, занимавшей площадь въ 500 верстъ въ длину и почти столько же въ ширину, только въ городѣ Колѣ была часовня, церковей же нигдѣ не было. Не мало лѣтъ трудился Трифонъ на берегахъ рѣкъ Печенги и Позрѣйки, проповѣдуя и обращая лопарей въ христіанство. Обитель Трифона сдѣлалась главнымъ разсадникомъ просвѣщенія на далекомъ сѣверѣ. Иванъ Грозный далъ особую грамоту Трифону на владѣніе окрестными землями и водами. Грамота эта найдена только теперь; она помѣчена 1556 годомъ. Трифонъ основалъ въ Варангерскомъ поморѣ и на Мурманѣ рыболовство, звѣроловство, ловлю устрицъ, соляныя варницы, лѣсные дворы, мельницы, разные заводы и промышленныя суда. Вслѣдствіе этого, стали приходить въ Печенгскую гавань иностранныя корабли съ товарами, которые получались въ обмѣнъ производства монастырскихъ промысловъ. Кромѣ иноковъ, обывателей, слугъ и дѣтей, въ монастырѣ жили лопари, мельники, разные мастера и звѣроловы. Монастырскія ладьи грузились въ варангерскихъ гаваняхъ не только произведеніями домашнихъ промысловъ, но и нѣмецкими товарами, получаемыми на печенгскомъ торжкѣ, и торговали въ датскихъ заливахъ и далѣе. Монастырская экономія отпускала ежегодно во внутрь Россіи до 40 тысячъ пудовъ соли. Сбытъ товаровъ производился во всѣхъ попутныхъ городахъ, начиная съ Архангельска до Вологды и Ярославля. Нѣкоторые грузы достигали даже Москвы. Такія операціи монастыря потребовали устройства складовъ на всѣхъ главныхъ пунктахъ торговаго пути. Но быстрое развитіе русскаго торговаго мореходства на сѣверѣ не нравилось шведамъ и норвежцамъ. Въ 1590 году, т. е. черезъ 7 лѣтъ по смерти Трифона, въ день Рождества Христова, шведы и норвежцы напали на обитель и избili въ ней молящихся: 51 человекъ братіи, 65 послушниковъ, всего 116 человекъ были изрублены, а самый монастырь сожженъ. Въ 1617 году, при заключеніи столбовскаго мира, шведы успѣли завладѣть русскими землями и захватили земли, пожалованныя печенгскому монастырю. Въ 1826 году, въ мирное время, тамъ отмежеваны были имъ наши лучшіе, не замерзающіе заливы: Невденскій, Позрѣцкій и Ровдинскій, съ окрестными землями, на которыхъ жили православные лопари. Въ 1844 году вся эта земля окончательно уступлена Швеціи. Въ настоящее время возникла мысль возстановить Печенгскій монастырь. Съ этою цѣлью въ Архангельскѣ образовался комитетъ, который дѣятельно работаетъ по этому вопросу.

Памятникъ Пушкину въ Кишиневѣ. Въ этомъ городѣ, еще въ концѣ прошлаго года, проходила установка бюста А. С. Пушкина въ городскомъ саду. На площадкѣ, на которую ведутъ три гранитныя ступеньки, установлена высокая колонна изъ отшлифованнаго темнаго гранита, и на ней красуется бюстъ великаго поэта, изображеннаго съ обнаженной головою и съ какинутаго на плечи плащемъ. На лицевой сторонѣ колонны, обращенной внутрь сада, надпись золотыми буквами:

« П У Ш К И Н У

26 мая 1884 года».

На противоположной сторонѣ надпись:

«Здѣсь, лирой сѣверной пустыни оглашая, скитался я...

«1820, 1821, 1822, 1823».

Послѣ установки, бюстъ былъ закрытъ краснымъ сукномъ, такъ какъ открытіе откладывается до дня годовщины рожденія великаго поэта—26 мая 1884 года; до того же времени, памятникъ будетъ закрытъ деревяннымъ балаганомъ.

Новооткрытая драма XVIII вѣка. Въ послѣднемъ засѣданіи Общества любителей древней письменности, И. В. Помяловскій сдѣлалъ сообщеніе о рукописи принесенной въ даръ обществу М. И. Петровскимъ. По словамъ г. Помяловскаго, эта рукопись относится къ концу XVII или началу XVIII столѣтія; она представляетъ интересный образчикъ латино-польскихъ драмъ того времени. На первомъ листѣ рукописи написано заглавіе пьесы: *Bela, Russiae princeps spectabilissimus*. Изъ самаго же текста видно, что Бела, играющій въ драмѣ главную роль, князь венгерскій, сынъ Ладислава и двоюродный внукъ царя Стефана. Общая канва содержанія взята изъ разсказа Дугуша, 1032 года, о помощи, которую оказали Польшѣ въ походѣ на поморянъ три венгерскихъ царевича—Бела, Андрей и Леванта. По своей формѣ, пьеса представляетъ драму, написанную согласно всѣмъ требованіямъ теоріи, и изложенную довольно плавною латинскою рѣчью, соблюдающею правила просодіи и метрики. Особенность этой рѣчи—ея шаблонность; того, что называется стилемъ, у автора не замѣтно и его языкъ очевидно, для него мертвый, усвоенный имъ теоретически. Не смотря на поиски, не удалось розыскать имени автора пьесы и того, издана она или нѣтъ.

Памятникъ великой княгинѣ Александрѣ Павловнѣ. Въ десяти верстахъ отъ Буда-Пешта, по старой вѣнской дорогѣ, среди отлогихъ возвышенностей, покрытыхъ виноградниками, раскинулась небольшая деревушка Иромъ, мѣсто погребенія великой княгини Александры Павловны, бывшей палатини венгерской. Эта деревушка принадлежит эрцгерцогу Іосифу, сыну покойнаго палатина Іосифа, бывшаго супругомъ великой княгини. Живописное положеніе этой мѣстности очень пришлося покойной палатинѣ и она думала устроить здѣсь лѣтнюю резиденцію. При вѣздѣ въ деревушку, среди незапѣливаго садика, устроенъ императорскій надгробный храмъ, прочно сложенный изъ цѣльныхъ цоколей мѣстной каменоломни. Снаружи онъ имѣетъ видъ продолговатаго четырехъ-угольника, а внутри форму правильного овала, съ невысокимъ сводомъ. Подъ поломъ находится склепъ, въ которомъ на каменномъ пьедесталѣ поставленъ гробъ съ останками великой княгини, съ бархатнымъ покровомъ. На восточной сторонѣ склепа крестъ, съ надписью: «Во имя пресвятыя, животворящія и нераздѣльной Троицы воздвигнулся сей св. крестъ, по благоизволенію его императорскаго величества благочестивѣйшаго императора всероссійскаго Александра I, по благоугодному обѣту и горячѣйшей любви его императорскаго высочества венгерскаго палатина Іосифа къ блаженной и вѣчно-достойной памяти своей вселюбивѣйшей супругѣ, ея императорскому высочеству великой княгинѣ Александрѣ Павловнѣ, эрцгерцогинѣ австрійской, на созиданіе православной греко-россійской церкви, во имя св. и праведнаго Іосифа и св. мученицы царицы Александры, въ которой гробъ ея высочества долженствуетъ препочить навсегда. Священный сей обрядъ совершалъ 1801 года, м. іюня 19 дня, въ присутствіи его превосходительства г. камергера и кавалера Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостола, отправляющаго должность россійскаго министра при императорскомъ вѣнскомъ дворѣ, духовникъ Андрей Самборскій. Первый четвероугольный средо-

стѣнный камень въ христіанскомъ единодушїи положили: превосходительный г. Муравьевъ-Апостоль, г. обергофмейстеръ сіятельный графъ Сапари и пречестный препозитъ оберъ-духовникъ придворный А. Самборскій. Гробъ съ останками великой княгини перенесенъ сюда только въ 1803 году. Въ 1838 году, храмъ обновленъ, украшенъ и вновь освященъ. Въ 1879 году, по повелѣнію эрцгерцога Іосифа, снова совершено обновленіе иромскаго храма: онъ былъ ремонтированъ и покрашенъ. Но не смотря на это, скоро оказалось необходимымъ полное и всестороннее его обновленіе, и въ прошломъ году, когда исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія покойной великой княгини, настоятель иромскаго храма ходатайствовалъ въ Петербургѣ о необходимости обновленія императорскаго надгробнаго храма ко дню юбилейнаго поминовенія почивающей въ немъ великой княгини. Его Величество пожертвовалъ для иромскаго храма новый иконостасъ въ рѣзной дубовой рамкѣ, церковныя облаченія и другіе предметы церковной утвари. Эрцгерцогъ Іосифъ обѣщалъ лично присутствовать при торжествѣ возобновленія храма, но обстоятельства помѣшали этому. Ко дню столѣтней годовщины прибылъ изъ Штутгарта протоіерей Базаровъ, члены русскаго посольства въ Вѣнѣ и генеральнаго консульства въ Буда-Пештѣ. Масса народа окружала храмъ, за неимѣніемъ достаточнаго мѣста внутри его. Православные сербы изъ ближайшихъ деревень вереницею стремились къ церкви. Былъ приглашенъ хоръ пѣвчихъ сербской православной церкви въ Буда-Пештѣ. Этимъ обновленіемъ иромской церкви благолѣпіе ея обезпечено на многія десятилѣтія. При иромскомъ храмѣ, въ періодъ его 82-лѣтняго существованія, было 11 настоятелей. Продолжительнѣе всѣхъ (около 20 лѣтъ) служилъ здѣсь протоіерей Войтковскій, нынѣшній профессоръ новороссійскаго университета. Въ церковной оградѣ на правой сторонѣ, за тотъ же періодъ времени, успѣло образоваться и русское кладбище. Здѣсь погребены: протоіерей, іеромонахъ, священники, псаломщики, діаконъ, прослужившій здѣсь около 33 лѣтъ, и нѣсколько членовъ семействъ священниковъ и церковнослужителей.

Столѣтіе Мраморнаго дворца. Екатерина II воздвигнула этотъ дворецъ для графа Григорія Григорьевича Орлова. Тринадцать лѣтъ продолжалась постройка Мраморнаго дворца по проекту архитектора Гваренти, пока, наконецъ, не была окончена въ 1783 году. Но графъ Орловъ не дожидъ до той минуты, когда принялъ бы этотъ высочайшій подарокъ, на которомъ, по повелѣнію императрицы, была выбита надпись: «Зданіе благодарности», и умеръ не переѣхавъ во дворецъ. Впослѣдствіи, Екатерина Великая купила этотъ домъ у наслѣдниковъ Орлова и передала его въ казну. Григорій Орловъ, какъ извѣстно, оказалъ дѣятельное содѣйствіе вступленію на престолъ Екатерины II и былъ самымъ приближеннымъ къ ней лицомъ. За пожалованный дворецъ Орловъ поднесъ императрицѣ знаменитый брилліантъ, которымъ украшенъ императорскій скипетръ. Кромѣ того, Орловъ, въ благодарность за полученный подарокъ, выстроилъ на свой счетъ въ Петербургѣ арсеналъ, то зданіе, въ которомъ въ настоящее время находится судебныя мѣста. Мраморный дворецъ остается до настоящаго времени единственнымъ въ своемъ родѣ зданіемъ; въ немъ, кромѣ штучныхъ половъ и дверей, все прочее сдѣлано изъ мрамора, бронзы и желѣза, а кровли обиты мѣдными листами. Нижній этажъ его весь облицованъ тесанымъ дикимъ камнемъ, а верхніе два — полированными разноцвѣтными финляндскимъ и сибирскимъ мраморомъ, изъ котораго сдѣланы и карнизы. Во всѣхъ окнахъ вставлены были, тогда составлявшія большую рѣдкость, зеркальныя стекла въ бронзовыхъ вызолоченныхъ рамахъ; такія-же рѣшетки были сдѣланы и на большихъ балконахъ. Карнизы украшены вазами, урнами и другими мраморными фигурами. Внутреннее убранство комнатъ отличалось роскошью, богатствомъ и разнообразіемъ предметовъ, особенно въ среднемъ этажѣ; превосходная живопись, роскошныя драпировки оконъ, отдѣлка стѣнъ, вмѣсто обоевъ, паль-

мовыми барельефами, лапис-лазурью и яшмою, мебель, роскошно вышитая шелками и гарусомъ, дорогія вазы, громадные зеркала, восточныя ванны и множество другихъ предметовъ изумляли посѣтителя. Изъ новыхъ украшеній дворца, заслуживаетъ вниманія оружейная, устроенная въ бывшемъ концертномъ залѣ, гдѣ было собрано множество достопримѣчательныхъ рѣдкостей; кромѣ того, богатая коллекція картинъ и бібліотека, собранная въ царствованіе Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны барономъ Корфомъ и купленная императрицей Екатериной для наслѣдника престола. При Николаѣ I дворецъ принадлежалъ цесаревичу Константину, а послѣ его кончины нѣкоторое время оставался пустымъ и большая часть мебели и вещей перенесены были въ другіе дворцы. Наконецъ, 1832 года, дворецъ назначенъ великому князю Константину Николаевичу и принятъ въ вѣдѣніе департамента уѣзловъ. Во дворцѣ находится небольшая домовая церковь во имя Введенія во храмъ Богородицы; она помѣщается въ нижнемъ этажѣ, въ комнатѣ, имѣющей только три окна, обращенныхъ на набережную Невы. Находящіеся въ ней образа переданы сюда изъ комнатъ цесаревича Константина. Особенно обращаютъ на себя вниманіе два маленькихъ образа, писанные на яшмовыхъ доскахъ и представляющие: Воздвиженіе Креста и князя Владиміра и Ольгу; затѣмъ запрестольный образъ страданій Спасителя, снятіе со креста и образъ Божіей Матери, мозаичной работы. Рядомъ съ дворцомъ находится большой флигель, отдѣленный отъ него площадью въ 25 сажень длины, обнесенный желѣзной рѣшеткой на гранитномъ фундаментѣ. Въ немъ находится манежъ, службы и квартиры служащихъ при дворцѣ.

Четырехсотлѣтняя годовщина Цвингли. Вся протестантская Швейцарія отпраздновала съ большою торжественностью четырехсотлѣтнюю годовщину рожденія Цвингли. Во всѣхъ церквахъ говорились на эту тему проповѣди, читались рѣчи для взрослыхъ и дѣтей, пѣлись релігиозныя и національныя пѣсни, а также пѣсни, сочиненныя и переложенныя на музыку самими Цвингли. Особенно выдавалось празднество у «камня Цвингли», близъ Капеля, гдѣ Цвингли умеръ геройской смертію въ борьбѣ за свое дѣло. Въ Цюрихѣ празднество происходило въ концертной залѣ. Академическое празднество состоялось въ залѣ университета, гдѣ Швейцерь произнесъ рѣчь, въ которой провелъ параллель между Лютеромъ и Цвингли. Изъ Германіи, Нидерландовъ и Шотландіи присланы поздравленія. Во всѣхъ проповѣдяхъ и рефератахъ Цвингли выставляется не только реформаторомъ, организовавшимъ церковь на демократическомъ основаніи, но также великимъ патріотомъ и государственнымъ мужемъ, идеаломъ котораго было сильное союзное государство. Менѣе счастливый чѣмъ Лютеръ, Цвингли не прославился подобно ему, хотя превосходилъ реформатора логической послѣдовательностью ученія. Правда, дѣятельность его была непродолжительна и условія, при которыхъ проявлялась она, были другія, но теоретическая часть его ученія гораздо систематичнѣе. На поприщѣ проповѣдника Цвингли выступилъ въ 1506 году, по окончаніи ученія въ Бернѣ, Базелѣ и въ вѣнскомъ университетѣ, курсъ котораго далеко не удовлетворилъ его; по возвращеніи въ отечество, молодой ученый основательно изучилъ греческій языкъ и творенія гуманистовъ, продолжая заниматься изслѣдованіемъ священнаго писанія по греческому тексту. Въ 1512 и 1515 годахъ, онъ сдѣлалъ два похода съ наемными швейцарцами въ качествѣ полкового священника. Проповѣди Цвингли въ это время были полны скорби и гнѣва. Въ 1516 году, Цвингли былъ священникомъ въ аббатствѣ Эйнзидельскомъ. Здѣсь началась его реформатская дѣятельность: онъ прямо говорилъ многочисленнымъ пилигримамъ, что прощеніе грѣховъ достигается не паломничествомъ и обѣтами, а исправленіемъ жизни и покаяніемъ, причѣмъ совѣтовалъ призывать въ часъ смерти только Христа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ въ частныхъ разговорахъ съ сановниками церкви и въ письмахъ къ нимъ высказывалъ мысли о неотложности цер-

ковной реформы, но видя безуспѣшность своихъ усилій, открылъ въ 1519 году кампанію противъ католицизма рядомъ проповѣдей въ Цюрихѣ, въ которыхъ говорилъ не только противъ суевѣрія, лицемерія, упадка нравственности и злоупотребленій церкви, но и противъ разврата, жалуясь на упадокъ швейцарской чести. Римская курія была особенно недовольна тѣмъ, что Цвингли отговаривалъ швейцарцевъ отъ поступленія въ службу папы. Папскій легатъ возбудилъ противъ него гоненіе, но цюрихскій совѣтъ отстоялъ проповѣдника, объявивъ, что всѣ духовныя лица имѣютъ право разъяснять евангеліе согласно съ духомъ священнаго писанія. Ободренный Цвингли сталъ проповѣдовать противъ обязательности постовъ и безбрачія духовенства и наконецъ предложилъ публичный диспутъ своимъ противникамъ, выставивъ 67 тезисовъ, сущность которыхъ заключается въ томъ, что они исключаютъ изъ области церковнаго устройства и религіи все, что не можетъ быть доказано на основаніи священнаго писанія. Противники Цвингли были поражены на этомъ диспутѣ и цюрихскій совѣтъ предоставилъ какъ побѣдителю, такъ и другимъ духовнымъ, право свободы проповѣди. Такимъ образомъ въ богослуженіе былъ введенъ отечественный языкъ вмѣсто латинскаго, доходы монастырей обращены на дѣло народнаго образованія; безбрачіе духовенства отмѣнено и причащеніе признано подъ обоими видами. Ученіе это вскорѣ распространилось среди крестьянскаго населенія кантоновъ. Между тѣмъ Цвингли готовилъ новый ударъ: онъ желалъ придать большимъ кантонамъ значеніе, соотвѣтствующее ихъ пространству, богатству и населенію. Эта часть программы реформатора и была главною причиною ненависти католическихъ и древнихъ кантоновъ, которые наконецъ восторжествовали, съ одной стороны потому, что союзники Цюриха дѣйствовали робко и неединодушно, а съ другой потому, что Германія не дала ему помощи, такъ какъ Лютеръ, разойдясь окончательно съ швейцарскимъ реформаторомъ на марбургскихъ засѣданіяхъ, былъ противъ него. Цвингли палъ съ оружіемъ въ рукахъ въ сраженіи при Каппель въ 1531 году. Обстоятельства помѣшали ему довести свою реформу до конца.

† Въ Одессѣ умеръ, на 58-мъ году, талантливый русскій публицистъ **Ростиславъ Андреевичъ Фадѣевъ**. Служебная карьера его неблистательна. Произведенный въ офицеры, въ 1842 году, онъ въ 1864 году былъ генераломъ, но военными подвигами не прославился. Воевалъ онъ всю жизнь на бумагѣ — и на попринцѣ публициста кампаніи его были весьма замѣчательны, хотя онъ сражался за дѣло, которому не сочувствовало общественное мнѣніе. Во время послѣдней кавказской войны онъ былъ близкимъ лицомъ къ князю Барятинскому и его «Письма о Кавказѣ», большой трудъ «Вооруженныя силы Россіи» и разныя военныя статьи обратили на него вниманіе какъ по содержанію, доказывавшему глубокое знаніе авторомъ военнаго дѣла, такъ и по блестящему слогу, какимъ онъ были изложены. Но не эти спеціальныя статьи доставили ему извѣстность здѣсь и за-границей. Въ газетѣ «Русскій Міръ», 1874 года, издававшейся его сподвижникомъ, г. Черняевымъ, появился, подъ названіемъ «Чѣмъ намъ быть», рядъ статей, возбудившихъ вниманіе всей читающей и мыслящей публики. На вопросъ, поставленный въ заголовкѣ своихъ статей, авторъ почти прямо отвѣчалъ: намъ, то-есть представителямъ интеллигенціи общества, надо быть — консерваторами, ландлордами, крупными землевладѣльцами, всѣмъ остальнымъ — фермерами, арендаторами, батраками. Этому мнѣнію, высказанному категорически, защищаемому съ горячностью и несомнѣннымъ діалектическимъ талантомъ, Фадѣевъ остался вѣренъ всю свою жизнь, былъ Демосоеномъ, Ваяномъ, консервативной партіи, поддерживалъ ее всею силою своего краснорѣчія, всѣми мѣрами пропагандировалъ ея ученіе. Переработавъ свою статью въ книгу, изданную подъ названіемъ «Русское общество въ настоящемъ и будущемъ», онъ, въ видъ возрожденія своей партіи, издалъ за-границей, въ 1881 году, «Письма о со-

временномъ состояніи Россіи», гдѣ тѣ же идеи проводятся съ болѣе рѣзкою аргументаціей, съ неменѣ блестящею діалектикою. Эти замѣчательныя качества его труда особенно выдаются въ критической части его сочиненія. Рѣдко кому удавалось такими рѣзкими и, вмѣстѣ съ тѣмъ, правдивыми чертами отмѣчать темныя стороны нашего общества, обнаруживать его грѣхи, ошибки, заблужденія. Въ этомъ отношеніи трудно было возражать даровитому обличителю общественныхъ язвъ, но какъ только онъ начиналъ предполагать средства для излеченія этихъ язвъ: соединеніе въ рукахъ многихъ избранныхъ аристократовъ—владѣнія земельными богатствами Россіи, просвѣщеніе — только для привилегированныхъ классовъ, обращеніе крестьянъ, систему ландлордства — здравый смыслъ истинно русскихъ людей отворачивался и отъ цѣлителя язвъ и отъ предлагаемаго имъ лекарства. Хотя книга Фадѣева разрѣшена была къ обращенію, но на нее отвѣчали также за-границей — Ю. О. Самаринъ и О. М. Дмитріевъ. Первый особенно мѣтко называлъ программу Фадѣева и его партіи «революціоннымъ консерватизмомъ», обращеннымъ «въ стѣннитное орудіе противъ свободы живого духа». Возраженія, хотя и славянофильскихъ публицистовъ, разрушили въ концѣ систему консерваторовъ, оставшихся недовольными Фадѣевымъ за то, что онъ слишкомъ открыто и прямо разоблачилъ всю теорію партіи, всѣ ея тайныя надежды и замыслы. Въ послѣднее время Фадѣевъ какъ-то ступевался и огустѣлся. Онъ умеръ ничего не достигнувъ какъ ничего не достигъ и прежде въ Сербіи и даже въ Египтѣ, куда также отправлялся неизвѣстно зачѣмъ, можетъ быть не довольный тѣмъ, что на родинѣ заслугамъ его не отдають должной справедливости. Во всякомъ случаѣ, это былъ замѣчательный публицистъ, направленію котораго нельзя было сочувствовать, но въ которомъ нельзя было не признать крупнаго дарованія.

† Въ клиникѣ Боткина отъ грудной болѣзни умеръ 37-ми лѣтъ, поэтъ и критикъ **Дмитрій Николаевичъ Садовниковъ**. Родился онъ въ Симбирскѣ и получилъ образованіе въ симбирской-же гимназіи, но не кончилъ курса и получилъ только дипломъ домашняго учителя. Впрочемъ, съ 23-хъ лѣтъ онъ уже не занимался уроками. Чрезвычайно способный и трудолюбивый, онъ собственными силами наверсталъ пробѣлы въ своемъ образованіи. Онъ свободно читалъ по-французски, по-итальянски, по-англійски, менѣе свободно по-нѣмецки, и отличался основательнымъ знакомствомъ съ произведеніями лучшихъ представителей англійской и французской поэзіи и литературы, и большою начитанностью. Литературою онъ началъ заниматься десять лѣтъ тому назадъ, въ качествѣ лирическаго поэта. Его пѣсни о Стенькѣ Разинѣ,—основанныя на народныхъ преданіяхъ, собранныхъ имъ на мѣстѣ, — на Волгѣ, которую онъ горячо любилъ, одни изъ лучшихъ его произведеній. Кромѣ того, онъ былъ блестящимъ переводчикомъ поэтическихъ произведеній. Стихотворенія Д. Садовникова разбросаны во множествѣ нашихъ современныхъ изданій (болѣе, чѣмъ въ 35)—и въ толстыхъ журналахъ, и въ иллюстрированныхъ листкахъ. Лучшія помѣщены въ «Вѣстникѣ Европы», «Еженедѣльномъ Новомъ Времени», «Литературномъ журналѣ» (подъ псевдонимомъ Жанристъ). Въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1883 годъ онъ помѣстилъ прекрасный трудъ «Отзывы современниковъ о Пушкинѣ». Съ прошлаго года, онъ началъ вести литературно-критическій отдѣлъ во вновь родившемся журналѣ «Искусство». Здѣсь, подъ псевдонимомъ Д. Волжанова, онъ напечаталъ рядъ удачныхъ критическихъ этюдовъ о современныхъ нашихъ поэтахъ. Сверхъ того, онъ былъ ревностнымъ собирателемъ народныхъ сказокъ, пѣсенъ, пословицъ и проч. Большой томъ его сборника скоро выйдетъ въ печати, въ «Запискахъ» императорскаго русскаго географическаго общества. Смерть застала его, когда онъ уже кончилъ корректуру послѣднихъ листовъ этого сборника. Ближайшею своею задачею, онъ считалъ работу надъ этюдами о Тургеневѣ и воспоминаніями о немъ, назначавшимися

для «Искусства» и печатаніе переписки покойнаго поэта Языкова, отысканной имъ въ Симбирскѣ, а также составленіе его біографіи. Послѣ его смерти весь этотъ цѣнный матеріалъ находится въ рукахъ Я. П. Полонскаго, которому Д. Н. Садовниковъ передалъ его на храненіе.

† 26-го декабря умеръ отъ разрыва сердца другой даровитый поэтъ **Иннонентій Василевичъ Ѳедоровъ**, писавшій подъ псевдонимомъ **Омулевскій**. Умеръ онъ 47-ми лѣтъ, оставивъ жену и трехъ маленькихъ дѣтей — 5, 3 и 1 года. На литературное поприще Омулевскій выступилъ въ 1861 году въ «Современникѣ», гдѣ печатались его мелкія стихотворенія; затѣмъ сотрудничалъ долгое время въ «Русскомъ Словѣ» и потомъ въ «Дѣлѣ»; въ послѣднемъ журналѣ былъ помѣщенъ его замѣчательный романъ «Шагъ за шагомъ». Кромѣ того, онъ помѣщалъ свои стихотворенія, оригинальныя и переводныя, въ «Искрѣ» и другихъ изданіяхъ, а въ послѣднее время — въ «Восточномъ Обзорѣ» и «Наблюдателѣ». Литературная дѣятельность Омулевскаго, посвященная, въ послѣднее время, исключительно поэзіи, не могла, конечно, давать ея автору достаточныхъ средствъ къ жизни, поэтому онъ и его семья вынуждены были проживать среди постоянныхъ лишеній и бѣдности. Эта бѣдность доходила до того, что покойный не имѣлъ возможности, въ послѣдніе мѣсяцы жизни, выйти изъ квартиры: все его носильное платье было заложено и продано. Нѣсколько недѣль назадъ, по взысканію въ 90 руб., явился въ квартиру Омулевскаго судебный приставъ для описи имущества и описалъ все, что только было въ убогихъ двухъ комнаткахъ этой квартиры. Оказалось, что все имущество, принадлежащее покойному, стоитъ только шесть рублей. Когда онъ умеръ, не нашлось бѣлья, въ которое можно было бы одѣть его. Такъ умеръ даровитый писатель, проработавшій двадцать три года. Его стихотворенія—«Пѣсни жизни» вышли въ свѣтъ въ октябрѣ 1883 года, въ нихъ собраны стихотворныя произведенія поэта—оригиналы и переводы. Книга эта успѣха не имѣла. Романъ же его «Шагъ за шагомъ», разѣ изданный и давно уже разошедшійся въ продажѣ, не могъ быть изданъ вновь — по обстоятельствамъ, независимымъ отъ автора и отъ его издателя, г. Иванова. Покойный никому и никогда не жаловался на свое бѣдственное положеніе и даже тщательно всегда скрывалъ это положеніе отъ людей близкихъ. Ѳедоровъ былъ сибирякъ, родился въ Камчаткѣ, въ петропавловскомъ портѣ, учился въ Иркутскѣ и, пріѣхавъ въ Петербургъ, сразу вступилъ на литературное поприще. Онъ былъ, въ особенности, хорошимъ переводчикъ и ему литература обязана превосходными переводами изъ «Сырокомли».

† Въ Ревелѣ скончался членъ мѣстной таможни, баронъ **Михаилъ Осиповичъ Косинскій**. Это былъ честнѣйшій труженикъ, въ лучшемъ значеніи этого слова. Дѣлать добро составляло для него высшее наслажденіе. Собственно служебная карьера, въ которой его застигла смерть, была случайнымъ событіемъ въ его жизни. По призванію, по дѣятельности всей жизни, онъ былъ истымъ педагогомъ. Окончивъ курсъ наукъ въ военной инженерной академіи, въ 1850 году, онъ вскорѣ же вышелъ въ отставку и занялъ мѣсто учителя географіи въ Смольномъ институтѣ. Еще бывши въ академіи основалъ онъ первую въ Петербургѣ «таврическую школу бесплатнаго обученія», и сталъ въ ней однимъ изъ главныхъ дѣятелей. Эта школа послужила первообразомъ для учрежденнаго при вольно-экономическомъ обществѣ комитета грамотности, и тутъ Косинскій, съ обычною ему горячностью и сердечностью, служилъ задачамъ этого комитета, между прочимъ, усердно занимаясь въ состоявшейся тогда при комитетѣ, первой на Руси, школѣ сельскихъ учителей. Въ 60-хъ же годахъ, Косинскій былъ инспекторомъ андреевскихъ педагогическихъ курсовъ, положившихъ начало первой земской учительской семинаріи. Въ дѣлѣ народнаго учительства, имя Косинскаго приобрѣло авторитетъ, и новгородская земская управа пригласила его къ организаціи учительской семинаріи; дѣлу этому онъ предался съ такимъ самоотверженіемъ,

что, благодаря его умѣлому руководителству, въ Новгородской губерніи, въ короткій срокъ, возникъ значительный контингентъ хорошо подготовленныхъ сельскихъ учителей. При новомъ составѣ земской управы, дѣятельность Косинскаго, не чуждая нѣкоторыхъ увлеченій педагогическаго свойства, подверглась осужденію и ему пришлось, по неволѣ, разстаться съ дѣломъ, къ которому такъ лежало его, отвычливое къ пользѣ и добру, сердце. Возвратившись въ Петербургъ, онъ поступилъ воспитателемъ малолѣтнихъ преступниковъ, содержавшихся въ тюремномъ замкѣ, и на столько привлекъ къ себѣ персоналъ комитета, что былъ утвержденъ директоромъ, а потомъ былъ избранъ предсѣдателемъ исправительнаго совѣта въ замкѣ. Въ этомъ званіи, открывавшемъ ему большій просторъ для плодотворной дѣятельности, онъ съ замѣчательною энергіей и настойчивостью заботился объ улучшеніи тюремныхъ порядковъ, съ любовью интересовался судьбою малолѣтнихъ преступниковъ, какъ во время ихъ заключенія, такъ равно и по истеченіи срока ихъ судебной кары. Въ этотъ періодъ онъ не зналъ ни отдыха, не останавливался ни передъ какими трудностями, когда дѣло касалось облегченія участи несчастныхъ мальчиковъ. Но судьба опять разрушила всѣ стремленія покойнаго: столкновеніе съ тюремною администраціею вынудило его внезапно покинуть и педагогическую, и благотворительную дѣятельность. Онъ поступилъ для поправленія здоровья на государственную службу по таможенному вѣдомству въ провинцію и, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы на пограничныхъ таможахъ въ Александровѣ и Вержболовѣ, былъ назначенъ, два года тому назадъ, членомъ эстляндской таможни. По своей высокой честности, мягкому, доброму нраву, приобрѣлъ онъ всеобщее уваженіе со стороны всего городского населенія. Не смотря на то, что служебныя обязанности поглощали много времени, онъ и въ Ревелѣ остался вѣренъ себѣ. Досуги свои онъ посвящалъ дѣлу благотворительности, работая въ мѣстныхъ пріютахъ, занимался преподаваніемъ, читалъ публичныя лекціи, и «учительство» не переставало быть его излюбленнымъ занятіемъ. Покойный занимался также литературою вообще, и педагогическою, въ особенности, причѣмъ написалъ не мало прекрасныхъ статей. Онъ умеръ 48-ми лѣтъ, оставивъ послѣ себя, безъ всякихъ средствъ къ жизни, жену и восемь дѣтей, изъ которыхъ большинство малолѣтнихъ.

† Въ декабрѣ прошлаго года, въ посадѣ Клинцахъ, Черниговской губерніи, скончался извѣстный старообрядческій писатель, **Иларіонъ Егоровичъ Кабановъ**, по прозванію Ксеносъ (странникъ). О кончинѣ его упомянула только одна газета; даже въ тѣхъ изданіяхъ, которыя пристально слѣдятъ за событіями изъ старообрядческаго міра, такое крупное событіе, какъ смерть сочинителя «Окружнаго посланія», пройдено молчаніемъ. А, между тѣмъ, «Окружное посланіе» такое важное по послѣдствіямъ и художественное по языку произведеніе, къ которому не можетъ быть равнодушенъ не только старообрядецъ любого согласія, но и никто изъ православныхъ, интересующихся духовнымъ разьединеніемъ русскихъ людей. Въ этомъ сочиненіи рукою старообрядца разъяснены многія особенности нашего обряда и вообще замѣчается, сравнительно, благопріятное настроеніе относительно православной церкви; съ его появленіемъ, та часть старообрядства, которая признаетъ такъ называемую австрійскую іерархію, раздѣлилась на два рѣзко противоположные и взаимно враждебные стана: окружниковъ и противокружниковъ. За это расположеніе къ православной церкви Кабановъ извѣдалъ не мало горя, былъ съ ожесточеніемъ гонимъ и принужденъ удалиться изъ Москвы. Долгое время онъ жилъ въ уединеніи и въ постоянныхъ умственныхъ трудахъ на глотовскихъ постоялыхъ дворахъ, въ Масальскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, потомъ переселился къ старообрядческой часовнѣ въ Калугѣ, и года за два до смерти отправился въ Клинцы, гдѣ умеръ и погребенъ въ старообрядческомъ монастырѣ. Человѣкъ искреннаго и сильнаго

ума, кроткаго и незлобиваго сердца, замѣчательныхъ дарованій, умеръ не примиренный съ церковью.

† Въ Нью-Йоркѣ внезапно скончался, отъ разрыва сердца, пріѣхавшій туда на свиданіе съ братомъ, вождемъ либеральной партіи въ парламентѣ германской имперіи, высоко-даровитый ораторъ и публицистъ Эдуардъ Ласкеръ. Этотъ выдающійся германскій дѣятель былъ сыномъ бѣднаго еврея, занимавшагося торговлею въ Яроцинѣ, въ Познанской провинціи. Онъ родился въ 1829 году и умеръ 54-хъ лѣтъ. Въ бреславскомъ университетѣ онъ слушалъ математическія и юридическія науки. Въ 1858 году переселился въ Берлинъ и поступилъ на службу по судебному вѣдомству; черезъ двѣнадцать лѣтъ вышелъ въ отставку, сдѣлался адвокатомъ и синдикомъ при судной казнѣ. Берлинъ избралъ его, въ 1865 году, депутатомъ въ ландтагъ, гдѣ онъ обратилъ на себя вниманіе краснорѣчіемъ, пылкостью и діалектикой. Позднѣе, онъ былъ представителемъ Магдебурга и Франкфурта-на-Майнѣ въ палатѣ депутатовъ. Въ нынѣшнемъ рейхстагѣ онъ былъ представителемъ либеральнаго круга въ Заальфельдѣ. Онъ основалъ національно-литературную партію. Въ 1873 году, Ласкеръ произнесъ рѣчь противъ учредителей померанской центральной желѣзной дороги, послужившую сигналомъ къ борьбѣ съ «учредительскими» злоупотребленіями. Во всѣхъ конституціонныхъ вопросахъ онъ игралъ выдающуюся роль, и либеральное законодательство послѣднихъ лѣтъ носитъ печать его духа. Ласкеръ былъ самымъ виднымъ парламентскимъ дѣятелемъ Германіи. Въ теченіи пѣлаго двадцатилѣтія онъ принималъ самое живое участіе въ политической жизни Германіи. Всѣмъ своимъ существомъ онъ старался принести пользу политическому развитію Германіи. Его общественная жизнь началась въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ то время, какъ въ Пруссіи началась «новая эра» политической жизни. Его политическія воззрѣнія были изложены въ то время въ нѣсколькихъ газетахъ и обратили на себя всеобщее вниманіе. Когда начался періодъ столкновеній, онъ выступилъ политическимъ ораторомъ въ народныхъ собраніяхъ и разныхъ обществахъ и сдѣлался главою оппозиціи, съ самаго дня своего избранія, въ 1865 году, депутатомъ, до 1879 года; даже его противники признаютъ его дарованія, его краснорѣчіе, благородство его стремленій. Но и онъ дѣлалъ ошибки въ выборѣ средствъ, хотя всегда принадлежалъ къ прогрессивной партіи, энергично борющейся противъ неконституціонныхъ мѣръ министерства. Немудрено, что онъ никогда не пользовался сочувствіемъ Бисмарка. На ряду съ парламентскою дѣятельностью, Эдуардъ Ласкеръ трудился и на литературномъ поприщѣ. Его произведенія не всегда достигали уровня его краснорѣчія, въ особенности, когда онъ удалялся отъ политическихъ вопросовъ. Таково небольшое произведение, появившееся подъ псевдонимомъ: «Erebnisse einer Mannsseele». Но нѣкоторыя изъ его статей о воспитаніи и философскія сочиненія, появлявшіяся въ газетахъ, заслуживаютъ вниманія. Ласкеръ всецѣло посвятилъ себя общественной жизни и при своей слабой комплекціи, подорвалъ свое здоровье непомѣрнымъ трудомъ. Онъ умеръ холостякомъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Для памяти редакціи «Русскаго Архива».

Въ январской книжкѣ «Русскаго Архива, на 1884 годъ, подъ рубрикою «Забытыя стихотворенія», напечатана пѣсня: «Чѣмъ я западъ огорчила», безъ означенія имени автора и съ поправками, измѣняющими отчасти основную тему этой стихотворной шутки. Перепечатка ея въ газетахъ «Новое Время» (5-го января, № 2821) и «Свѣтъ» (6-го января, № 5), свидѣтель-

стствуетъ о вниманіи, которое обратила на себя въ нашей печати эта буквально старая погудка на новый ладъ. Причисляя ее къ стихотвореніямъ забытымъ, «Русскій Архивъ» можетъ быть и правъ, но заимствуя ее, безъ указанія, однакоже, на это, изъ «Русской Старины» (изд. 1880 г. Томъ XXVII, стр. 669—670), редакция могла бы вспомнить имя автора — покойнаго П. А. Каратыгина, не измѣняя произвольно его стихотворенія, не дозволяя себѣ варіантовъ по собственному своему вкусу.

Въ «Русской Старинѣ» напечатано:

«У меня ли всякимъ шмерцамъ
«Не раздольное житье?
«О французахъ ужъ ни слова».

Въ «Русскомъ Архивѣ»:

«О германцахъ ужъ ни слова...»

Но наше простонародье этихъ-то самыхъ германцевъ и называетъ въ насмѣшку шмерцами, иначе, кого же другого разумѣть «Русскій Архивъ» подъ этимъ именемъ?

Далѣе, въ «Русской Старинѣ»:

«И куда ни плюнь — повсюду
«Или нѣмецъ, или французъ!»

Въ «Русскомъ Архивѣ»:

«И куда ни глянь — повсюду
«Или нѣмецъ, или кракусъ...»

Съ какой стати: «кракусъ» (ополченецъ польскихъ мятежниковъ 1831 года)? Если подъ этимъ именемъ «Русскій Архивъ» подразумеваетъ поляковъ вообще, то, помимо исторической ошибки, дѣлаетъ несправедливую нападку. Поляки не садятся на головы русскимъ ни въ службѣ, ни въ ученой, ни въ промышленной сферахъ. Отношенія Россіи къ полякамъ, право, не таковы, чтобы къ нимъ можно было примѣнять предыдущія слова:

«Денегъ я имъ сыплю груды
«На награды не скуплюсь!»

О польской заграничной интригѣ въ пѣснѣ упоминается далѣе:

Въ «Русской Старинѣ»:

«А для нихъ, собакъ, все мало
«Только лаются всегда...»

Тутъ есть аналогія: «лаются, собаки», но «Русскій Архивъ» смягчаетъ рѣзкость выраженія:

«А для нихъ все мало, мало...»

(Р. С.) «Этотъ Западъ, старый песь?»

(Р. А.) «Алчный Западъ, дряхлый песь...»

Можетъ быть въ этомъ видѣ стихъ и выигрышаетъ, но, по нашему крайнему разумію, къ чужимъ, чьимъ бы-то ни было, стихамъ, при ихъ печатаніи, не мѣшаетъ примѣнять слова Пилата: «Иже писахъ, писахъ!»

П. П. Каратыгинъ.

Къ некрологу В. В. Маркова.

Въ некрологѣ В. В. Маркова, напечатанномъ въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», ему ошибочно приписанъ историческій романъ «Курскіе порубежники». Авторъ этого романа — Владиславъ Львовичъ Марковъ, проживающій въ Курской губерніи, не состоялъ даже въ родствѣ съ покойнымъ В. В. Марковымъ.

НАШЪ ВѢКЪ

ОБЩИЙ ОБЗОРЪ ВАЖНѢЙШИХЪ ЯВЛЕНІЙ ВЪ ОБЛАСТИ ИСТОРИИ, ИСКУССТВА, НАУКИ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВТЕЧЕНІЕ ПОСЛѢДНЯГО СТОЛѢТІЯ

ОТТО ФОНЪ-ЛЕЙКСНЕРА

Со множествомъ портретовъ, рисунковъ, автографовъ и другихъ иллюстрацій.

Столѣтній періодъ, начиная съ послѣдней четверти XVIII вѣка и до нашихъ дней, принадлежитъ къ наиболее плодотворнымъ въ исторіи. Со времени Сѣверо-Американской войны за независимость и Французской революціи, въ политической жизни народовъ совершилось много замѣчательныхъ событій: всемірное господство Наполеона и его паденіе, война за освобожденіе, періодъ революцій, американскія войны, памятная Европѣ борьба 1870—1871 годовъ и т. д.

Въ тѣсной связи съ историческимъ ходомъ событій, сдѣлала огромные успѣхи и наука, въ особенности естествовѣдѣніе. Изобрѣтенія ученыхъ переносятся въ практическую жизнь благодаря техникѣ, исполненное развитіе которой стало отличительной чертой нашего времени. Въ искусствѣ и поэзіи также живо проявились новыя стремленія, испытавшія втеченіе столѣтія разнообразныя измѣненія.

Рядомъ съ обстоятельнымъ знакомствомъ со всѣми этими явленіями въ отдѣльности, чувствуется потребность въ такомъ обзорѣ нашего вѣка, который давалъ бы въ ясной, всѣмъ доступной формѣ, общее понятіе о немъ и въ связномъ разсказѣ обнималъ бы политическую и социальную исторію, дѣятельность выдающихся личностей, поэзію, искусство и науку, важнѣйшія завоеванія въ области знанія вообще и въ частности техники, развитіе журналистики и т. д. Въ ученыхъ исторіяхъ культуры нѣтъ недостатка, но сочиненій, предназначенныхъ, подобно настоящему, къ широкому распространенію въ обществѣ, не существуетъ ни въ одной странѣ Европы.

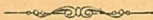
Обширный матеріалъ, естественно, принудилъ автора этого сочиненія исключить вещи, представляющія второстепенный интересъ; но за то имъ не упущено изъ виду ни одного явленія, такъ или иначе благотворно вліявшаго на нравственное развитіе народовъ. Авторъ вездѣ остается поборникомъ здраваго, правильно понимаемаго прогресса. Его выводы вполне независимы тамъ, гдѣ онъ самъ могъ провѣрить ихъ, и вездѣ опираются на неопровержимыя авторитеты.

Особенное вниманіе обращено на иллюстраціи, которыя тщательно исполнены по оригиналамъ знаменитѣйшихъ художниковъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это необходимо, текстъ поясняется чертежами, рисунками машинъ и т. п. Кромѣ того, приложены въ точныхъ снимкахъ музыкальныя и другіе автографы.

Исключительное право перевода и изданія „Нашего Вѣка“ въ Россіи приобрѣтено А. С. Суворинимъ.

Все сочиненіе будетъ состоять приблизительно изъ 60 выпусковъ, каждый отъ 1½ до 2½ листовъ, съ нѣсколькими портретами, рисунками и снимками.

Цѣна cadaго выпуска 35 коп. сер.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „**Новаго Времени**“, Кузнечкій мостъ, домъ Третьякова.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ, или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергія Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 11 — 2

